

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПРИГРАНИЧЬЕ

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ЛЕД

Annotation

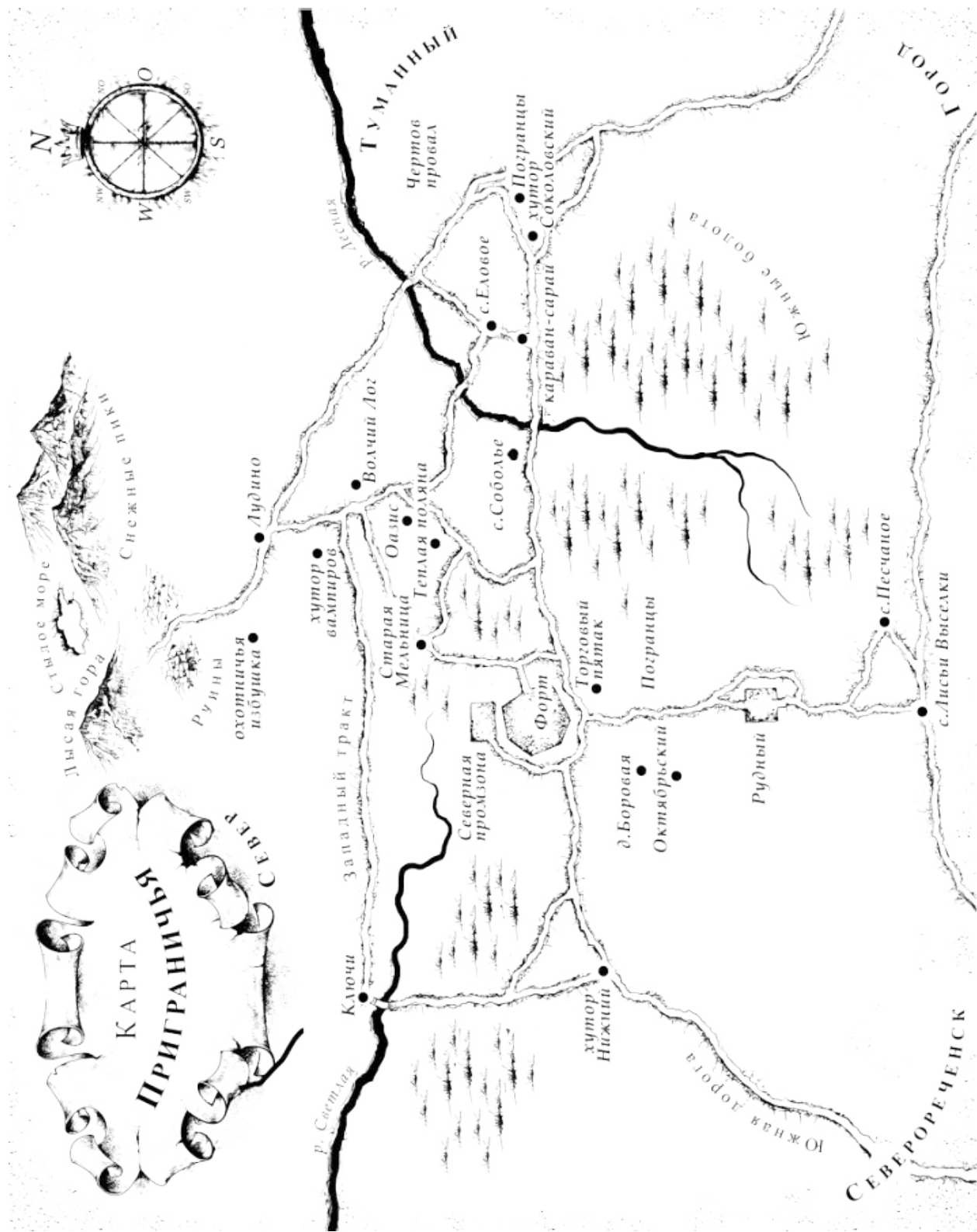
Приграничье — место, уже не принадлежащее нашему миру, но еще не ставшее частью другого. Здесь круглый год царит холод, а в волчьих стаях верховодят оборотни. В этом не самом дружелюбном месте большинство проблем разрешается при помощи свинца и колдовства и даже для того, чтобы просто остаться в живых, приходится прилагать постоянные усилия. А уж когда на тебя объявлена охота...

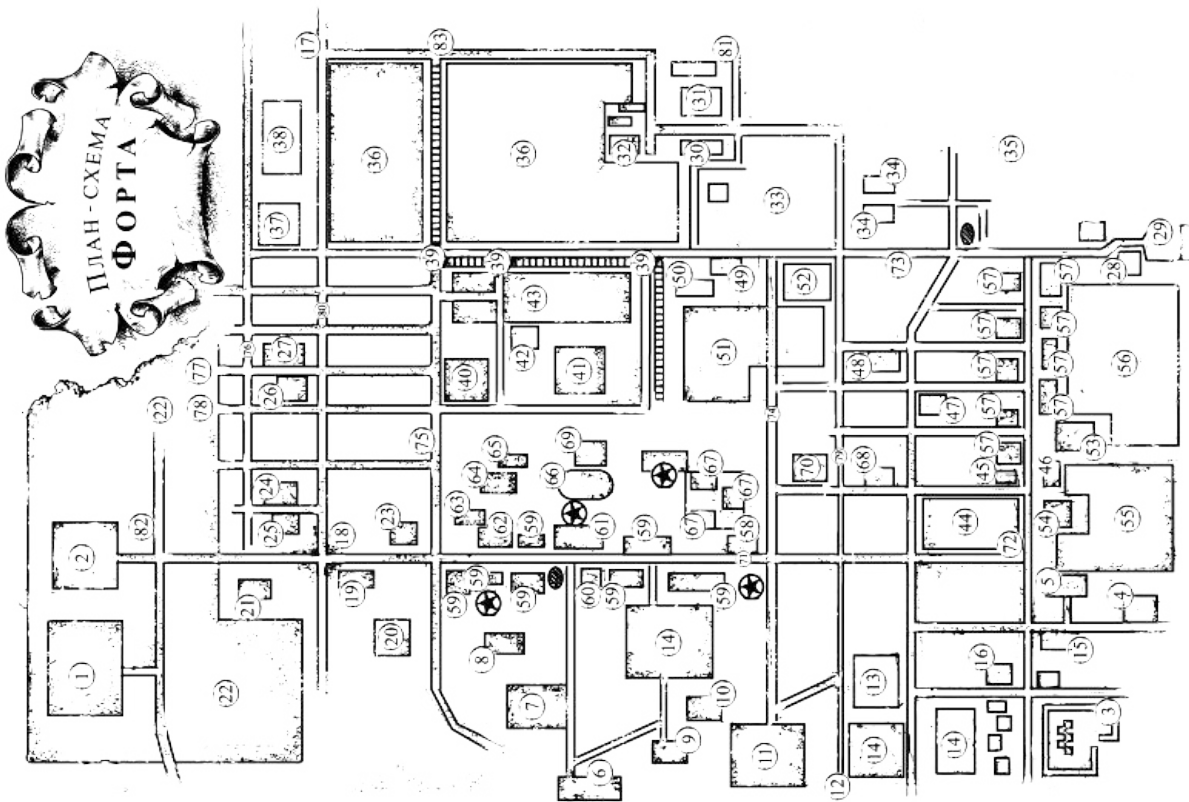
- [Павел Корнев](#)
 - [Карта](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

- [Часть вторая](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
-

Павел Корнев
Лёд

Карта

- 1 гетто "Черный квадрат"
- 2 развалины автотранспортного предприятия
- 3 Пентатон
- 4 штаб-квартира Патруля
- 5 учебка Братства
- 6 Западные ворота
- 7 штаб-квартира Лити
- 8 госпиталь
- 9 ТД "Янус"
- 10 кафе "Весна"
- 11 поселок "Полина"
- 12 теплотрасса
- 13 гаражи
- 14 Развалины
- 15 кафе "Цапля"
- 16 колхозный рынок
- 17 Восточные ворота
- 18 Торговый угол
- 19 прачечная
- 20 гостиница "Таван"
- 21 кафе "Берлога"
- 22 Северная окраина
- 23 доходный дом "Морг"
- 24 доходный дом Хоттабыча
- 25 баня Тимура
- 26 пельменная
- 27 санитарно-эпидемиологическая станция
- 28 комендатура
- 29 Юго-восточные ворота
- 30 часовой завод
- 31 механоремонтный завод
- 32 ДК машиностроителей
- 33 Китай
- 34 общаги
- 35 Эстонские болота
- 36 промзона
- 37 Институт сельхозмашиностроения
- 38 НИИТОЧМАШ
- 39 железнодорожный мост
- 40 Центральное отделение Дружбы
- 41 арсенал
- 42 ТЭЦ

- 43 Гимназия
- 44 Коммуна
- 45 оружейный магазин "Толело"
- 46 салон "Золото вселенной"
- 47 казино "Серебряная подкова"
- 48 штаб-квартира "Несущих свет"
- 49 столовая
- 50 транспортная контора Цеха
- 51 Трушобы
- 52 склады
- 53 ресторан "Сан-Тролеу"
- 54 рынок
- 55 поселок Луково
- 56 Техас
- 57 магазины и развлекательные заведения
- 58 церкви
- 59 офисы и магазины
- 60 бухгалтерская контора Гонго
- 61 площадь Павших
- 62 ангара
- 63 склад Линева
- 64 общага Патруля
- 65 кафе "Реверс"
- 66 Центральный стадион
- 67 Тополя
- 68 медицинское училище
- 69 Центр
- 70 клуб "Три семерки"
- 71 Красный проспект
- 72 Южный бульвар
- 73 проспект Терешковой
- 74 Тополиная аллея
- 75 Кривая
- 76 Жукова
- 77 Мопра
- 78 Вольная
- 79 Севастопольская
- 80 Комсомольская
- 81 Донецкое шоссе
- 82 Автозаводская
- 83 железная дорога

Условные обозначения:

- ⊗ — спуск в "Кишку"
- ⊙ — бошинный рынок

Часть первая

Форт

*Этот мир не ждет гостей,
И детей своих не крестит*

А. и Э. Шклярские

Глава 1

Призрачные серые тени бесшумно скользили по заснеженному полю. В темноте зимней ночи они были практически неразличимы. Начнись небольшая поземка, и даже самый остроглазый и бдительный наблюдатель, как бы ни вглядывался во тьму, ничего не заметит. Но сейчас ветер стих, и когда между рваными краями тяжелых, будто свинцовых, облаков проглядывала идущая на убыль, но еще достаточно яркая луна, становилось ясно, что это не призраки, а создания из плоти и крови. Волки.

Наверное, и бесшумными они были только для меня. Не слышал я ни скрипа наста под лапами, ни тяжелого дыхания, вырывавшегося вместе с паром из раскрытых пастей. Слишком велико до них расстояние, да и ушанка завязана на совесть. Стараясь не делать резких движений, я вытащил руку из меховушки и начал аккуратно пристраивать двустволку на сугробе, надутым ветром у самой опушки леса. Волки бежали не прямо к моему укрытию, но расстояние между нами неуклонно сокращалось. Ну же, еще немного. Кисть, защищенная от тридцатиградусного мороза только тонкой нитяной перчаткой, начала понемногу утрачивать чувствительность. Через пару минут у меня не получится даже нажать на курок. Полчаса в сугробе, казалось, высосали все тепло моего тела. Единственное, чего действительно хотелось, — это очутиться под жарким солнцем где-нибудь на берегу теплого моря. И лежать, просто лежать, впитывая солнечный свет. Впрочем, я бы согласился и на сто граммов водки в кабаке, желательно в каком-нибудь теплом углу.

Но что реальности до моих желаний? Пустые мечты. И все же они отвлекают от мыслей о том, что ветер может подуть в спину и звери учуют мой запах. Тогда мечты о теплом море навсегда останутся мечтами. Руки тем временем сами наводили ружье на последнего из трех волков. Когда цепочка зверей почти достигла опушки леса, я плавно спустил курок. Пуля попала хищнику в бок. Его откинуло в сторону, где он и остался лежать, судорожно взбивая лапами снег. Зато два других резко, словно распрямившиеся пружины, метнулись к лесу. Навстречу им ударила автоматная очередь, взметнувшая снег перед мордой первого из зверей. Он на мгновение замер, и этого оказалось достаточно: сверкнув в лунном свете, в него вонзился арбалетный болт. Волк закрутился по снегу, пытаясь дотянуться зубами до торчащего под лопаткой болта. А вот последний из тройки времени терять не стал. Он ни на миг не прервал стремительный

бег, и теперь от леса его отделяла только пара прыжков. Привстав на одно колено, я вскинул ружье и выстрелил ему вдогонку, но в этом уже не было необходимости: Макс выпустил остаток обоймы практически в упор. Зверь закувыркался и замер около деревьев.

Да, такого от Макса я не ожидал. С виду парень нормальный, но целую обойму на одного волка — это чересчур. Интересно, кто доверил этому идиоту автомат? А и ладно, шут с ним, теперь бы перезарядить ружье, что вконец онемевшими пальцами сделать достаточно сложно, и можно немного расслабиться. Жутко хотелось вскочить на ноги и пробежаться, чтобы хоть немного согреться, но я продолжал лежать, до рези в глазах всматриваясь в полумрак ночи. Никого. Странно, из облавы, в которую угодила стая, ушло четыре волка. Где еще один? Конечно, четвертый мог оказаться подранком и околеть по дороге, но лучше немного перестраховаться, чем провести остаток жизни, безуспешно пытаясь остановить поток крови из разорванного горла. Нет, точно никого больше нет. Вон и Макс выскочил из своего сугроба и на бегу пытается перезарядить автомат. Совсем околел, видать, бедняга. Или не терпится уши у серых отхватить. А чего торопиться? Лишний раз поторопишься — глядишь, и твои уши уже кто-то кромсает. Но медлить тоже резона нет. Тем более что Лысый тоже появился. Ну, этот битый — болт на арбалет заранее приладил. Интересно, где он такой арбалет достал — на сорокаградусном морозе тетива не лопаётся.

Не доходя метров трех до подранка, Лысый достал из-за пояса небольшой топорик и плавным движением метнул в голову волка. Попал, конечно, это он умеет. Хищник последний раз дернулся и затих. Макс поднялся от волка, срезанного автоматной очередью, и с ножом в руке направился ко второму. И чего суетится? Сразу видно, на облаве в первый раз.

— Чего так долго? — повернулся ко мне Лысый, когда я подошел к нему.

— Дак вроде четверо из облавы ушли, вот и смотрел. — Губы от долгого молчания онемели и слова получались глухими и полускомканными, вязаная шапочка, прикрывающая лицо от мороза, нормальному произношению тоже не способствовала, но Лысый меня понял правильно.

— Откуда четыре? Полтора десятка в стае было, дюжину у реки положили. Считать не умеешь? — взвился он и повернулся к Макс. — Макс! Ты долго еще там Диего Следопыта изображать будешь?

— Все уже, все! — Макс выпрямился, взвешивая в руке топорик. — Ух

ты, тяжелый. А волков четыре ушло, сам видел.

— Не, ну вы точно считать не умеете. Все, закругляемся, нам еще десять верст до Ключей по сугробам чесать. Наши давно уже в тепле сидят и брагу глушат. — Лысый протянул руку, и Макс отдал ему топорик.

— Тебе виднее. — Я постарался скрыть усмешку: все-таки Лысый в тройке старший, да и по жизни смеяться над ним никому не советую: злопамятный, зараза. Действительно, пора собираться. Из всего отряда, традиционно разбитого на тройки, нам достался самый длинный маршрут.

«А ведь Макс его достал», — подумал я, глядя, как Лысый надевает лыжи. Слишком много резких движений. Но понять его можно: не дело, когда твое оружие чужие лапают. Огнестрельное — еще куда ни шло, но холодное никому доверять нельзя, особенно когда только-только кого-то прирезал. Спугнут удачу, и все — абзац, запросто сам себе пальцы обрежешь. Но что-то он сегодня слишком нервный.

— Чего это он? Не с той ноги встал? — Макс с недоумением уставился на удаляющуюся спину. — И что за Диего?

— Так, есть один тип. — Я скрутил пробку с плоской серебряной фляжки и сделал длинный глоток. Самогон огненной волной прокатился по пищеводу, и сразу же по всему телу стало распространяться живительное тепло. Хоть немного тепла. Я перевел дыхание и протянул фляжку Максу: — На, глотни.

Он хлебнул, закашлялся и начал закручивать колпачок, прицепленный к фляжке на тонкой цепочке.

— Ты точно четырех волков видел? — как бы между прочим поинтересовался я, забирая фляжку обратно.

— Ага, четвертый посветлее остальных был. Я еще подумал: никак белый? — Макс о чем-то задумался. Может, о стоимости шкуры белого волка? — А верста — это сколько?

— С километр будет, — машинально ответил я. Не давал мне покоя этот странный волк. Чую, не к добру все это. — Ну ладно, катись. Я замыкающим пойду.

Белый волк? Не обращая внимания на ползущий по спине холод от дурного предчувствия, а может, просто от забравшегося под фуфайку ветра, я переломил двустволку и заменил один из патронов. Патронов с начинкой из рубленых серебряных монет у меня осталось всего два, и стоили они ох как недешево. Честно говоря, с золотом и то дешевле будет. Но какому идиоту придет в голову стрелять золотом? А серебро многим жизнь спасало. Поэтому и стоит дороже. Ладно, глядишь, обойдется. Может, действительно привиделось пацану? Да нет, я ведь тоже краем глаза

четвертого заметил. Только был ли он белым, в темноте не разглядел. Макс у нас недавно, не знает, какие тут белые волки бегают, но Лысый-то о чем думает? Я точно видел у него пару серебряных болтов, а арбалет он зарядил простым. Странно это.

Вновь задул ветер, замела поземка, и я бросился догонять парней. Еще не хватало от них отстать. Ночное ориентирование никогда не было моим сильным местом, мне и днем заблудиться раз плюнуть, особенно если подвыпивши. Догнал я их вовремя: ветер усилился, небо окончательно заволокло тяжелыми тучами, а колючий снег так и норовил забить глаза. Промежутки между нами были метра по два, но даже с такого расстояния зеленый армейский полушубок Лысого почти не был виден. Белый полушубок Макса, несмотря на то, что он шел прямо передо мной, вообще растворялся в снежной мгле. Сократив расстояние, я побежал сбоку и немного позади Макса, ориентируясь на зеленое пятно.

Белый полушубок — вещь, конечно, хорошая, и достать его непросто. Тут варианта в основном два: либо с трупа снять, либо в Форте получить за год службы. Но с трупа он наверняка будет порченный, а на год не всякого хватает. К тому же в последнее время выбить причитающийся тебе полушубок со склада ничуть не проще, чем забрать кость у голодного волкодава: это раньше серки в окрестностях Форта стаями водились, теперь они только в развалинах Туманного и встречаются. Одежка из шкуры серка выходит легкой, очень теплой, еще и на фоне снега в глаза не бросается. А снег и холод здесь у нас почти всегда. Вот бежит сейчас Макс и удивляется, как он такую хорошую вещь задешево отхватил. Я, собственно, свой новенький полушубок ему и впарил. И взял с него всего ничего: три банки тушенки и две сгущенки. Еще столько же в течение месяца отдаст, да с трех следующих жалований по червонцу отстегивать будет. Дело вовсе не в том, что голод меня достает сильнее холода. Действительно, со жратвой напряг, и в Патруле я служу не из-за копеечного жалованья, а из-за того, что кормят неплохо и патроны выдают без задержек. Так вот, все знают: в белых полушубках ходят самые опытные и крутые патрульные. И в любой более-менее серьезной заварушке вырезать первыми стараются именно их. Я уже молчу про запах серка, который не в состоянии вытравить никакая химия. На улице запах незаметен, но за ночь комната прованивает псиной так, словно в ней ночевало дюжины две дворняг. Ну и зачем мне такое счастье? Мне и моя старенькая фуфайка сгодится. Я ж ее под себя подогнал, пластин стальных кое-где нашил, притерся к ней, одним словом. А Макс зеленый, о многом еще не в курсе. Вот и автомат ему тоже кто-то впарил. Даже скорее не автомат, а пистолет-пулемет. Машинка сама по себе, может, и

неплохая — какая-то импортная коротышка, я в них плохо разбираюсь. Но не надо быть специалистом-оружейником, чтобы знать, что патроны для этого нестандарта достать очень сложно и еще более дорого. Это тебе не АКМ.

Мысли неторопливо бежали по кругу, так же сами по себе двигались ноги, и только холод не давал задремать. Ледяной порыв ветра окончательно привел меня в чувство. Вот что значит вторые сутки без сна. Да еще холод этот. Даже на бегу согреться не получается. Ненавижу холод. Может, еще выпить? Самогон, настоящий на кедровых орешках, по вкусу коньяку ничем не уступает, только крепче. Не, хватит. Напиться можно будет в Ключах — до них осталось не более половины пути, — а здесь мало ли что случится. Не время расслабляться.

Внезапно я понял, что почти обогнал Макса. Чего это он сбавил ход? А, это Лысый притормозил. Вроде что-то за пазухой ищет. Выпить, небось, хочет. Старший тройки начал разворачиваться, и в этот момент из темноты вылетела серая тень. У Лысого не было ни единого шанса.

Он еще падал с порванной глоткой, а белый волк уже прыгнул в нашу сторону. Этот хищник значительно превосходил по размерам других зверей в стае и двигался намного быстрее. Замерев на мгновение, волк выбирал следующую жертву. Ко мне эта тварь ближе, и, кинься она на меня, не успею даже перехватить ружье, тем более отпрыгнуть. Лыжные палки вместе с меховушками упали на снег, я, краем глаза наблюдая, как Макс судорожно дергает автомат, неподвижно замер на месте. Парню уже почти удалось справиться с ремнем, когда волк метнулся в его сторону. В этот же миг я выхватил из ножен на поясе нож и метнул в летящее тело. Не знаю как, но клинок попал точно в цель. Этим броском мог бы гордиться и Лысый. Тяжелое двадцатисантиметровое лезвие с глухим звуком вонзилось меж ребер волка, но его бросок это остановить уже не могло. Макс от удара отлетел метра на полтора и, к моему удивлению, не выронил автомат, а, лежа на снегу, давил на курок. Но то ли патрон перекосило, то ли автомат на предохранителе стоял — выстрелов не было. Волк резкими ломаными движениями начал подниматься со снега. Вообще-то для любого нормального зверя такой груз стали должен был оказаться смертельным, но я уже понял, что к обычным животным это создание отношения не имеет. А поэтому, сорвав с плеча ружье, дуплетом выстрелил ему в голову. Серебра было совершенно не жалко. Выстрел снес почти полголовы зверя, но он еще пару минут пытался встать. Все это время Макс, сидя на снегу и прижимая к себе автомат, с ужасом смотрел на конвульсии обезглавленного тела. Да и сам я был здорово потрясен. Чисто механически перезарядил двустволку и по привычке огляделся. Никого.

— Это оборотень? — Волк наконец затих, и Максуду удалось выдавить из себя несколько слов.

— Волколак. — Про оборотней я только слышал, а вот волколаков видеть уже приходилось.

— А разница? — Макс встал и начал брезгливо счищать с полушубка, который больше не был белым, обрывки шкуры и кусочки мозгов.

— Оборотень — это человек, который перекидывается волком, а волколак просто животное. — Когда мне самому объясняли разницу, я понял только это. В остальном они были похожи: на них действовала луна, и они были малоуязвимы для всего, кроме серебра. Надо внимательней слушать умных людей, но кто ж знал? И еще у меня было сильное подозрение, что, повстречай мы оборотня, все бы тут и остались.

— А с Лысым что? — опомнился вдруг Макс.

— А что с ним может быть? — Даже отсюда было видно, что Лысому уже ничем не помочь. Шею ему практически перекусили, снег вокруг тела

пропитался кровью, пятна которой не могла замести даже поземка. На мгновение в голову забрела мысль, что и я вот так же мог лежать на снегу с порванной глоткой. Прогнать ее оказалось просто — не в первый раз. И не самая худшая смерть. Быстрая, по крайней мере. А вот Макса от мыслей о смерти надо отвлечь, а то еще, чего доброго, раскиснет. — Нет больше Лысого. Так что давай, бери ножик и откромсай волку хвост — от ушей ни фиги не осталось.

— Слушай, а у тебя нож что, серебряный? — Макс, похоже, отошел быстрее, чем я ожидал, и уже наклонился над волком, рассматривая торчащую из бока рукоять.

— Обычный нож, железный. — Быстро подойдя к нему, я вытащил нож. К моему удивлению, клинок выскользнул из тела легко, а вот холод рукояти обжег ладонь и метнулся вверх по руке. На мгновение перехватило дыхание. Что-то сильно рукоять остыла. Впрочем, главное, что я опередил Макса, который уже тянул к ней руку. — Нож простой, заряд серебряный.

— А... понятно, — разочарованно протянул Макс, запихивая хвост в мешок, где уже лежали три пары волчьих ушей. — А что с Лысым делать будем, в снег закопаем?

— Времени нет, да и все равно занесет. — Нехорошо труп так оставлять, но кому сейчас легко? Макс уже начал прилаживать лыжи, и пришлось его остановить. — Обожди, шмотки собрать надо.

Арбалет, болты к нему, пара ножей, длинный кинжал, топорик и заплечный мешок, чтобы это все утащить. Кошель, в котором вместо денег обнаружилась бензиновая зажигалка и три ключа. Правильно, зачем деньги в рейде? Так, а это еще что такое? Недалеко от тела из снежного наста торчала пистолетная рукоять. Вытащив пистолет и обив о ногу налипший снег, я понял, что не ошибся. «Макаров». Видно, выронил его Лысый, вот он в снег и воткнулся. А это уже странно — Лысый всегда кричал, что огнестрельным оружием принципиально не пользуется, у него даже в Братстве чин какой-то был, и вот-те нате. Таскал, значит, втихаря ствол с собой. Наверняка пули серебряные были, поэтому и болт простой поставил. А про четвертого — белого волка — не говорил, чтобы в Ключи побыстрее вернуться. И что получается? Заметил волколака, пистолет из-под полушубка рванул, нам крикнуть повернулся... и не успел. Вроде все гладко, но что-то не сходится. Не таким человеком был Лысый, чтобы своей жизнью рисковать, пытаясь других предупредить. Да и копался он долго: если действительно зверя заметил, было время и нам сказать, и пистолет вытащить. Получается, ствол ему понадобился для других целей? Для каких, даже гадать особо не надо. В животе образовался ледяной

комок. А, может, зря я всполошился? Ладно, проверю патроны, ясно станет.

— Ну чего ты так долго? Холодно ведь...

От неожиданности я вздрогнул и быстро сунул пистолет в карман фуфайки. Макс стоял за спиной и не должен был ничего заметить. Не отвечая, я опустился на колени, перекрестился и вполголоса пробормотал все три молитвы, которые знал. Потом встал, закинул мешок на плечо и пошел к лыжам. Даже не глядя на Макса, можно было точно сказать, что он в эту минуту решает — съехал я с катушек сейчас или всегда был с придурью. Пусть гадают, хоть чем-то голова будет занята.

— Думаешь, он зомби мог стать? — спросил Макс, когда мы отъехали на полкилометра. Надо же, а башка у парня варит.

— Ну да, привяжется ледяной ходок — намучаешься, — пробормотал я. Действительно, те, над кем помолились, становились неупокоенными гораздо реже, чем те, которых просто бросили в снег. Вот и крестик нательный на цепочке я с трупа снимать не стал, хотя там серебра грамм пятнадцать было.

— А где ты такой козырный нож надыбал? — По всему было видно, что Максу необходимо выговориться. Ничего, в Ключах будет с кем языком почесать.

— Где взял, там больше нет. — В отличие от Макса, говорить не хотелось, мысли были заняты другим.

Нож действительно необычный. Темно-синее, украшенное зелеными узорами лезвие без проблем резало жуть и при этом ничуть не тупилось. Рукоять из серо-зеленого непрозрачного материала, похожего на какой-то камень, удобно ложилась в ладонь и в руке совершенно не скользила. Не нож, а сказка. Главное, приобрел его совершенно случайно. Две недели назад мне в драке руку розочкой распорол, а на следующий день подходила очередь в патруль идти. Пришлось тащиться в клинику. Там ко мне и пристал бродяга: купи нож и купи. Говорит, ходил на север, но принес только нож да воспаление легких. Почему не взять? Я тогда при деньгах был, а нож знатный. Сам по северным развалинам одно время лазал, много там чего интересного найти можно — вот и решил помочь. Так у меня появился нож, а у бродяги деньги на лечение, хотя он мог и просто их пропить.

— Смотри, Макс! Наш курган?

Ветер стих, небо прояснилось, но я мог ошибиться, здесь таких курганов немало.

— Похоже на то, — выдохнул Макс. На разговоры сил у него явно не осталось. Пройти оставалось всего ничего — только холм обогнуть и

прямо к Ключам выйдем.

Так и получилось. Стоило кургану остаться позади, как я почувствовал дуновение теплого влажного ветра. Немного погодя стал виден туман, поднимающийся над остывающей водой. Поселок Ключи получил свое название не просто так. Здесь бил теплый источник, а вода была хоть и горячая, но без малейшего намека на серу. И солей в ней содержалось совсем немного. Жили тут селяне не то чтобы сильно богато, но лучше, чем в других поселках, деревнях и хуторах, где мне доводилось бывать. Ну, это понятно. Тепло халявное, и защищала людей не столько сооруженная из железобетонных блоков и толстенных бревен стена в два человеческих роста, сколько заводь, посреди которой стоял поселок. Заводь, наполненная горячей водой, казалась не очень широкой — максимум пятнадцать метров, но на самом деле была шире. Просто с внешней стороны — там, где вода холоднее, — над ней нависали настоящие наросты из снега и льда.

Попробуй подойди — провалишься сквозь рыхлый наст и уже не выплывешь. Излишек воды уходил по прорытой канаве прямо в протекающую неподалеку речку. Зайти в поселок можно было только по единственному бревенчатому мосту. Вот и получалось, что мелких банд и небольших стай тварей поселок мог не опасаться, а серьезных людей он заинтересовать не мог, поскольку находился под защитой Форта.

Подойдя к Ключам со стороны моста, мы с Максом остановились. Лучше подождать, пока тебя заметят, чем сгоряча схлопотать пулеметную очередь. Заводь заводью, но к безопасности в поселке относились серьезно. Долго ждать не пришлось, почти сразу луч мощного прожектора скользнул рядом с нами, замер, и со сторожевой башенки кто-то заорал:

— Обзовитесь, кого там принесло?

— Мы это, открывайте быстрее!

Что меня не узнают, можно не опасаться: когда наш отряд останавливался на ночлег в деревнях, всегда кто-то из патрульных оставался на посту. Правило трех «Б»: береженого Бог бережет. Вот и сейчас практически сразу открылась небольшая калитка рядом с воротами.

— Заходите в темпе, — крикнули с башни.

Голос знакомый. Похоже, Серый на посту. Зайдя в низкую дверь, мы очутились в темном коридоре. Во мраке ничего разглядеть было невозможно даже на расстоянии вытянутой руки, но это не страшно: проход узкий и без каких-либо боковых ответвлений. Не заблудишься. Мы без проблем добрались до небольшой комнатки, освещенной закрепленными на стенах факелами. Выход из комнаты преграждала решетка, сваренная из толстых железных прутьев, а в стенах и даже

потолке виднелись проемы бойниц. Я совершенно точно знал, что за нами сейчас наблюдают никак не меньше пяти человек. И изрешетить незваного гостя для них раз плюнуть. А поэтому не торопясь вышел на середину комнаты и, стараясь не делать резких движений, стянул ушанку и вязаную шапочку. Макс последовал моему примеру.

— Да они это, только Лысого нет. Открывайте, короче. — Серого, похоже, специально привели, чтобы он нас опознал, и ему не терпелось узнать, что случилось с Лысым.

— Обожди, сейчас Шаман придет, тогда и впустим. А так мало ли кто их личину натянуть мог? — резонно возразил ему кто-то более опытный и был, без сомнения, прав. Разве на глаз определишь: твой приятель это пришел или уже мертвяк ходячий?

В глубине коридора замелькали всполохи света, и вскоре в проходе появился Шаман. Как обычно, его сопровождал бородатый здоровяк, которому приходилось постоянно пригибать голову, чтобы не задеть низкий потолок. Короткая черная борода и перебитый нос делали его похожим на разбойника с большой дороги. Добавляла сходства и длинная кольчуга, доходившая до середины бедра. В одной руке он держал факел, в другой топор на короткой рукояти. На его фоне Шаман в глаза не бросался. Наверняка именно из-за колоритной внешности сопровождающего и выбрали. Отвлекающий фактор, так сказать. Обративший внимание на Шамана сразу бы понял, кто в этой паре главный. От телохранителя он отличался примерно так же, как отличается кожаный сапог, пошитый мастером своего дела, от простого валенка. И даже не во внешности дело: большинство говоривших с Шаманом смогли бы припомнить разве что худобу, стянутые в косичку длинные темные волосы и глубоко запавшие глаза. Просто в нем чувствовалась внутренняя сила. Неудивительно: разумеется, он был никаким не шаманом, а достаточно сильным колдуном. И сейчас этот колдун через решетку внимательно нас изучал.

Процедура осмотра не заняла и минуты.

— Открывайте, — оглянувшись на телохранителя, коротко бросил Шаман и, круто развернувшись, зашагал по коридору. Решетка со скрежетом отошла в сторону, через открывшийся проход мы прошли в просторную комнату, освещенную обычными электрическими лампочками. Вдоль стен стояли деревянные лавки, над ними прибиты вешалки. В комнате было три двери: одна вела во двор, вторая во внутренние помещения башни, а через третью мы сюда вошли. В углу с выцветшего плаката красным глазом киборга невозмутимо взирал на мир Арнольд Шварценеггер. Внизу черным маркером кто-то печатными буквами вывел:

«Будь бдителен!» И это правильно:пустишь человека без проверки, а он непонятно кем ночью обернется.

— Здорово, пацаны! — Из двери, ведущей в башню, прихромал Серый — Серега Вышев, невысокий широкоплечий паренек лет двадцати. На правом плече у него висел АК-74, на поясе, помимо неременного ножа, была кобура с пистолетом. Не иначе как прямо с поста сюда прибежал. Я догадывался почему. И оказался прав.

— Где Лысый?

— Нету больше Лысого. — Объяснять что-либо не хотелось, и продолжать я не стал.

— Понятно... — протянул Серый, отвел глаза и вдруг попытался улыбнуться: — Хорошо, хоть вы вернулись. А то мы уже не знали, что и думать, вы ж еще засветло появиться должны были.

— Пришлось задержаться. Слушай, Серый, а на башне-то кто остался?

— А меня уже Фомич сменил, я спать иду, — зевнул он, положил автомат на полку, стянул с вешалки пуховик и стал его натягивать. — Ладно, пойду я.

Неплохой он все-таки пацан, вот и намеки понимает. Я кинул мешок с вещами Лысого в угол комнаты и сел на лавку. В тепле разморило, сразу потянуло в сон, глаза начали закрываться сами собой. Пришлось подняться и пройтись по комнате. Что-то никто нас не встречает, пора бы уже.

— Во буржуи! Электричество совсем не экономят, жгут зазря, — удивился Макс, он уже развалился на лавке и пытался поудобней пристроить ноги на брошенном на пол вещмешке.

— Да у них тут целая гидроэлектростанция работает, — объяснил я. Сам, когда был тут в первый раз, тоже долго привыкнуть не мог.

— А лампочки не перегорают, что ли? Где они новые берут?

— Раскошелились и у чародеев вечные купили.

— А чего у них тогда в смотровой факелы горят?

Вот для этого веские причины как раз были. Туда даже проводку электрическую не протянули. Все дело в том, что электрические поля и скачки напряжения создавали помехи для распространения магической энергии, и Шаману приходилось бы прилагать дополнительные усилия для их отфильтровки. А у колдунов каждая капля энергии на счету. У магов с восстановлением сил ситуация попроще, но на них электрические помехи действуют еще хуже. Например, рядом с высоковольтной ЛЭП вероятность временного обрыва магического потока возрастала многократно. Но ничего этого объяснить Максy я не успел: распахнулась дверь, со двора вместе с порывом холодного воздуха и роем снежинок в комнату вошел Дрон.

Следом за ним, захлопнув за собой дверь, ввалился кто-то из местных.

Оп-па, приплыли. Дрон, вне Патруля более известный как Андрей Кривенцов, был командиром нашего отряда и к тому же единственным в нем колдуном. Несмотря на маленький рост и чрезмерную упитанность, он пользовался в Патруле немалым авторитетом. Если уж он из-за нас поднялся среди ночи, то что-то сейчас будет. Колдун кивнул местному на Макса:

— Проводи до комнаты.

«Так, значит, мной займется», — подумал я. И оказался прав. Что-то я в последнее время часто угадывать стал. Может, у меня дар прорезался?

— Рассказывай, что случилось, — без всяких предисловий начал командир, как только за Максом и его провожатым закрылась дверь.

Где Лысый, он не спросил. Получается, уже успел узнать. От кого? Только от Сереги, больше не от кого. Может, по пути встретил, а может, тот сам его нашел. Особой роли это не играет. Но на заметку взять надо, вдруг когда пригодится.

Раз начальство спрашивает, надо отвечать, никуда не денешься. Ну, в общем, я и рассказал все как было. Только про пистолет ничего говорить не стал. Ни к чему это. Весь рассказ занял от силы минут десять, а потом еще минут двадцать я отвечал на вопросы. Под конец беседы у меня даже стало складываться впечатление, что никакая это не беседа, а самый настоящий допрос. Хотя Дрона тоже понять можно, ему в Форте за всех нас отчитываться. Вскоре я уже не мог думать ни о чем, кроме как поскорей завалиться спать, а поэтому отвечал односложно и без подробностей. Видно поняв, что от меня больше ничего не добьется, Дрон ткнул пальцем в лежащий в углу мешок:

— Лысого?

— Ага.

— Свободен. Можешь спать идти. Место знакомое, не заблудишься. — Выдав столь содержательный инструктаж, он подхватил мешок и направился к двери, но в последний момент повернулся и предупредил: — И не пей. Понял? Завтра с утра в Форт возвращаемся.

— Понял.

Тоже мне, указчик выискался. Колобок приплюснутый. И ведь колдун не шибко сильный, а как мозги заплел, паразит: про «Макарова» Лысого я только чудом пару раз не обмолвился. Подхватив пожитки, я вышел за Дроном во двор. Он уже растворился в темноте, так что никто не помешал мне помочиться на стену караульного помещения, выразив таким образом свое отношение ко всем мудрым распоряжениям начальства. А потом в

гордом одиночестве я добрел до знакомого барака, толкнул неплотно прикрытую дверь, кивнул Коту, дремлющему на стуле в обнимку с автоматом, и зашел в свою комнатку.

Здесь обо мне кто-то уже позаботился: прямо на полу был расстелен набитый соломой тюфяк, а на единственной в комнате мебели — табуретке — стоял поднос с кружкой горячего травяного чая, краюхой хлеба и ломтиком сыра. Подсвечник с тремя огарками стоял прямо на полу и едва освещал комнату. От одного вида еды и аромата чая я чуть не захлебнулся слюной и, кое-как скидав в угол комнаты верхнюю одежду, сразу приступил к трапезе, откусывая большие куски хлеба с сыром и запивая все это сладким чаем. Вообще, пить травяной чай с сахаром — это извращение, но предложи мне кто сейчас еще пару кусков рафинада, согласился бы, не раздумывая. Оголодал, однако.

Полученного от еды удовольствия могло хватить на пару походов по ресторанам в прежней жизни. Теперь только выспаться, и все. Но прежде чем задуть свечи и завалиться спать, я по привычке вытащил нож и сунул его под тюфяк. А потом достал из кармана фуфайки ствол Лысого и передернул затвор. На пол упал самый обычный заводской патрон с пулей, упрятанной в медную оболочку...

Глава 2

Вопреки опасениям, кошмары мне ночью не снились. Вообще ничего не снилось. Наверное, слишком устал. Как только залез под одеяло, сразу провалился в черный омут забытья, а утром так же внезапно из него вынырнул. Причиной столь резкого пробуждения стал чувствительный пинок по ребрам. Сознание прояснилось моментально, но тело сплеховало: пока откидывал одеяло и замахивался ножом, неизвестный визитер успел отпрыгнуть ко входу в комнату.

— Не, ну ты че такой нервный? — со смехом поинтересовался Шурик Ермолов, двухметровый детина, просто обожавший подобные шутки, и добавил уже совершенно серьезно: — Давай вставай, через час выступаем.

— Ты, недоумок, когда-нибудь точно допрыгаешься. — Сердце бешено колотилось, спина взмокла, но я постарался скрыть свое раздражение. — Не мог, что ли, просто сказать «доброе утро»?

— Да? А кто мне в прошлый раз спички в пальцы вставил? Вам тогда тоже весело было. — Шурик отодвинул в сторону тяжелую занавесь, заменяющую дверь, и выскользнул из комнаты.

Успокоить дыхание оказалось легко. В самом деле, а что случилось? Ну, получил по ребрам — ерунда это. Я ему в следующий раз тоже что-нибудь веселое устрою, простым «велосипедом» уже не отделаюсь. Радовало другое — ночью никто не попытался меня прирезать. Не то чтобы я всерьез рассматривал такую возможность, но если уж начались непонятки, то произойти может что угодно. Даже удар бритвой по горлу в абсолютно безопасном, казалось бы, месте.

Быстро приведя себя в порядок и подхватив под мышку свернутую фуфайку, я поспешил в столовую. В принципе фуфайку можно оставить с остальными вещами в комнате, но как бы кто в кармане ствол Лысого не нашел.

Столовая находилась в этом же бараке, и выходить на улицу не требовалось. Помещение ее было заставлено длинными деревянными столами и низкими скамьями. Съеденный накануне бутерброд давно усвоился организмом, и живот сводило от голода. Аппетитные запахи сразу вызвали обильное слюноотделение, я кинул фуфайку на скамью и поспешил за причитающейся мне порцией. Столовка быстро заполнялась патрульными, но, как ни странно, на меня особого внимания не обращали. Все как обычно: кто кивнул, кто поздоровался. Никаких расспросов. Зато

на Шурика, который в очередь на раздачу успел вклиниться передо мной, кидали такие многообещающие взгляды, что становилось понятно — за это утро он успел поучаствовать в пробуждении доброй половины отряда. Получив свою порцию, я вернулся к столу, где уже пристроился Ермолов. Отодвинув в сторону его поднос, мне удалось разместить на столе доску с тарелкой гречневой каши, щедро сдобренной мясом, ломтем хлеба и кружкой все того же травяного чая. Теперь можно и оглядеться. Создавалось впечатление, что все с жуткого бодуна. Ели без всякой охоты, налегая в основном на чай. Кое-кто клевал носом. Многие вообще не появились.

— Слушай, Шурик, вы че, бухали вчера?

— А то. — Он оторвался от тарелки и кивнул. — Староста, как только увидел белый хвост, который Макс приволок, сразу бочонок браги выкатил. Да еще харчей на дорогу обещал подкинуть. Эта зверюга, оказывается, их уже полгода доставала.

— Вот уроды, мать их! Не могли предупредить?

— Насчет волколака? А ты участвовал бы в облаве за такие гроши? Я — нет. Жизнь стоит несколько дороже. И Дрон бы на это дело не подписался. А прикинь, сколько бы профи серебра запросили? Жилин, говорят, вообще меньше чем за полштуки золотом из дому не выходит.

— Блин, а если бы у нас серебра не оказалось? — Раздражение нарастало и постепенно переходило в желание найти старосту и набить ему морду.

— Сам-то понял, что сказал? — Шурик сыто рыгнул и откинулся на стену. — И у кого из наших серебряных пуль или ножики нет? Разве что у Макса, так он в патруле первый раз. О, смотри, вон и оно всплыло.

Я повернул голову — действительно, в дверь как-то боком протиснулся Макс. Похоже, его штормило. Обычно румяные щеки впали и были какого-то непередаваемого зеленовато-серого оттенка. Кое-как добредя до нашего стола, он рухнул на скамейку рядом со мной. Становилось понятно, почему никто не пытался выяснить у меня, что произошло. Судя по состоянию Макса, он вчера рассказывал, как все случилось, раз пять, не меньше.

— Посмотрел бы я, как ты волколака серебряным ножичком завалить пытаешься, — снова повернулся я к Шурику. — И вообще, почему меня вчера не позвали?

— А Дрон велел тебя не беспокоить, только хавки в комнату закинуть. Ладно, я пошел, да и вы доедайте быстрее. Выходить пора. — Шурик кивнул на длинное зарешеченное окно, через изморозь на котором уже

просвечивали солнечные лучи.

Макс издал какой-то неопределенный стон, по-видимому, означавший полное и бесповоротное намерение бросить пить, и попытался глотнуть остывший чай Шурика. Судя по перекосившемуся лицу, на пользу ему это не пошло.

— Что, плохо? — с неприкрытым злорадством в голосе поинтересовался я. — Пить меньше надо!

— Иди ты. Не видишь, колбасит меня. Сейчас еще отошел немного, а как проснулся, вообще чуть кони не двинул. — Макс поморщился, попробовал сделать еще один глоток и продолжил: — А все Дрон, зараза.

— А он-то тут при чем — брагу тебе насильно заливал?

— Да нет, он меня полчаса расспрашивал, а мне из-за этого три кружки штрафных выпить пришлось.

Я продолжал улыбаться, но по спине побежали мурашки, а тоненький голосок дурного предчувствия превратился в рев сирены гражданской обороны. Макс у нас недавно, он ничего не понял. Но не принято допрашивать всех членов группы, если кто-то не вернулся из патруля и нет твердой уверенности в том, что дело нечисто. Слишком часто такое случается, чтобы устраивать по каждой смерти форменное следствие. Поговорят со старшим группы — и все. После смерти Лысого за старшего остался я. Макса вообще допрашивать не должны были. В крайнем случае задать пару вопросов, не больше. А тут мало того, что меня Дрон буквально выпотрошил, так после еще и Максом всерьез занялся. С чего бы это? Либо у него есть какие-то подозрения, что смерть Лысого не случайна, либо... Ох, и паскудная цепочка выстраивается. И не убедить себя, что все это паранойя. Типа, и пистолет у Лысого случайно оказался, и выпал он сам по себе. А Дрон просто от бессонницы маялся, вот и развлекался с нами ночными беседами. По отдельности каждый эпизод ни о чем не говорит, но все вместе... А что, собственно, получается?

Начала выстраиваться логическая цепочка, и чем больше звеньев в нее добавлялось, тем тошнее мне становилось. Ну, во-первых, Лысый, обычно спокойный как удав, в тот вечер откровенно нервничал, что заметил даже Макс. Во-вторых, Лысый никогда не пользовался огнестрельным оружием. И не в принципиальности было дело, а в том, что состоял он в Братстве и ранг у него там был немалый. А братья применение огнестрельного оружия категорически не одобряют. Философия у них такая. И сделать карьеру в Братстве Лысому было бы совершенно нереально, ходи он постоянно со стволом в кармане. В этом сомнений нет, сам одно время у братьев тренировался. Получается, Лысый взял пистолет из-за какой-то экстренной

необходимости. Знай он о волколаке и будь ПМ с серебряными пулями, все было бы понятно. Но пули оказались самыми обычными, вчера я проверил всю обойму. Зачем он пытался достать ствол? Не из-за волколака, понятное дело. Вот если бы он решил избавиться от меня с Максом, то выбор становился объясним. Арбалет — оружие хорошее, но из него двоих завалить можно и не успеть. С пистолетом все не в пример проще. Болт мне, пулю Макс. Но зачем? Где я мог ему прищемить хвост? Выходило, что нигде. Не пересекались мы с ним. Значит, дело не в Лысом или не только в нем. Вот и Дрон ведет себя совершенно неправильно, а ведь именно командир поставил нас в одну группу. И теперь, похоже, допрашивая о событиях прошлой ночи, пытается подловить нас с Максом на противоречиях. И что делать? Не спрашивать же у него, в самом деле: это не ты меня Лысому заказал? Да у Дрона тоже поводов быть не должно. Выходит, на самый главный вопрос ответа нет. Знай я, за что меня пытались убить, мог бы принять хоть какие-то встречные меры. Кстати, если от кого-то надо по-тихому избавиться, то почему не поставить в группу двух посвященных и одну жертву? Нет второго убийцы или желательно избавиться от двух человек за раз? Или вообще не во мне дело? Просто в расход списали, а завалить требовалось Макса? Да нет, бред это. Он у нас недавно, не успел еще мозоли никому отдавить. Но ведь и я вроде никуда не вляпался. Максимум могли в подворотне перо в бок засадить или в кабаке голову кастетом проломить. Но все-таки проверить идею стоило.

— Слушай, Макс. Ты у нас сколько уже, месяца два?

— Угу, — промычал тот, не отрывая голову от столешницы.

— И что, до сих пор никого не завалил? — Времени на долгие осторожные расспросы не оставалось, вот-вот должны были дать команду к отбытию.

Макс был настолько удивлен неожиданным поворотом в разговоре, что даже приподнял голову от стола:

— Нет. А что?

— Да так, просто интересно. Меня первое время так и пытались подцепить.

— А! Нет, никаких проблем. — Он сжал немаленький кулак. — Я ж боксер, если что, сразу в лоб. Вот тут недавно в карты резались в «Серебряной подкове», один чудаков мухлевать стал... Так я его спокойно без всяких подсвечников уработал.

Да уж, Макс паренек здоровый, такого лишней раз задевать не станут. Не в нем дело. Я хотел было из чистого любопытства поинтересоваться именем шулера — глядишь, жизнь за карточным столом сведет, — но тут в

двери появился Крест, заместитель Дрона, и не особенно громко, но так, что услышали все, скомандовал:

— С вещами на выход! И пошевеливайтесь.

Патрульные, побросав недоеденный завтрак, потянулись к выходу. Нет, точно все болеют. Чтоб в нормальном состоянии кто-нибудь, не доев свою порцию, с места сорвался? Отставив кружку с чаем, я стал натягивать фуфайку. Нечего здесь одному расслаживаться. У любого нормального человека моментально пропадало желание спорить с Крестом по мелочам, стоило столкнуться с ним лицом к лицу. Сразу становилось понятно странное прозвище: левую щеку пересекали два ножевых шрама. Один горизонтальный, второй вертикальный. Крест не просто выглядел опасным человеком, он им и был. По моим прикидкам, одним из самых опасных людей, которые мне встречались в этой Богом забытой дыре. И почему он тратит свое время на Патруль, я понять не мог. Хотя мало ли какие причуды у людей бывают?

— Тебе, Лед, отдельное приглашение надо?

Блин, когда все слинять успели? Подхватив ушанку, я направился к выходу:

— А че сразу Лед? Я че, крайний, что ли?

— Был бы ты крайний, я б тебе так и сказал. — Крест не оценил шутку, пропустил меня в дверь и уже в коридоре спросил: — Как Макс в деле?

— Нормально, нервничал только немного. Но еще пара рейдов — и это пройдет.

— Может, и пройдет. А может, и нет. По-всякому может быть. Присмотри за ним.

— Ладно, — кивнул я и завернул в свою комнатку, где меня дожидались вещмешок и оружие. Мешок за спину, ружье на плечо, топор, который я на облаву не брал, за пояс. Вроде все, ничего не забыл. Натянул ушанку, вышел во внутренний двор.

С одной стороны двор ограничивала внешняя стена, с другой — сходящиеся под углом бараки. Посредине располагались узкие ворота, ведущие внутрь поселка. Собственно, там из наших бывали только Дрон и Крест, все остальные довольствовались видом из окна столовой. Окно на всякий случай было забрано толстой решеткой. А вообще, спроектировано и построено все очень грамотно. Если нападающие смогут вынести ворота и прорваться во внутренний двор, их встретит перекрестный кинжальный огонь из узких, напоминающих бойницы окон барakov. Да и на крышах при необходимости можно стрелков разместить.

И надо ж было мне так повезти, что на выходе из барака я наткнулся на Хобота. У меня и раньше с ним были не шибко хорошие отношения, а уж с тех пор, как он получил чин сержанта Патруля, постоянно возникало желание поломать ему пару ребер или расквасить длинный нос. Приходилось сдерживаться. Особенных проблем из-за него у меня быть не должно, но за драку в рейде вполне можно загреметь на месяцок-другой на северную промзону штрафников караулить. В Патруле с этим строго. Вот в Форте Хобот мне на глаза попадался крайне редко.

— Что, Скользкий, опаздываем? — расплылся он в улыбке.

Я не стал улыбаться ему в ответ:

— Тебе доступно вроде объяснили, что Скользкий я только для друзей?

В последний раз он так меня назвал в «Берлоге», кабаке в северной части Форта. Тогда сержант только чудом сумел увернуться от бутылки водки, брошенной ему в голову. Самое обидное не то, что в бутылке еще плескалось грамм двести сорокаградусной, а то, что она угодила прямехонько в затылок совершенно левого типа. Да еще потом приятель этого бедолаги решил со мной поквитаться с помощью горлышка разлетевшейся вдребезги бутылки. Не стоило ему так горячиться. Да, неприятная история вышла.

— А я тебе, значит, не друг? — скривил толстые губы Хобот, но свою мысль развивать не стал. — Давай, топай строиться.

Ну, построились. Все как всегда. Но на фоне более чем двадцати хмурых и невыспавшихся парней, одетых в тулупы, полушубки и прочие фуфайки, ярким, почти весенним пятном выделялись две девушки, которые весело щебетали о чем-то своем, не обращая на командиров ни малейшего внимания. Для сегодняшней погоды они были одеты более чем легко. Облегающие кожаные куртки и штаны, легкие сапожки и белые вязаные шапочки. Довершали их снаряжение длинные луки, колчаны со стрелами, короткие сабли и кинжалы на стягивающих куртки поясах, да еще у одной рядом с ножнами висела кобура с АПС. Валькирии, Сестры Холода, Лига. В разных районах Приграничья их называли по-разному, но везде относились со смесью уважения и настороженности. Никто не знал, какие обряды они проводили на своих сборищах, но в их эффективности сомневаться не приходилось: валькирии без каких-либо последствий переносили самые сильные холода, не причинявшие им никаких неудобств. Конечно, многие желали проникнуть в тайны Лиги, но пока это никому не удалось. Неплохо владеющие оружием и прекрасно организованные валькирии представляли собой существенную боевую силу. Силу,

уступающую только Братству, Дружине и Гимназии. И на попытки проникнуть в свои тайны они реагировали предельно жестко. Поэтому в Городе и Северореченске их не жаловали, у нас тоже многие вздохнули бы с облегчением, выставив Лигу из Форта.

Насколько я мог понять, этих двух девушек придали нашему отряду на случай встречи с нежитью, отродьями стужи или кочевьем снежных людей, шаманов которых обычно сопровождали два-три ученика. Единственный колдун — Дрон — в такой ситуации серьезного сопротивления оказать бы не смог, а валькирии очень эффективно умели расправляться с заклинателями различных мастей. Из-за чего у них и были не самые лучшие отношения с Гимназией — организацией, объединяющей всех колдунов Форта. Одно странно: сколько в Патруле служу, первый раз Сестры отряд сопровождают.

Отцы-командиры в лице Дрона и Креста на поведение девиц внимания обращать не стали, быстренько всех осмотрели, устроили пару разгонов и дали команду к отправлению. Центральные ворота заскрипели и медленно, с рывками отворились. Несмотря на почти ежедневную смазку, постоянная сырость и испарения делали свое черное, а точнее, ржавое дело.

Едва только за нами остались покрытые инеем и оттого казавшиеся ледяными стены Ключей и курящаяся туманной дымкой заводь, сразу же налетел ледяной ветер. За ночь от облаков не осталось и следа. Здорово похолодало. Холодный воздух морозил ноздри и обжигал легкие. Кто-то закашлялся, кто-то прикрыл нос меховым воротником.

Гладкий наст снега сверкал на ярком солнце неисчислимыми сотнями крошечных зеркал. Моментально начали слезиться глаза. Немногие счастливчики надели темные очки, которые, к сожалению, были жутким дефицитом. Стоили они немало, да к тому же постоянно ломались — разбитые стекла и раздавленные оправы во время патруля обычное дело. Бурьян, густо покрывающий склоны кургана, раскачивался под порывами ветра, и создавалось впечатление, что меж его стеблей к нам кто-то крадется, скрываясь в пляшущих на снегу тенях. Ох, что-то всякая чушь с утра в голову лезет. Вроде и не пил вчера.

Самое неприятное выяснилось после выхода: оказывается, мы выдвигались не по Западному тракту или скованной льдом и занесенной снегом Светлой, которая текла почти прямо к Форту, а по Южной дороге. Необходимо было завернуть в Нижний хутор и только потом возвращаться на базу. Проблема заключалась в том, что если по Западному тракту или Светлой можно спокойно бежать на лыжах, то на большей части Южной дороги такой возможности не было. По сути, эта дорога была утоптанной

до каменной твердости обледенелой тропой, петлявшей между поросшими кустарником холмами с одной стороны и болотами с другой. По холмам при всем желании было не проехать. Пытаться бежать на лыжах по укатанной дороге, на мой взгляд, сущее извращение. Между перемещением же по застывшим топям и игрой в русскую рулетку имелось только одно отличие: смертность при занятии первым была значительно выше. Вурдалаки, кикиморы, навьи и прочие безымянные обитатели болот обычно очень быстро реагировали на наличие доступной пищи. Вот и получалось, что отряд плелся по извилистой тропе, таща на себе лыжи и высказывая совсем не лестные замечания об умственных способностях начальства, планировавшего маршрут.

Я шел в конце растянувшегося отряда и не без удовольствия наблюдал за попытками Шурика завязать знакомство с валькириями. За время патруля это попытались сделать все без исключения патрульные, но мало кто мог похвастаться, что ему уделили более пяти минут внимания. И только Шурик в силу своего неиссякаемого оптимизма еще на что-то надеялся. А может, и не надеялся, просто ему скучно идти молча. Но сейчас, похоже, и его терпению пришел конец.

— А вообще-то валькирии должны ублажать героев. — Шурик подмигнул рыженькой. Рассчитывает, что она засомневается в его героизме и найдется тема для разговора?

— Так то мертвых героев. — Тон, которым это было произнесено, не оставлял никаких сомнений, что Шурик прямо сейчас перейдет в этот разряд, если не перестанет надоедать.

Он, по-видимому, это понял и, замедлив шаг, оказался рядом со мной и Максом, которому на свежем воздухе немного полегчало.

— А может, они все лесбиянки? — Вопрос был адресован мне, но так, чтобы слышали и девушки.

— Не все. — Я совершенно точно знал, что в Лигу принимают не по этому признаку.

— Да? — неуверенно протянул Шурик. — По ним и не скажешь.

— Ну, е-мое, почему все время пешком и пешком? В Патруле что, машин нет? — Макс впервые с Ключей заговорил. Насчет того, что ему полегчало, я ошибся. Наоборот, его довольно заметно начало трясти.

— Есть. — А вот Шурик вполне отошел от вчерашнего.

— Так почему не ездим?

— Машины-то есть. А знаешь, сколько литр бензина стоит?

Макс не знал.

— Дешевле тебя раз пять от Форта до Ключей сгонять. — Шурик

немного преувеличивал, но в принципе затраты вполне сопоставимы.

— А че тогда рейнджеры на тачках рассекают? — Идея передвижения на своих двоих вызывала у Макса явное неприятие.

— У них в Городе бензин халявный, чего бы не порассекать? — пожал я плечами.

В отличие от Форта, бывший раньше военной базой Город обладал огромными подземными хранилищами горючки и мог позволить себе щедрый расход топлива. Особенно на оборонные цели. Да и с оружием тамошние рейнджеры проблем не знали. Хорошо хоть, интересы Города и Форта пока не пересекались: Город находился достаточно далеко к юго-востоку от нас.

Словно не выдержав напряженного мыслительного процесса, а может, от понимания столь явной несправедливости, Макс сбросил вещмешок на обочину и избавился от завтрака прямо под придорожные кусты.

— Лучшее средство от тошноты — два пальца в рот, — назидательно поведал Макс Шурик и уже собирался развить свою мысль, но впереди раздалась длинная автоматная очередь, а следом за ней несколько ружейных выстрелов. От нас происходящее скрывал густо заросший боярышником склон очередного холма. Я сразу же взял наизготовку двустволку и через просвет в зарослях бросился вперед. Вряд ли отряд угодил в засаду — слишком место неподходящее, — но мало ли что случилось. Когда удалось прорваться сквозь заросли, то никакой необходимости в этом уже не было. Ничего серьезного, просто какой-то обитатель болот слишком оголодал и не рассчитал свои силы. Выстрелы прекратились, почти на обочине дороги лежала бурая масса, за которой тянулся коричневый, постепенно становящийся зеленым след. Существо можно было счесть гуманоидом: покрытая шишками голова и туловище присутствовали в одном экземпляре, зато ног и лап было как раз по две. Или лапа одна? Нет, недалеко от тела лежала оторванная по локоть вторая конечность с длинными, изогнутыми когтями. Чем это в нее зарядили? А когти серьезные, такими раз зацепит — мало не покажется.

Сзади, треща кустами, появился Шурик, и я кивнул ему на тушу:

— И что это за тварь? Я таких еще не видел.

— Болотный человек. — Он посмотрел на меня и добавил: — Да не прикалываюсь я. Честное слово, какой-то шутник так назвал.

Стоявший неподалеку Кот повернулся к нам:

— Точно болотный, я их пару раз видел.

В голове твари торчал обломок древка. Болотный человек не шевелился, но никто не спешил подходить к бездыханной вроде бы туше.

Оно и понятно: прямого приказа нет, а трофеями тут и не пахнет.

— О! Узнаешь поворот? — заорал вдруг Шурик и хлопнул меня по плечу. От неожиданности я вздрогнул. На крик в нашу сторону стали поворачиваться парни, а весельчак никак не унимался: — Ну что, еще разок на ящик коньяка поспорим?

Ага, разбежался. Тогда из-за ящика коньяка я чудом в живых остался, до сих пор шрам не зарос и ребра к перемене погоды ломит. Кот, Друид и Семеныч заржали. Остальные ничего не поняли — их тогда с нами не было, но Ермолов не замедлил всех просветить:

— Ну идем мы как-то этой дорогой, только, наоборот, в Ключи. Устали, замерзли как собаки. И выходим, значит, к этому повороту. — Он рукой указал на место, в котором тропа по широкой дуге огибала топь. — Ну, и кому-то пришла идея срезать путь. Напрямик ломануться, через болото. А Жорик Глюк, земля ему пухом, говорит: «Вы как хотите, а я напрямик не полезу. Самоубийство, мол, чистое. А если кто сумеет пройти, то я ему коньяку ящик поставлю». Ну, мы-то Жору просто послушали, а Лед решил рискнуть.

Он перевел дыхание, убедился, что Дрон и Крест еще о чем-то совещаются, и продолжил:

— Метров сто он пробежал без проблем, а потом прямо из-под снега на него — вурдалак. Здоровый, когти — во! — Он развел ладони сантиметров на двадцать. — Все, думаем, хана Скользкому, отбегался. Его ж метра на два от удара отбросило. Вурдалак к нему, а Лед из обреза — дуэлетом прямо в морду и бежать. Он тогда, наверное, какой-нибудь мировой рекорд побил. И ведь почти целый прибежал, покоцанный только немного.

— Шевелитесь уже!

Крест и Дрон, похоже, договорились, и отряд вновь растянулся в движении по узкой дороге. Так оно и лучше, а то начались бы дурацкие расспросы и подколы. Тот случай я вспоминать не любил. По глупости своей вляпался и только случайно живым остался. Если бы не нашитые на фуфайку стальные пластины, выпотрошил бы меня вурдалак, как пить дать выпотрошил. Просто чудом тогда обрез не выронил и выстрелить успел. Потом, вообще непонятно, как убежать сумел. Но ствол и лыжи так на болоте и остались. Приволокли меня в Ключи чуть живого, еще немного — и не откачали бы. Недели через две, когда вернулся в Форт, Жора выставил обещанный ящик. В один присест мы его ввосьмером и уговорили. Жора с Вилкой за добавкой в «Цаплю» поперлись. Там их и зарезали в какой-то нелепой пьяной драке. Судьба, видать, такая...

Очень скоро меня нагнал Макс:

— Слушай, а ты вурдалака совсем завалил?

Ага, завалишь его.

— Да нет. Он меня потом почти догнал. Хорошо, у нас в отряде колдунья была, она его шаровой молнией поджарила.

Постепенно местность начала меняться. Холмы становились все ниже и под конец исчезли совсем. Теперь заснеженная равнина болота раскидывалась по обеим сторонам дороги. Слева потянулись заросли камыша. Желтые высохшие стебли с тихим, еле слышным шорохом качались под порывами ветра. В короткий летний сезон, когда снег сходил полностью, Южной дорогой почти не пользовались. Пройти здесь можно было по проложенной гати, скрытой сейчас под снегом, но смельчаков на такое путешествие не находилось. Слишком уж беспокойными становились летом обитатели болот.

Все, через пару километров топь закончится, и будет развилка. Одна из дорог пойдет на восток прямо в Форт, другая не изменит направления и километров через восемь приведет нас в Нижний хутор. Жило там всего три семьи — человек двадцать, — но обычно бывало намного многочисленней. Постоянно шатались ватаги охотников бить зверя в лесу к западу от хутора, часто наведывались и из Форта: купцы покупали рыбу, которую хуторяне ловили в расположенном неподалеку озере, целители собирали в окрестностях травы, а почти все идущие в Северореченск или обратно обозы не рисковали отправляться в путь на ночь глядя и останавливались до утра на хуторе. К тому же, поскольку этот лес был самым ближним к Форту, в последнее время туда начали ездить еще и за дровами. Что ни говори, место для поселения выбрано удачное. Выгода обоюдная: путникам есть где остановиться на ночь, хуторяне зашибают на всем этом неплохую деньги.

Неожиданно в глаза мне бросился Кот, который остановился на обочине и пристально всматривался в заросли камыша. Ишь ты, разве что не принимается. Невысокий жилистый парень, сильно щуривший желтые глаза, сейчас напоминал дикого зверька, учуявшего запах хищника. Что это с ним? Я подошел к нему и хлопнул по спине:

— Проблемы?

— Не знаю, но что-то все утро сердце давит. А бражки давеча я всего кружку выпил...

Мы двинулись дальше, только теперь я тоже всматривался в заросли камыша. Все спокойно, но если Кот занервничал — лучше подстраховаться. Сколько раз его чутье выручало нас — и не сосчитать.

Однако в этот раз оно его подвело. Опасность исходила не от камышей — ее источник находился гораздо ближе. Стоило отряду пройти метров двести, как на придорожном снегу начали вырастать бугры. Из них, разгребая снежный наст, полезли мертвяки. Никто особенно не испугался — не в первый раз. Только слишком много мертвяков для обычных неупокоенных. Получается, зомби. Зомби — это тот же ходячий труп, только пробужденный специально. И не бродит он сами по себе, а выполняет приказы хозяина. Приказали зарыться в снег — зарылся, приказали лежать — лежал. И команду атаковать ему тоже кто-то дал. Значит, где-то рядом достаточно сильный колдун, а это уже совсем нехорошо.

Словно в подтверждение моих мыслей стрельба по зомби разом прекратилась. Я почувствовал легкую ломоту в зубах и металлический привкус во рту, закололо виски. Все, отстрелялись. Ничего не понимающие стрелки, теряя драгоценные мгновения, дергали затворы, лишь немногие поняли, в чем дело. Были у меня небольшие способности к колдовству, пару месяцев я даже обучался в Гимназии, вот и почувствовал сейчас, что некромант применил какое-то мощное заклинание, направленное против огнестрельного оружия. Оно и понятно: вооруженные дробовиками патрульные легко могли разделаться с достаточно медлительными зомби, а некромант свел наше преимущество на нет. Какие именно чары он применил и сможет ли их снять Дрон, пока непонятно. Подобных заклинаний понапридумывали выше крыши. Одни заставляли пули огибать колдуна, другие просто не давали оружию выстрелить — порох не загорался или механизм заедал.

Я не стал хвататься за ружье, а, напротив, скинул его вместе с лыжами на дорогу и достал из-за пояса топор. Ближайший зомби был уже в паре метров. Шаг вперед — и тяжелый обух топора с противным хрустом врезался в колено мертвяка. Будь ты хоть трижды мертв, но если тебе раздробить коленные чашечки, то передвигаться сможешь только на костылях. Или ползком. Отпрыгнув от другого зомби, зашедшего сбоку, я взмахнул топором по широкой дуге и практически перерубил вытянутую руку. Здесь главное не увлечься и не засадить лезвие в тело, мертвяку от этого ни холодно, ни жарко, а топор завязнет и высвободить его будет невероятно сложно.

— Топоры! — заорал Крест. Необходимости в этой команде уже не было, все, у кого имелось холодное оружие, его уже достали.

Я отпрыгнул от хромавшего зомби, который едва не проткнул меня коротким мечом, перехватил топор и боковым ударом раздробил второе

колени. Мертвяк рухнул на дорогу, но и с земли пытался достать меня своим клинком. Отступив от него на безопасное расстояние, я быстро огляделся. Справа от меня танцевали с клинками валькирии, рядом уже валялись отрубленные кисти, а одному трупу они ухитрились снести голову. Слева широко размахивал шипованной булавой Шурик. Головной части отряда приходилось сложнее. Большинство зомби лезли туда, где пытался наложить какое-то заклинание Дрон. Даже отсюда я видел, как наполняющая его энергия стекает с выводящих замысловатые пассы рук и оставляет в воздухе еле заметные светящиеся следы. От зомби его обороняли оруduющий длинной саблей Крест, Хобот и еще пара патрульных.

Неожиданно Дрона окутало голубоватое сияние, и в меня словно ударил электрический разряд. Мертвяки повалились на землю. Чужая сила, поднявшая их из могил, потеряла над ними власть. Все страньше и страньше. Заклинания изгнания нежити относились к одним из самых сложных, а я-то считал Дрона мелким фокусником. Об этом стоит задуматься. Но сейчас необходимо найти некроманта, пока он не сотворил еще какую-нибудь гадость. Поднять мертвых второй раз он не сможет, но кто знает, какие у мерзавца еще сюрпризы в рукаве припрятаны?

Я постарался расслабиться и почувствовать биение магической энергии в зарослях камыша — больше некроманту спрятаться негде. В самом деле, в камышах чувствовалось легкое пульсирование силы. На ходу доставая из колчанов стрелы с изумрудным оперением, туда метнулись валькирии. Дрон взмахнул правой рукой, и с нее слетел небольшой сгусток огня, устремившийся в камыш. Шарик словно наткнулся на невидимую стену и растаял, но перед этим высветил темный силуэт некроманта. Щелкнули тетивы луков, и две стрелы устремились к цели. Не пролетев и половины пути, они вспыхнули зеленым пламенем и рассыпались в прах. Некромант не пытался атаковать. Либо устал, либо занят подготовкой какого-то мощного заклинания. Верным оказалось второе.

Видимо сочтя, что наибольшая угроза исходит от лучниц, колдун выбрал целью именно их. Из камышей вылетела тень и, растягиваясь, понеслась в нашу сторону. Не теряя ни мгновения, я подскочил к Шурику и, подставив подножку, толкнул его на Макса. Мы рухнули на дорогу, валькирии метнулись в стороны от набравшего скорость облака тьмы. Руку одной из девушек окутало серебристое мерцание и потянувшееся к ней щупальце заклинания бесследно растаяло в воздухе. Тень прошла над нами, краями зацепив Шестакова и Леща. Они упали на дорогу, и стало ясно, что подняться парням уже не суждено. Пролетев через дорогу, тьма

закрутилась в переливающийся множеством оттенков серого и черного смерч. Что-то сейчас будет! Не вставая, я выхватил нож и начал вычерчивать защитный круг. Снова тренькнули луки. Одна стрела, прямо перед некромантом закрутившись штопором, ушла вертикально вверх. Вторая, задымившись, преодолела защитный барьер и вонзилась в колдуна. Смерч задрожал и втянулся в землю. Дрон выкинул вперед руку, и с его ладони сорвалась ослепительно-белая ветвистая молния. Она с шипеньем ударила в некроманта и отбросила его в сторону. После этого Дрон и Крест, нисколько не таясь и увязая по пояс в глубоком снегу, начали пробираться к дымящемуся телу.

Мы поднялись с земли. Яркий росчерк разряда еще оставался на сетчатке глаза. Макс ошалело рассматривал лежащие тела. Шурик достал фляжку, я последовал его примеру и допил остатки самогона. Немного отпустило. Вокруг раненых уже начинали суетиться патрульные, и я обратил внимание на зомби. Пора и о трофеях позаботиться. Мне удалось найти золотую цепочку с заключенной в круг «правильной» свастики и кольцо с синим прозрачным камнем, которое пришлось срезать с пальца, когда из камышей раздался крик Креста:

— Лед! Живо сюда.

Какого ...? Что им еще понадобилось? Прихватив короткий меч, я направился в камыши. Рядом с трупом некроманта по-прежнему были только Дрон и Крест.

— Узнаешь? — спросил Дрон, кивая на тело.

Я всмотрелся в лежащий навзничь труп. Длинная шуба сильно обгорела, но лицо почти не опалило. И оно казалось мне знакомым.

— Крыс? — удивился я. Когда пару лет назад учился в Гимназии, видел его там частенько, но с тех пор ни разу не встречал.

— Ну, что я тебе говорил? — повернулся Дрон к своему заместителю. — Не может быть, не может быть...

— Но его же с бандой Семы Два Ножа убить должны были. — Крест был ошарашен. — Мне сам Штоц рассказывал, что они всех положили, никто не ушел.

— Значит, ушел. И вообще, надо Штоца насчет той истории повнимательней порасспрашивать. — Дрон кинул на Креста многозначительный взгляд. — Все, давай иди отряд проверять, а я еще здесь осмотрюсь.

Я поплелся вслед за Крестом. Ну вот, и так всегда: только появилась возможность подзаработать, как начальство сразу все похерило. Не было никаких сомнений, что к этому времени все зомби уже выпотрошены и мне

придется довольствоваться кольцом и цепочкой.

Выйдя на дорогу, я пошел искать свои вещи и по пути наткнулся на Макса и Шурика, которые притащили мой вещмешок, лыжи и ружье.

Шурик хлопнул меня по плечу:

— Спасибо, в общем, выручил.

— Да ладно, чего там. — Можно подумать, Ермолов меня никогда не прикрывал.

— С нас в Форте выпивка, — продолжил уже Макс.

— Выпивка — это хорошо. — Я огляделся. Кое-какой порядок уже восстановился. Зомби оттащивали на обочину дороги, штопали пару раненых. Убитых оказалось четверо: Шестаков и Лещ, попавшие под заклинание некроманта, и двое из охраны Дрона, разорванные зомби. Серьезных увечий вроде ни у кого не было, но некоторые получили много мелких ранений, которыми сейчас занимался целитель.

Заметив, что мы болтаемся без дела, Крест послал нас делать волокуши.

— Своих мертвых заберем с собой, похороним на погосте у Нижнего хутора, — добавил он и почему-то уставился на меня. А что я? Возражать буду, что ли? Или это он мне Лысого припомнил?

Где-то через час все дела были сделаны, и отряд продолжил движение. Чтобы наверстать упущенное время, приходилось идти быстрее. Ночевка посреди болота никого не привлекала. Нам бы вообще-то еще сегодня до Форта добраться надо. Но выдерживать заданный темп оказалось нелегко, тем более что требовалось по очереди тащить волокуши с четырьмя трупами. Сказывались усталость и полученные ранения. У кого-то снова открылись не до конца залеченные раны, но отрядный целитель Хирург так вымотался, что помочь уже ничем не мог.

Помог случай. Когда мы вышли к развилке на Нижний хутор, из-за рощицы со стороны Форта показались сани, запряженные тройкой лошадей. Сани сопровождали двое верховых. Завидев наш отряд, тройка остановилась, а всадники направили коней вперед. Доспехи, мечи. Сразу видно, что Братство. На подъехавшем рыцаре был длинный меховой плащ, прикрывавший пластинчатые латы. Ноги выше сапог закрывали поножи, голову защищал подбитый мехом шлем. С одной стороны седла был приторочен налучень с луком и колчан, с другой — овальный деревянный щит, усиленный стальными полосами. Длинный меч в ножнах висел на поясе. Шлем оставлял открытым лицо, только стальная стрелка прикрывала нос. Короткая, аккуратно подстриженная борода обильно посеребрена инеем.

Крест, похоже, его знал. По крайней мере, когда он вышел вперед, а всадник остановил рядом с ним своего вороного жеребца, им хватило всего пары минут, чтобы о чем-то договориться. Рыцарь выпрямился в седле, дал команду братьям приблизиться и спрыгнул на дорогу размять ноги. Подъехали и остальные. Второй всадник был экипирован примерно так же, как первый, только вместо лука у седла болтался арбалет. На санях кроме возницы и единственного пассажира на полозьях сзади располагалась еще пара братьев. Эти одеты попроще. Длинные кожаные куртки с нашитыми железными кольцами, наручни, мохнатые меховые шапки. Вооружение составляли арбалеты, длинные кинжалы, боевой топор у одного и бердыш у другого. И в специальных петлях короткие посохи чуть тоньше запястья — жезлы, заряженные «свинцовыми осаами». Чародейские аналоги пистолетов-пулеметов не позволяли поражать цели на дистанции свыше полутора метров, но в остальном ничем не уступали механическому оружию. Разве что перезаряжать их куда более муторно.

— Это что за клоуны? — выдохнул стоящий рядом со мной Макс.

— Братство. Похоже, что-то ценное везут. — Я был твердо уверен, что заметил приклад, не до конца прикрытый набросанным на днище саней тряпьем. А Братство нарушало свои принципы только в исключительных случаях. Кроме того, от закутанного в длинную шубу пассажира доносился вполне различимый запах химических реактивов. Этот запах у меня твердо ассоциировался с чародеями, которые в процессе наложения чар использовали множество различных ингредиентов. Учитывая, что большая часть чародеев, не выдержав конкуренции со стороны Гимназии, давно работала на Братство, напрашивался вполне логичный вывод о том, что это чародей и есть.

— Эй, Лед! Совсем зазнался, старых друзей не узнаешь? — заорал второй всадник, спрыгнувший с лошади и уже направлявшийся ко мне.

— О, Рома! Ты б еще бороду до пупа отрастил, узнавай тебя тогда! — Я и в самом деле его сначала не признал, но не такие уж великие мы с ним друзья. Так, знакомые.

После тренировок на базе Братства в одной компании в «Цапле» тусовались. А он с последней нашей встречи неплохо устроился: выглядывавшая из-под плаща усиленная стальными зерцалами кольчуга и шлем с мелкого плетения бармицей стоили дороже всего моего снаряжения и оружия вместе взятого. Я уж молчу про наложенные на доспехи чары. — Растешь, однако. Через пару лет, глядишь, и гвардейцем станешь.

— Да не. Я ж с детства с лошадьми, вот и мечу в рыцари. — Он расплылся в улыбке и, подхватив меня под руку, потащил подальше от

толпы на обочину дороги.

— Тоже цель, лет через пятнадцать, может, и получишь золотые шпоры, — подколот его я. Хотя если учесть, что в Братстве едва ли наберется два-три десятка рыцарей, это не совсем и шутка.

— Ну и на что это вы нарвались?

— Да с чего ты взял? — прикинулся я шлангом.

— Можно подумать, Крест сейчас нам ваших кадров всучить пытается, потому что они на санях никогда не катались! — Рома махнул рукой в сторону тройки.

Я повернулся. Действительно, пару наиболее тяжелораненых из отряда уже укладывали в сани.

— На зомби. Недалеко отсюда — сразу после холмов. — Я обратил внимание на высывающийся из притороченного к седлу чехла посох. Дерево жезла обвивала широкая серебряная полоса. Что-то новенькое чародеи выдумали. Да и арбалетные болты больше миниатюрные крылатые ракеты напоминали.

— Много их было? — на глазах помрачнел Рома.

— Рыл пятьдесят плюс некромант.

— Мать твою! — Рома быстро огляделся. — Не знаешь, кто это был?

— Крыс. — Я не видел смысла отмалчиваться, а хорошие отношения с Братством очень даже могут пригодиться.

— Еще не лучше. А никого из банды Семы Два Ножа с ним не было?

— Так ее же всю вырезали? — изобразил я удивление. Сам услышал об этом сегодня первый раз, и мне была интересна реакция Ромы.

— Ага, вырежут их, как же, — процедил он с явно слышимой досадой и добавил уже еле слышно: — Разделились, значит.

Рома о чем-то задумался, и я поспешил воспользоваться ситуацией:

— А чего вы чародея с собой тащите?

— Учужал все-таки? Еще у нас в санях МРПК. И вот это. — Он на мгновение распахнул тяжелый плащ и как-то непонятно усмехнулся. — Побегу я. Даст Бог — свидимся.

— Стой! Что за МРПК? — не понял я.

— Магический аналог РПК, новая разработка. — Рома вскочил в седло и направил лошадь вслед за удаляющимися санями.

Я пошел догонять отряд. Не думаю, что он пошутил насчет пулемета. Да и на поясе у него висели знатные игрушки — пара закрепленных в специальных сетчатых мешочках стеклянных шаров с переливающимся содержимым оранжевого оттенка. В толстом стекле серебрились вплавленные отпечатки пальцев. Такие заряды делали только чародеи

Братства, и по взрывной мощи они намного превосходили гранаты. Кроме того, защититься от взрыва шара магическим путем было куда сложнее, чем от осколков обычных гранат. Стоили эти артефакты бешеные деньги, в открытую продажу никогда не поступали, и наличие столь серьезного арсенала у Ромы могло свидетельствовать только о том, что в санях везут что-то очень и очень ценное. Или — кто-то думает, что в них это везут.

Стоило мне догнать отряд, как тут же подскочил Шурик.

— Объясни этому. — Он подтолкнул ко мне Макса, а сам направился в сторону валькирий.

— Ну и что тебе объяснить?

— Да насчет Братства. Почему они только холодным оружием пользуются?

— Философия у них такая. Сила духа и тела, внутренняя энергия и прочая муть. Ну и доставать патроны и новое оружие становится все сложнее. Через границу туда-сюда не поскачешь. А со своим сюда мало кто попадает. Вот они на перспективу и ориентируются.

— Но ведь сейчас мы бы могли их запросто перестрелять. Ладно, они на снежных людей нарвутся, а если на простых бандитов? А...

Макс еще что-то хотел добавить, но я его остановил:

— Не факт, что мы бы их перебили. А знаешь, почему? — Сделав паузу, я посмотрел на Макса, тот покачал головой, и я продолжил: — А потому, что в Братстве есть хорошие чародеи, которые делают не менее замечательные амулеты. И эти замечательные амулеты прекрасно отводят пули от своего владельца.

— И что, пули вообще не попадают?

— Ну, если в упор только. Да и то не всегда. А так средний амулет пять обойм «Макарова» запросто держит. Потом подзаряжать надо, а то сгорит. Только Братство средненькими амулетами не пользуется — у них все самое лучшее. — У меня тоже был не самый плохой амулет, но по понятным причинам я об этом не распространялся.

— Ни фиги себе! И дорого они стоят? — Похоже, идея приобрести амулет не на шутку заинтересовала Макса.

— Стоят дорого, да и достать сложно. — Свой амулет я смог приобрести только через хорошего знакомого в Братстве. Амулет был списанный, обошелся мне не больше чем в треть своей реальной стоимости, но и эту сумму пришлось откладывать почти три месяца.

— А че так?

— Дак делают их только чародеи и маги, у колдунов руки не оттуда растут. Лучшие чародеи давно в Братстве, а магов в Форте можно по

пальцам пересчитать, — объяснил я. Вообще, колдуны амулеты тоже мастерят, но в основном атакующие или защищающие от ментального воздействия. Да и основой для наложения чар им служат не кристаллы или металл, а дерево и кость.

— Жаль. А стрелы они тоже отводят? — Макс покосился на валькирий. За время патруля он успел проникнуться уважением к их длинным лукам.

— Стрелы нет. — Когда я сам интересовался этим вопросом, знакомый чародей залез в такие теоретические дебри, что у меня мозги закипать начали. Понял только, что заклинание воздействует не на скорость, а на массу объекта. Увеличение массы приводит к росту потребляемой магической энергии не пропорционально, а в квадрате. Или в кубе? Не помню. — Там ограничитель по массе стоит, а то пара стрел или хороший бульжник и все — сдох амулет.

— Хорош, Лед, Макс по ушам ездить, есть такие амулеты. — К нам незаметно подошел Серега Вышев. Интересно, как ему с вывихнутой ногой удастся бесшумно подкрадываться? — Они с центральным энергопитанием, действуют в таком режиме только недалеко от базы. У Сестричек, например, такие. Им их ведьмы клепают.

— А ты откуда знаешь? — не удержался я.

— Много будешь знать — скоро состаришься. Давай, двигай вперед, тебя Дрон зовет.

— Ему-то что надо?

— Не знаю. Похоже, у Кота снова какие-то предчувствия, — пожал он плечами.

Опять попадалово какое-нибудь. А ведь хутор вот-вот показаться должен. В самом деле, с небольшого холма, на котором расположился Дрон, хутор был уже виден. И без всяких предчувствий Кота становилось понятно: что-то не так. Дома казались какими-то застывшими и неправильными. Не было в них жизни. Не подымался дымок над трубами, не сустились во дворах люди, а ворота в стене вокруг поселения были неплотно прикрыты, чего в этих местах не мог позволить себе никто. Крест долго рассматривал хутор в бинокль, потом повернулся к нам:

— Никого не видно.

— Надо послать кого-нибудь на разведку, — высказал свои мысли Дрон. — Кто хутор хорошо знает?

Можно подумать, меня просто так сюда позвали. И точно, так оно и оказалось.

— Лед и Кот, идете на хутор, Лариса и Алиса, вы их страхуете. Ян,

занимай позицию на холме. Тополь, бери пулемет и выбери место, чтобы можно было отход прикрыть, — отдал распоряжения Крест.

Ян бережно поднял чехол со снайперской винтовкой и пошел выбирать позицию. Стас Топольев, подхватив ручной пулемет, потопал к поваленному дереву, лежащему на середине склона. Я зарядил в двустволку патроны с картечью и начал спускаться с холма. На ходу проверяя автомат, Кот направился за мной. Особого смысла скрываться не было. Будь там хоть кто-то живой, нас бы уже давно заметили. Повезло, одним словом. Если на хуторе засада, шансы остаться в живых у нас не очень большие. Если не сказать — очень маленькие. Не помогут ни луки валькирий, ни снайперка Яна. Единственная надежда на удачу да на то, что встречающие не успели как следует подготовиться.

— Что делать будем? — не оборачиваясь, спросил я у Кота.

— А что делать, зайдем да поспрашиваем: «А шо это тут у вас случилось?» — Он откашлялся, сплюнул и продолжил: — Ты как считаешь, они в Форт эмигрировали или их пришельцы забрали?

— Какие пришельцы? — не понял я.

— Ясен перец, какие — зеленые, на блюде летающем. — Кот достал «бычок» и, стараясь не обжечь пальцы, прикурил.

— Шутки у тебя. Ладно, я иду впереди, ты со своей тархтелкой меня прикрываешь.

Мы подошли к высокому забору, окружавшему хутор. На потемневших досках виднелась глубокая резьба: когда-то вложенное в нее заклинание было очень сильным, но обновляли его слишком давно. Все правильно, в последнее время нечисти в этих местах значительно поубавилось. Пройдя вдоль забора, мы вышли к воротам. Между не закрытыми до конца створками оставалось расстояние, в которое при желании мог протиснуться не очень упитанный человек. Внимательно осмотрев через щель внутренний двор, я не заметил ничего подозрительного.

— Смотри, — ткнул меня в плечо Кот. — Следов на снегу нема.

И точно, нет следов. Значит, по двору никто не ходил, по крайней мере, с ночи — снегопад закончился задолго до утра. Я присел, прислонившись спиной к забору:

— Вымерли они, что ли?

— Или свалили отсюда еще вчера, или это не бандиты. Не думаю, что они в холодных хатах полдня без движенья сидят, нас дожидаются.

— Вот именно, не бандиты и не факт, что люди. У тебя патроны с серебряными пулями есть?

— Одна обойма. — Кот на всякий случай дослал патрон в ствол, сунул

ТТ обратно в кобуру, но застегивать ее не стал. — Все, ожидаемся валькирий и идем внутрь. А вот и они.

Девушки бесшумно вынырнули из-за угла забора и остановились рядом с нами.

— Мы будем у ворот, отсюда весь двор простреливается. — Одна из Сестер достала из кобуры «стечкин», вторая наложила стрелу на тетиву.

— Здесь так здесь. Смотрите, девоньки, нас по ошибке не продырявьте. — Кот выкинул докуренный «бычок», затряс обожженными пальцами и повернулся ко мне. — Ну, шо, хлопец, расселся? Иди, лезь уже.

Я и полез, успев услышать, как Коту пообещали, что случайно его не подстрелят, совсем даже наоборот, будут целиться специально. Быстро протиснувшись в щель, я метнулся к какой-то заснеженной куче хлама и схоронился за ней. Времени расстрелять меня было и так предостаточно, но нарываться на рожон смысла нет. Под прикрытием кучи добрался до крайнего с левой стороны строения. Если не ошибаюсь, это хлев. Сквозь створки ворот проскользнул Кот и, держа на прицеле окна противоположных домов, присоединился ко мне. Я приоткрыл дверь хлева и, пригнувшись, заглянул внутрь. Пусто. Кучки навоза на полу — и все. Никакого больше намека на скот. Кот прислонился к стене рядом с дверью и продолжал контролировать двор.

— Дальше куда?

— Продолжим по часовой. Заглянем к колдуну и в кузницу. — Ничего другого мне на ум не приходило.

— Двинули.

Я вышел из хлева и, держась поближе к стене, осторожно выглянул за угол. И сразу же остатки надежд, что хуторяне сами куда-то уехали, испарились. За хлевом находились собачьи будки, рядом с которыми на цепи всегда сидела пара здоровенных волкодавов. Они и сейчас были там. Вот только у одного была разmozжена голова, а второго отшвырнули в сторону с такой силой, что рывком цепи ему свернуло шею.

Переводя оружие от одного окна к другому, мы с Котом добежали до домика колдуна. Распахнутая дверь скрипела на ветру, и, чтобы осмотреть всю комнатку, внутрь заходить не потребовалось. Колдун сидел в своем любимом кресле. Старика можно было посчитать спящим, если бы не рукоятка ножа, торчащая из солнечного сплетения. Здесь мы задерживаться не стали: спрятаться в крохотной комнате негде, а время на тщательный осмотр еще будет.

Следующей стала кузница. Ее единственное окно было выбито, и перед тем как зайти внутрь, я осмотрел помещение через него. В сумраке

виднелись две распластанные у печи фигуры, но разглядеть что-либо конкретное не удавалось. Распахнув дверь и заскочив внутрь, я первым делом взял на прицел лежащие на полу тела: мало ли кто трупом прикидывается. Предосторожность оказалась излишней, больше в кузнице никого не оказалось, а тела и не думали оживать. Кот зашел следом, прикрыл дверь и устроился у окна. Ну и что здесь произошло? Один из мертвых кузнец, кто второй — непонятно. Одет так, словно только что встал из постели. Было видно, что именно в этой одежде он и умер, после смерти с него ничего не снимали.

— Видел этого здесь когда-нибудь? — спросил я у Кота, который бывал на хуторе чаще меня.

— Ты думаешь, его можно опознать? А так... вряд ли местный.

Действительно, воссоздать прижизненный облик мертвеца было по силам только очень хорошему специалисту: его лицо буквально сплющили ударом кузнечного молота. Сейчас слетевший с рукояти молот валялся поблизости. Пол вокруг был заляпан черными пятнами подсохшей крови. Словно изуродованного черепа показалось недостаточно, обломок рукояти, раздробив ребра, воткнули в грудную клетку. Осмотрев труп кузнеца, я обнаружил в боку обломанное лезвие ножа. К тому же для верности ему перерезали горло. Видно, что его врасплох застать не удалось и сопротивлялся он до последнего. Побледневшие пальцы до сих пор сжимали железный прут, которым скотине выжигали клеймо Нижнего хутора, — круг, вписанный в треугольник.

— Ну что?

— А шут его знает. Пойдем, дома проверим.

Мы начали проверять все дома, но ничего странного больше не обнаружили. Практически все вещи, которые запомнились по предыдущим посещениям, были на своих местах. Создавалось впечатление, что все просто встали посреди ночи и, даже не одевшись, куда-то ушли. На нервы это действовало угнетающе.

Когда добрались до дома старосты — последнего оставшегося неосмотренным дома на хуторе, — наши нервы были уже напряжены до предела. Заметь мы хоть какое-то движение, не задумываясь, открыли бы огонь. Кот рванул дверь, я, держа двустволку наготове, запрыгнул внутрь, но никто на меня не бросился. Да и стрелять тоже причин не было. Все пропавшие хуторяне аккуратными рядами лежали прямо на полу. Словно они повылезали из постелей, разлеглись здесь, да так и не проснулись. Быстро осмотрев несколько трупов, я у всех заметил небольшие парные ранки на шее. Темно-синие, они были хорошо заметны на белой коже.

— Похоже, здесь вампиры побывали, — подошел я к Коту после осмотра всех комнат. — Судя по покусанным, не меньше десятка. Шесть-семь минимум.

Тот присвистнул:

— Точно вампиры? Может, вурдалаки или упыри?

Его удивление понять можно. Вампиры встречались очень редко и друг друга на дух не переносили. А тут сразу десяток! Без специальных проверок отличить их от человека практически невозможно, и этим они были особенно опасны.

— Да нет, вампиры. — Я устало присел на краешек скамейки, но ружье убирать не стал. — Будь это вурдалаки, тут бы по всему хутору куски тел валялись. А упыри — это те же мертвяки, только кровь пьют. Следы от зубов остались бы, а тут две дыры — и все. Да и не смогли бы упыри всех сюда согнать.

— Дела, блин. — Кот полез за очередным «бычком».

— Так, ну мы вроде бы все осмотрели? Пошли отбой давать, пусть начальство выводы делает.

— Да вроде все, только подвал остался...

Подвал! Мы с Котом переглянулись и, очевидно, на ум нам пришла одна и та же картина: десятки спящих вампиров, пробуждающихся от дневного сна. А закат уже близко. На маленьких хуторах подвалы в промерзшей земле обычно не копают, но в прошлый приезд староста хвастался своим новым погребом. В нем запросто мог поместиться не один десяток людей. Не сговариваясь, перепрыгивая по пути через трупы и лавки, мы с Котом метнулись на кухню, где находился спуск в подвал. Ухватившись за кованое кольцо, я с трудом начал поднимать массивную крышку люка. У Кота в руке появилась граната. Он перегнулся через край люка и с облегчением выдохнул:

— Пусто!

Выйдя к воротам, мы крикнули валькириям, что все в порядке. Весь отряд потянулся к хутору. Дрон расставил караульных и пошел осматривать дома.

— Сами на постой пустили, — через некоторое время сделал вывод он.

— Угу, сами, — поддержал его Крест. — Ночью они зачаровали всех, кто спал. А колдуна и кузнеца пришлось убрать: думаю, они спать не собирались ложиться. Да и зачаровать их не так просто.

— А часовые тогда как? Не могли же и они заснуть? — спросил я.

— Думаешь, сугробы снега во дворе просто так намело? Там часовые

и лежат, — мрачно усмехнулся Крест и добавил: — Надо в Форт скорее сообщить. Может, перехватят.

— Сообщим, конечно, только не выступать же на ночь глядя? Здесь заночуем, а завтра с утра в Форт пойдем. — Дрон о чем-то задумался, потом обронил как будто нехотя — Мертвых похоронить надо.

— А может, их того... осиновыми кольями сначала? — Кот был ветераном и в разговор начальства вступать не боялся.

— Заняться нечем? — Дрон усмехнулся и нацелил указательный палец в грудь Кресту. — Только хороните на освященной земле. Не хватало еще упырей под боком развести.

Крест не стал откладывать это дело на потом:

— Хобот! Организуй людей, надо мертвых на погосте похоронить, пока совсем не стемнело. И скажи Хирургу, пусть заупокойную прочитает.

— И сколько мы могилы копать будем? Может, сожжем лучше? — предложил сержант.

— Ага, и пустим весь хутор на погребальный костер? Выкопайте братскую, до темноты успеете.

— Хобот то, Хобот се, — отойдя, пробурчал сержант. — А меня, между прочим, Андреем звать.

— Я тебя и буду звать Андреем. — Сержант пробормотал жалобу немного громче, чем следовало, и Крест все прекрасно расслышал. — Не успеете до заката с могилой, так и скажу — рядовой Андрей Кузьмин, а ну-ка, выкопай траншею отсюда и до рассвета.

Хобот втянул голову в плечи и, ускорив шаг, отправился выполнять приказ.

Мы с Котом в процессе погребения не участвовали и пошли выбирать, где бы устроиться на ночлег. В конце концов решили остановиться в домике колдуна. Маленькое помещение прогреть проще, а здоровенный камин позволял сделать это достаточно быстро. Вместе с нами решили остановиться Макс и Шурик, который, к нашему изумлению, уговорил присоединиться обеих валькирий.

Я разжег две лампы, огонь в камине и сел перед очагом. Принеся от колодца котелок с водой, Кот отправился разжиться чем-нибудь съестным. Вскоре комната прогрелась, я уселся на снятую фуфайку и продолжал смотреть на огонь. Языки пламени весело танцевали на березовых поленьях и время от времени выплевывали длинные искры. Снова появился Кот, разложил припасы и принялся что-то сыпать в закипевшую в котелке воду.

— Запасы почти не тронуты. А все ценное и по размерам небольшое

они с собой уволокли. — Кот перестал помешивать в котелке, принялся и добавил каких-то специй. — Интересно, зачем они скот с собой угнали?

— В Форте продадут.

— Окстись, скот клейменный. Засветятся.

— Тогда даже не знаю.

— Может, у них свой хутор есть? — задумчиво протянул Кот.

— Да ты гонишь, — хмыкнул я и потормошил кочергой поленья. Хутор, заселенный вампирами? Бред. Вампиры — не люди. Или правильней: нелюди? Укушенный не станет вампиром ни при каких обстоятельствах — неупокоенным — запросто, но не вампиром. Чтобы на одном хуторе обитал десяток кровососов? Чушь собачья!

Шурик и Макс появились, когда похлебка была готова, а мы с Котом уже поели. Следом за ними пришли валькирии. В небольшом помещении сразу стало тесно. Пришлось выкинуть на улицу большое кресло и кровать. Пол застелили тюфяками, которые парни притащили из жилых домов.

— Помянуть бы парней, земля им пухом, — постучал пальцами по полу Кот.

— Да, Лещ и Валя парни были что надо, — согласился Шурик. — А вот новеньких я даже по именам не знал. Откуда они, кстати?

— С первой роты в том месяце перевелись. — Я лег, вытянув ноги.

— Повезло, блин.

— Угу.

— А вы вампира видели? — Макс выскреб густые остатки похлебки из котелка.

— Какого такого вампира? — прищурился Кот.

— А который в кузницедохлый валялся.

— Это вампир? — не поверил я. — С чего ты взял?

— Хирург вскрытие провел. — Шурик искоса взглянул на заинтересовавшихся девушек. — Два сердца, клыки, все дела. Непонятно только, почему его с собой не уволокли.

— Не было времени? — предположил Кот. — Или загрузились по полной?

— Хоть закопали бы.

— Все равно бы нашли. — Кот отсоединил рожок от автомата и положил рядом с собой. — А они торопились. Поэтому и хутор до конца не вычистили.

— Как бы не вернулись, — усмехнулся я, — вот номер будет.

— А Дрон здесь пять человек оставить хочет, — сказал Макс, дуя на остывающую в ложке похлебку.

— Смысл?

— Говорит, теперь на хуторе база Патруля будет. Потом из Форта кого-нибудь пришлют. В ссылку, блин...

— Ага, месяца через два, — пробормотал Шурик. По его тону сразу стало понятно, что идея Дрона его не воодушевила. И причина этому могла быть только одна.

— Тебя что, здесь оставляют? — спросил я у него, подкидывая очередное полено в камин.

— Ну да. Дрон, блин, удружил.

Мы с Котом заржали. Макс недоумевающе уставился на нас:

— А чего плохого? По холоду тащиться не придется.

Конечно, возможность отдохнуть — это хорошо. Вот только Шурик явно рассчитывал развить свое знакомство с валькириями в Форте. А Дрон его обломал. К тому же придется переждать на хуторе три дня лазурного солнца — лично у меня от такой перспективы встали бы дыбом волосы, и притом не только на голове.

— А не опасно здесь оставаться? Если весь хутор вырезали, что пятеро смогут сделать? — с едва заметной улыбкой поинтересовалась одна из валькирий.

Смотри-ка, прорезались. Честно говоря, думал, что они так и промолчат весь вечер.

— Опасно? Ничуть. Вампиров они сами пустили. А нам Стас пулемет оставит, да и ограда нечисть не пропустит — Дрон обещал заклинание обновить. — Шурик с жаром начал расписывать возможные варианты защиты хутора от нападения. Постепенно от этой темы он перешел к своим обычным байкам.

Я достал точильный камень и стал выправлять зазубрины на лезвии топора. Кот чистил автомат. И только Макс откровенно маялся без дела. Наконец он не выдержал и пристроился у стены рядом с Котом:

— Слушай, а ты как сюда попал?

— Куда сюда? — не понял Кот.

— Ну, в Приграничье. Ты же не местный?

— Нет, не местный. Года три назад на машине решили дорогу срезать. Вот и срезали. — Кот вздохнул о чем-то своем и начал собирать автомат.

— А я отлить из автобуса вышел. Вернулся — ни автобуса, ни дороги. — Макс тихо засмеялся. — Сначала думал — заблудился. Как до Форта дошел, до сих пор не понимаю.

По-разному к нам люди попадают. Тех, кто здесь с самого начала, выжило не столь уж и мало, но в Патруле таких почти не было. Макс еще

повезло — думал, заблудился. А что было думать мне, когда, выскочив на какой-то остановке из вагона за пивом, я обнаружил заброшенную станцию, а обернувшись, не увидел ни поезда, ни рельсов? На всей станции нашелся только один живой человек — девушка, которая тоже сошла с поезда. Стоп! Об этом лучше не думать. Нет больше той девушки, есть валькирия. Да и пацана того давно уже нет.

Неожиданно мне показалось, что меня кто-то пристально рассматривает. Повернув голову, я встретился взглядом с одной из валькирий. То ли Лариса, то ли Алиса — кто из них кто, раньше меня нисколько не интересовало. Взгляд я отводить не стал, но по привычке начал смотреть на девушку как бы сквозь, контролируя ее движения в целом. Опасно смотреть людям в глаза. Знающему человеку ничего не стоит зачаровать собеседника, встретившегося с ним взглядом.

— А ведь правду говорят, страшный ты человек, Лед, — сказала валькирия с каким-то странным выражением.

Шурик даже чуть не подавился от смеха:

— Зря ты так. Лед, конечно, не красавец, но и до Квазимодо ему далеко.

— Да я не про то, — досадливо поморщилась Алиса или Лариса. — Просто по большинству людей можно сразу понять, чего от них ждать. А вот посмотри на него. Вроде мягкий и пушистый, глаза добрые-добрые, а сам наверняка прикидывает, куда нож воткнет.

Я хмыкнул. Именно этим сейчас и занимался — на случай, если разговор примет нежелательный оборот.

— А кто тебе, интересно, про меня говорил? — Я с любопытством уставился на Алису. Или Ларису. Разницы-то никакой.

— Да так, есть люди. — Отвечать на вопрос она не хотела и, похоже, уже сама жалела, что затеяла этот странный разговор.

После этого беседа заглохла как-то сама собой. От тепла и сытного ужина начало клонить в сон. Никто не стал возражать, когда Кот потушил лампы: вставать завтра придется ни свет ни заря. Зато уже к обеду будем в Форте. Если все пойдет как надо. Если...

Глава 3

До окрестностей Форта отряд добрался после полудня. Казалось бы, за время патруля можно было и привыкнуть к подобным марш-броскам, но нет: дышалка сдохла, ноги еле двигаются, а рубашку впору выжимать. Впрочем, и остальные не лучше. Более-менее ровно идут, не забывая посматривать по сторонам, только Крест с валькириями, большинство же просто тупо переставляют ноги. И никакого второго дыхания. А ведь сколько раз слышал, что даже лошади при приближении к конюшне ускоряют темп. Ну, уж по нашему-то виду никто не скажет, что до Форта осталось всего ничего. Это и понятно: лошади ж твари неразумные, а человек — венец природы.

Постепенно начали попадаться признаки близкого обитания человека: развалины зданий, полусгоревшие кучи мусора, проржавевшие куски железа и торчащие из-под снега пеньки спиленных деревьев. Трехэтажная школа слева от дороги выглядела на этом фоне инородным пятном: она практически не пострадала от непогоды и визитов охотников за бесхозными строительными материалами. Странно. Все ближайшие постройки давно уже по кирпичику растащили, одни только фундаменты и торчат. Хорошо хоть дорога делает крюк и к школе не приближается, не то запросто можно было получить оттуда какой-нибудь нехороший подарок. А так нас, наверное, только из снайперки и достать. Учитывая, сколько стоят патроны к снайперским винтовкам и как редко они попадают, никакому нормальному человеку и мысль в голову не придет тратить их на наш отряд. Разумеется, хватает и не совсем нормальных, да и полные отморозки время от времени попадают, но у них таких денег быть просто не может.

По обочинам дороги торчали бетонные столбы с обрывками проводов. Несколько раз из-под снега выступали помятые остовы автомобилей. Обычно их украшали пулевые отверстия, чуть реже следы когтей. Ржавые, перекрученные и загнутые во все стороны листы железа раньше были трансформаторной будкой. Представления не имею, что с ней приключилось. А что произошло с разорванным пополам автобусом, и гадать нечего: кто-то не пожалел фугаса. Мрачноватое зрелище, но ко всему привыкаешь.

Так, а это еще что такое? Короткая автоматная очередь заставила воронью стаю рассыпаться на несколько десятков галдящих птиц. Чего они сюда слетелись? А, понятно. На покосившейся опоре линии

электропередачи висело пять тел. Не поленился же кто-то их туда затащить: расстояние от висельников до земли превышало полтора десятка метров. Опять, наверное, дружинники бандитов прихватили, нормальные люди такой ерундой не занимаются. Тоже мне, акция устрашения. А потом еще удивляются, почему их всерьез никто не воспринимает. Главное чтобы никого на опору лезть не послали, а то ждать замучаемся. Обошлось. Оно и понятно, чего там после ворон разглядеть можно? До костей, поди, уж обклевать успели. В штаб сообщим, пусть сами разбираются. Дальше двинули.

Стоявший среди руин около обочины пятиэтажный жилой дом, казалось, мог обрушиться в любой момент: по стенам ветвились широкие трещины, крыша в паре мест провалилась, балконы бетонными обломками сгрудились внизу. Обманчивое впечатление, стоившее на прошлой неделе жизни десятку дружинников. Никто в Дружине и не думал, что в этой развалюхе можно устроить засаду. Зато об этом подумали налетчики, которых до сих пор не нашли.

Черные провалы окон с вырванными рамами безмолвно следили за нашим приближением. Мы смотрели на них с гораздо большим вниманием. Снаряд в одну воронку дважды не падает, да и заминировать дом после того случая собирались, и все же...

Обошлось. Развалины остались за спиной. Но расслабляться не стоило: дальше дорога проходила через бывший гаражный кооператив, на территории которого было немало мест, словно специально предназначенных для организации внезапного нападения. Да и от нежити все ямы и завалы при всем желании вычистить невозможно. Вот и приходится передвигаться чуть ли не черепашими темпами по окружному пути, заглядывая во все встречающиеся провалы. Когда мы выбрались из лабиринта погребенных под снегом бетонных обломков гаражей и искореженных автомобилей, я взмок окончательно. Пронесло на сей раз. Дальше места пойдут расчищенные и для нападения пригодные мало. Почти дошли.

Нет, все-таки это не северная промзона! Просто развлекательная прогулка какая-то! Вот в районе цементного завода нападения нужно ждать из-за каждого угла. Те, кто этим пренебрегает, обычно обратно не возвращаются. Но даже постоянная готовность дать отпор не является залогом успешного завершения патруля. А в этом отношении успехом считалось просто вернуться в Форт с первоначальным количеством конечностей. Развалины завода давали приют просто несчетному количеству самых разнообразных существ, а также ненормальных,

промышлявших на них охотой, и мелких банд, резавших всех подряд. Патруль еще пытался худо-бедно контролировать пару центральных улиц, а на зачистку всего района ни сил, ни средств уже не хватало. Дружина в этом деле нам не помощник — они за пределы городских стен нос лишний раз высунуть боятся. Только когда совсем начальство прижмет.

Форт показался, когда мы миновали низину. Бывший центр захолустного северного городка — а теперь самое крупное поселение в северо-западной части Приграничья — расположился посреди освобожденного от развалин и обломков пространства. Сложенные из бетонных плит и шлакоблоков высокие стены вовсе не становились симпатичней от оранжевых и желтых заплат кирпичей. По верху шло несколько рядов «егозы», а через каждые сто — сто пятьдесят метров возвышались сторожевые вышки. Для большего эффекта лезвия среднего ряда колючей проволоки были посеребрены, а на внутреннее кольцо при малейших признаках опасности подавали напряжение. Башни щурились узкими проемами бойниц, с их высоты открытое пространство просматривалось прекрасно, и пробраться незамеченным к стене мог, пожалуй, только невидимка. Хотя серьезных нападений на моей памяти не случалось, начальник гарнизона не давал служивым расслабляться и чуть ли не еженедельно устраивал проверки. Ночью подкрасться было ничуть не легче: на электропитание прожекторов уходила большая часть энергии, вырабатываемой единственной сохранившейся ТЭЦ.

Дорога шла не напрямую к Форту, а, не доходя до стены метров сто, сворачивала по открытому пространству на север. Срезать путь никто не пытался: земля вокруг стен была густо засеяна противопехотными минами, магическими ловушками и волчьими ямами. Вот и приходилось тащиться мимо башен к западным воротам и надеяться, что часовые с недосыпа не примут возвращающийся отряд за ватагу бандитов или хуже того — ледяных ходоков. Установленные на вышках крупнокалиберные пулеметы были способны справиться с куда более серьезной угрозой, чем полтора десятка человек. А уж если вспомнить об авиационных пушках и огнеметах, то становилось совсем тошно. Пушки монтировались не в башнях, а на верхних этажах жилых домов, которые оказались вмурованы в стену Форта и стали ее частью. Мимо одного из таких зданий с наглухо забетонированными оконными проемами мы сейчас и проходили. Хорошо хоть днем возвращаемся. Пусть сейчас и слепят отблески солнца на отполированном ветром насте снега, но это в любом случае лучше, чем бьющие по глазам лучи прожекторов.

— Ну, и долго нам тащиться еще? У меня щас ноги отвалятся. —

Макса качнуло, и он зацепил меня плечом.

— Ползи быстрее! Почти пришли уже. — Шедший сзади Вышев пихнул его в спину, протиснулся между нами и, обогнав еще пару человек, пристроился за Дроном. Во хромой дает! Еле ковыляет ведь, а все равно вперед лезет. Самый умный, блин! Понятно, что чем раньше в шлюз пролезешь, тем меньше ждать, пока идущих перед тобой проверят, но надо же и совесть иметь. Да ну и фиг с ним. Сзади кто-то матернулся, но сил на выяснение отношений уже не было. Ничего, глядишь, в кабаке морду набьют.

А вот и западные ворота. Под проход в Форт с этой стороны приспособили бывший подземный переход. Поэтому и приходилось каждый раз скатываться и карабкаться по заледенелым ступеням. Это еще ничего, на восточной стороне воротами служила труба ливневой канализации. Полсотни метров в полусогнутом состоянии — то еще удовольствие. Понятно, что западными и восточными воротами пользовались только патрульные, дружинники да ремонтные бригады, следящие за состоянием стен. Все остальные, в том числе и редкий автотранспорт, попадали в Форт с юго-востока, где был нормальный пропускной пункт.

В подземном переходе оказалось еще холодней, чем в продуваемом ветром поле. Промороженный воздух окутал ледяным одеялом, забрался под одежду и начал стремительно высасывать остатки тепла. Как в морозильнике, блин. На стенах белел толстый слой изморози, пол покрывала корка льда. Да, обленился гарнизон, раньше хотя бы наледь счищали. Потолок чернел темными провалами, в которых давно уже не было электроламп. В держателях факелов торчали лишь потухшие огарки, а единственным освещением с натяжкой можно было считать узкие щели под потолком в стене, перегородившей проход. Сквозь них пробивались лучи света, которые кое-как освещали нам дорогу.

Пару раз дернувшись, железный люк со скрежетом сместился в сторону. В освободившийся проход начали по очереди протискиваться бойцы отряда. Проверка человека проводилась минут за пять, так что когда подошла очередь, мои ноги порядком заоченели. Пролезая внутрь, я зацепился лыжами за край люка и едва не впечатался головой в стену шлюза, как это случилось в прошлый раз. Сзади, как всегда, лязгнула перегородка. Теперь можно и покемарить, тем более что ничего интересного в клетушке нет. На стенах ни окон, ни отверстий. За прошедшие посещения мне удалось рассмотреть только отдельные руны и части странной пентаграммы на полу. С помощью каких заклинаний или

приборов нас тут просвечивают, неизвестно, но проверка проводилась самая серьезная. Помню, полгода назад одного из патрульных подменил серый перевертыш, так это обнаружилось уже через пару минут после того, как тот зашел внутрь шлюза. А мы с перевертышем общались никак не меньше недели. И это при том, что сопровождавший нас тогда Петр Линь считался одним из сильнейших колдунов Гимназии. Ну, может, не сильнейшим, но уж во второй десяток-то он входил однозначно.

Лязгнув, ушла вбок дверь. Я подхватил мешок и вывалился из шлюза. В небольшой комнатенке три на четыре метра находились три охранника: один сидел за высокой стойкой рядом с дверью, двое других торчали по дальним углам. Зарешеченная лампа над выходом заливала все помещение ослепительным светом.

— Ну и на хрена эта иллюминация? Сделайте послабее, глазам больно. — Я прикрыл лицо ладонью.

— Проходи живее. — Караульные не обратили на мою просьбу никакого внимания. Уроды. Понятное дело, в эту дыру загоняют только проштрафившихся.

В начинавшемся за дверью длинном коридоре было гораздо теплей, чем в подземном переходе, а через каждые пять метров под потолком светились тусклые лампочки. Дойдя до первой развилки, я повернул направо. Вот и арсенал. Теперь только избавиться от ружья и все — две недели свободы. Обычно перегораживающий дверной проем лист стали, приваренный на металлическую решетку, был открыт и из арсенала доносились возбужденные голоса. Оказалось, что за стоящим у стены столиком уже успел расположиться сосредоточенно тасовавший колоду карт Кот, а пара караульных сидела напротив и о чем-то спорила.

— Присоединяйся, в храп зарежемся. — Кот указал колодой карт на свободную табуретку.

— Не, спасибо. В другой раз. — Ага, делать мне больше нечего, как с тобой в карты играть. Кота даже шулером назвать нельзя: за руку его никто не ловил, но вот шла ему карта, и все тут. Караульные, те-то от скуки опухли, а мне все жалованье спустить совсем не с руки.

Длинная комната, где хранилось оружие патрульных, была когда-то давным-давно выкрашена в темно-зеленый цвет, пол покрывала коричневая кафельная плитка. Я прошел по узкому проходу между стоящими с двух сторон шкафчиками и остановился перед своим. На покрытой осыпающейся хлопьями синей краской дверце был аккуратно выведен желтый номер: «771». Не знаю, откуда взялась такая нумерация — по моим подсчетам, оружейных шкафов в комнате было никак не больше шести-

семи десятков.

Присев на корточки, я просунул ладонь под днище и вытащил висевший на загнутой проволоке ключ. В патруле он мне без надобности, а так хоть не потеряется.

Замок со скрипом открылся, как обычно, заусеница на ключе уколола палец. Каждый раз собираюсь отшлифовать, но все руки не доходят. Да и замок маслом смазать не помешает. Выложив двустволку, оставшиеся патроны и лыжи, я захлопнул дверцу, закрыл замок и сунул ключ в нагрудный карман рубашки. Пистолет Лысого оставлять не стал, только вытащил его из кармана фуфайки и засунул на самый низ вещмешка.

На выходе у решетки уже успел разместиться заведующий арсеналом, который разогнал картежников и разложил на застеленном газетой столе разобранный автомат. Никакого, понимаешь, уважения к карточной игре. Правильно, сам-то он только в преферанс и играет. Причем играет очень даже неплохо. А вид, как у слесаря после запоя: весь какой-то помятый, армейский камуфляж в масляных пятнах самых разных форм и размеров, колени и локти протерты, а щетина запросто может поспорить по длине с остатками волос. Было Смирнову под полтинник, но из-за глубоких морщин, обветренного лица и лысины он выглядел старше своих лет. Услышав мои шаги, Петрович обернулся и повертел испачканными машинным маслом руками: «Мол, ручкаться не будем».

— Ну и как делишки? — Он потер тыльной стороной ладони лоб и поправил сдвинутое на затылок кепи.

— Да потихоньку, Петрович. Нормально. — Я остановился у выхода. С Петровичем пообщаться стоит. Мало ли чего в Форте за две недели произойти могло? Заодно насчет патронов не помешает договориться.

— Вы ж в Ключах были? Когда пиво привезут?

— Да я даже не знаю. Вроде к концу месяца собирались.

— Надо будет зайти к Яну. Заказать бочонок, пока не поздно. — Петрович задумался. — Слушай! Ты ж по-любому сейчас к Яну заходить будешь? Передай, пусть запишет на меня бочонок светлого.

— Да без проблем. А то Крис опять все на корню скупит, как в том месяце, — кивнул я. Если Крис выкупит весь завоз оптом, то снова придется платить в «Берлоге» двойную цену. Кроме как в Ключах, пиво больше нигде не варили, а попадавший время от времени с той стороны пастеризованный и разлитый в бутылки, пластик или жесть хмельной напиток с ним сравниться не мог. Надо по деньгам прикинуть, может, в самом деле, скинуться с кем-нибудь, выкупить бочонок. Жалко, Шурик в Нижнем хуторе застрял! — А, кстати, что насчет пайка?

— Талоны у сержанта на пропускной. Жалованье на следующей неделе обещали.

— Паяк в «Весне» получать или на склад завезли? — Я прикинул, успею ли отовариться прямо сейчас или стоит отложить это дело до завтра.

— В «Весне». Можешь продуктами взять, можешь там по талонам харчеваться. — Неожиданно Смирнов хлопнул себя ладонью по лбу. — Слушай, Лысого, говорят, волколак задрал?

— Ага! — Надеюсь, на мою гримасу внимания он не обратил.

— Не повезло. Ну, да с его фартом не в патруль ходить, а из дома нос не казать. — Петрович цыкнул зубом и покачал головой.

— А что такое? — Не слышал, чтобы у Лысого были какие-то проблемы.

— Да он в последний раз из «Серебряной подковы» без портков ушел, еще и должен остался. Даже нательный крест свой серебряный отдал. Все отыгаться хотел. Если масть не пошла — иди спать. Нет, все ж умные.

Лысый проигрался? Да еще и долг на нем повис? Как же он крест вернуть умудрился? Интересно. Может...

— А кому... — Договорить я не успел: в дверь влетел один из гарнизонных и сразу с порога заорал:

— Петрович! Интендант, сволочь, совсем оборзел! По последней заявке он реально только половину патронов выделил. Стас с пацанами два ящика с цинками приволок, а больше, говорит, не будет, и не надейтесь даже. Пойдем, тормознем его, пока не свалил!

— Ладно, Лед, увидимся еще. — И Смирнов выскочил в дверь. Я двинулся следом, но понял, что ближайшую пару часов ему будет не до меня: прижимистость и тяжелый характер интенданта были широко известны. Ну и ладно, успеется.

На пропускной меня тормознул пожилой сержант, сидевший с напарником в будке, толстое стекло которой было забрано мелкой железной сеткой.

— Ничего запрещенного не тащишь? Оружие, взрывчатку, несертифицированные артефакты?

— Да зачем же? Правила знаю, — усмехнулся я и с честным видом подошел к вертушке.

— Знают они, грамотные шибко, — пробурчал сержант, просунул в прорезь толстую амбарную книгу, после чего лязгнув запором и, отвернувшись к шахматной доске, продолжил, обращаясь уже к напарнику: — На той неделе один такой умник амулет, заряженный закатым муаром, протащить пытался. Нет, ты скажи, зачем они полных

идиотов в патрульные берут? Ясно же на инструктаже говорят: все магические шмотки в досмотровой камере обнаружены будут. Нет, тащат. Двух недель не проходит, чтобы пронести не попытались.

— Да это их Ян с панталыку сбивает. Деньги хорошие за товар дает, вот и хитрят, придурки. — Второй контролер отхлебнул чай и переставил пешку. — И вообще, давно пора металлоискатель поставить.

Пистолет — не амулет, только если специально шмонать, найти можно. Так что я спокойно обмакнул перо в чернильницу и расписался за талоны. Сержант придирчиво осмотрел подпись, вытащил из железного ящичка отпечатанные на грубой желтой бумаге талоны и просунул мне. Отправив сложенные листы в карман рубашки и пройдя через вертушку, я оказался у лестницы. А насчет артефактов прав старый перечник: последнее дело их через шлюз пытаться пронести никому еще не удавалось. И думаю, не удастся.

Снова ступени подземного перехода, только теперь мне вверх. В Форте почему-то теплее, чем снаружи. Может, потому что ветра нет? Или мне только кажется? В любом случае не май месяц. Дурацкая присказка. Здесь и в мае такой дубак стоит, что зуб на зуб не попадает. Я огляделся по сторонам и двинулся по направлению к ближайшей двухэтажке. Дом этот нельзя было спутать ни с одним другим, находившимся внутри городских стен. И дело не в двух этажах: пятиэтажных и девятиэтажных домов как раз немного, ими в основном окраины застраивали. Главным отличием этого дома от других был его ухоженный вид. Все окна застеклены и даже вымыты, прорех в шифере нет, а свежая штукатурка бежевого цвета покрывала стены не только со стороны дороги, но и со двора. Над центральным подъездом сверкала начищенными медными буквами вывеска «Торговый дом „Янус“». Место на первый взгляд для магазина неподходящее: от юго-восточного пропускного пункта — торговых ворот Форта — далеко, да и до центра топать и топать. Но вопреки этому торговля процветала. Все возвращающиеся через западные ворота патрульные спешили избавиться от трофеев и на вырученные деньги sprysнуть удачное возвращение в ближайшем кабаке. А за редкими вещами сюда заходили перекупщики со всего Форта. Опять-таки люди, собирающиеся за стену, обычно вспоминают о разных недостающих мелочах в самый последний момент — не бежать же за ними через половину города? Да и Миша Чернов — пивовар из Ключей — свое пиво продавал исключительно через Яна, который был владельцем магазина.

— Лед! Подожди! — Макс выскочил из подземного перехода и, скользя на утоптанной и раскатанной дорожке, подбежал ко мне. —

Слушай, а чего меня автомат в арсенал сдать заставили?! Он же не казенный!

— В Форте с огнестрельным оружием только дружинники могут появляться. Ножи, луки, топоры, арбалеты — это пожалуйста, а про ствол даже не думай.

— Дак мы ж патрульные! Чем мы хуже Дружины? — Макс начал горячиться и размахивать руками. Его понять можно, за время патруля с оружием сживаешься. Но и запрет на ношение огнестрельного оружия обоснован — слишком уж стволы привычными становятся. И любая пьяная ссора имела бы неплохие шансы закончиться не обычной поножовщиной, а настоящим сражением. А уж в Дружине как смертность бы взлетела! Поэтому у ворот организовали арсеналы: у западных и восточных только для патрульных, у юго-восточных — общедоступный.

Дружинники пользовались хранилищами в околотках и центральном участке.

— Дружинники тоже только при исполнении с оружием таскаются. — Я поправил топор за поясом (все время сбивается, надо петлю какую-нибудь приспособить) и прикинул, что мне светит за ношение пистолета. Получалось, что ничего хорошего. Если запалят, вкатают на полную и отмазаться не получится. Это был один из немногих законов, соблюдавшихся неукоснительно, а второй раз на удачу мне рассчитывать уже не стоит. Но Макса я, похоже, не убедил и поэтому ткнул его кулаком в плечо: — И даже не думай, понял? Или на виселицу угодишь, или в штрафной отряд на северную промзону. Тебе оно надо?

— Да ладно, че ты в самом деле? — Он вскинул руки. — Понял я, понял. Какие планы на вечер?

— Не знаю, мне бы до дома доползти, а там видно будет.

— Давай вечером в «Берлогу» завалимся, я проставляться буду. Ты как?

— Да без проблем. Во сколько? — Выпить сегодня я собирался и так, а тут такой повод. Паренек-то соображает: первое возвращение из патруля, да еще и без единой царапины, отметить просто необходимо.

— Часов в шесть нормально будет?

— Договорились.

— Тогда до вечера. — Макс хлопнул в ладоши, поправляя перчатки, развернулся и потопал по дороге, ведущей к центру Форта.

Так, значит, до шести надо успеть все дела порешать. А сейчас сколько? Часами я как-то не обзавелся, но, судя по наметившемуся на прояснившемся небе бледному серпу месяца, у меня в запасе часа два, не

больше. Стоит поторопиться. Пока трофеи сдам, пока до дома дойду, уже и время подойдет. А отложить торговое мероприятие никак не получится, жалование когда еще выплатят. Да и с Яном парой слов перекинуться надо.

Когда я подошел к зданию торгового дома, из распахнувшейся двери вышли Стас Тополев и тезка хозяина магазина Ян Ревень. Пулеметчик и снайпер весело ржали, видно, деньжатами разжились.

Увидев меня, Ян щелкнул по кадыку и натянул перчатку:

— Пошли, Лед, до «Весны», туда сейчас Виталик подвалит. Выпьем по чуть-чуть, да и талоны заодно отоварим.

— Не, я в «Берлогу» вечером пойду, Макс проставляться будет. — Я ухватился за ручку двери и не дал ей закрыться. В «Весну» я захаживал получить паек или когда подходили к концу сбережения. Цены там не задирали, кормили прилично, а патрульных и в долг обслуживали. Хозяйка «Весны» ничем не рисковала: если должник не возвращался из патруля, деньги выплачивались из жалования, причитающегося покойному.

— Ну, как знаешь. Если что, заходи. — Кивнув на прощанье, парни спустились с крыльца.

— Эй, вы двое! Закройте дверь уже! — Судя по голосу, раздававшемуся из магазина, кричавший был в бешенстве.

Не обратив внимания на крик, я переступил через порог и аккуратно прикрыл за собой дверь.

— А, это ты, Лед. — Приказчик вытащил ложечку из чашки с кофе и положил на блюдце. — Я думал, те два гаврика никак дверь закрыть не могут.

— Ничего, проветривать комнату тоже надо. Микробы, они, знаешь, свежий воздух не любят. Совсем как ты. — Я вытер валенки о коврик и прошел через полностью заставленную витринами и стеллажами комнату к широкому прилавку, за которым расположился приказчик. Поверх синего шерстяного свитера на нем был надет овчинный полушубок с отрезанными рукавами. На курчавых волосах словно приклеенная торчала черная вязаная шапочка. — Не жарко? Может, Вениамин, ты сам большой микроб?

— Ну что за день сегодня?! Сначала эти кровососом обозвали, теперь ты микробом. Сразу видно, люди с патруля в Форт вернулись. Без вас так спокойно было, ты даже не представляешь. — Вениамин закатил глаза, потом осторожно отхлебнул кофе и поинтересовался: — Ты по делу или просто погреться зашел?

— Ян Карлович у себя?

— Проходи.

Я и прошел. Вернее, попытался и едва не зацепился вещмешком за

выступающий стеллаж. Со времени моего последнего визита и так неширокий проход в заднюю комнату стал еще уже. Я огляделся: так и есть, количество полок заметно прибавилось. А это только торговый зал, что у них тогда на складе творится?

— Присмотри за вещами. — Я скинул вещмешок с плеча, вытащил оттуда замотанный в тряпку меч и ногой запихнул мешок под полку. — Как вы только нужную вещь в этом бардаке находите?

— Зачем искать-то? Что под руку первое попадется, то и продаем. А за вещички не волнуйся, не думаю, что твои подштанники заинтересуют кого-нибудь из наших посетителей. — Вениамин промокнул вспотевший лоб носовым платком. — У нас респектабельное заведение, знаешь ли.

— И все же, будь любезен, присмотри. — Я развернулся и начал протискиваться между витринами, стараясь ничего не смахнуть на пол.

Массивная дубовая дверь была закрыта, но на мой стук изнутри почти сразу же откликнулись:

— Заходи, Лед, заходи.

— Здравствуйте, Ян Карлович! — Я плотно прикрыл за собой дверь и принялся расстегивать фуфайку, прикидывая, куда удастся ее пристроить на этот раз. Получалось, что только на пол: вешалка в комнате так и не появилась, а кушетка выглядела слишком чистой. Да, уютный кабинетик, ничего не скажешь. Может, все дело в том, что нет окон? Сразу начинаешь забывать об уличном холоде, а заряженный магической энергией светящийся шар до мурашек по коже напоминает ласковое майское солнышко. — Как здоровье?

— Как в том анекдоте: «не дождетесь». — Хозяин кабинета тихонько рассмеялся и отложил книгу. Несмотря на европейское имя, было в нем что-то восточное. Может, чуть желтоватый оттенок кожи? Или обычно невозмутимое выражение лица? Ничем особо примечательным его внешность не отличалась. Черные волосы без малейших признаков седины коротко подстрижены, щеки гладко выбриты. Стекла очков в тонкой оправе из серебристого металла сдвинуты на кончик носа. Ян не производил впечатления опасного человека, но пытаться надуть его не станет ни один обитатель Форта. Разве что только совсем недавно появившийся здесь и еще не успевший разобраться в том, «кто есть кто». Дело не в том, что Ян Карлович являлся одним из руководителей Торгового Союза, об этом как раз мало кто знал, а в том, что пытавшиеся его надуть обычно теряли намного больше, чем могли выиграть от своего обмана. Голова у Яна работала почище механизма швейцарских часов, которые он сейчас достал из жилетного кармана. Ян закрыл крышку, засунул часы обратно в

кармашек и вытащил из стоящего рядом со столом бара бутылку. — По рюмашке?

— Не откажусь. — Фуфайка полетела на паркет. Положив меч сверху, я передвинул кресло к столу и плюхнулся в него. Ян Карлович набулькал полрюмки янтарной жидкости, немного плеснул и себе. По кабинету распространился восхитительный аромат коньяка. Я приподнял пузатую рюмку на уровень глаз и слегка склонил голову. — Ваше здоровье.

Ян приподнял в ответ свою и пригубил коньяк. Я сделал куда больший глоток. Замечательно. Не часто удастся отведать такой замечательный напиток. Уже только ради этого стоит заходить к Яну почаще. В голове слегка зашумело. Увлечаться не стоит, сначала надо с делами разобраться.

— Перекусишь?

— Нет, пожалуй. Закуской такой коньяк только портить. — Я отпил еще и откинулся в кресле. — Что в Форте творится?

— А ничего хорошего. Гимназия с Лигой опять поцапались, с Городом какие-то проблемы начались. Сергей Петрович, воевода наш несравненный, грозитя все утрясти, да только непохоже, чтобы у него хоть что-то путное выходило. — Ян снова поднял рюмку, но пить не стал, наслаждаясь ароматом.

— Все как обычно, значит.

— Да нет. Что-то непонятное затевается. Словно все чего-то ждут. Только непонятно чего. Такое впечатление, что послезавтра конец света, и мне об этом сообщить забыли. А остальные уже в курсе и отрываются на всю катушку. Долгосрочную перспективу никто в расчет не принимает, о последствиях не думают совершенно. На грубую силу ставки делают. Кириллов даже новый набор в Дружину объявил. Заметь, не в Гарнизон и даже не в Патруль, где хронический некомплект, а в Дружину, которая напрямую воеводе подчиняется и от недостатка личного состава отнюдь не страдает. — Торговец снял очки, потер виски и задумчиво продолжил: — Неправильно люди себя ведут, неправильно. Сестры вконец обнаглели, а Братство, наоборот, сидит ниже травы, тише воды. Создается впечатление, что они свои операции в Форте потихоньку сворачивают. И только Цех пока еще ведет себя так, будто ничего не происходит. Но исключения, как известно, лишь подтверждают правила.

Надо же, всего две недели в патруле был, а какая каша успела завариться! Что же такое случилось, если Кириллов в своих силах засомневался? Начальники Патруля и Гарнизона хоть и выполняют распоряжения воеводы, но подчиняются напрямую Совету. До сих пор позиции Кириллова в нем были непоколебимы, да и теперь его положению

ничто не должно угрожать. Герман Бергман — директор Гимназии — всегда поддерживал воеводу. Торговый Союз в политику не полезет ни за какие деньги. Сестры Холода ничего не могут противопоставить альянсу колдунов и дружинников, а Братство еще не настолько сильно, чтобы действовать с позиции силы. Цех в таких играх никто в расчет не принимает. Он по сравнению с остальными не более чем уличная шпана.

— У Братства, похоже, интересы на севере появились, но что-то у них там не клеится. — Я вкратце рассказал о встреченном нами обозе.

— Думаешь, некромант ждал именно братьев? — Ян смочил губы в коньяке.

— А кого еще?

— Это не аргумент. Не одни же братья по той дороге обозы отправляют. Крыс мог месяц в засаде сидеть, добычу поджидать. Некроманты, они ж упертые.

— Ага, и за это время не удосужился своих мертвяков обобрать? — Я вытащил кошель, развязал его и высыпал на стол кольцо и цепочку со свастикой. — А покойнички ему богатенькие попались. Очень интересное, надо думать, захоронение было.

Ян приподнял цепочку, посмотрел на болтающуюся свастику и отложил в сторону:

— Тут ты, скорее всего, прав. Обычный некромант первым делом зомби своих проверяет. — Торговец достал лупу и, как заправский ювелир, начал внимательно обследовать кольцо. — Странная техника, не встречал такой еще. Не зря, видно, про дольмен на болотах болтали...

— А чего необычного-то? Сапфир, кабошоном ограненный, не такая уж и редкость, — перебил я Яна. Сейчас он задумался, сам с собой разговаривает — ничего серьезного, конечно, не скажет, а вдруг? Может, мне и про дольмен знать не надо? А у нас как принято: нет человека, нет проблемы.

— Во-первых, не сапфир, а аквамарин. Во-вторых, я про гравировку на платине. — Ян отложил лупу и уставился на меня. — Ну а, в-третьих, судя по твоему рассказу, братья разделали бы некроманта под орех. Это больше похоже на ловлю на живца, знаешь ли. И наконец, в-четвертых... все это наши измышления, а фактов, фактов у нас нет. Может, Братство решило частично перебазироваться на север. Может, это вынужденный отход на заранее подготовленные позиции. В конце концов, просто попытка спровоцировать кого-то на активные действия. Сплошные «может», «если» и «или». Делать на основании имеющейся информации выводы сродни гаданию на кофейной гуще. Ты согласен?

— Вам виднее. — Не соглашаться с очевидным смысла нет, открыто признаваться в собственной тупости — тоже.

— Вот видишь... Точные сведения нужны. Кольцо продать принес? — Сменив тему разговора, Ян Карлович перестал вертеть перстень в пальцах и положил его рядом с цепочкой.

— Угу, — промычал я, уткнувшись в рюмку с коньяком. — И цепочку тоже.

— Червонец за цепочку, еще три за кольцо.

— Что?! — Возмущение вышло у меня вполне естественным. — Да в цепочке раз в пять золота больше, а то и в шесть. Про кольцо я вообще молчу, уж если вы его интересным нашли, то что про других скупщиков говорить? С руками оторвут! Да и платина — это не золото. Плюс прекрасно ограненный камень и, заметьте, без малейших дефектов. Девяносто рублей золотом за все.

— Не надо передергивать. — Торговец покачал головой. — Кольцо я назвал не интересным, а странным. Это, согласись, вещи разные. И какое содержание золота в твоей цепочке «желтого металла», мне неизвестно. Полагаю, и тебе тоже. Или ты можешь показать пробирное клеймо? Нет? Тогда за цепочку империа, за кольцо тридцать пять.

— Маловато будет. Хоть червонец накиньте.

— Только из уважения к тебе накину еще пятирублевку. Больше не дам, и не проси.

— Добавьте пол-империа и забирайте.

— Ну что с тобой делать? Добавлю, куда деваться. — Ян сделал вид, что крайне расстроен слишком высокой ценой.

— По рукам. Двадцатку золотом, остальное серебром. — Я пригубил коньяк. Удачная сделка для нас обоих. Я быстро и по хорошей цене пристроил трофеи, Ян наварит на перепродаже не меньше меня. Надо бы успех закрепить. Я поднялся из кресла и взял с фуфайки клинок. — Меч посмотрите?

Хозяин кабинета осторожно принял протянутый клинок, внимательно осмотрел, повертел в руках и отложил на стол:

— Неплохая сталь; да и исполнение вполне приличное. За меч еще три империа добавлю. Или серебром?

— Серебром, — подтвердил я.

— И куда тебе столько? — Ян одним глотком допил коньяк и убрал пустую рюмку в бар. — Если не секрет, конечно.

— Да какой секрет? Патроны начинать буду. У меня только один с серебром остался.

— А что так?

— На той неделе нашу тройку бандиты прижали, пока отряд не подошел, пришлось почти десяток патронов с серебром расстрелять. Как вспомню, не по себе становится. И серебро жалко на бандитов тратить, и других патронов по оконцове уже не оставалось. До сих пор жаба давит.

— А чего из трупов потом не наковырял? — то ли пошутил, то ли всерьез поинтересовался Ян.

— Не успел, — честно сознался я. — К бандитам подкрепление могло подойти, и мы сразу к Ключам начали отходить.

— Охота тебе монеты портить? — Ян подошел к одному из шкафов, выдвинул ящичек и бросил мне небольшой моток темно-серой проволоки. — Держи, это за меч. Техническое серебро. Для тебя в самый раз будет.

Я несколько раз подбросил в руке проволоку. Неплохо. Грамм сто пятьдесят. Выгодная сделка, даже при том, что из-за пониженного содержания серебра проволоки на патрон придется тратить больше, чем монетных обрубков.

— Ну все, теперь осталось только осиновыми кольями запастись, и арсенал готов. — Я сунул проволоку в карман фуфайки и краем глаза заметил, как от удивления приподнялись брови моего собеседника.

— Решил податься в борцы с нечистью?

— Да нет, — рассмеялся я. — Просто по нынешним временам кол осиновый в любую минуту пригодиться может. Пару дней назад вампиры Нижний хутор до единого человека загубили.

— Их что, несколько было? — Изумлению Яна не было предела. — Они же одиночки, друг друга терпеть не могут!

— По крайней мере, пятеро было. Одиночка там бы не справился, пусть даже под видом гостя и сумел пробраться внутрь. — Я допил коньяк и отодвинул рюмку на край стола. — Пацаны болтают, может, кто из кровососов клан сбить смог?

— Этого еще не хватало. — Ян достал кошель. — Выходит, рыба и лес скоро подорожают.

— Рыба, та подорожает. Лес вряд ли. Хутор целехонек, наши парни в нем остались, так что как за лесом из Форта ездили, так и будут. А вот лов рыбы так сразу и не наладишь.

— Пятнадцать рублей золотом, остальное серебром тебя устроит? — Торговец положил на стол пятачок и придавил сверху монетами.

— Вполне. — Я сгреб деньги. Пятикопеечную серебряную монетку, размером не больше ногтя мизинца, даже не стал смотреть и кинул в

кошель. Империял — пятнадцатирублевая золотая монета царской чеканки — также подозрений не вызвал и отправился следом. А вот серебряный рубль я убирать не спешил, слишком он был какой-то покоцанный. Да и дырка неизвестно каким сплавом запаяна. Принимать монету или не стоит? И Яна обидеть нельзя, и по деньгам пролететь не хотелось бы. Вопрос...

— Что-то не так с рублем?

— Все в порядке, — принял я решение. Нормальная монета. Год чеканки 1831. Вес 4 золотника и 21 доля, если в граммах, то примерно 18. А что побитая, ничего страшного, стоимость ее это почти не уменьшает. — Ладно, пора и честь знать. А то сижу, отвлекаю вас.

— Что ты, Лед, что ты. Для друзей у меня время всегда найдется. — Ян подождал, пока я натяну фуфайку, и добавил: — Будет что интересное — заходи. Понимаешь, о чем я?

— Обязательно, если что-нибудь узнаю, сразу забегу, — кивнул я и уже почти вышел из кабинета, но, вспомнив про просьбу Петровича, развернулся. — Смирнов просил придержать для него бочонок светлого, когда пиво из Ключей придет.

— Хорошо, запомню. — Ян надел очки, достал книгу, которую убрал при моем появлении, и уже мне в спину продолжил: — Поосторожней, Скользкий. Ты и так по краю ходишь, а сейчас неизвестно, что в Форте затевается. Лишний раз на рожон не лезь.

— О чем это вы, Ян Карлович? — замерев на пороге и не поворачиваясь, поинтересовался я.

— А помнишь, как там у Есенина: «Будто я в кабацкой пьяной драке получил под сердце острый нож»? Или слова не те? Разницы, в общем, никакой... Да ты не стой в дверях, иди уже.

Я прикрыл за собой дверь. Мать вашу! Да что ж такое творится?! Ян по-пустому болтать не станет, раз говорит, стоит прислушаться. Вернулись изрядно ослабшие за прошедший день сомнения по поводу найденного пистолета и поведения Дрона. Не об этом ли предупреждает Ян? Может, стоит с ним посоветоваться? А что, собственно, я расскажу? Возможно, меня хотели убить? Или не меня, а Макса? А может, все-таки волка? Дурдом. Ладно, поживем — увидим. Я вытащил из-под полки мешок и направился к выходу. За время беседы на улице стемнело, и комнату освещала одиноко висевшая под потолком стоваттная лампочка. Абажура не было, но по нашим временам это ни о чем не говорило: наличие электрического освещения само по себе является роскошью.

— И что, так ничего и не купишь? — Вопрос Вениамина застал меня

уже у входной двери.

— Нет, ты ж все равно ничего найти не сможешь, — отшутился было я, но передумал и вернулся к прилавку. Патроны мне выдадут, но, скорее всего, не раньше следующего патруля, а боеприпасы серебром начинить надо, пока время свободное есть. — Хотя нет, постой. Два десятка патронов двенадцатого калибра. Полдюжины с пулями, четырнадцать с картечью. И запиши на мой счет.

— Я тебе только на могильном камне надпись оформить могу. И даже денег не возьму. — Приказчик достал из-под прилавка коробку и начал выкладывать из нее патроны. — Два рубля золотом с тебя.

— Держи. — Я нашарил в кошельке пятикопеечную серебряную монету, припечатал ее к прилавку и начал складывать патроны в мешок. — Злой ты.

— Я злой?! — вытаращил глаза Вениамин. — Да я само воплощение доброты. Смотри, какую игрушку для тебя придержал. Автомат, я понял, штука для тебя слишком сложная, а это ружьишко в самый раз будет.

— Ну-ну, давай посмотрим, что ты там заначил. — Автоматами я действительно не пользовался. И по патронам дороговато выходит, и с меткостью у меня кое-какие проблемы имеются. То ли дело засандалить картечью.

— Во! — На прилавок лег длинный сверток. Когда ткань была развернута, показалось укороченное ружье с двумя вертикально расположенными стволами. Потирая руки от удовольствия, Вениамин начал расхваливать товар. — Зацени штуцер. Уж не знаю, как местные кулибины это соорудили, но результат внушает уважение. Верхний ствол гладкоствольный двенадцатого калибра, нижний нарезной — девять миллиметров. И заметь, винтовочные патроны подаются автоматически, магазинная коробка на четыре патрона, плюс еще один в стволе. Можно и оптику нацепить к тому же. Не бабушка, а мечта удава.

— Почем отдаешь? — Ружье меня впечатлило. Если хватит денег, возьму, не задумываясь.

— Сто шестьдесят золотом. Торг неуместен, не сбавлю ни полушки. И старую твою раздолбайку больше чем за тридцатник не возьму. — Круглая физиономия приказчика так и сияла от удовольствия. Наверняка знает, что столько потратить я себе позволить не могу.

— Занятная игрушка, — протянул я. Если поднапрячься, занять под жалованье, не платить за жилье и пристроить паек, все равно столько денег не наберется. Только... Только если не сдать фляжку. Серебра в ней немало, еще наскрести... Выбросить эту мысль из головы удалось с трудом: не могу я себе позволить в долги влезать, да и фляжка — это, пожалуй,

единственное, что у меня осталось от прежней жизни. Я покачал головой и натянул ушанку. — Может в следующей жизни...

— Хозяин — барин. Смотри, еще пару дней я ее для тебя придержу.

— До свиданья. — Внимания на издевку я обращать не стал. Не стоит оно того.

— Будут деньги — заходи.

— Пошел ты, — пробормотал я себе под нос и захлопнул дверь. Холодный воздух обжег ноздри. Похолодало. Не спеша я двинул в сторону центра. Снег тихонько поскрипывал под валенками, глаза постепенно привыкли к темноте, и я ускорил шаг, стараясь держаться ближе к середине дороги. Кое-как сохранившиеся здания не были освещены, чернели мрачные провалы дверей и окон. Приближаться к ним совсем не безопасно. Конечно, от нечисти Форт зачистили давным-давно, но от грабителей так легко избавиться не получилось, несмотря на все усилия Дружины.

Слева открылся пустырь, посреди которого из-за высокой, обнесенной колючей проволокой стены выглядывали мрачные здания бывшей женской тюрьмы. Давным-давно это место присмотрели себе Сестры Холода и за последние годы превратили тюрьму в неприступную крепость. Чистенький пустырь кардинально отличался от заваленных мусором подворотен. Оно и понятно: тащить отходы к тюремному забору дураков нет: Сестры столь явного неуважения не прощают.

Немного дальше, у зала игровых автоматов «Captain F.» два хмурых работника городского крематория грузили в труповозку уже окоченевшее на морозе тело. На снегу остались черное пятно крови и разлетевшиеся бутылочные осколки. Ко всему привыкшие кони спокойно ждали, пока грузчики устроят на санях труп. Два дружинника о чем-то расспрашивали переминающегося с ноги на ногу охранника. Что за место здесь такое? Каждую неделю поножовщина.

По мере приближения к центру развалины уступили место домам, находившимся в более приличном состоянии: подъезды перекрыты железными дверьми, на окнах крепкие ставни. Кое-где из щелей в ставнях пробивались лучи света. Время от времени на соседних улицах мелькали силуэты спешащих по делам людей. Разгоняя темноту чадящим факелом, мимо протопали трое дружинников. Пуховики, ватные штаны и меховые шапки отлично защищали от холода, а руки наверняка заоченели — кожаные перчатки, будь они хоть трижды на меху, в такую погоду не самый удачный выбор. Но ничего не поделаешь, в варежках из автоматов не постреляешь. Дружинники покосились на меня, но останавливать не стали. То ли узнали, то ли их смена уже закончилась.

На небольшом пяточке у перекрестка бойко шла торговля. Припозднившиеся покупатели выбирали разложенные на картонных коробках и деревянных ящиках товары и спешили по домам, пока еще окончательно не стемнело. Немного на отшибе, протягивая скрюченные руки к прохожим, выпрашивал милостыню урод. Редко-редко кто-нибудь останавливался и кидал мелкую монету или замусоленную бумажку в валяющуюся на снегу шапку. Большинство старалось даже не смотреть на непропорционально большие выпученные глаза, шишковатый лоб и короткие, словно обрубленные пальцы.

Свернув с широкой дороги на еле заметную тропинку и пройдя сквозь дыру в заборе, я оказался у трехэтажного здания еще дореволюционной постройки. Его можно было бы счесть даже красивым, если бы не безобразное состояние, в котором оно находилось. Большинство окон выбито, несколько колонн обвалилось, а тяжелые дубовые двери, сорванные с петель, валялись рядом со входом. На первый взгляд не очень впечатляет, но это жилище, кстати, бывшее раньше городским моргом, вполне меня устраивало. Поскользнувшись и едва не упав на занесенных снегом ступенях, я поднялся на крыльцо. Холл был засыпан снегом, занесенным сюда гуляющим по дому ветром.

Резкая боль обожгла запястье, когда я входил в дверь. Да что такое творится сегодня! Шипя сквозь стиснутые зубы, мне удалось закатать свитер и стянуть с руки браслет, покрытый мелким серебристым узором. Темный металл браслета уже начал остывать, боль же проходить не спешила. Ничего, ожога нет, и то хорошо. Я защелкнул остывший амулет на запястье и направился к спуску в подвал. Ведущая вниз лестница была очищена от снега, да и чем ниже, тем теплей становился воздух. Спустившись на пару пролетов, я оказался в уходящем в глубь здания темном коридоре. Первая от лестницы дверь была заперта, зато вторая, едва слышно скрипнув, открылась внутрь. Из комнаты ударил едкий запах раскаленного металла и паленой кожи. Это еще откуда? Вроде хозяин особняка раньше пытки не практиковал. Или это новый способ улучшить сбор квартирной платы? Вряд ли, и старый пока неплохо работает.

— Закрывай быстрее, сквозит. — Высокий старик в доходящей до пола коричневой хламиде увлеченно нагревал маленький тигель на пламени газовой горелки. Рядом на столе лежала раскрытая книга. Кроме синего с желтой каймой лепестка пламени, на котором нагревался металл, освещение в комнате отсутствовало. Но темно в просторном помещении не было. Казалось, свет излучали сами неоштукатуренные кирпичные стены. Поворачиваться в мою сторону маг не стал. — Кому сказал: быстрее! Не

видишь, я сплав готовлю?

Пространство комнаты было настолько насыщено энергией, что по коже побежали мурашки, а волосы зашевелились и встали дыбом. Не самая полезная для здоровья атмосфера. Но ничего другого, кроме как подождать, не оставалось. Все равно, пока маг в таком состоянии, дела с ним обсуждать бесполезно. Еще и кинет чем-нибудь тяжелым.

— Не стой столбом. — Старик отмерил на весах немного желтоватого порошка и высыпал в тигель, потом несколько раз провел над ним руками. — Табуретку бери. Я уже заканчиваю.

Дойти до табуретки, стоявшей у забитого книгами шкафа, я не успел. Что-то заклокотало, цвет пламени газовой горелки стал фиолетовым, а спустя мгновение из тигля брызнул расплавленный металл. Блин, так и заикой стать можно! Ни одна из капель не коснулась мага, но несколько угодили на раскрытую книгу, кожаные страницы которой недовольно зашипели. Теперь понятно, откуда запах взялся.

Старик что-то недовольно пробормотал, потом добавил еще пару слов на неизвестном мне языке. Судя по интонации, какое-то ругательство. Пара пассов руками, и о произошедшем извержении напоминал только запах и обожженная в нескольких местах поверхность стола. Капельки расплавленного металла, попавшие на столешницу, книгу и кафельный пол, бесследно растворились в воздухе.

— Опять стабильность потока не выдержал, — словно оправдываясь, проворчал маг, перекрыл вентиль газовой горелки и уселся на край стола. — Чего тебе?

— Аарон Давидович, я вам когда-нибудь квартирную плату задерживал?

— Не припомню такого. — Хозяин здания бывшего морга, среди постояльцев за глаза именуемый Гадесом, перестал болтать в воздухе ногами и поправил ремень, удерживающий на ступне толстую деревянную сандалию. — Ты с какой целью интересуешься?

— Зачем тогда вы режим напоминания на моем амулете активировали? Предупреждал ведь, что внесу плату, когда вернусь из патруля. — Я достал кошель и подошел к столу. Доходный дом Гадеса был одним из немногих мест в Форте, да, пожалуй, и во всем Приграничье, где можно было не волноваться за собственную жизнь и без опаски оставлять ценные вещи. Достигалась подобная безопасность весьма неординарным способом: все здание было защищено мощнейшим магическим полем. Беспрепятственно внутрь мог проникнуть только тот, для кого Аарон изготовил амулет. И в случае задержки платы за арендуемую комнатушку при пересечении

защитного поля амулет напоминал об этом весьма болезненным нагревом.

— Точно, предупреждал. Извини, сынок, совсем из головы вылетело. — Маг соскочил со стола, захлопнул книгу и поставил ее в шкаф. — Кстати, ты ведь уже вернулся?

Намек тоньше некуда. Я выложил империял на стол. Аарон не глядя смахнул пятнадцатирублевую монету в рукав хламиды. Ловко. Любит деньги, шельмец. Плату Гадес драл несусветную, но и безопасность гарантировал соответствующую. Магом он был очень способным, и, учитывая интенсивность пересекающихся в окрестностях морга силовых потоков, пробить его защитные чары могли только объединенные усилия никак не меньше чем трети входивших в Гимназию колдунов. Будучи в здравом уме и сознавая возможные потери, Бергман на штурм не пойдет ни при каких обстоятельствах. Но была у этого обстоятельства и обратная сторона: Аарон имел возможность поддерживать такую защиту, лишь находясь в непосредственной близости от морга. Так что за последние несколько лет он ни разу не покидал этот подвал. Не могу сказать, чтобы это сильно мага угнетало, но и на пользу его характеру добровольное заточение явно не пошло.

— Остаток долга и аванс за следующий месяц. Недели через две оставшуюся часть внесу. До встречи. — Я быстренько выскочил в коридор. Нечего Гадесу глаза мозолить, еще вспомнит про обещанное повышение квартплаты. К тому же от насыщенного магической энергией воздуха у меня зуд по всему телу. Сыпью бы не покрыться, как в прошлый раз.

— Удачи, сынок. И не забудь, со следующего месяца с тебя на два золотых больше.

— Да помню я! — Забудет он о деньгах, как же. Дойдя почти до самого конца коридора, я остановился перед дверью и приложил браслет к овальной металлической блямбе, тонкие линии гравировки на которой напоминали нанесенный на металл отпечаток пальца. Покрутив запястье, чтобы линии на амулете и пластине совпали, я дождался мелодичного перезвона. Спустя мгновение раздался щелчок открывающегося замка. Вот я и дома.

Узкий пенал почти полностью был завален немудреными пожитками. Причем более-менее ценное имущество лежало вперемешку с бесполезным хламом, выкинуть который не доходили руки. Ящик с консервами соседствовал с мешком, забитым грязным бельем. На коробку с порохом, капсюлями, пыжами и картечью я пристроил разобранный радиоприемник. В дальнем углу стоял свернутый матрац, на нем одеяло и подушка. Пустая трехлитровая банка обнаружилась рядом с дверью. Хоть убейте, не помню,

как она здесь оказалась.

Мебели не было абсолютно никакой. Шкаф заменяла доска, приколоченная железными штырями прямо к стене. На ней на деревянных кольшках висели плащ, кое-как утепленный кроличьим мехом, и короткая кожаная куртка. Плащ я надевал, когда мотался по Форту, куртка была летней формой одежды.

Мысли о том, что неплохо бы повыкидывать к чертям собачьим весь хлам, посещали меня всякий раз после возвращения из патруля. Но сначала полно более важных дел, а потом привыкаешь, да и жалко на всякую фигню время тратить.

Вот и сейчас, когда, пытаюсь подойти к вешалке, я споткнулся о прислоненные к стене сулицы и только чудом не разбил единственную приличную посудину — трехлитровую банку, — в моей голове начал формироваться план глобальной очистки комнаты от скопившегося барахла. Размышления по поводу сего мероприятия прервала доверху заполненная разнокалиберными патронами и стреляными гильзами жестянка из-под катушки киноплёнки, которая едва не свалилась мне на голову. Надо быть повнимательней, а то так и инвалидом недолго остаться.

Быстренько раскидав вещи по комнате, я задумался, чем заняться в первую очередь. Ничего полезного сегодня сделать все равно не успею, но водой запастись просто необходимо, а то завтра утром от сушняка умру. Водопроводный кран, из которого, только Гадесу ведомо, каким чудом, продолжала идти ледяная вода, располагался в самом конце коридора. Пока донес оттуда трехлитровку, пальцы свело от холода. Знал бы — перчатки надел.

На сегодня вроде все. Грязные и пропотевшие шмотки я засунул в едва вместивший новую порцию белья мешок. Мешок выставил к двери, чтобы опять не забыть отнести в прачечную. За стирку придется раскошелиться, но чистых вещей у меня уже не осталось. Потертые черные джинсы, заштопанный свитер, фланелевая рубашка и теплые носки с трудом были извлечены из-под завалов. Тяжелые ботинки и меховые стельки обнаружили между ящиком с тушенкой и сваленными в кучу частями доспехов. Найти бы кожаные перчатки, и я готов. Ага, вот и они торчат из кармана куртки.

Осталось разобраться с оружием и деньгами. Вытащив с помощью ножа из стены кирпич, я засунул в открывшийся тайник пистолет и кошель с деньгами. Взамен достал золотую чешуйку — единственную монету, чеканящуюся в Форте на монетном дворе Торгового Союза, — и золотую же двадцатипятирублевку, выпущенную Банком России. Должно хватить.

После того как вставил кирпич на место, затер щели пылью. Схрон аховый, конечно, но лучше, чем ничего. Монетки отправились в специально пришитый для этого на рубашку кармашек. Свой новый тесак в кое-как подогнанных ножнах прицепил на ремень, пару метательных ножей засунул в петли, пристроенные к внутренней поверхности плаща. В Форте Дружина навела какое-то подобие порядка, но никогда не знаешь, на кого по синей волне нарвешься.

Вроде все. Или еще что-то забыл? Блин! Талоны! Я развязал мешок с бельем, вытряхнул рубашку и достал из кармана талоны. Ну да, здесь и ключ от оружейного шкафчика. Но с ним-то от стирки ничего не сделается, а вот пайковые мои плакали бы. И куда их пристроить? Ключ надел на гвоздь, до середины вбитый в полку и загнутый кверху, свернутые листы пайковых талонов, придавив сверху кастетом, положил на картонный ящик с тушенкой. Теперь все.

Еле слышный гул в голове заставил насторожиться и схватиться за нож. Это что за чертовщина? Несколько кирпичей начали, меняя свою форму, оплавляться, и через пару мгновений на меня смотрело лицо Гадеса, словно вылепленное из расплавленной кирпичной массы.

— К тебе пришли, — едва заметно шевельнулись губы, и маска начала разглаживаться, исчезая в стене.

Я прикоснулся к ставшим неотличимыми от соседних кирпичам рукой. Даже не нагрелись. Ну, ни фиги себе! Это что, новая услуга — магический домофон? Ладно, потом у Гадеса узнаю, надо пойти посмотреть, кто приперся. Вроде никого не жду. Накинув плащ, я захлопнул за собой дверь. Все равно уже в «Берлогу» пора.

На крыльце морга стояла странная неподвижная фигура человека. Лица в темноте было не разобрать. Ладно, если что, Гадес меня прикроет. Подойдя поближе, я узнал Макса. Он не шевелился, не моргал и, похоже, даже не дышал. Не понял, чего это с ним?

— Статус гостя подтверждаешь? — Голос раздался прямо в моей голове. Теперь все понятно: Макс слишком настойчиво пытался попасть внутрь, поэтому и попал под заморозку. Еще легко отделался. Хорошо, успел сказать, что ко мне пришел, а то охранная система могла и более жесткие меры применить.

«Только на сегодняшний день», — мысленно сформулировал я ответ, и Макса отпустило. Он начал оседать на снег, резко взмахнув руками, дернулся и сумел выпрямиться.

— Чего? Я тут, это... е-е-е... — Постепенно его взгляд прояснился, а речь стала осмысленной. — Да че за фигня творится? На крыльцо зашел —

и как обухом по голове. Ничего, блин, не помню. Только голоса какие-то.

— Магическая защита сработала. Ты чего приперся?

— Дак с общаги в «Берлогу» шел. Дай, думаю, за тобой зайду. По пути ведь. — Бедолага постучал по затылку ладонью. — Ты как, идешь?

— Пошли. — Я похлопал себя по карманам — вроде ничего не забыл, — накинул капюшон и спустился с крыльца. Так, если по центральной аллее пойдем, придется крюк делать, лучше через дыру в заборе вылезти. Пришлось тормознуть Макса. — Не туда. За мной иди.

— Нам же в «Берлогу»?

— Напрямик срежем. — Вообще-то плутать дворами в Форте, где патрулировались только главные улицы, было делом небезопасным, но я решил, что в районе «Берлоги» нас вряд ли решится кто-нибудь остановить. И меня должны знать, и откровенных отмороzków здесь уже не осталось.

Обогнув по протоптанной среди снежных завалов тропинке морг, мы вышли на Красный проспект. Главная улица Форта разделяла его на западную и восточную части. Идти по широкой дороге было сплошное удовольствие. Единственное неудобство — приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не вляпаться в конские яблоки, часто встречающиеся среди полукруглых следов подков. Чистый отрезок попался, только когда мы проходили мимо отделения «Центрального городского банка». К моему удивлению, несмотря на поздний час, окна банка были освещены, а на обочине стоял рекламный щит.

— Сейфовые ячейки, векселя, депозиты, — прочитал Макс и удивленно покачал головой — Живут же люди!

Раздались звон бубенцов, цоканье копыт, и через перекресток, к которому мы подходили, пронеслись сани. Судя по донесшемуся обрывку песни: «...замерзал ямщик...», кто-то успел наклюкаться и решил прокатиться с ветерком. Лошадей бы не загнали.

— А чего здесь освещают-то? — Макс удивленно крутил головой. Оно и понятно: ночное освещение в Форте явление редкое. А тут над пересечением улиц висело сразу несколько искрящихся сгустков энергии, напоминавших небольшие шаровые молнии.

— Торговый угол.

Чтобы продлить время торговли и привлечь покупателей, владельцы нескольких лавок заключили с Гимназией контракт на освещение перекрестка. Колдуны подошли к делу творчески и поручали поддержание огней ученикам, что очень способствовало развитию самоконтроля: смена длилась целые сутки.

— Вон лавка менялы, будут монеты или бумажки сомнительные, обращайся, — ткнул я рукой. — Домик, плющом увитый, — ювелиров хибара. Впечатляет? К ним лучше не ходи, у Яна по скупке условия выгодней. Это контора нотариуса, ну, тебе пока вроде без надобности.

— А это что за ерунда? — Макс махнул на вывешенный над дверью щит, на котором пересекались меч и автомат Калашникова.

— Оружейная лавка. «Булат» — место шикарное, но не по нашим доходам. — Я указал на покрытые затейливой резьбой ставни. — Вот сюда, как жалованье выплатят, зайди обязательно. В «Сером святом» очень хороший выбор амулетов, талисманов и оберегов. Найти можно почти все, что поступает в свободную продажу. И паленых нет. Для начала возьми что-нибудь от сглаза или морока. Пригодится.

— Обязательно. — Парень подхватил оторванный ветром листок бумаги и в свете шаров прочитал выведенные через трафарет буквы: «Покупаем гильзы. ПМ, АК 5.45, АК 7.62. Купим лом гильз». А платят копейки.

— Да уж, на этом не разбогатеешь.

— Аптека? — Внимание Макса привлекла обвивающая ножку чаши змея.

— Лекарь. Дорого дерет, собака. По возможности до горбольницы доберись. Если смена Хирурга будет, скидку сделает. Да! Не вздумай никого здесь зацепить. — Я кивнул на угрюмо слоняющихся перед лавками парней. — Охрана частная. Шуток не понимает.

— По ним видно, — покосился Макс на охранников. — Слышь, Лед, насчет амулетов. Ты про «Ультровские» модели что скажешь? Стоит брать?

— Тебе, думаю, смысла нет.

— А что так? Все хвалят.

— Тебе бы на что-нибудь простенькое денег наскрести, — пояснил я. — Да к тому же, хоть «Ультровские» амулеты и мощнее, но стабильность у них хромает. Это ж переделки, а не новые модели.

— Понятно.

Мы миновали перекресток и через квартал свернули во дворы. Дома здесь были обжитые, почти из половины окон пробивались отблески света, но люди на улице не попадались.

— Вымерли все, что ли? — Макс огляделся и остановился отлить у стены.

— По норам попрятались. Поужинают и спать. Нормальным людям завтра на работу с утра. Это на Южном бульваре сейчас жизнь кипит, а тут тудяги живут.

Свернув в узкий проход между домами, я тихонько ругнулся:

— Накаркал, блин.

Чуть больше половины пространства между стенами домов занимал мусорный бак, в котором плевался синими искрами небольшой костерок. Вокруг бака топтались два парня и девица. Короткие кожаные куртки, облегающие штаны, легкие сапожки. Не по погоде одежда. От мороза она защищала мало, да и костер тепла давал явно недостаточно. Понятно, что не бандиты, но тогда какого черта они здесь делают в это время? Один из парней повернулся, и отблески костра отразились на стилизованном изображении шестеренки, вышитом металлической проволокой на куртке. Вот оно как, цеховики.

Я сунул правую руку в сквозную прорезь плаща поближе к рукояти ножа и пошел вперед. Идущий позади Макс размотал цепь кистеня, на конце которой болтался увесистый свинцовый шарик. Сделал это он грамотно: цепь не лязгнула, а от цеховиков ее прикрыла моя фигура. Остается надеяться, что пользоваться им Макс умеет, и свинцовый шарик не прилетит мне в затылок в самый неподходящий момент.

— Че стоим, кого ждем? — поинтересовался я, когда до мусорного бака оставалась пара метров, и, не дожидаясь ответа, скомандовал: — А ну, живо свалили отсюда!

Девчонка хотела что-то ответить, но один из парней ухватил ее за рукав и вытащил на улицу, второй незамедлительно последовал за ними.

— Чего ты на них наехал? — ничего не понял Макс. — Нормально прошли бы, места хватало. Зачем с Цехом отношения портить?

— Ненавижу тварей, — поморщился я. — Не беспокойся, из-за этих шестерок никаких проблем не будет.

Через пару дворов мы вывернули на дорогу прямо перед «Берлогой». На развалинах второго этажа толстой ржавой проволокой был прикручен фанерный лист с намаляванным черной краской медведем. Непосвященному никогда бы не пришло в голову, что в этих трущобах располагается вполне приличный по меркам Форты кабак. Действительно, что можно разместить в кирпичном здании, разобранном почти до цокольного этажа? Но, если принять во внимание наличие огромного подвала, все вставало на свои места. Именно там были оборудованы просторный зал с тремя бильярдными столами, кухня, склад, подсобка и несколько кабинетов для привилегированных посетителей. Единственной проблемой являлась плохая вентиляция. Но в кухне эту проблему как-то решили, а курить посетителям было строжайше запрещено. Для курения обустроили небольшой закуток рядом с ведущей наверх лестницей.

Запрет на курение за столами был, по крайней мере для меня, серьезным аргументом в пользу «Берлоги». В других клоповниках обычно так накурено, что хоть топор вешай. Многие курящие в этом вопросе полностью со мной соглашались: одежда и волосы после посиделок в таких местах до того пропахивали табачным дымом, что уже за пару километров сигнализировали любой лесной зверюге о приближении патрульных.

В «Берлоге» раздражал только интерьер: слишком уж хозяин заведения увлекся вампирской тематикой. Я понимаю, что на черном и красном грязь и пятна не так заметны, а создание полумрака требовало куда меньших затрат, чем поддержание нормального освещения, — это логично и вполне объяснимо, но к чему эти декадентские наряды? Очки опять эти темные. С другой стороны, чем бы Крис ни тешился, лишь бы кормил вкусно. И поил.

Я пропустил Макса вперед, обил о стену налипший на ботинки снег и начал спускаться по узкой темной лестнице. Видимости никакой, но трезвому можно и шаги сосчитать. Вот обратно уже только на ощупь. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Поворот. И снова: раз...

После третьего поворота потянуло табачным дымом и запахом стряпни. Следующий пролет был последним и освещался неровным светом пары факелов, закрепленных на стенах у начала лестницы. Дальше в залах факелы не использовались, свет давали лампы, развешанные по стенам.

— Здорово, пацаны, — поздоровался Макс, обогнавший меня на пролет. С кем это он? Я отсчитал последний десяток ступеней и остановился рядом с ведущей в зал аркой. В курилке расположились четыре парня, по виду сущие разбойники. Приплюснутые носы, короткие нечесанные бороды, прорехи в зубах и замутненные дурью глаза делали их удивительно похожими друг на друга, хотя родственниками они не были. Внешнее сходство довершала одинаковая одежда: собачьи унты, кожаные штаны и короткие шубейки мехом наружу. Трое бугаев развалились на продавленном диванчике, четвертый стоял, упершись в косяк плечом, и вяло протягивал Максу ладонь с полусогнутыми пальцами.

— Здравствуй, здравствуй, ... мордастый, — лениво растягивая слова, ответил Степан Трезубов, личность на северной окраине известная благодаря своей исключительной изворотливости. Зарабатывая на хлеб насущный разбоем, он тем не менее не имел проблем с законом. А упорно ходившие в последнее время слухи о сотрудничестве с Дружиной так и не смогли испортить его отношений с поделщиками и скупщиками краденого. У меня со Степой особых трений не возникало, но, сам не знаю почему, терпеть его не мог. Сидевших на диване и от Степиных слов зашедшихся в

приступе хохота бородачей я не знал, но, скорее всего, такие же подонки.

— Да ты тоже на дистрофика не шибко похож. Ряху отъел, будь здоров. — Я вышел из-за спины опешившего Макса. Он парень здоровый, но на четверых с кулаками бросаться резона нет. А если один раз почувствуют слабинку — уже не отвяжутся.

— Привет, Лед. Я ж пошутил. — Трезубов развел руки и примирительно улыбнулся. Один из парней передал ему косяк, и Степа протянул его Макс, — Расслабься ты. На, дерни.

— Да ты, Зуб, никак, юмористом заделался? Прикинь, я тоже пару шуток знаю. Смешных. — Я сделал еще один шаг вперед, решив на время забыть про совет Яна. Не то настроение у меня сегодня. — Сейчас смешить буду.

— Эй, Лед! Шеф передать велел: если еще кого зарежешь, не пустит больше. — В арку заглянул Артур, помощник Криса, убедился, что я его услышал, и исчез в зале.

— В другой раз. — Не обращая внимания на мрачные взгляды приятелей Степана, я подтолкнул Макса к арке и вошел в зал. Неплохо бы уделать Степу, но не такой же ценой! А Крис, гад, все помнит. Больше двух недель прошло, как я из-за Хобота в драку попал, а обещание свое не забыл.

Темноту в зале рассеивали десятки красных огоньков лампад. По углам и в альковах тени сгущались, но многих посетителей именно это и привлекало. На мой взгляд, света можно было бы и прибавить. Угол, из которого доносился треск бильярдных шаров, освещался более ярко, но и там электрические лампочки горели вполнакала. Экономия, блин.

Как всегда, свободных столов почти не было. Еще бы, сюда приходили со всей северной окраины, да и с западной части Форты народ на огонек заглядывал. Нам еще повезло, приди мы на час позже — свободных мест уже не осталось бы.

— Ни фиги не видно, — пробормотал остановившийся рядом со мной Макс, высматривавший подходящий столик. От этого занятия его отвлек глубокий вырез на блузке официантки в черных очках. Проводив ее глазами, Макс вздохнул: — Как только они видят в своих очках?

— Секрет фирмы. Какие только деньги Крису не предлагали — не продает.

— Круто! А может, они действительно вампиры? — купился парень на мою шутку.

— Самый умный, что ли? «Берлогу» давно уже на этот счет вдоль и поперек проверили, — продолжил развлекаться я и наконец присмотрел

подходящее место — недалеко от входа и в меру освещенное. — Нам туда.

— Скользящий! Куда собрался? Сюда иди! — окликнули меня из алькова, мимо которого я только что прошел.

Развернувшись на голос, я подошел к столу и призывно махнул рукой Макс.

— О! Какие люди!

— Падай! Когда из патруля вернулся?

— Часа три назад. — Я поздоровался за руку с сидящими за столом. Двое — черноволосый красавец кавказской наружности и светловолосый крепыш среднего роста — были моими ровесниками. Третий — невысокий и худощавый — казался на их фоне подростком, но на самом деле был младше всего на пару лет. Да и молодежный стиль — множество маек, рубаш и джемперов, выглядывающих друг из-под друга — солидности не прибавлял. — Это Макс. Он за первый патруль проставляется. Макс, это Гамлет, Денис и Ворон.

— За это надо выпить! Стакан еще один притащите, у нас только четыре. — Гамлет, он же Принц, он же Датчанин, поднял бутылку и на свет посмотрел, сколько осталось водки. Как ни странно, Гамлет и по паспорту был Гамлетом. В чем я когда-то и удостоверился, проиграв при этом пару бутылок вина. Фамилию запомнить не получилось то ли в силу нереального сочетания в ней согласных, то ли из-за добавленного на выпитое с Гамлетом вино пол-литра самогона.

— Я схожу за стаканами, заодно и возьму чего-нибудь. — Макс двинулся в сторону стойки бара.

— Обожди. — Я схватил его за рукав и повернулся к Гамлету. — «Посольская» есть?

— «Посольская» еще на той неделе кончилась. — Гамлет потер щетину на подбородке. — «Пшеничная» неплохая вроде, но она дорогая. «Горилку» брать не стоит, последняя партия паленая была.

— Там «Золотой» бутылок пять оставалось. И самогон есть. — Денис забрал бутылку у Гамлета и начал разливать водку по стаканам.

— Бери пару бутылок «Пшеничной» и пожрать чего-нибудь горяченького. Денег не хватит, я добавлю. — Остатков тушеной капусты в железной миске нам надолго не хватит, а кроме капусты, четвертушки черного хлеба и открытых шпротов, другой закуски на столе не было.

— И запивон возьми какой-нибудь, — добавил Ворон.

— Кто четвертый был? — поинтересовался я, взял на четверть наполненный водкой граненый стакан и зацепил обнаруженной на изрезанной столешнице алюминиевой вилкой капусту.

— Митяй. Живот скрутило, он и свалил до дому. — Денис ухватил шпротину, положил на ломтик хлеба и поднял стакан.

— Не понял, это еще что такое? — Я ткнул вилкой с наколотой на нее капустой и случайно попавшимся куском мяса в сторону Дениса. В Форте с мясом не то чтобы напряг, но не всегда можно понять, из чего какое блюдо приготовлено. Кошек и собак, конечно, на жаркое давно не пускают — повывелись они, — но в окрестностях столько разной живности водится, что лучше сначала поинтересоваться, кого кушаешь, чем потом на толчке долгую думу думать.

— Не волнуйся, мясо кошерное, а не кошачье, — пошутил Гамлет. — Митяя не из-за него прихватило. А фуру с говядиной сам на той неделе принял и Крису сдал, так что все путем.

— Целую пригнал? — Раз сам принял, вопросов нет. В основном Гамлет зарабатывал на жизнь, охраняя торговые обозы, но, когда работы не было, собирал команду и отправлялся в длительный рейд по местам наиболее частых переходов с той стороны. Доход это занятие приносило нерегулярный, зато в случае удачи можно было за пару дней заработать месяца на три безбедной жизни.

— Не, только морозильник уцелел. Мясо на санях вывозили. Половину навару отдать пришлось. — Гамлет вздохнул: — Хорош водку греть. Будем!

Мы чокнулись. Водка провалилась внутрь, я быстро закусил капустой. Неплохо пошла.

— Чего пьянствуете?

— Мою стрижку обмываем. — Гамлет убрал пустую бутылку под стол. — Только начали.

— Ты подстригся, что ли? Что-то незаметно. — Я отодвинул стул к стене и вытянул ноги.

— Э-э-э, Лед, совсем ты в этом деле не шаришь. Бывает, парикмахер, — он выделил последний слог, — тебя обкорнает, все вроде красиво, аккуратненько, но радости нет — понимаешь? Настоящему мастеру достаточно пару раз ножницами щелкнуть, и все: выходишь ты на улицу, ветерок волосы гладит, а на душе такая благодать!

— Ты что, друг менингита, по улице без шапки шастаешь?

— Нету в тебе романтики, Лед. — Гамлет демонстративно отвернулся и начал поправлять винтовочные патроны, вставленные в газыри черной чохы.

— Принц, да он просто трезвый еще. — Денис отодвинул миску с тушеной капустой на край стола, освобождая место для принесенных Максом пары бутылок водки, кувшина с томатным соком и тарелки с

крупно нарезанным хлебом.

— Сейчас еще картошку принесут. — Макс вытащил из кармана стакан, поставил его на стол и повесил полушубок на спинку стула.

— Денег хватило? — Я взял бутылку «Пшеничной», скрутил пробку и разлил по стаканам. Подошла официантка, выставила блюдо с жареной картошкой. Вот это дело. Водочка под жареную картошку самое то. Только надо было прямо в сковороде на стол подавать.

— За вторую бутылку должен остался.

— Ерунда, на всех раскидаем. Все равно еще брать придется. — Денис пододвинул к себе стакан, попутно умудрившись уронить наколотые на вилку ломтики картошки на линялые футболку и джинсы. Не особенно расстроившись, он пальцами подхватил картошку и отправил ее в рот. — Доза не та. Надо добавить.

Кто бы сомневался, ему сто грамм, что слону дробина. При росте в сто семьдесят сантиметров и весе под центнер, Денис Селин мог выпить водки почти столько же, сколько мы все остальные, вместе взятые, и при этом еще что-то соображать. Правда, когда он перебирал, крышу ему сносило капитально. Вот тогда он полностью соответствовал своему облику тупого головореза: сбитые костяшки, накачанная мускулатура и хмурый взгляд из-под нависающих над глазами надбровных дуг. Поведение становилось соответствующим — любой мог получить в рыло просто за косой взгляд. А ведь серьезные дела проворачивает, когда трезвый.

Денис поставил локти на стол, зажал покрытое мелкими оспинами лицо в ладонях и уставился в пустой стакан.

— А чего ждем? — Гамлет поднялся со стула, поправил заткнутый за кушак слегка изогнутый кинжал и поднял стакан. — За взаимопонимание!

Выпили. Под нормальную закуску водка пошла веселее, сразу заказали еще бутылку и вторую сковородку картошки. Свободных столов к этому времени уже не осталось, но народ продолжал подходить. На крохотной сцене появилось несколько музыкантов. Звуки гитары, скрипки и флейты голосов не перекрывали и не раздражали. Несколько раз мелькнули знакомые лица. Бильярдные столы оккупировали ребята из нашего отряда: Друид и Семеныч притащили с собой Хирурга, обычно не жаловавшего подобные заведения, Кота сопровождала какая-то новая девица, а Вышев привел парня, которого я пару раз видел в центральном участке Дружины.

— Еще по одной?

— Наливай. — Ворон хрустнул костяшками пальцев и провел рукой по стриженным под расческу волосам. Худенький, а пьет как лошадь. Что-что, а возможности выпить на халяву Ворон, перебивавшийся случайными

заработками, а проще говоря, подворовывавший, не упускал.

Третью бутылку пили не чокаясь. Гамлет травил байки, Ворон и Макс развесили уши. Денис и я все эти истории слышали уже не по разу и особенно к разговору не прислушивались.

— У Криса деньги лишние появились? Раньше электричество не жег. — Я откинулся на спинку стула и ткнул вилкой в сторону бильярдных столов.

— Ты сюда шел, ветряк не видел? Кучу золота выложили, теперь шикают. — Денис отхлебнул томатного сока и сплюнул на пол. — Кислятина.

— Не обратил внимания, темно было. — В голове сгущался туман. Может, пора до дому и спать? Точно, еще пару стопок — и хватит. Я прикрыл глаза. Голоса звучали приглушенно, словно доносились сквозь толщу воды.

— Макс, а я тебя где-то видел. — Ворон звякнул горлышком бутылки о край стакана. — Ты в «Серебряной подкове» не зависал?

— Было дело, я там частенько в картишки резался.

— Точно! Это ты ведь Васе Кривому клык выбил.

— А нечего было туза в рукаве прятать. — Макс задумался, видимо вспоминая. — Я ему и вдарил только разок. Легко отделался.

— Не спи, замерзнешь. — Пинок Дениса по стулу заставил меня дернуться и приложиться затылком о стену.

— Мать вашу! Чего ржете? — Я потер затылок. — Блин, морду набить кому-нибудь, что ли? Пойду, найду Степу и...

— Хватай стакан. — Гамлет подвинул мне банку с последней шпротиной. — Степа уже полчаса как ушёл.

— Чего ты сегодня злой такой? — Макс махнул водки, закусил и продолжил: — На цеховиков тут ни с того ни с сего наехал.

— Это-то понятно. У Скользкого на цеховиков зуб. Помню, ему один их задохлик по почкам надавал. — Ворон повернулся ко мне: — А Степа тебе чем не угодил?

— Не нравится он мне. И вести себя...

— Задохлик — каратист? — перебил меня Макс.

— Какой каратист? Ты что, про Цех не знаешь? — удивился Ворон.

— Знаю, как не знать. Банда это.

— Не просто банда. Из Цеха еще никто иначе как вперед ногами не выходил... — Гамлет начал вводить Макса в курс дела.

Я прикрыл лицо рукой. Надавал по почкам — это мягко сказано. Две недели отлеживаться пришлось, пока ходить не начал. Зеленый я был тогда

и, как сейчас Макс, считал Цех простой бандой. Поцапался с хмырем одним по пустяку, сейчас уже и не помню какому, и не удержался, чтобы не заехать ему в челюсть. Был он метр с кепкой, худющий, но на мне потанцевал, будь здоров. Потом уже объяснили, что такое есть Цех на самом деле. По сути, это пирамида: новичок проходил ритуал посвящения, после чего между ним и остальными членами общества возникала магическая связь. Низшие цеховики постоянно отдавали часть своей жизненной силы тем, кто имел более высокий ранг. Людей привлекало то, что связь не была односторонней: любой, попав в опасную ситуацию, мог телепатически обратиться за помощью к Цеху и стать сильнее, быстрее и выносливей. Наделение силой не происходило мгновенно и зависело от положения в банде, но много времени не занимало.

— Ни фиги себе! А почему они нас не послали? — Макс уставился на Гамлета.

— Смысла связываться не видели. Да и не было бы у них времени на подготовку.

— Сдрейфили они просто. — Ворон хлопнул Гамлета по плечу. — Ты же помнишь, что с тем убогим случилось, который Скользящего с боксерской грушей спутал?

— Что такое с ним случилось? — Гамлет выразительно посмотрел на Ворона, но тот не понял намека:

— Нашли его через месяц с арбалетным болтом аккурат посередине шестерни, на куртке нашитой. Странное совпадение, а?

— Именно совпадение. — Я открыл глаза и уставился на Ворона. Себе это убийство никогда не приписывал. Не тщеславный и пожить еще хочу.

— Да ладно, Лед, чего ты? Совпадение, конечно, о чем базар?

— Замяли. — Убийцу не нашли, и у меня не было желания опять объясняться по этому поводу с Цехом. Официально претензий они не предъявили, а тихо прирезать не решились — чересчур пристально следила тогда за ними Дружина. Политика. Очень уж откровенно Цех высказывал претензии на место в городском Совете. А все куски пирога уже поделены. Никто его там не ждет и никто его туда не пустит. Слишком он уязвим: да, высосав все силы из шестерок, Цех будет в состоянии выставить восемь-девять десятков сильнейших бойцов с просто нечеловеческой реакцией, но все цеховики известны наперечет, и перебить обессиленных людей той же Дружине не составит никаких проблем. А после потери низового звена — «кормовой базы» — Цех станет обычной бандой.

— Лед! Макс! Пошли шары гонять! — В зал ввалились шатающиеся Стас с Яном, которые поддерживали под руки еле стоящего на ногах

Виталика Петрова. Неплохо они в «Весне» посидели. И откуда, интересно, у Яна синяк под глазом взялся?

— Пойдем? — Макс повернулся ко мне.

— Ты иди, я все равно по шару кием не попаду.

Макс вскочил и начал пробираться к бильярдным столам, где уже успела разгореться нешуточная борьба за право вступить в игру.

— Гости ушли — доставай курицу, — скомандовал Гамлет.

— Ты о чем? — не въехал я, зато его прекрасно поняли Ворон, который сгреб стаканы, и Денис, доставший из кармана полушубка чекушку. Я принялся к коричневой жидкости. Знакомая штука — самогон на кедровых шишках. Градусов семьдесят будет. — У Кирилла в закромах покопался? Опять ругаться будет.

— Угу, раскулачил немного, но это мелочи по сравнению с мировой революцией.

Самогон провалился внутрь, как вода. Крепость не чувствовалась, а в животе словно разгорелся небольшой костер, разогнавший тепло по всему телу.

— Хорошо сидим!

— Не то слово.

— Пойдем, Принц, покурим, — закашлялся Ворон, когда самогон был допит, а жареную картошку отскребли от тарелки до последнего кусочка.

— Пошли, а то я от острой никотиновой недостаточности скоро загнусь уже.

— Давайте валите. — Денис ухватился за часы, висящие на цепочке у Ворона, подтянул его к себе и щелкнул крышкой: — А, еще рано.

— Не лапай! — Ворон попытался выдернуть часы у него из рук.

— Убрал бы ты их в карман, а то зацепишься за что-нибудь. — Селин выпустил цепочку из рук.

— Нравится мне так. — Ворон захлопнул крышку часов и пошел в курилку.

— Ты не травмируешься? — повернулся Денис ко мне. Я помотал головой.

— Ну и ништяк. Слушай, ты завтра-послезавтра сильно занят?

— Да не так чтобы очень. В пару мест заскочу и свободен. — Я отлип от спинки стула и посмотрел на собутельника. — А что такое?

— Есть желание подзаработать?

— Всегда. Какая работа и сколько платишь? — Если удастся разжиться золотишком, можно будет и о покупке шулера задуматься.

— Надо долг забрать. Ты просто постоишь в сторонке, пока я говорить буду. Проблем не должно быть, но мало ли... — Денис склонился ко мне и

понижил голос: — Провернул я с корешем одну схему. Денежек срубили неплохо. Но есть у меня подозрение, что человечек этот не с теми людьми дружбу завел и деньжатами делиться не собирается.

— Почему своих не подтягиваешь? — Насколько мне было известно, попросить о помощи он мог таких людей, что кидала обделался бы при одном их виде.

— Это моя схема, понимаешь? Я ее придумал, отработал и половину навару в общак отдавать не собираюсь! Про деньги никто не знает и узнать не должен, врубаешься?

— Понятно. Сколько платишь?

— Если все гладко пройдет — червонец. Будут проблемы — еще пара сверху.

— Заметано. — Нормальные условия. Тридцати золотых мне, конечно, на ружье не хватит, но квартплату внести смогу, еще и на пиво останется.

— Тогда я тебя завтра или послезавтра найду. Ты в районе одиннадцати дома будешь?

— Утра или вечера?

— Утра, само собой.

— Договорились, до двенадцати никуда не уйду.

— Ладушки. Пойду опорожнюсь. — Денис неторопливо вылез из-за стола и, покачиваясь, побрел в сторону туалета.

Как же меня плющит! Стоит прикрыть глаза — и словно покачиваешься на волнах или куда-то летишь. Пик: относительная ясность рассудка и свобода выбора. Еще немного выпить — сорвешься вниз, остановиться — потихоньку начнет отпускать. Редкое состояние, водкой себя до него довести очень сложно. Обычно слишком резко пьянеешь: или недобор, или уже ничего не помнишь. С пивом это проще. Литра четыре-пять, главное, не переборщить с закусками.

— Эй, просыпайся! Твое погоняло — Лед? — От медитации меня оторвал подошедший к столу широкоплечий парень. Я его раньше здесь не видел, но почему-то решил, что он сидел за два стола от нас в компании пяти или шести человек. Сейчас за тем столиком осталось четверо. И двое из этих коротко стриженных крепеньких ребят слишком внимательно следили за ходом нашего разговора.

— Ну, и?.. — Совпадение, что он решил подвалить, когда за столом больше никого? Стараясь двигаться незаметно, я немного распрямился и принял более устойчивое положение.

— У тебя, говорят, нож блатной появился — дай посмотреть.

— С чего бы? — ухмыльнулся я. Он что, другого повода занозиться не

нашел? Чужое оружие даже у знакомого просить — на грубость нарываться. Интересно, какая зараза насчет ножа растрепаться успела? Вроде нигде особо не светил.

— Какие проблемы, я не понял? Или ломы? Я, типа, коллекционер, ножами с детства увлекаюсь. Понравится — хорошую цену дам. — Парень улыбнулся, оскалив желтые зубы, и позвенел кошельком, свисавшим с пояса. — Тебе кто хошь скажет: Коля Медный из-за денег не жметя.

— Не продается, — дал понять я, что разговор окончен. Если не на всю голову отмороженный, уйдет по-хорошему. Кличка его мне ни о чем не говорила, наверняка сам только что придумал. Хотя нет, коротко стриженные волосы рыжеватые. Может, и не брешет. Правда, ему больше подошло бы — Ржавый.

— Тебя спрашивают — продается он или нет? По-хорошему же просил посмотреть! — Парень уперся левой рукой в стол и, перегнувшись через столешницу, ухватил меня за шею. В лицо ударил запах перегара. — Живо нож на стол положил!

Зря он так. Нож интересуется? Лови! Правой ладонью я ударил под локоть упиравшейся в стол руки, левой рванул за ворот рубахи вниз. Лицо «коллекционера» с хрустом врезалось в деревянную столешницу. Шов не выдержал, воротник остался у меня в руке, а парень сполз на пол. Прыжок через стол смел стоящую на нем посуду. Ботинок угодил стоявшему на четвереньках Ржавому под ребра и, отшвырнув в сторону, перевернул на спину. Меня качнуло назад, я спиной врезался в стол, оттолкнулся от него и ударил подхваченной вилкой, метя в висок. Мягкий металл смялся, не причинив особого вреда. Рыжий откатился вбок, но когда попытался встать, ноги подкосились, и он рухнул на колени. Отбросив искореженную вилку в сторону, я схватился за нож. Лезвие уже начало выдвигаться из ножен, когда кто-то сжал мое запястье.

— Хватит!

Выкручивая запястье, я развернулся. Передо мной стоял Крис. Приплыли.

— Выметывайся отсюда! И чтоб я тебя больше здесь не видел. — Крис был очень зол. Он снял очки с непроницаемо черными стеклами и уставился на меня своими синими глазами. Гипнотизирующий взгляд удава действовал на нервы. Я быстро огляделся. Чуть сбоку крутил в руках короткую дубовую дубинку Артур. Помощника Криса, наряженного в черный камзол с серебряным шитьем и кружевами, воспринимать всерьез было непросто, но залитая свинцом дубинка могла быстро и весьма болезненно исправить это в корне неверное впечатление. Наверняка еще

кто-то и за спиной у меня стоит.

— Ладно, ладно. Ухожу уже. — Я постарался успокоить дыхание. С Крисом лучше не ссориться, может, через пару недель отойдет. Внезапно раздался мат, и послышались звуки опрокидываемых стульев — приятели рыжего повскакивали со своих мест. Надо им мозги вправить.

Я глубоко вздохнул и рывкнул:

— Кто там вякает? Ну-ка живо заткнулись!

Как ни странно, послушались. Поставив стулья на место, они усадили Ржавого, из сломанного носа которого хлестала кровь, за стол и стали тихо о чем-то совещаться. Не рискнут они дернуться. Не только из-за вернувшихся Ворона, Гамлета и Дениса, но и из-за побросавших кии и выстроившихся перед бильярдным столом пьяных патрульных. Стоявший ближе всех Макс даже слегка приподнял тяжелый деревянный табурет. В Патруле один за всех и далее по тексту. Дернутся — затопчут. Даже накачанные вышибалы «Берлоги» помочь не успеют.

— Все разборки на улице. — Крис посмотрел на Дениса, который начал натягивать полушубок. — А ты куда собрался? К вам претензий нет.

— Мы уж как-нибудь все вместе. — Денис выложил на стол золотую чешуйку. Усмехнулся, когда я выложил еще одну. — Сдачи не надо.

— Черт с вами, — вздохнул Крис, — оставайтесь все. Но учти, Лед: это — последний раз.

— Не, мы пойдем. К Тимуру в баню. Я правильно говорю? — Гамлет дождался наших утвердительных кивков и подошел к Ржавому. — Претензии есть?

— Слушай, Датчанин, какие могут быть претензии? Нет претензий. — Рыжий все еще пытался остановить кровь.

— А у тебя, Лед?

— Нет.

— Вот и замечательно. Одевайтесь и пошли отсюда.

Когда мы поднимались по лестнице, Гамлет придержал меня за рукав и тихонько произнес:

— Запомни, Лед, ты сам сказал, что у тебя претензий нет.

— Да все понятно, маленький, что ли? Повод другой не найду?

Очнулся я от холода. От струи падавшей на шею ледяной воды все тело заоченело, кости уже ломило. Где это я? Упершись руками в стены, мне удалось подняться и осмотреть помещение, освещаемое тусклым светом электрической лампочки. С краном онемевшие руки справились с трудом, но в конце концов мне удалось перекрыть холодную воду. Что за

дурацкая привычка засыпать в душе? Хорошо хоть опустел бак с горячей водой, и я просто замерз. Если бы перекрыли холодную воду, запросто мог обвариться.

Пошатываясь, я вышел из душевой кабинки и немедленно плюхнулся в деревянную бадью, стоящую посреди небольшой комнатки. Уже порядком остывшая вода на мгновение показалась кипятком. Уфф, кайф! Значит, до бани мы все-таки дошли. Это радует, после выхода из «Берлоги» в памяти зияла черная дыра. Алкоголь продолжал туманить мозги, но уж заведение Тимура ни с каким другим не спутать.

Где вещи? Рука метнулась к шее. Так, серебряный крестик и овальный медальон отводящего пули амулета на шее. Скомканная одежда валялась на тянущейся вдоль всей стены скамье. Едва не поскользнувшись на влажной плитке, я прошлепал к лавке и начал рыться в вещах. Одежда вся, ботинки оба. Замечательно. Денег нет. Вполне объяснимо: чешуйку в «Берлоге» оставил, здесь тоже заплатить надо было. Пара метательных ножей на месте, а тесака нет. Я бросил на пол пояс с пустыми ножнами и задумался. Где нож? Что-то вроде наития привело меня к бадье. Опущенная в воду рука через какое-то время нашарила в мыльной воде клинок. Как ни странно, рукоять не нагрелась, была холодной и сухой. Вода с едва заметной дымкой испарялась с лезвия. Крыша едет, однако! Как только не обрезаюсь?! Тесак отправился в ножны, а я со спокойной душой залез в теплую воду.

Открылась дверь, в нее проскользнул замотанный в простыню Гамлет и подошел к парилке.

— Очухался? — Он взялся за деревянную ручку, но открывать не спешил.

— Угу. — Я опустил голову под воду и сразу вынырнул, — только башка болит и сушняк.

— Болит — это хорошо, болит — это значит, что она еще на месте. Ты вот что скажи: у тебя все гуси с чердака улетели или хоть один еще остался? — Не дожидаясь моего ответа, он сплюнул и продолжил, загибая пальцы: — Цеховиков шуганул, на Зуба наехал, Ржавому нос сломал, с Крисом поцапался. Не слишком много для одного дня?

— Я подумаю над этим... — пробормотал я. А что еще мог ответить? Больше так не буду? — ...завтра.

— Подумай. — Гамлет открыл дверь.

— Ржавый кто такой? — успел спросить я, прежде чем он зашел в парилку.

— Охранник на Южном. С ним за столом пара дружинников сидела.

Остальных не знаю. — Он закрыл за собой дверь.

Настроение испортилось. Правильные вещи Гамлет говорит, что уж тут поделаешь. И Ян на то же намекал. Все, надо завязывать. Помогу Денису долг вытрясти и на две недели на дно залягу. Я вылез из бадьи, вытерся махровым полотенцем и начал одеваться. Когда на мне уже были джинсы и рубашка, в комнату заглянула светловолосая девушка лет двадцати, одетая в длинный банный халат.

— Ты не передумал? — улыбнулась она. В глазах у меня еще немного плыло, но что она не уродина, я был уверен на все сто. Даже если учесть количество выпитого. Да и перетянутый поясом халат не столько скрывал, сколько подчеркивал весьма интересную фигуру.

— С чего бы? — на мгновение замешкавшись, ответил я. Вот так вляпался! Неужели успел о чем-то договориться? И как выяснить — о чем? Дураком выглядеть и спрашивать в лоб «Ты кто?» желания нет. Развернется и уйдет, а девчонка, в отличие от большинства Тимурова «персонала», симпатичная. Не хотелось бы. Придется Ваньку валять.

— Ну, мало ли. — В зеленых глазах промелькнуло замешательство, а на лбу появилась пара морщинок. Девушка осмотрела меня с ног до головы. — Тогда на выходе через десять минут?

— Без вопросов.

Дверь закрылась, я с облегчением выдохнул и продолжил одеваться. Может, что и выгорит. Скатав плащ и подхватив его под мышку, я вышел в комнату отдыха, протопав в мокрых ботинках по шикарному ковру. За столом, уронив голову на руки, спал Ворон. Срубился. Неудивительно: под столом стояла еще пара пустых бутылок из-под водки. На другом конце стола Денис о чем-то трепался с двумя полуголыми девками. Понятненько, все как у людей: сауна, водка, девочки. Ого, нас еще и на вино раскрутили!

Я подошел к столу и ткнул пальцем в кувшин:

— Вода?

— Да. Далеко собрался?

— До дому. Я должен что-нибудь? — Я выпил, наверное, полкувшина и уселся на кожаный диван. Пара минут есть посидеть.

— Уже рассчитались. На посошок?

— Мне хватит. Слушай, как зовут девчонку, которая только что вышла?

— Ты ж сам с ней договаривался. — Денис обернулся к девкам. — Не знаете?

— Аня. Она у нас недавно появилась. Воображает много, — ответила одна из девиц, отпив из высокого бокала вино.

— Да стерва она просто, — фыркнула вторая.

— Ну все, пойду я. До завтра. — Пожав Денису на прощание руку, я потопал из комнаты в общий зал. Хоть имя узнал. Теперь бы прояснить, о чем договорились. Хотя о чем можно договориться в таком состоянии, более-менее понятно. Все упирается в место и цену. Я кивнул охраннику, сидевшему на выходе, накинул плащ и вышел на крыльцо. Аня появилась через пару минут. Надо же, почти не опоздала.

— Застегнулся бы. Холодно. — Сама она была укутана в шубу с длинным ворсом, голову защищал от холода глубокий капюшон.

— Тепло. Мы, бывает, в патруле в сугробах ночуем, и ничего. — Мне действительно не было холодно. Неудивительно, если учесть, сколько выпито. Мы сошли с крыльца, и я начал прикидывать, в какую сторону лучше идти.

— Не замерзни. Ты где живешь?

— В морге.

— Где?! — Девушка резко остановилась и отступила от меня на шаг.

— В морге у Гадеса, — ответил я и, видя ее переходящее в недоверие удивление, добавил: — Доходный дом. В здании бывшего городского морга. Не слышала разве?

— А-а-а, — протянула она. — Далеко отсюда?

— Сейчас через дворы до Красного срежем, а там рукой подать, — прикинул я. Этой дорогой, возвращаясь домой от Тимура, мне приходилось пользоваться постоянно. Не заблужусь даже на автопилоте. Да и тропинка здесь только одна протоптана.

Мы отошли от бани и пошли по дворам. Этот район располагался почти рядом с центром, но административно относился к западному Форту и был почти не заселен. Длинные двухэтажные дома вырастали из сугробов пустыми шлакоблочными коробками. Тропинка лавировала между ними и наметенными ветром кучами снега, возвышавшимися на высоту человеческого роста.

На морозе в голове постепенно прояснилось, но координация движений восстановилась не полностью. Ноги заплетались, время от времени я хватался за свою спутницу, чтобы не упасть. В одном месте, после поворота в длинный, занесенный снегом проход между домами, где вдвоем на тропинке было не уместиться, я пропустил Аню вперед и, оступившись, провалился по колено в снег. Миг спустя из окна вылетела тень. Блеснул клинок, и длинный нож распорол ткань моего плаща. Лезвие скользнуло по меху и ушло вниз, не задев бедро. Приземлившись, нападавший увяз в глубоком снегу. Это позволило мне накинуть ему на голову полу плаща и несколько раз ткнуть ножом. Что за дела? Ограбление

или кто-то счеты решил свести? Дикий крик Ани ударил по ушам и, отражаясь от стен домов, умчался прочь. Времени посмотреть, что у нее случилось, не было. Сзади из дома выскочил кто-то еще. Я резко развернулся, даже не проверив, насколько точные нанес удары. Выпрыгнувший из окна противоположного дома мужчина вылез из сугроба и метнулся ко мне. Перекошенное лицо с оскаленными в гримасе зубами было незнакомым. Худоба и ввалившиеся щеки не позволяли определить возраст незнакомца, но, всяко, ему не больше тридцати лет. Одет он явно не по сезону: поверх черной футболки болталась расстегнутая кожаная куртка, едва прикрывающая удерживающий камуфляжные штаны ремень. Голова не покрыта, длинные волосы стянуты в косицу. С шеи на серебристой цепочке свешивался странный, словно выточенный из льда треугольный амулет. Что-то с ним не то. Неправильно что-то. Что?!

Не успев даже выбраться на утоптанную тропинку, мужик резко рванул вперед и распластался в длинном прыжке. В вытянутой руке сверкнул нож с длинным узким лезвием. Из-за спешки нога нападавшего проскользнула на снеге, и выпад получился слишком глубоким. Я качнулся вбок и перекинул тесак в другую руку. Среагирует? Не успел! Мне удалось перехватить запястье нападавшего и, потянув его руку с ножом в сторону, крутнуться на месте, пропуская парня перед собой. Не сумев затормозить, налетчик проскочил мимо. Лезвие зажатого в левой руке ножа вошло ему в спину. Он упал и конвульсивно задергался. Не желая рисковать застрявшим меж ребер клинком, я отпустил рукоять.

Серия тихих хлопков заставила меня пригнуться к земле. Один из двух коротких ножей, закрепленных на плаще, мгновенно оказался в руке. Мимо щеки с противным свистом пролетела пуля, и сразу же грудь обдало холодом, словно под одеждой разлилось полстакана ледяной воды. Все, сдох амулет. Теперь защиты от пуль у меня нет.

Не успев даже толком разглядеть застывшего метра в десяти дальше по проходу стрелка, я метнул нож и упал на тропинку, укрывшись за трупом. Убежище никудышное: проще простого подойти ближе и расстрелять меня в упор. Послышалось три глухих удара пуль в лежащее между мной и стрелком тело. Услышав лязг угодившего в стену дома клинка, я метнул второй нож, перекатился вбок, вскочил на ноги и помчался к стрелку. Это не очень умно, но ничего другого не остается: ни забраться в одно из окон, ни убежать убийца мне не позволит. А лежать и ждать, когда тебя расстреляют, — не лучший в данной ситуации выбор. Так хоть какой-то шанс есть. Тем более что второй раз лязга стали о стену не донеслось.

Скрючившись, молодой длинноволосый парень переложил пистолет в левую руку, но прицелиться уже не успел: пинок по кисти выбил пистолет с глушителем в снег. Остановиться не получилось, я сбил стрелка с ног и впечатал его в стену дома. Удар плечом еще глубже загнал лезвие ему в руку. Взыв, парень извернулся и выхватил из ножен на поясе широкий прямой кинжал. Оттолкнувшись от стены, мне чудом удалось увернуться от мелькнувшего у живота клинка. Замахнуться второй раз стрелок не смог — тяжелая подошва моего ботинка врезалась ему в шею. Ногу ниже колена обожгла острая боль, но я продолжал давить, чувствуя, как с хрустом сминаются хрящи. Парень затих, рука с кинжалом бессильно упала на снег, запрокинутое лицо невидяще уставилось в небо. Готов.

Царапина под коленом оказалась ерундовой и не стоящей даже перевязки. Кто это такие? Стрелок был одет так же легко, как и первые два нападавших. Будь на нем хоть полушубок, бросок ножа оказался бы бесполезен. Я всмотрелся в лицо мертвеца и удивленно выругался. Нет, лицо не было знакомым. Все дело в глазах. Широко раскрытые глаза были полностью синими, зрачок и роговица по цвету никак не разделялись. Нарк? Это объясняло легкую одежку и давало мотив для нападения — на очередную дозу не хватало. Но какой дурью надо обдолбаться, чтобы дойти до такого состояния?

Далекий шум заставил меня насторожиться и, замерев, вслушаться в тишину ночи. Нет, не показалось. Крики раздались уже гораздо ближе. Сюда или не сюда? Пронзивший воздух резкий вибрирующий звук поставил все на свои места. Надо рвать когти — это свисток дружинников. Если застукают рядом с тремя жмуриками, мало не покажется. Неужели услышали визг Ани? А где, кстати, она сама? С трудом вырвав из раны свой нож, я выпрямился и быстро осмотрел снег вокруг тела. Ну что за гадство! Второго ножа нигде не было видно. Времени искать его не оставалось — крики звучали все ближе. Бежали, похоже, прямо сюда. Надеюсь, нож ушел под снег, и дружинники его не найдут.

Я подбежал к лежащей на тропинке девушке и сдернул меховой капюшон. Понятно, моя помощь уже не требуется — посреди лба зияло небольшое пулевое отверстие. Не повезло. Рядом замер первый грабитель. Один из моих ударов рассек артерию, и снег вокруг был забрызган хлеставшей из разреза кровью. Судя по прижатым к шее рукам, первое время он пытался остановить кровотечение. Правка не требуется.

Теперь очередь мертвеца, из спины которого торчал мой тесак. Клинок выскользнул из тела очень легко. Кровь, дымясь, стекла с лезвия, полностью очистив зеленоватый узор. Даже о снег чистить нет

необходимости. Исключительный нож. Я перевернул труп на спину и оттянул веко. Так и есть, весь глаз синий. Точно, наркоманы. Взгляд зацепился за странный амулет. От рывка цепочка разлетелась на отдельные звенья, но в руке осталась вытянутая пирамидка. Странный камень. Потом посмотрю, что такое.

Ничего своего не оставил? Вроде нет. Разбежавшись, я подпрыгнул, перевалился через подоконник и упал внутрь дома. В проходе замелькали огни факелов. Быстрее пробежать дом насквозь, пока меня никто не заметил. Здесь как дела? С этой стороны дружинников не было. Ух! Сугроб смягчил падение после прыжка вниз. На всякий случай я пробежал еще несколько дворов и лишь потом вывернул на дорогу.

Домой удалось добраться, никого не повстречав по пути. Спустившись в подвал, я стянул ботинки, вытряхнул набившийся в них и под джинсы снег и начал рассматривать плащ. Хреново. Помимо одного длинного разреза и трех узких дыр, он был весь забрызган хлынувшей из артерии кровью. Самому избавиться от пятен не получится. Придется на чистку нести. Пусть тогда сразу и зашьют.

Скинув грязную одежду у порога, я отпил из банки воды и осмотрел порез под коленом. Ранка уже затянулась, а вот джинсы придется штопать. Сняв с цепочки амулет, пристально всмотрелся в кусочек кварца и отшвырнул его в заваленный хламом угол комнаты. Камень мертв, в нем не ощущалось даже малейшего остатка магической энергии. Перегорел. Придется новый доставать. Пирамидку я поставил на коробку с тушенкой, нож положил рядом с раскатанным матрасом. Потом залез под одеяло и отрубился еще раньше, чем голова коснулась подушки.

Глава 4

Утро началось с головной боли. Она накатывала волнами и прорывалась в серую хмарь сна. Несколько раз я просыпался, пил холодную воду — благо, с вечера поставил трехлитровую банку рядом с матрацем — и засыпал снова. Скорее даже не засыпал, а забывался в беспокойной полудреме. Снявшаяся все утро ерунда выветривалась из головы, как только открывались глаза. Делать это приходилось частенько, поскольку нашарить рукой трехлитровку вслепую никак не получалось. Странно, вроде старался ставить на одно и то же место.

Плохо-то как! В голову словно запустили сотню маленьких ежей, которые при любом движении начинали носиться внутри черепа. С животом дела обстояли ничуть не лучше — к горлу постоянно подкатывал комок тошноты. Окончательно проснувшись, я сел и отпил воды, чтобы смыть остатки мерзкого привкуса во рту. Помогло мало, наоборот, вода с похмелья казалась сладковатой на вкус. Живот скрутило. Нет, надо с алкоголем завязывать.

Пошатываясь, я поднялся, вышел из комнаты и в одних трусах поплелся к умывальнику. Стены коридора плавно покачивались, а в голове мягко шелестело чье-то неразборчивое бормотание. Причем стоило сосредоточиться, и оно моментально пропадало. Что за дела? До белочки вчера не мог допить, чего крыша-то едет?

От ледяной воды из-под крана заломило зубы. Я сунул два пальца в рот, и меня вырвало неперевавленными остатками вчерашней картошки и желудочным соком. Немного отпустило. Надолго ли? Умывшись, я отправился обратно. Теперь бы еще поспать, глядишь, и жизнь наладится.

— Праздник удался? — поинтересовался вышедший из своей комнаты мой сосед Василий Чусов. Он неплохо зарабатывал на торговле дровами, не пил, картами не увлекался и считал меня вконец пропащим человеком. Правда, после пары намеков свои соображения он больше вслух не высказывал.

— Не то слово. — Я не стал отрывать взгляд от пола, чтобы не вызвать новую вспышку головной боли. — Слушай, Василий, времени сколько?

— Начало второго. — В голосе Чусова чувствовались легкие нотки превосходства и презрительной снисходительности, что, собственно, вполне объяснимо: это я стоял перед ним в одних трусах с трехдневной щетиной на щеках и полуживой с похмелья, а не наоборот.

— Спасибо, — прохрипел я и едва не подпрыгнул, когда кто-то за спиной на одном дыхании прошептал длинную непонятную фразу. Развернулся — никого.

— До галюнов допился? — Теперь усмешка стала неприкрытой.

— Ничего понять не могу: голоса разные бормочут что-то, а прислушаешься — тишина. — Меня зазнобило. Черт-те что с утра творится.

— Это Гадес мощность щита наполовину поднял. Вчера еще предупредил, что особо чувствительные могут отголоски заклинания уловить. — Вид, наверное, у меня был очень забавный, если Вася снизошел до объяснений. — Обещал к вечеру экранирование наладить.

— А-а-а, тогда понятно. Восприятие у меня, значит, повышенное. — Мысленно послав чистоплюя Чусова куда подальше, я вернулся в комнату и закутался в одеяло. Ничего себе уловить! Такое впечатление, что эти самые отголоски мне просто-напросто в голову долбят. С чего бы это Гадесу щит усиливать? Очередной эксперимент ставит или что-то серьезное в Форте намечается? Стоит спросить.

Я расслабился и постарался заснуть, все равно Денис сегодня уже не придет. Сам, небось, еще отлеживается.

Оно и к лучшему, выбивальщик долгов из меня сейчас никакой. Заснуть не получилось. Было страшно. С похмелья вообще жить страшно, а сегодня груз проблем и переживаний навалился особенно тяжело. И воспоминания о том, как вчера чудил, не были основной причиной для беспокойства. Ну, нажрался. Ну, вел себя как полный идиот. Ну, разругался, с кем только мог. Но — первый раз, что ли? Больше угнетало то, что меня опять хотели убить. Конечно, наркам могли просто требоваться деньги на очередную дозу, и они бросились на первого встречного, дело житейское, в конце концов. Но как насчет пистолета с глушителем? Обычные наркоманы такую игрушку давно бы продали, даже ломки дожидаться не стали. Ножей вполне достаточно, и с Дружиной проблем никаких. А вот если им этот пистолет дали для выполнения заказа, то было понятно их стремление решить дело ножами: патроны стоят серьезных денег, которые вполне можно потратить на наркоту. Получившаяся картинка вогнала меня в глубокую депрессию. Кто-то хочет меня убить. Не просто пассивно желает, чтоб я сломал себе шею. Нет, он предпринимает конкретные меры для организации моего скорейшего отхода в мир иной. Сначала Лысый, в этом сомнений уже не было, теперь эти отморозки. Кто следующий? Кстати, а может, Дрон не при делах? Лысый в чем-то прокололся, и командир отряда просто решил докопаться до сути? Непонятно.

Убедить себя, что все это просто паранойя, не получилось. Слишком много совпадений. Первым делом надо выяснить, кто нагрел Лысого в карты. Когда узнаю, ситуация прояснится. Потому как есть два варианта: или покойный отрабатывал проигрыш, или работал на того, кто дал денег вернуть карточный долг. Надо найти Смирнова и узнать.

Все! Хватит лежать, пора делом заняться. Одевшись, я начал прилаживать поверх свитера нагрудник. Давненько не надевал. Хорошо — не продал, как чуял, что еще пригодится. Стальные пластины прикрывали только грудную клетку, живот и плечи защищали кольчужные вставки. Я кое-как затянул кожаные ремни и попробовал присесть и наклониться. Ух! Не мог же я так поправиться! Обжало всего, ремнями перетянуло. Ничего, дышать можно, к остальному привыкну — деваться-то некуда.

Другая проблема — плащ не надеть, весь кровищей залит. Придется фуфайку доставать — в куртке холодно. На джинсах пятен крови нет, ботинки тоже чистые. Поверх фуфайки я затянул пояс, прицепил ножны с тесаком и задумался. Можно, конечно, топор прихватить, но как с ним по всему Форту таскаться? Да и не поможет он, если что. Поколебавшись, я подошел к тайнику, вытащил кирпич и достал пистолет Лысого и перетянутую резинкой пачку банкнот. «Макаров» сунул в правый карман фуфайки, деньги в левый. Пистолет оттянул карман, но в глаза это особо не бросалось. Ничего, сойдет. Главное не падать, патрон-то в стволе — еще пальнет.

Я закинул мешок с бельем на плечо, свернутый плащ подхватил под мышку и вышел на улицу. Небо затянули свинцовые облака, падали редкие снежинки. Тусклое пятно солнца едва проглядывало сквозь туманную пелену. Столб дыма, валивший из трубы котельной, ввинчивался в небо и казался то ли причиной низкой облачности, то ли Атлантом, держащим на своих плечах тяжелые тучи. Я стал на крыльце и глубоко вдохнул морозный воздух. От уличной прохладцы немного прояснилась голова. Замечательно. Погода исключительная, только сыровато. Но это ничего, постоим, свежим воздухом подышим — заодно и осмотримся.

В окрестностях морга ничего подозрительного не наблюдалось, я сбежал вниз по ступенькам и направился к торговому углу. Воздух был пропитан дымом, который шел из труб буржеек и печей и из-за безветрия опускался к земле. Центральное отопление сохранилось только в окрестностях ТЭЦ, а в других районах сильная задымленность давно уже стала проблемой. Люди на улицах не попадались, только на перекрестке несколько мужиков разгружали забитые картонными коробками сани. Не доходя до них, я свернул в узкий проулок, вскоре закончившийся тупиком.

Небольшой пятак, со всех сторон окруженный смыкающимися домами, мрачным колодцем уходил вверх. Окон на разрисованных граффити стенах не было, в наличии имелаась только одна дверь. Вывески нет, но протоптанная в снегу тропинка ясно показывала, что необходимость в ней отсутствует. Обшитый деревом лист железа, удерживающийся на месте тугой пружиной, поддался с трудом. Чтобы удержать дверь открытой, пришлось поудобней перехватить плащ и перекинуть мешок в левую руку.

Под потолком несколько раз звякнул колокольчик. Я миновал короткий коридор и оказался в просторной светлой комнате. Выходящее на противоположную от проспекта сторону окно было разделено деревянными рейками на квадраты и занимало почти всю стену. В углу стояла кадка с пальмой, на широком подоконнике — горшки с фиалками. На стене рядом с дверью мерно тикали ходики с кукушкой. Половик, сшитый из разноцветных лоскутов, печка, внутри которой гудел огонь, потертые обои и заваленный старыми журналами столик создавали неповторимое впечатление уюта и покоя.

Хозяйка прачечной — полноватая женщина сорока с небольшим лет — стояла перед окном и рассматривала намороженные на стекле узоры. Каштановые волосы, как обычно, были затянуты в узел на затылке, плечи укрыты пуховой шалью. Из-под длинного, доходившего до пола домашнего халата выглядывали меховые тапочки. Непременного для подобных заведений охранника не было. Учитывая должность мужа хозяйки — а был он заместителем директора Гильдии по проектированию защитных заклинаний, — считать прачечную беззащитной было бы большой и, скорее всего, фатальной ошибкой.

— Здравствуйте, Алла Семеновна. — Я расшнуровал ботинки и поставил их на коврик у входа в комнату.

— Здравствуйте, молодой человек. Давненько вас видно не было. — Алла Семеновна подошла к журнальному столику, вытащила с нижней полки толстую тетрадь и шариковую ручку. — С чем пожаловал?

— Как обычно. Только с плащом проблемка небольшая. — Я поставил мешок рядом со столом и развернул плащ. — Его бы почистить, да и зашить не помешает.

Хозяйка сделала запись в тетради, отложила ручку и приняла у меня плащ, повернув его к свету.

— Оригинально. Что это было? — Алла Семеновна положила плащ на гладильную доску и разгладила разрезы. Плащ так заинтересовал ее, что она даже забыла добавить свое неизменное «молодой человек». Не то чтобы она ко всем так обращалась, но я не любил, когда меня называли по

имени, а прозвища Лед или Скользящий ее не устраивали. — Только не говори, что кровь носом пошла, а плащ об кусты порвал. Ну-ка сознавайся, кого зарезал?

— Да что вы, Алла Семеновна. Кого я в собственном плаще зарезать мог?

— Что тогда случилось?

— Пьяный был, не помню, — соврал я. Даже не совсем соврал, так, наполовину. Пьяный-то был на самом деле.

— О! То-то я смотрю, ты бледный такой. Скидывай тулупчик, сейчас отпаивать тебя будем. — Хозяйка подхватила со столика колокольчик и несколько раз звякнула. Обычно мелодичный звук сегодня ударил по нервам не хуже скрипа железа по стеклу. Моментально появившаяся девушка подхватила мой мешок и плащ. — Алена, мы чай пить будем.

— Да мне пора уже. Дел невпроворот, — попытался я отвертеться от чаепития. Нет, расспросов больше не будет, просто еще надо успеть поймать Смирнова, пока он из арсенала домой не ушел.

— Никуда ты не пойдешь. Сейчас чай принесут. И не спорьте со мной, молодой человек, а то сам свои носки стирать будешь!

— Уговорили, — вздохнул я, с трудом стянул фуфайку и повесил ее на вешалку, не забыв перед этим достать из кармана деньги.

— Ого! Да ты никак на войну собрался, — подколола меня вернувшаяся с подносом девушка и начала выставлять на стол чашки, чайник и сахарницу.

— Цыц, бесстыжая, — скорее шутя, чем всерьез, прикрикнула на помощницу Алла Семеновна, но, судя по ее прищуренным глазам, она была ничуть не меньше девушки заинтересована причиной, заставившей меня нацепить нагрудник.

— Решил спортом заняться. Спортивная ходьба с отягощением. — Наливая чай, мне с трудом удалось держать руку прямо и не стучать носиком чайника о край кружки. — Сколько с меня, кстати?

— Рубль золотом за белье. — Улыбнувшись нелепости моего ответа, Алла Семеновна заглянула в тетрадь и задумалась. — Еще рубль за работу с плащом. Если хочешь, чтобы был как новенький, тогда за все про все два с полтиной.

— Я за красотой не гонюсь. Ассигнациями возьмете? — Не добавляя сахара, я осторожно отхлебнул из чашки. Неплохо. Честно говоря, травы подобраны лучше, чем в Ключах.

— Какие такие ассигнации? — приподняла брови в притворном удивлении хозяйка.

— Российский рубль — единственное законное платежное средство на территории Российской Федерации. — Прошлые жалованья выдавали рублями, и мне не терпелось от них избавиться. Принимали их не все, да и слишком уж курс нестабильный. Золоту и серебру доверяют больше.

— Это на территории Российской Федерации. — Алла Семеновна щипцами подцепила из сахарницы кусочек рафинада, опустила в чашку и ложечкой начала размешивать чай. — Хотя, если законное... Сам рисовал, небось?

— Делать больше нечего — фантики рисовать. — Я отсчитал двадцать сотенных и положил их на стол. — Монеты чеканить куда выгодней.

— И то верно. — Купюры отправились в карман халата. — Видел кого-нибудь в последнее время?

— В смысле? — Настала моя очередь изображать удивление. На самом деле все я понял. С Аллой Семеновной мы познакомились, когда меня взяли на обучение в Гимназию. Спрашивала она, понятное дело, о моих сокурсниках. Но не рассказывать же ей о Крысе? А никого другого я не встречал.

— Да ладно ты! — Хозяйка махнула на меня рукой и фыркнула от возмущения. — С Катей не встречаетесь?

— Нет.

— Зря. Вы с ней неплохо смотрелись.

— Что ж поделать? — Я развел руки и едва не облился чаем. — Слишком разный круг общения.

— А кто виноват? Нечего было из Гимназии уходить.

— Не по своей воле, — замялся я. Уходить. Ага, как же. Вышибли нас оттуда, и вышибли со свистом. Хорошо хоть, живыми отпустили. Думаю, решили, что все равно сами по себе долго не протянем. — Не по своей воле.

— Все этот поганец Мишка Стрельцов. — Алла Семеновна поправила шаль и кивнула на принесшую поднос со свежей выпечкой помощницу. — Вон и эта дуреха в него по уши втрескалась.

Девушка покраснела, но ничего не ответила и молча вышла из комнаты. Мишу — фаворита директора Гимназии Бергмана — Алла Семеновна не любила. Я тоже его очень и очень сильно не любил. Честно говоря, я его ненавидел. Наверное, именно это нас с Аллой Семеновной в какой-то мере и сближало. Пока мы пили чай, успели обсудить последние новости и перемыть косточки паре общих знакомых. Ничего полезного, но настроение улучшилось. Иногда просто необходимо посидеть и поболтать ни о чем. Боль в голове постепенно затихала. И вправду хороший чай.

— Ох, замечательный чай! — Я поставил чашку на поднос. — Ну, пойду я.

— Куда торопишься? Я понимаю — ты бы уже белье забрал и на свидание намылился. Но ведь в таком виде к девушке не явишься.

— Да какая девушка? Паек пойду получу, пока зубы на полку класть не пришлось. — Неожиданно я вздрогнул: «Неужели не взял?» — и принялся шарить по карманам. Талоны обнаружились в заднем кармане джинсов. Блин, даже не помню, как их туда сунул. Не важно, главное — домой возвращаться не надо. Я обулся и натянул фуфайку. — Когда зайти можно?

— За плащом завтра. Белье послезавтра готово будет.

— Спасибо за чай. До свидания.

— Счастливо.

Я вышел на улицу и задумался. Петровича в арсенале застать не получится — если верить ходикам в прачечной, шел уже четвертый час. Придется топать к нему домой. Только надо сначала в «Весну» заскочить, талоны отоварить.

На пути в «Весну» я миновал выглядывающие из-за домов золоченые купола церкви и замедлил шаг. Зайти? Не, самочувствие не то. В другой раз. Когда удалось добраться до кафешки, уже начало темнеть. А в нагруднике-то тяжеловаستنенько — притомился. Вытерев вспотевший лоб, я задумался: «Может, пивом потерю жидкости восполнить?». К горлу моментально поднялся комок. Нет, обойдемся без алкоголя. Вода прекрасно все восполнит. Уж не знаю, на благо это или нет, но похмеляться я не мог: не лезло в меня спиртное на следующий день после пьянки. С одной стороны, спиться не получится при всем желании, с другой, весь день мучаешься. Ну да ладно, хватит о грустном, уже пришел.

Невдалеке раздался скрип давно не смазанных колес. Прихрамывая, из-за поворота выкатил заваленную хламом тележку сгорбленный человек. Голова и кисти рук у него были замотаны грязными бинтами, сквозь которые проступали выделения белесого гноя. Там, где между бинтами проглядывало лицо, блестели намороженные полоски выделений. Далеко урод от гетто забрался, рискует. Словно в подтверждение моих мыслей, урод покачнулся под ударом брызнувшего во все стороны ледяной крошкой снежка, который угодил ему точно в затылок. Заслышав издевательский свист, он попытался втянуть голову в плечи и, навалившись на ручки тележки, ускорил шаг. Интересно, кто его? Местная шпана живым, может, и отпустит. А выродки из Чистых или Крестоносцев точно до смерти забьют.

Ни одно из моих предположений не подтвердилось. Вслед за уродом

из-за угла дома неторопливо вывернули три валькирии — на белых вязаных шапочках по синей полосе. Как я сразу не подумал! Это ж район Сестер Холода! А они за порядком присматривают, территорию обходят. Нет, дружинники сюда тоже заворачивают, но здесь их просто терпят, не более. Тем более что Лига и сама прекрасно контролирует ситуацию. Работа «Комаров» — специального отряда, предназначенного для поддержания порядка на улицах, — нареканий не вызывала. Одна из Сестер нагнулась и зачерпнула горсть снега для нового снежка. И куда они его гнать собрались? Я мельком отметил, что белых отметок на спине у уroda штук пять, и настороженно замер, положив руку на рукоять ножа, — очень уж пристально уставилась на меня плечистая бабенка, длинный лук за спиной которой было под силу натянуть не всякому дружиннику. Не понял? Вроде с валькириями раньше проблем не было. Косясь на меня, Сестры пошли вслед за уродом. Пронесло. А вот, кстати, уже и кафе.

«Весна» занимала весь первый этаж одного из редких в Форте пятиэтажных домов. Раньше она делила помещение с продуктовым магазином, но сейчас о былом соседстве напоминали только ржавые буквы «ПРО...УКТЬ...». Что случилось с буквой «Д» не знаю, «Ы» после одной из попок в «Весне» булавой изувечил Шурик Ермолов. Витрину магазина давно заложили кирпичами, а кафе во всю стену щеголяло сверкающим стеклом. Двери тоже были стеклянными. Вот именно, что были. Я в недоумении уставился на фанерный щит, заменивший одну из створок, и осколки на ступенях. Вот ни фиги себе кто-то повеселился! Что с ними за это вышибалы сделали, интересно? Стеклянные витрина и двери были гордостью хозяйки. Так сказать, товарным знаком «Весны».

В этот момент фанерка отошла в сторону, и из кафе вышел начальник арсенала господин Смирнов собственной персоной. С плеча у него свисала здоровенная сумка, и удерживать равновесие ему удавалось с трудом. Е-мое, сегодня же двадцатое число — гарнизонные отовариваются. Наверняка весь гарнизон уже очередь занял! Может, стоит завтра зайти?

— Здорово, Лед! — Петрович поставил баул на ступеньки, распечатал пачку «Астры» и закурил. — За пайком собрался?

— Здравствуйте. Точно, зайти думал, паек получить, — кивнул я, — только забыл, что сегодня ваши отовариваются. Народу много?

— Народу немного, но на твоём месте я бы пару дней носа сюда не казал. — Смирнов затянулся, выпустил струю дыма и многозначительно посмотрел на осколки стекла под ногами. — Не любят сейчас тут патрульных, такие вот дела.

— Ян и Стас? — догадался я, вспомнив о синяке, появившемся вчера

вечером под глазом у Ревеня.

— И Петров. Ладно бы они просто стекло выбили, но они еще и Даниле руку сломали. — Петрович закашлялся и выкинул окуроч. — Какая гадость.

— Данила — это вышибала? — Ну, сломали руку, работа у него такая. Чем это может ухудшить ситуацию, непонятно. Но в «Весну», где я частенько появлялся вместе с Ревенем и Тополевым, сегодня соваться, конечно, резона нет. Побить не побьют, но обжулить попробуют по полной. Пусть лучше на ком-нибудь другом пар выпустят.

— Данила — это не только вышибала, но еще и последняя слабость Ады. — Смирнов закинул сумку на плечо, одернул армейский полушубок и спустился ко мне. — Так что сам понимаешь...

— Ага, — криво усмехнулся я. Все понятно: хозяйка кафе Ада обожала мускулистых парней и постоянно заводила любовников из числа охранников и официантов «Весны». Меняла она их почти каждый месяц, но, если этот ей еще не успел надоесть, лучше зайти за пайком на следующей неделе. — Петрович, ты вечером в «Серебряной подкове» будешь?

— Не, меня по хозяйству сегодня припрягли.

— Понятно. А я, скорее всего, зайду в картишки перекинуться. — Я сделал вид, что задумался. — Слушай! А кто Лысого обул? Не хотелось бы с ним за одним столом оказаться.

— Васька Кривенцов его нагрел. С ним играть не садись, мужики говорят — мухлюет по-черному. — Петрович протянул мне руку. — До встречи.

— Пока. — Я машинально пожал протянутую руку и присел на ступеньку. Вот оно как оказалось. Проигрался Лысый Васе Кривенцову — родному брату Дрона. А погоняло у Васи — Кривой. Как я вчера только не сообразил, что Макс брату нашего командира морду набил? Неужели его из-за этого в расход определили? Получается, дело все же во мне, а его прицепом потянули?

— На ловца и зверь бежит! — перебил мои размышления возглас из вновь открывшейся двери. — Привет, Лед! А мы как раз тебя ищем.

Я обернулся и увидел выходящего из кафе Серегу Вышева и следовавшего за ним незнакомого мордастого парня, который был его на пару голов выше. Серега у нас не гигант, но и меня ниже ненамного. Получается, парнишка за два метра будет, таких здоровых в Дружину без разговоров принимают. Только зря он себя запустил — пузо даже из-под пуховика выпирает. Без сумок, значит, не за пайком пришли. И явно не в

патруль собираются. Во-первых, мы только вернулись, во-вторых, одеты неподходяще. На Вышеве черная, вся заштопанная «аляска», синие джинсы, вышарканные до серости, и разбитые кроссовки. Не холодно ему? Второй, наоборот, одет слишком прилично: китайский темно-зеленый пуховик без дыр и заплат, на ногах берцы с высокой шнуровкой. Ботинки удобные, спору нет, но если целый день по снегу мотаться, шнурки так заледенеют, что проще их разрезать, чем развязать. Из оружия у Вышева на поясе штык-нож. У пузатого вроде бы вообще ничего нет.

— Зачем меня искать? В морг бы зашли.

— Да заходили мы, — поморщился Сергей. — Гадес нас подальше послал.

— Чего надо? — Я поднялся со ступенек и поправил сбившийся под фуфайкой махровый шарф.

— Крест за тобой послал. Сейчас маршрут рейда разрабатывают. Ермолов на Нижнем хуторе, а ты с ним на север вместе ходил, места знаешь. — Сергей ткнул в своего спутника. — Андрей пойдет, еще пара человек в штабе сидит.

Тот и сейчас промолчал. Разговаривать-то он умеет? Или природа силушкой не обделила — вон сам себя шире, — а на мозги не расщедрилась? Нет, вроде на дебила не похож.

— Что за рейд? — Можно подумать, один я на север ходил. Никого другого не нашли?

— Конец декабря же! Недели через две лазурное солнце взойдет, и кочевья снежных людей с севера двинут.

— Понятно... — Отказываться никак нельзя, Крест не поймет. Об этом рейде разговоры ходили уже давненько — каждый год племена снежных людей сваливаются «как снег на голову», — теперь решили послать разведчиков, определить основные направления движения кочевья. Хорошо, если удастся по-быстрому освободиться — весь день терять не хотелось бы. Единственное, что радует в этой ситуации: меня в рейд не загонят, только из патруля вернулся. — Нам куда, в штаб? Пошли скорее, у меня еще дела сегодня.

— Пошли так пошли. Через гаражи срежем? — Вышев спустился с крыльца.

Я прикинул, что так будет короче всего, и зашагал следом. Через гаражи почти напрямик получится. Надеюсь, мост через теплотрассу в очередной раз не разобрали.

— Слышал, как наши вчера в «Весне» повеселились? — спросил Серега, прикурив сигарету.

— Покурим, — впервые нарушил молчание Андрей.

— Не-э, а что было? — От табачного дыма меня начало поташнивать, и я, отойдя в сторону, пошел по обочине.

— Да они полкафе чуть не разнесли. — И Вышев пустился в подробный пересказ истории, услышанной, видимо, от одной из официанток. Если все это хоть наполовину соответствовало действительности, то совершенно непонятно, как парни смогли добраться до «Берлоги».

Топтавшиеся перед въездом в коттеджный поселок охранники перестали травить анекдоты, подождали, пока мы пройдем, и снова вернулись к своему излюбленному занятию. Живут же люди! Работа — не бей лежачего. Сплошная халява. Мало у кого в здравом уме хватит наглости покуиться на имущество обитателей «Поляны».

Простые люди здесь не селились, а владельцы спрятавшихся за высоким забором дворцов и сами могли с потрохами сожрать любителей наложить лапу на чужое имущество.

Похохатывая, мы вышли к теплотрассе. Более чем метровые в диаметре трубы были проложены на невысоких бетонных подушках. Местами их разрезали и растащили, но до ближайшего разрыва крюк делать слишком долго, и мы направились к полуразвалившемуся переходному мостику. Вышев первым ступил на хлипкие деревянные ступеньки, я полез следом за ним. Как бы под Андреем этот мост не развалился. Держась за ржавые перила и стараясь не наступать на середину досок, нам удалось без потерь перебраться через теплотрассу. Сразу после нее начинались гаражи. В отличие от гаражного кооператива, который мы миновали, подходя к Форту, этот заброшенным не был. Разумеется, автомобили здесь никто больше не держал, но различный скарб хранили до сих пор.

С двух сторон потянулись железные двери гаражей. Некоторые были выломаны, но большинство в полном порядке, и от многих к центральной дорожке тянулись расчищенные от снега тропинки.

— Чтоб тебя! — ругнулся я, увидев испачканную ржавчиной правую перчатку. Пришлось ее стянуть и пошоркать снегом — пятно ржавчины уменьшилось, но полностью не сошло.

— Блин, Андрей, я тебе покурить оставить забыл. — Сергей щелчком отправил окурок в сугроб и опустил руку к поясу. — Целую будешь?

Жизнь мне спас шарф. Накинута сзади на шею стальная струна захватила смягчившую рывок ворсистую ткань. В этот же миг Вышев крутнулся на одной ноге и с размаху пырнул меня в грудь штык-ножом.

Лезвие пропорол фуфайку и со скрежетом соскользнуло с нагрудника. Не успев даже понять, что происходит, я лягнул ногой назад, сунул правую руку в карман, а левой попытался оттянуть удавку. От ботинка затягивающий струну Андрей увернулся, а Вышев уже отвел штык для нового удара. Только теперь он явно целился в голову или шею. Я сжал рукоять пистолета, но вытащить ПМ из кармана явно не успевал и поэтому сразу начал нажимать курок. «Макаров» выстрелил только один раз: места в кармане для гильзы не было, и механизм заклинило. Пуля, оставив дыру с опаленными краями, продырявила ткань кармана, Вышев выронил нож, прижал руки к животу и, скрючившись, упал на колени.

Я не стал пытаться достать ПМ из кармана — передернуть затвор одной рукой нечего и пытаться, — выхватил из чехла на поясе нож и ткнул за спину на уровне бедра. Лезвие попало во что-то твердое, на мгновение напряжение струны ослабло, и мне удалось, резко повернувшись на месте, вскинуть вверх руку с клинком. Кончик лезвия с хрустом вонзился в переносицу здоровяка и, перерубив ее, вышел с другой стороны носа. Струя крови ударила в сторону. Я перехватил нож, отпихнул Андрея левой рукой и воткнул клинок ему под ребра. Он вздрогнул всем телом, обмяк и осел мне под ноги.

Я сорвал с шеи удавку и подошел к Вышеву. Тоже готов. Пуля угодила Сергею не в живот, как мне показалось сначала, а выше — в солнечное сплетение. Обычное дело при стрельбе с бедра. Что делать-то? Сердце колотилось как бешеное, по спине тек тонкий ручеек пота. Повезло. Еще раз повезло. Но вечно везение продолжаться не может, пора подумать о будущем. У «Весны» вместе с несостоявшимися убийцами меня никто не видел, по дороге тоже ни с кем не встречались. Охранников в расчет можно не брать — не знают они меня, да и хозяева за сотрудничество с Дружиной по головке не погладят. Если немедленно отсюда убраться, со мной это убийство никто не свяжет. На мгновение задумавшись, я вытащил пистолет из кармана и вложил в ладонь Андрея. Где штык-нож? Вот он, выглядывает из-под края куртки Вышева. Испачкав лезвие в крови, бросил нож обратно. Не бог весть какая инсценировка, но человек, пославший убийц, и так прекрасно знает, кто здесь замешан, а Дружину это происшествие вряд ли настолько заинтересует, что они начнут серьезное расследование. Или тем паче привлекут собственных колдунов либо специалистов Гимназии.

Я подхватил удавку и быстро зашагал прочь, на ходу пытаясь засунуть клок вылезшей из разреза на фуфайке набивки. Свернув с центральной дороги на первой попавшейся развилке, раскрутил струну с прикрепленными на концах ее деревянными рейками и зашвырнул на

занесенную снегом крышу ближайшего гаража. Не найдут, даже если специально искать будут. Шею саднило, но шок быстро проходил, и одновременно возвращалась способность здраво рассуждать. Дрон замешан в этом деле по уши. Лично он причин избавиться от меня иметь не должен, значит, кто-то дал команду. Для начала его брат подцепил на крючок Лысого. Вероятно, Дрон планировал поставить меня в одну тройку с Лысым и Вышевым, но Сергей подвернул ногу, а других посвященных в отряде не было. Поэтому вместо него в тройку включили новичка Макса, который имел наглость выбить зуб брату Дрона. А чтобы Лысый все не завалил, кто-то, наверняка Вышев, снабдил его пистолетом. Не припомню, я при Сергее на обратном пути из Ключей про свой амулет упоминал или нет? Хоть убей, не помню. Но либо упоминал, либо он в курсе о вчерашнем неудачном покушении. Иначе просто пулю в затылок пустили бы, и все дела.

Если мои предположения верны, то остаются непонятными всего две вещи, нет ответов на два классических вопроса: «кто виноват?» и «что делать?». Что делать? Именно этот вопрос волновал меня сейчас больше всего. Из Форта надо рвать когти, переждать, пока все не устаканится. В этом сомнений уже не осталось. Не достали сегодня, достанут завтра. Куда бежать? До Города далеко, на ближайших хуторах в два счета отыщут. Да и с голыми руками за стену соваться нельзя, надо кое-какое снаряжение раздобыть. Первым делом достать амулет взамен перегоревшего.

Перемахнув через покосившуюся ограду, я выбрался на улицу Ленина и, разминая затекшую правую кисть, пошел в южную часть Форта. Именно там располагалась учебная база Братства, на которой мне довелось одно время тренироваться. Надеюсь, кто-нибудь из моих знакомых сегодня на дежурстве. Если повезет, удастся раздобыть новую «Сферу безветрия» или хотя бы «Щит веры». Денег жалко, но оно того стоит.

До бывшей школы, в перестроенном здании которой расположилась учебка Братства, удалось добраться, когда уже окончательно стемнело. Пару раз навстречу попадались дружинники, но на меня внимания они не обращали. Вот и чудненько.

Территория школы была обнесена высоким забором, поверху шли заостренные железные штыри. На углах торчали сторожевые вышки, предназначенные скорее не для отражения нападений, а для предотвращения самоволок курсантов. Я обогнул забор, подошел к задним воротам и дернул за шнурок звонка.

— Чего надо? — Стальная полоска, закрывающая смотровую щель, отодвинулась в сторону.

— Клим у себя?

— Ты, Лед, что ли? Заходи. — Раздался лязг отодвигающегося запора, и дверь приоткрылась.

Дважды просить меня не пришлось, я протиснулся в не до конца открывшуюся дверь, поздоровался с охранниками — лица знакомые, а имен не помню — и направился в обход бывшего футбольного поля к трехэтажному зданию. Несмотря на поздний час, народу на улице было полно. Пять всадников, преодолевая препятствия из брусьев, скакали по кругу вокруг поля. Три десятка латников отрабатывали передвижение в каре. Несколько инструкторов поддерживали четкость боевого построения криками и ударами дубинок по глухо звенящим щитам. Чуть дальше тренировались арбалетчики.

— Пли! — махнув рукой, заорал стоящий сбоку от мишеней наставник. Судя по подбитому мехом темно-серому плащу — офицер. Ну, стрелки и кавалеристы на особом счету, это пехоту десятники натаскивают. Восемь стрелков вскинули арбалеты и выпустили болты в набитые соломой тюфяки, подвешенные метрах в пятидесяти у самой стены.

— На колено, перезаряжай! Вторая линия, пли! — К мишеням устремились следующие восемь болтов, выпущенные арбалетчиками, стоявшими во второй шеренге.

По большому счету за Братством будущее. Даже на моей памяти патроны подорожали чуть ли не вдвое, а снабжение огнестрельным оружием с каждым годом становится все хуже и хуже. Лет через десять-пятнадцать даже Город будет вынужден взять на вооружение мечи с луками и пересадить своих рейнджеров с джипов на лошадей. Когда, подвыпив, я начинал рассуждать на эту тему, меня моментально затыкали вопросом: «Сам-то почему не в Братстве?». Приходилось отшучиваться. На самом деле все просто: эти десять лет еще пережить надо. Отказаться от огнестрельного оружия и пытаться сделать карьеру в Братстве? Не для меня. Нет у меня необходимых для этого физических данных. Умереть только из-за того, что под рукой не оказалось дробовика? Глупо. Я уж как-нибудь сам по себе. До недавнего времени это работало. А вот теперь покровительство Братства мне бы совсем не помешало.

Во внутреннем дворе тоже проходили занятия. Но здесь шла индивидуальная подготовка бойцов. Разбившись на пары, мечники отрабатывали приемы фехтования. Бородатый инструктор, вооруженный лишь коротким посохом, шутя ускользал от мечей трех латников, пытавшихся зажать его в угол. Звон металла и удары железа по дереву время от времени перекрывал мат, вопли и крики боли. Сражение шло

специально затупленными клинками и в полном защитном облачении. Шлемы, панцири, кольчуги, наплечники, налокотники, наручни и поножи давали неплохую защиту, но иногда случались достаточно серьезные травмы, хотя обычно дело ограничивалось синяками и ушибами.

Я вошел внутрь школы и продрался сквозь толпу, стоящую у дверей столовой. К моему удивлению, девушек среди курсантов было никак не меньше четверти. Странно. Раньше Братство полностью оправдывало свое название. Поменялась политика? Потом я миновал спортивный зал и, поднявшись на второй этаж, толкнул дверь рядом с входом в актовый зал. Она вела в маленькую комнатку, заставленную старой школьной мебелью, на которой было разложено самое разнообразное холодное оружие. Короткие лезвия ножей соседствовали с волнистыми клинками крисов. Парту у входа полностью завалили гладиусами, среди которых затесалось несколько акинаков. Оружие посерьезней развесили на вбитых в стены крюках. Одну из стен занимали топоры и секиры. На второй висели мечи: перекрещенные катана и вакидзаси, спата, два «бастарда», фламберг и изогнутая турецкая сабля. Чуть ниже пылились палаш и драгунская шашка. В углу стоял бердыш. Клим сидел за партой около входа и сосредоточенно правил лезвие кукри.

— Здорово, Климов. Как поживаешь, помощник инструктора по фехтованию?

— Привет! Неплохо поживаю, неплохо. — Клим убрал со стула кортик и положил его на край стола к масленке и точильному камню. — Давненько не появлялся, от жизни отстал. Я теперь не помощник инструктора, а зампотех, что, сам понимаешь, всяко баче.

— Поздравляю. — Я присел на освободившийся стул. — Тут Рому недавно видел, у него тоже дела вроде в гору идут.

— В гору — это не то слово. Большим человеком стал, не ровня всяким тыловым крысам вроде меня. — Клим сцепил пальцы и, выпрямив руки, хрустнул костяшками. Был он худощавым, небольшого роста, и свитер болтался на нем как на вешалке. Широкие мозолистые ладони казались неестественно большими. Волосы были подстрижены коротко, и, в отличие от большинства братьев, бороду Клим не отпускал. — Чаю не предлагаю, потому как нету. Командор, нехороший человек, запретил.

— Я сегодня чаю уже на весь день вперед напился, так что не переживай.

— Везет тебе. Мне-то даже пообедать не удалось. А вообще, у меня дежурство через час заканчивается, может, по рюмашке пропустим?

— Не-э-э, сегодня никак не получится, — с сожалением отказался я.

Действительно жалко, сто лет не виделись. — Дел по горло.

— Ишь ты, какой занятой! Мог бы почаще заглядывать.

— Обещаю: как только с делами разберусь, с тобой в кабак завалимся.

Дверь приоткрылась, Клим выглянул из-за моего плеча и отрицательно помотал головой. Дверь закрылась. Неплохо он своих выдрессировал, а еще прибедняется.

— Ты сколько раз уже обещал? Ладно, сам говоришь — дел полно, че приперся? Давай колись.

— Можно подумать, когда обещал, не ходили? — парировал я и не стал ходить вокруг да около. — У меня «Сфера безветрия» сдохла. Новую сможешь достать?

— Совсем сгорела? — Клим задумался. — Или просто заряд сел?

— Ты меня за кого принимаешь? За чайника полного? Если я говорю сдохла, значит, сдохла.

— Вовремя подзарядить не мог?

— Денег не было. — Мой косяк, даже спорить не буду. Но две недели назад последние сбережения ушли на лечение пореза и покупку ножа, а жалованье за предыдущий месяц выдали наутро перед выходом в патруль. В рейде, само собой, не до этого было. Будь в амулете чуть больше энергии, вчера бы он смог перейти в спящий режим. Сегодня его спокойно подзарядили бы. Учитывая, что полная подзарядка обычно обходилась не дороже четверти от стоимости нового амулета, то по деньгам я потерял очень существенно.

— На подзарядку денег не было, а на новый амулет вдруг появились?

— Ты мне мозги не парь. Просто скажи, сможешь достать или нет.

— Я тебе мозги не парю, я думаю. — Клим забарабанил пальцами по столу. — «Незримые доспехи» возьмешь?

— Эту фигню в любой лавке купить можно, — скривился я. Одноразовая дешевка. Пятнадцать попаданий из ПМ, и «Незримые доспехи» можно выкидывать на помойку. В них даже не закладывали возможность снижения расхода энергии при попадании по касательной, да и осколки они почти не отводили. — Давай хоть «Щит веры», а?

— Не могу. Со склада без визы маршала или командора даже гвоздь ржавый не получить, а нам на школу «Щиты» больше не выделяют.

— Зашибись. Без вариантов?

— Если только... Тебе когда амулет нужен?

— Чем раньше, тем лучше.

— Пару дней подождать сможешь?

— А куда деваться? — Задерживаться в Форте опасно, но дня два я

вполне могу отсидеться в морге.

— Есть возможность «Чешую дракона» взять, но она пустая. — Клим выжидательно посмотрел на меня.

— Не пойдет, — вздохнул я. На «Чешую дракона», пусть и без магической энергии, у меня денег нет даже близко. Амулет этот был на порядок лучше «Сферы»: держал пять дюжин попаданий из «Макарова», почти не потреблял энергию в спящем режиме и к тому же создавал динамичное защитное поле, что позволяло отводить тяжелые осколки и крупнокалиберные пули с меньшими затратами энергии. А кроме того, при попадании в такое поле «свинцовые осы» в девяти случаях из десяти не взрывались, а рикошетили. — Мне полгода впроголодь жить надо, чтобы на нее скопить.

— Ты не перебивай, а слушай дальше: «Чешуя» глючная. Могу устроить, чтобы ее списали.

— Что за глюк? — Предложение меня заинтересовало мало. Какой смысл выкладывать кучу золота за неисправный амулет?

— Проблемы с подзарядкой. Прием энергии нестабильный, постоянно прерывается. Сам понимаешь, сколько времени уходит на полную запитку и какие при этом энергопотери.

Да, при нестабильном приеме потери и энергии, и времени должны быть совсем не маленькими. Учитывая емкость камня, на зарядку легко можно угробить до полутора суток. Понятно, почему его хотят списать — чародеи, на которых в Братстве лежала ответственность за обслуживание амулетов, свое время ценили очень высоко. Интересно, может, оно того стоит? Надо только прояснить еще два вопроса.

— Расход энергии стабильный? — Если имеется косяк с входящим потоком, то и с исходящим могут быть сюрпризы. А это чревато большими неприятностями. Например, порой совершенно лишних дополнительных дырок в черепе.

— Все остальное работает как часы, иначе давно бы утилизировали. Да что тут думать вообще?! — Клим хлопнул ладонью по столу. — Другой возможности достать «Чешую» за такие деньги у тебя не будет. Семьдесят золотых за эту игрушку — копейки.

— Да согласен я с тобой, согласен. — Действительно, раньше о приобретении «Чешуи дракона» я и не думал, тем более по цене «Сферы». Что битый — не страшно. С чем-чем, а с зарядкой проблем быть не должно. Есть у меня знакомый специалист по этому вопросу. Денег, правда, хватало в обрез. — Когда достать сможешь?

— Завтра к обеду споем, так что либо вечером, либо послезавтра с

утра.

— Договорились.

В этот момент снова приоткрылась дверь, и в нее кто-то тихонько выдохнул:

— Кли-и-и-м...

— Пять минут. — Зампотех поднял ладонь с растопыренными пальцами.

— Ладно, не буду задерживать. — Я поднялся и протянул руку.

— Ага, давай, заходи. Деньги не забудь. — Клим пожал руку, вслед за мной вышел из своей каморки и заглянул в актовый зал. — Что опять у вас случилось? Ничего, блин, без меня решить не можете!

Занятия во дворе уже закончились, но братья просто переместились на футбольное поле, посреди которого из снега был возведен кусок оборонительного сооружения. Пока я шел до ворот, латники безуспешно пытались взобраться на покрытый ледяной коркой вал. Оборонявшиеся арбалетчики отбивали яростные атаки, сбрасывая сверху здоровенные комья снега и ледяные обломки поменьше. Весело у них тут, как я погляжу. Радует, что в Патруле до таких тренировок не додумались.

Я вышел за ворота и не торопясь двинулся к моргу. Надо будет проверить, что с припасами. В «Весне» светиться не стоит, лучше кому-нибудь талоны перепродать. Тому же Денису, например, стоит предложить. С едой проблем быть не должно. Патроны есть. Амулет завтра попробую забрать. Одноразовый пропуск за стену и разрешение на вынос оружия давно на всякий случай оформил. Вроде все. Куда податься? В Ключах знакомых нет, на Нижний хутор, пока там патрульные, соваться нельзя. Надо двинуть в сторону Города, там меня достать сложнее будет.

Задумавшись, я свернул на Красный проспект и слишком поздно обратил внимание на стук копыт за спиной. Точнее, обратил, только когда догонявшие меня сани замедлили ход. Опустив руку на пояс, я обернулся и тут же убрал руку подальше от ножа: из остановившихся саней выпрыгнула пара дружинников с автоматами наперевес. Неужели кто-то сдал, что я с Вышевым от «Весны» уходил? Спокойно, все равно ничего уже не сделать — из двух стволов расстреляют моментально. В саних осталась еще пара человек. Возница меня не интересовал, а вот сидящий сзади мужчина, на тулупе которого были нашивки с четырьмя треугольниками, казался знакомым.

— Лед, а мы как раз за тобой собирались. Удачно, ничего не скажешь. Садись в сани, — махнул мне рукой старшина Дружины. Точно, это ж Петр Зубко, приятель Кота. Из Патруля в Дружину он перешел месяца через три

после того, как я появился в отряде. Да и потом иногда в «Серебряной подкове» встречались.

— А че случилось-то? — спросил я, но с места не сдвинулся. Главное, успокоиться и не дергаться раньше времени. Случайно на меня наткнуться не могли, ясно дело. Двигайся они из центрального участка, на Красный проспект выехали бы только перед самым моргом. Значит кто-то стукнул, что я у Клима. Но когда задерживают за двойное убийство, так спокойно себя дружинники не ведут. Объявили бы меня в розыск, скрутили бы и по почкам надавали, как пить дать надавали. Это в лучшем случае.

— В участке объяснят. Давай в темпе — у нас смена через полчаса заканчивается.

Нет, дело точно не в убийстве. Но какие еще ко мне вопросы могут быть? Вчерашняя драка в «Берлоге»? Или мертвые синеглазые нарки? Вряд ли дружинники узнали, что это я с Аней из бани ушел — Тимур свой персонал в строгости держит. Были бы претензии, его люди сами бы меня навестили. Блин, да если как следует повспоминать, претензий у Дружины ко мне может набраться вагон и маленькая тележка. Важно вовремя понять, из-за чего весь сыр-бор, и не засветить остальные моменты. Делать нечего, я подошел к саням, забрался внутрь и уселся на скамью напротив старшины. Один дружинник устроился рядом с Зубко, второй схватился за спинку и встал на полозья. Поехали.

За всю дорогу до участка никто не произнес ни слова, только возница тихонько мурлыкал какую-то песенку себе под нос. Минут через двадцать мы подъехали к центральному участку. Сани притормозили у ворот, толстая цепь, перегораживающая проезд, дернулась и пошла вниз. Возница взмахнул вожжами, и мы въехали внутрь широкого двора, отгороженного от улицы высоким кирпичным забором.

Дружина располагалась здесь с момента своего создания, а раньше пятиэтажный дом занимал горотдел милиции. Серая штукатурка местами обвалилась, но в целом здание поддерживали в достаточно приличном состоянии. Окна первых двух этажей были зарешечены, а пятого, уж не знаю по каким соображениям, закрыты вставленными в рамы фанерными листами. Темноту во дворе рассеивали электрические фонари, развешанные по периметру забора и на фасаде здания над центральным входом.

Сани остановились. Я вылез наружу и начал сбивать с ботинок налипшую солому, которой было покрыто днище саней.

— Пошел внутрь, живо! — Команду сопровождал неслабый удар прикладом автомата по ребрам. — Я тут из-за тебя ночевать не собираюсь.

Проглотив ругательства, я повернулся к оскалившемуся дружиннику, уже отводившему автомат для нового тычка. Морда незнакомая, то ли новенький, то ли из какого-то околотка перевели.

— У тебя смена вроде уже закончилась? — Безнаказанно спускать подобные выходки нельзя. Нужно было бы меня для дела запинать — сразу вырубил и в сани погрузили. А это получается так, самодеятельность.

— Че?!

— Если у тебя закончилась смена — ты уже не дружинник, а частное лицо. — Я несколько раз сжал и разжал кулак. Злоба начала туманить мозги. Что-то в последнее время завожусь с полоборота. — И снова дружинником ты станешь не раньше, чем выйдешь из больнички. Если медосмотр пройдешь, конечно.

Курившие на крыльце дружинники заржали. Точно, новенький. Значит, можно немного поучить уму-разуму, главное не перестараться.

— Да я тебя... — Парень широко размахнулся автоматом, но его за руку перехватил старшина.

— Ты, Саня, торопился куда-то? Беги, помоги Ивану лошадей в порядок привести и спокойненько шуруй по своим делам. — Петр вынул из руки остолебеневшего Сани автомат, забросил на плечо и, указав мне на дверь, поднялся на крыльцо. Второй дружинник пошел сзади.

Мы прошли мимо дежурного и, к моему облегчению, свернули направо, миновав вход в обезьянник. По крайней мере, закрывать в камеру меня не собираются. Пока не собираются. Еще один поворот, и мы начали подниматься по полутемной лестнице. Когда третий этаж остался позади, я снова забеспокоился. Куда это меня ведут? В арсенале и служебных помещениях на пятом этаже нам делать нечего. Остается четвертый. Что случилось-то?! На этом этаже были кабинеты всего руководства Дружины, даже воеводы. Чем я кого-то из них заинтересовать мог?

Петр Зубко передал автомат продолжившему подъем по лестнице дружиннику, кивнул сидевшему за столом у лестницы дежурному и пошел по четвертому этажу. Ничего не оставалось, кроме как идти следом. Пройдя по коридору, мы свернули в небольшой холл. Лампа, висевшая над дверью, не освещала даже половины помещения. Почти не различимые в полумраке караульные пропустили нас без единого вопроса. Я покосился на их экипировку — помимо автоматов, у каждого на ремнях по кобуре с пистолетом, поверх бронежилетов разгрузки с запасными рожками и лимонками — и, ускорив шаг, нагнал старшину. Метров через двадцать коридор перегораживала стальная дверь, но Зубко, не доходя до нее, открыл обитую дерматином дверь слева. В небольшой приемной никого не

было. Судя по обшарпанной двери и отсутствию секретаря, хозяин кабинета невелика шишка. Может, и обойдется.

Старшина без стука распахнул дверь, но сам проходить не стал, а пропихнул меня вперед. Я зашел и замер прямо на пороге. Сзади с еле слышным хлопком закрылась дверь, но и это не вывело меня из ступора. Все, теперь точно хана. Ничем другим объяснить наличие собравшихся в комнате людей я не мог. Как бы на выходе меня расстрельная команда не дожидалась.

— Проходи, не стой столбом, — раздраженно бросил сидевший в кресле перед столом хозяина кабинета Артем Гельман, с недавних пор занимавший пост заместителя начальника Патруля по дальним территориям. Он устроился на самом краешке кресла и, похоже, едва сдерживался, чтобы не вскочить и не вытянуться по стойке смирно. Понять его можно, в Патруль Гельман перешел всего два месяца назад именно из Дружины. Неудивительно, что он волнуется. Или мне только кажется? Очень уж он похож на маленького нахохлившегося воробья: вихры взъерошенных волос, словно перья, торчат в разные стороны, длинный нос на худом лице смотрится совсем как клюв. Добавляло сходства и вечно удивленное выражение лица. Из-за внешности относиться к Артему всерьез было нелегко, но успешная карьера сначала в Дружине, а потом и Патруле наглядно показывала, что между внешностью и деловыми качествами этого человека есть очень большая разница.

Второй представитель Патруля в кабинете — Крест — хмуро посмотрел на меня и отвернулся к висевшей на стене карте Приграничья. Ого! Хватило бы пальцев рук, чтобы пересчитать тех, кто мог безнаказанно довести его до белого каления, но человек, сидевший во главе стола, в их число входил. Полковник Олег Перов — заместитель воеводы — обладал очень большими возможностями. Общаться с ним мне довелось всего один раз, но и этого хватило за глаза. И, чтобы на всю оставшуюся жизнь запомнить этого недавно отметившего сорокапятилетний юбилей коренастого мужчину со скуластым, словно вырезанным из дубовой доски лицом, никаких усилий прилагать не пришлось. Заместитель воеводы, отслуживший лет двадцать в десантных войсках, сам был человеком неслабым и предпочитал работать с себе подобными. Для тех, кто не служил в армии, устроиться в Дружину было просто-напросто невозможно. Да и первые месяцы муштры выдерживали далеко не все.

— Садись! — Перов, по обыкновению одетый в камуфляж — на петлицах три прямоугольника — с закатанными по локоть рукавами, придвинул к себе скоросшиватель, раскрыл его и начал просматривать

исписанные синими чернилами листы.

Я присел на стоящий рядом со столом стул, развернулся в сторону от начальства и перевел взгляд на развалившегося на диванчике хлыща, единственного в кабинете, кого раньше никогда не видел. В первую очередь внимание привлекла его одежда: темно-синий костюм в едва заметную серую полоску, черная водолазка с воротником под горло и шикарные кожаные туфли, серебряные пряжки на которых стоили никак не меньше моего трехмесячного жалования. Как он в них, интересно, по улице ходит? Или специально переобувается? Странно, на первый взгляд парень не относился к тому типу людей, с которыми предпочитает вести дела Перов. Худощавый, с тонкими пальцами и длинными, до плеч, волосами, молодой человек слишком явно выбивался из общей атмосферы кабинета. Словно почувствовав, что его разглядывают, парень слегка опустил журнал и взглянул поверх него на меня. Я отвернулся и начал рассматривать обстановку комнаты. Светло-желтые выгоревшие обои с уже неразличимым рисунком, обшарпанная мебель с порванной обивкой. Окно завешено плотными коричневыми шторами. Хозяин кабинета об обстановке не шибко-то и заботится, у него дела поважнее есть.

— Ты, Лед, абсолютно асоциальная личность. — Перов оторвался от бумаг и откинулся в кресле. — Четыре трупа, это только официально зарегистрированных. Постоянные пьяные драки и дебоши. Вчера только человека до полусмерти избил. Терпение Дружины не безгранично. Ты как, не думаешь, что пора начинать отдавать долг обществу, которое тебя, дармоеда, содержит?

— Я каждые две недели свой долг отдаю, — пробормотал я. Ничего не понимаю, что им от меня надо?

— Э-э-э, нет. Это ты себе на жизнь зарабатываешь, а долг копится. — Заместитель воеводы сам себе противоречил — то я дармоед, то на жизнь зарабатываю, — но указывать ему на это никто не стал. — Пришло время его отдать. А благодарить за представившуюся возможность сделать хоть что-то полезное для Форты ты должен свое начальство, которое абсолютно не умеет работать с имеющимися людскими ресурсами.

При этих словах Крест только едва слышно хмыкнул, а вот Гельман удержаться не смог:

— А как работать, если людей постоянно не хватает? У нас, между прочим, только за последний год территория патрулирования увеличилась в полтора раза, а в штат не добавили ни одного человека. Я уже молчу про постоянный некомплект...

— Молчишь? Вот и молчи дальше, — перебил его Перов. — Думаешь,

мы в Дружине в шоколаде? Память короткая? Ты лучше ответь мне на такой вопрос: вы о рейде знали?

Гельман промолчал. Полковник повернулся к хлыщу:

— Илья, Патруль о рейде предупреждали?

— За месяц, Олег Владимирович. — Илья снова вернулся к разглядыванию журнала.

— Так все-таки, получается, знали? И за это время никто даже людей подобрать не удосужился!

— Да подбирали мы! Но почему все дырки нами затыкают? На северную промзону дополнительно бойцов выдели, торговые обозы охранять людей дай, границу с Городом патрулировать отряд пошли. Бандитов ловить скоро некому будет. У меня некоторые отряды по месяцу из рейдов не вылазят. Еще и в Нижнем хуторе людей оставить пришлось...

— Да не интересуют меня твои оправдания! — заорал Перов и хлопнул ладонью по столу. — Меня волнует то, что вы к рейду абсолютно не готовы. И придется посылать не сработанную команду, а сброд непонятный. А кого воевода нагибать будет за провал рейда? Кого, я тебя спрашиваю? Вас? Хрена лысого! С меня он спрашивать будет, с меня. Объясни мне, почему я за ваше головотяпство отдуваться должен?

Я постарался сделаться как можно более незаметным. Нет ничего хуже, чем в разборки между начальством встрять. И зачем вообще меня сюда притащили? Или все-таки к решению проблемы перейдут? Что меня зашлют в этот самый рейд, сомнений уже не осталось. Но теперь я только «за»: из Форта в любом случае линять надо, а так за казенный счет припасами разжиться можно будет.

— Ну, об этом мы после поговорим, — взял себя в руки полковник и глубоко вздохнул, успокаивая дыхание. — Введите этого в курс дела. Получше никого не нашли?

— Из свободных — нет. В общем, Лед, в рейд идти тебе, больше некому... — Крест посмотрел на меня и отвернулся к карте.

— Одному? — удивился я. Вот ни фиги себе!

— Пойдете впятером, ты — старший группы. Вернетесь, получишь младшего сержанта...

— Ближе к делу. — Поняв, что пытаться отказаться от задания я не буду, Перов закрыл скоросшиватель и кинул его в ящик стола.

— Начинай, Савельев, по маршруту. — Гельман сцепил пальцы и откинулся в кресло.

Крест пожал плечами, взял указку и ткнул ею в карту:

— Целью рейда является определение основных направлений кочевий

снежных людей: сейчас они уже должны посылать разведчиков — проверить пути на юг. Сначала группа выдвинется на северо-восток, — указка пошла от Форта по Светлой к Еловому — поселку, расположенному на приграничной с Городом территории, — а затем прочертила дугу на запад, — после Елового пойдете на северо-запад, у Снежных Пиков повернете к Ключам...

— Зачем так близко подходить к Городу? — Илья, оказывается, уже не листал журнал, а прислушивался к объяснениям Креста. — Если кочевье пойдет к Городу, нам от этого ни холодно, ни жарко. Есть ли смысл пару дней на этот крюк убивать? Не проще ли сразу на север выступить, например, к Волчьему логу?

— И оставить наши восточные территории без защиты? — мгновенно вскипел Крест.

— Все, у меня через пять минут совещание у воеводы, продолжите где-нибудь в другом месте. И запомни, Крест, вы рейд профукали — теперь это дело Дружины. Свой маршрут можешь засунуть себе в одно место. — Перов начал вытаскивать из ящиков стола бумаги и складывать в папку. — Все ясно? Тогда выметайтесь. А ты, Тема, куда собрался? Я с тобой еще не закончил.

Гельман обреченно вздохнул и опустил обратно в кресло, сложив на груди руки. Крест вышел из кабинета, как мне показалось, с трудом сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью. Илья подошел к шкафу, вытащил оттуда черное кашемировое пальто и не торопясь начал одеваться. Я не стал его дожидаться и выскочил из кабинета вслед за Крестом.

— И кто меня на это дело подписал? — Мне удалось догнать Креста только у выхода с этажа. Неслабо он впилил.

— Кривенцов свою задницу прикрыл, — буркнул тот и начал спускаться по лестнице.

— А кто идет? — перегнулся я через перила вниз.

— Из наших — Макс, остальных не знаю. Ты же слышал — по всем вопросам к волосатику.

Зашибись! Что хочешь, то и думай! Кто идет, непонятно. Куда идем, неизвестно. Настораживало то, что от нашего отряда меня с Максом в рейд загнал Дрон. Уверен, что не вернемся? Ничего, из Форта выйдем, там видно будет.

Я прислонился к стене и стал дожидаться волосатика. Долго ждать не пришлось, Илья появился минуты через две. Никакого головного убора я у него не заметил. Боится прическу испортить? Еще один друг менингита, блин! Интересно, что он из себя представляет на самом деле? Не думаю,

что к нему следует относиться судя только по внешнему виду. Прикид, конечно, стильный: еще и белый шарф на шею намотал, но если уж Перов с ним работает, стоит выяснить, что у парня за душой.

— Когда выходить? — спросил я, когда Илья проходил мимо.

— Завтра. — Илья поправил шарф и в мою сторону даже не посмотрел.

— Не пойдет. Снаряжения нет, план не разработан. — Я побежал за ним. У меня, как у старшего группы, были кое-какие права, и при необходимости попользоваться ими можно на всю катушку. Брать на себя ответственность и выходить без нормальной подготовки? Оно мне надо? К тому же Клим может не успеть завтра амулет достать. И Дениса подводить не дело.

— Крайний срок — послезавтра с утра. — Илья остановился на ступеньке и повернулся ко мне. — Не позже. Понял?

— Понял, чего не понять, — протянул я. В принципе это меня устраивало. Можно, конечно, попытаться выторговать еще один день, но очень уж мне не понравился взгляд его водянистых светло-серых глаз. Палку перегибать не стоит, а то по возвращении вместе со званием младшего сержанта Патруля получу назначение на северную промзону. — Кто в группе?

— Пара патрульных из первой роты, новичок и кто-то из твоего отряда. Слушай, мне сейчас некогда, соберемся завтра с утра и все вопросы порешаем.

— Я с утра занят. Раньше обеда не получится, — помотал я головой. Из моего отряда — это Макс. Новичок еще какой-то непонятный. Он-то зачем нужен? Макс, конечно, тоже еще зеленый, но уже обстрелянный, по крайней мере. Больше меня волновали двое из первой роты. Отдельная первая рота Патруля работала в окрестностях Форта и скорее походила на специальное подразделение Дружины. В дальние рейды они отродясь не ходили. А гонору больше, чем в остальных отрядах вместе взятых. И наверняка командир отдал тех, кого не жалко. Чувствую, команда подберется еще та. Не на это ли намекал Перов? Дурдом: людей дает Патруль, а рейд организует Дружина.

— Ладно, давай в два в «Сан-Тропезе». — Илья свернул с лестницы на втором этаже, я в одиночестве продолжил спуск вниз.

На первом этаже я прошел мимо дежурного и вышел во двор. «Сан-Тропез». Нехило. Самое дорогое и элитное заведение Форта. Откуда дровишки? Не прост стилинга, ох не прост. Но это все можно отложить до завтра, а сейчас надо найти Кривого и поговорить с ним по душам.

Глядишь, много нового узнаю. Непонятно только, где его искать. В первую очередь имеет смысл заглянуть в «Серебряную подкову», скорее всего, этот шулер сейчас уже там.

По пути в казино я свернул с дороги в один из дворов и отсчитал третий подъезд. Дом вроде этот. И точно, под набившимся под крыльцо снегом обнаружился брезентовый сверток. Ничего ценного в захоронке не было, но ее содержимое могло пригодиться при разговоре с Кривым. Тайник остался еще с прошлого года, когда меня прижало настолько, что я всерьез собирался заняться разбоем. Место для схрона было выбрано не случайно: до «Серебряной подковы», в которую заходят люди при деньгах, рукой подать. До грабежей дело тогда не дошло, удалось устроиться в Патруль, а тайник больше года пролежал под крыльцом в целости и сохранности.

Под вечер ударил мороз, и пока я добирался по темным улицам до трехэтажного здания бывшего ДК железнодорожников, успел порядком заколечеть. Выглянув из-за угла дома на противоположной от ДК стороне улицы, осмотрелся. Никого. Даже если кто и выйдет, то меня в тени не разглядит — сквозь завешенные плотными портьерами окна «Серебряной подковы» свет не пробивался, но парадный вход ярко освещен. От вывески исходило серебристое сияние, а изображение подковы переливалось всеми цветами радуги. Лучшего места для свертка, чем сугроб у стены дома, не найти. Случайно никто не наткнется, главное, самому место лучше запомнить. Перебежав через дорогу и заскочив внутрь казино, я первым делом снял вязаную шапочку, сунул ее в карман, потом стянул перчатки и подул на онемевшие пальцы. Два вышибалы подозрительно покосились на мою потрепанную фуфайку, переглянулись, но ничего предпринимать не стали. И не в таком виде постоянные клиенты заходят. Вот из «Сан-Тропеа» в подобных обносках выкидывают моментально.

Не расстегиваясь, я прошел в игровой зал и огляделся. Огромное, почти квадратное помещение освещалось пятью люстрами: четыре по углам, одна в центре. На центральной свече помещалось раз в три больше, чем на угловых. Сколько ж они за вечер сжигают?! Но ни магическое, ни электрическое освещение не провести: фонить будет, и колдуны из службы безопасности не смогут нормально отследить применение запрещенных талисманов. С другой стороны, чего им на освещении экономить, если все окупается? Проиграть свои денежки в «Серебряную подкову» люди приходили со всего Форта. Даже сейчас, задолго до времени, когда собирались завсегда, народу полно. Кто-то толпился вокруг рулетки, кто-то увлеченно вкидывал жетоны в игровые

автоматы, но большинство интересовали карты. Покер, преферанс, очко, хrap, бридж — здесь без труда можно найти партнеров практически для любой азартной игры. Было бы золото на кармане. В общем зале играли по мелочи, игры с серьезными ставками проходили на третьем этаже. Внимательно осмотрев балюстрады второго и третьего этажей и не усмотрев никого знакомого, я начал пробираться между карточными столиками в глубь помещения. Пока Кривого не видно. Может, он в ресторане на втором этаже?

— Ищешь кого? — Задавший вопрос подошел так тихо, что от неожиданности я вздрогнул.

— Здравствуйте! — Я развернулся и оказался нос к носу с незнакомым охранником. Скосив глаза, мне удалось прочитать надпись на бейдже «Иван Окунев. Служба безопасности». Меня он знать не мог, но, видно, запомнил, когда мы заходили сюда вместе с Котом — за игроками такого уровня приглядывают в обязательном порядке. — Так и заикой остаться можно.

— Работа такая. Ты вроде бы азартными играми раньше не интересовался или все-таки сыграть решил? — Иван постучал указательным пальцем по обтянутому зеленым сукном столу.

— Я Макса, парня со своего отряда, ищу. Как бы не загулял, а то послезавтра мне с ним в рейд. — Если нельзя говорить правду, не стоит прибегать к откровенной лжи. Немного правды, четвертинка полуправды, чуток вымысла, и, если мои слова будут проверять, придраться ни к чему не смогут.

— Макс, Макс... — нахмурил лоб охранник, — боксер?

— Он самый.

— Здесь его искать бесполезно, — покачал головой Окунев. — С ним за один стол никто не сядет.

— Что так? — удивился я.

— А кому охота остаться без зубов всего лишь за подозрение в шулерстве?

— Но ведь Кривой действительно мухлевал? — не понял я.

— Понимаешь, туз-то у него из рукава вылетел уже после того, как он в челюсть получил, — усмехнулся Иван.

— А-а-а... Ума не приложу, где Макса искать. У вас, кстати, бар работает? — Я указал рукой на второй этаж. Убью двух зайцев — и поужинаю, и Кривого покараулю. — С утра маковой росинки во рту не было.

— Только для игроков, — отрезал Окунев.

— Понятно. Тогда пойду дальше искать. — Я развернулся и зашагал к

выходу. В переводе на общедоступный, меня послали куда подальше. Ничего, земля круглая. Настроение даже не успело испортиться: по лестнице со второго этажа навстречу мне спустился Кривой, который к тому же миновал игровой зал и направился в гардероб. Замечательно, не придется его на морозе дожидаться. Стоит поторопиться, еще сверток из снега выкапывать.

Я начал шустрее проталкиваться меж столами и, обогнав Кривенцова, выскочил из игрового зала. В это время в казино завалилось сразу несколько человек. Пропуская их, я отошел к стене, но, заметив Кота, ухватил его за рукав и подтянул к себе. Петр Зубко, уже успевший переодеться в гражданское, ухмыльнувшись, прошел мимо.

— Привет! Слухай, есть пара минут? — Рукав Кота я так и не отпустил.

— Если только пара... — вздохнул Кот и с тоской покосился на приятелей, которые уже миновали охранников и вошли в зал.

— Не знаешь, кто такой Илья...

— Думаешь, имя шибко редкое? — не дал мне договорить Кот.

— Да погоди ты! Худощавый, темные волосы до плеч. Сегодня был в темно-синем костюме, черном кашемировом пальто и кожаных туфлях с серебряными пряжками. Если такого встретишь, по-любому внимание обратишь. — Я отпустил рукав. — Как-то связан с Дружиной. Да! Еще шарф белый на нем был.

— Серебряные пряжки? — задумался Кот. — Я его не знаю, но здесь несколько раз видел. Вроде он с гимназистами общался.

— Спасибо, — крикнул я уже в спину Коту, который бросился догонять свою компанию. Говоришь, с колдунами общается. Ну-ну. Я надел шапку и вышел на улицу. Блин, надо ж было ее в правый карман засунуть! Теперь порохом воняет. Перейдя через дорогу, я помочился на угол дома, оглянулся и скользнул в тень. Не успевшие как следует отогреться пальцы с трудом подцепили сверток. Стараясь не отрывать взгляд от «Серебряной подковы», я развернул брезент. Все на месте. Короткий обрезок водопроводной трубы, диаметром чуть тоньше запястья, отправился за пояс. Метровая цепочка, свитая из стальных колец, с напаянными на концах свинцовыми шариками тоже пригодится. Немного поколебавшись, я убрал три заточки в карман фуфайки. Железо напильников, из которых были выточены клинки, покрылось ржавчиной, но для целей устрашения заточки подходили как нельзя лучше.

Кривой вышел из казино только минут через двадцать, когда у меня уже появились сомнения, что он вообще решил покинуть это

гостеприимное заведение. К сожалению, вышел он не один, а с двумя спутниками. Но, постояв с минуту на перекрестке, парни попрощались с Кривым и свернули на дорогу, ведущую к Южному бульвару. Так-то лучше, а то с тремя связываться слишком опасно. Вася поднял воротник, втянул голову в плечи и, пошатываясь, побрел по улице. В баре перебрал? Надеюсь, он во вменяемом состоянии.

Я дворами пробежал пару двухэтажек, вытащил из-за пояса трубу и присел у стены заброшенного дома. С дороги меня прикрывала густая елка, растущая на газоне. Кривой протопал мимо. Я огляделся по сторонам и, не усмотрев ничего подозрительного, в три прыжка догнал его и влепил обрезком трубы по затылку. Формовка смягчила удар, но второй раз бить не пришлось: Кривой рухнул на дорогу лицом вниз и потерял сознание. Ухватившись за отвороты кожаной куртки, я стащил его с дороги и отволок в подъезд. Судя по тянущемуся за нами следу из капель крови, шулер при падении разбил нос. Ничего, это не самое страшное, что с ним могло случиться. Я затащил Васю и, связав ему цепочкой руки, намотал ее концы на перила. Хорошо, что он на своего брата только ростом похож, а по весу пуда на три легче. Пока семь с половиной пудов — вес Дрона на последнем взвешивании — по ступенькам даже на один пролет затащишь, сто раз грыжу заработаешь.

Отдышавшись, я достал заточки, разложил их на ступеньках и, присев на корточках перед Кривым, кольнул его в шею остро заточенным напильником. Ресницы дернулись, и Вася открыл глаза.

— Знаешь, кто я? — Было темно, но мне показалось, что Кривой едва заметно вздрогнул. Узнал, значит. Ну вот, есть о чем поговорить.

— Знаю... покойник! — Вася харкнул мне в лицо. Я отвернулся, и плевок попал в щеку. В следующее мгновение на запястьях у Кривого полыхнула молния, цепочка слетела с рук и, со звоном ударившись о стену, рассыпалась на отдельные звенья. Ощувив разряд магической энергии, я моментально завалился боком на ступеньки. Металлическая пластина, которую метнул Кривой, промелькнула рядом с ухом и вонзилась в дверной косяк. Вася замахнулся еще раз, но мне удалось перехватить его кисть со вторым лезвием и воткнуть заточку в живот. Он заорал, попытался свободной рукой ткнуть пальцами мне в глаза, но я уже подхватил вторую заточку и, навалившись на него всем телом, ударил снизу вверх под челюсть. Кривой захрипел, выгнулся и соскользнул на пол. Последний напильник с хрустом вонзился ему в затылок.

Я стер плевок рукавом фуфайки и поднял с пола рассыпавшуюся карточную колоду. Среди обычных пластиковых попадались карты,

выполненные на металлических пластинах с остро заточенными краями. В Васиной руке была зажата пластина с изображением пиковой десятки, в дверном косяке торчал пиковый же туз. Я швырнул колоду на пол лестничной клетки и сел на ступени, зажав голову в ладонях. Если Дрон узнает, кто убил Васю, наемные убийцы будут не нужны. Он меня просто на куски порвет и будет в своем праве. Но кто знал, что этот недоносок, как и брат, колдун, пусть и слабенький? Надо ж было на плевок купиться! Что со мной в последнее время творится? Сам себя не узнаю.

Впрочем, хватит расслаивать, пора ноги делать. По оплавленным обрывкам цепочки и заточкам на меня не выйдут: слишком долго в захоронке лежали, остатков моей ауры на них даже сам Бергман не обнаружит. На хорошего медиума — расспросить Васин дух — у Дрона денег не хватит. Да и не сразу труп найдут, а чем больше времени с момента смерти пройдет, тем сложнее будет узнать у духа хоть что-либо конкретное. Так что улик против меня быть не должно. Я перевернул тело на спину и обшарил труп. То ли дело было в спешке, с которой проводился обыск, то ли Вася спустил все деньги в казино, но в карманах обнаружили только четыре мятые полусотенные бумажки и серебряный четвертак с профилем Николая II на реверсе, зацепленный на кольцо с ключами. Бумажки мне нужны не были и отправились на пол к прочей мелочовке, извлеченной из карманов. Ключи, уже без монеты, полетели следом.

Даже не попытавшись хоть как-то спрятать тело, я вышел из подъезда и зашвырнул подальше в кусты оброненный у крыльца обрезок трубы. На душе было муторно: мало того, что ничего не узнал, так еще новых проблем полный воз приобрел. Зря Васю убил, но уже ничего не исправить. В последнее время вообще все наперекосяк идет. Если так и дальше продолжаться будет, скоро в крови по колено буду. Как бы меня в этой крови не утопили. Погано на меня Приграничье влияет, ох погано!

По пути заскочив в общагу Патруля, я спросил на вахте Макса, но однорукий вахтер в ответ только усмехнулся:

— Со вчерашнего дня еще не появлялся. Всяко по бабам загулял. А что? Дело молодое.

— Появится, пусть меня найдет. Лады?

— Без вопросов.

— Спасибо. — Ничуть не расстроившись, я вышел из общаги и пошел в морг. Макс мне сегодня и не нужен, но будет кто интересоваться — искал я его или нет, — вахтер мои слова подтвердит.

Вернувшись в морг, я не стал заходить к себе, а сначала завернул к

Гадесу. Маг на этот раз ни с чем не экспериментировал, спокойно сидел за столом и читал один из своих толстых фолиантов. В комнате стоял полумрак, но страницы освещались небольшим сгустком пламени, зависшим над правым плечом старика. Удобно: и освещение, и готовая шаровая молния под рукой. Рядом стояли турка с кофе и блюдо с половиной буханки белого хлеба. Судя по рассыпанным хлебным крошкам и колбасным кожуркам, ужин уже подходил к концу. От запаха кофе замутило. Неудивительно: не считая кружки чая, последний раз ел почти сутки назад.

— Здравствуйте, Аарон Давидович! — Я сглотнул слюну. — У меня от вашего защитного щита утром чуть крыша не поехала.

— Экранирование уже в норме. За свою крышу можешь больше не волноваться. — Маг взял турку и налил в чашку кофе.

— А чего вообще мощность увеличивали? Проблемы?

— Утечка энергии началась, ничего серьезного. Может, кто мощный артефакт приволок. Или на солнце вспышка... — Гадес оторвался от книги и уныло посмотрел на меня. — Я удовлетворил твое любопытство?

— Да я по делу, остаток платы за следующий месяц зашел внести. — Я выложил на стол серебряный четвертак, чем немедленно улучшил настроение мага. Еще раз глубоко вдохнул насыщенный ароматом кофе воздух и не удержался. — Кофейком не угостите?

— Ты хоть представляешь, почему нынче кофейные зерна? — скорчил гримасу Гадес.

— Представляю, сам их вам продал.

— Кружку в ящике возьми, — махнул рукой маг. — Еще попадутся, про старика не забудь.

— Как можно? — Я нашел в ящике стола старую железную кружку с обколотой эмалью и налил себе ароматного напитка.

— Не уснешь ведь, — покачал головой Гадес — Не стесняйся, хлеба возьми.

— Спасибо, — поблагодарил я хозяина. Отрезав пару ломтей хлеба, положил их на кружку и пошел к двери. — А насчет моего сна не волнуйтесь — он у меня крепкий и здоровый, чего и вам желаю. Доброй ночи.

— И тебя туда же, сынок, — буркнул мне вслед Гадес.

В комнате я поставил кружку на пол, быстро разделся и начал рыться в коробке с консервами. Среди банок с тушенкой иногда попадалась сгущенка, но где-то на дне должны были остаться две банки шпротов. Нашел только одну. Интересно, когда успел вторую захарчить? Не помню.

Вскрыв шпроты и приготовив два бутерброда, я достал нитки, иголку и начал зашивать распоротую фуфайку, время от времени откусывая хлеб со шпротами и запивая горячим кофе.

Голод совсем чуть-чуть стих, шов на фуфайке получился кривым, но меня это уже не волновало. Я растянулся на матрасе и натянул одеяло. Говорят, крепкий сон — признак чистой совести. Не знаю, не знаю. Я заснул мгновенно.

Глава 5

Долгий и здоровый сон — великая вещь! Проснувшись утром, я какое-то время просто лежал, пялясь в потолок и ни о чем особо не думая. Замечательное утро. Ничего не болит и самое главное — от вчерашней меланхолии не осталось и следа. Есть от чего: денек предстоит не из легких, но сегодня появится возможность запустить руку в закрома Патруля, а завтра на рассвете меня в Форте уже не будет. И прости-прощай Дрон и остальные выродки, желающие заполучить мой скальп. Правда, кардинально две недели рейда ничего не изменят, но мало ли что за это время произойти может? Как говорится, либо шах умрет, либо ишак сдохнет. Будет время подумать, стоит ли вообще возвращаться. Хотя нет, после рейда в Форт заскочить придется в любом случае: за дезертирами охотятся ничуть не меньше, чем за разбойниками и бандитами.

Но это все когда будет! Не стоит забивать голову проблемами, которые возникнут только через две недели, до них еще дожить надо. Я потянулся всем телом и тут же охнул — шею свело от боли. В небольшом зеркальце, извлеченном из коробки с бритвенными принадлежностями, отразилась сине-багровая полоса, пересекающая горло. След удавки. Вчерашний день все же смог напомнить о себе. Ничего страшного, но кожу саднит. Ладно, пройдет. Не помню кто, кажется, Гамлет, не шекспировский, а наш Датчанин, однажды с похмелья заявил: «Если у тебя ничего не болит, проверь, не заколочена ли уже крышка гроба, в котором ты лежишь?» Фразу эту, понятное дело, он у кого-то стырил, но мысль верная на все сто.

Стук в дверь заставил меня отложить зеркальце в сторону и вытащить нож. Кого нелегкая принесла? Не думаю, что кто-нибудь из постояльцев набрался бы наглости пинать мою дверь ногами, а у Гадеса есть более эффектные способы уведомить о своем желании попасть внутрь.

— Лед! Просыпайся — замерзнешь! Открывай, короче! — Голос, раздавшийся из коридора, вне всякого сомнения, принадлежал Денису. Как он только внутрь пролез? Я чертыхнулся, переложил нож в левую руку и приоткрыл дверь. Точно, Денис.

— Чего, Селин, дверь пинаешь? — поинтересовался я, запуская его внутрь.

— Думал, спишь еще. — Денис стянул синюю вязаную шапочку с вышитой красными нитками надписью «Носкеу» и вытер ею вспотевший лоб. — На улице теплынь, почти как летом. Запарился, пока до тебя шел.

— Я и спал, — пробурчал я, отложил нож на коробку с консервами, натянул джинсы и поднял с пола рубаху. Застегивая пуговицы, покосился на шапочку Дениса. Нет, все правильно — «Носкеу». Где он только «носок» этот откопал? Собиратель раритетов, блин. — Ты как внутрь попал?

— Как, как... Все тебе расскажи. — Денис сунул шапку в карман, расстегнул верхнюю пуговицу полушубка и огляделся. — Неплохо у тебя. Как устроился?

— В карты месяц проживания у одного чудика выиграл. Понравилось, за следующий месяц уже сам заплатил, так и прижился. — На дне трехлитровой банки еще плескалась вода, и я допил ее одним глотком, пролив немного за воротник. Бр-р-р, холодно.

— Пошли уже, до одиннадцати еще перекусить надо успеть.

— А сейчас сколько? — спросил я, начав надевать нагрудник сразу поверх рубахи. Из-под свитера хоть не так в глаза бросаться будет, да и налазит он на толстую ткань с трудом. Глядя на мои мучения, Денис только хмыкнул. Хмыкай, хмыкай, а мне эта штукенция вчера жизнь спасла. От ножа никакой амулет не защитил бы. Жаль, в рейд нагрудник не взять — больно неудобно в нем по сугробам ползать, да и тяжеловат. Натянув сверху свитер, я наклонился за ботинками.

— Половина десятого. — Взглянув на электронные часы, Денис положил их в нагрудный карман и застегнул его на «молнию». Судя по едва уловимому колебанию поля магической энергии, начинка внутри пластикового корпуса была непростая: о часах, работавших не от батареек, а от запитанных энергией кристаллов, слышать слышал, но видеть не доводилось. Надо будет попросить посмотреть.

— Времени море. — Достав ботинки, я едва сдержался, чтоб не матернуться. Да что такое! Забыл вчера снег вытряхнуть, они за ночь и не просохли! В мокрых идти нельзя — с простудой в рейде делать нечего. Придется валенки надевать.

— Запаришься ты в ней. Там снег на солнце таять начал, — остановил меня Денис, когда я снял с крючка фуфайку.

— Думаешь, в куртке холодно не будет?

— Не должно. Было бы время к себе заскочить, тоже что-нибудь полегче надел.

Я пожал плечами, повесил фуфайку обратно, не забыв вытащить перед этим из рукава шарф и шапку, а взамен достал куртку. Ножны с тесаком на поясе, оставшиеся от прошлого жалованья пять сотенных бумажек в кармане джинсов. Что еще пригодиться может? Поколебавшись, положил в

карман кастет и решил больше ничего не брать. Не на войну идем, в самом деле.

— Ты чего? — Я уставился на неожиданно расхохотавшегося Дениса.

— Вид у тебя! В цирковое без базара примут.

— Пошел ты! — Вид действительно дурацкий: короткая кожаная куртка, джинсы и огромные серые валенки. Но лучше так, чем в сырых ботинках ноги застудить. И пусть только кто-нибудь попробует приколоться.

Захлопнув за собой дверь, я догнал Дениса, и мы поднялись из подвала на крыльцо морга. Тепло. Погода для зимнего времени редкая: облаков на небе нет, ветер почти не чувствуется и тепла из-под одежды не выдувает. Время от времени с сосулек, свисавших с крыши здания, срывались капли и, ударяясь о наледь внизу, разлетались на мелкие брызги. Давненько я капли не слышал, с июня, пожалуй. Хорошо, валенки кожей подшиты, а то еще и их промочил бы.

— Куда завтракать пойдём?

— В пельменную. Оттуда до места пара минут ходу.

— В «Пельмень», так в «Пельмень». Только я на нулях, с тебя червонец аванса. — Я прикинул, что оставшихся в тайнике денег едва хватит на приобретение амулета, да и золото заранее получить никогда не помешает. Неплохо день начинается: пельменная была не самой дешевой закуской в Форте, и кормили там очень даже неплохо. Я бы, наверное, туда наведывался чаще, только больно уж идти долго — полчаса, не меньше. Проще в «Берлогу» заскочить. Было проще...

— Забей, я угощаю. — Денис перепрыгнул через кучу подтаявшего снега на обочине и с трудом удержал равновесие, поскользнувшись на раскатанной дороге.

Хорошо на улице. Благодать: тепло, солнышко светит. Редкие птицы оживились и чего-то даже пытаются щебетать. Сейчас, на самом деле, гораздо лучше, чем когда в начале июня начинается теплый сезон. Тогда только держись. Подтаявший снег пластами съезжает с покатых крыш, метровые сосульки срываются с карнизов, а такие, казалось бы, надежные дороги превращаются в жуткую кашу из грязи и ледяного крошева, заправленную стылой водой. Я уже молчу про вытаявшие сигаретные пачки, пустые бутылки, использованные презервативы, мятые консервные банки и прочий мусор, с сентября по май копившийся в сугробах. Все это непотребство продолжается до июля, затем наступает короткий летний сезон, и уже в конце августа в Приграничье вновь воцаряются снег и холод. Слабое летнее тепло даже не может выгнать стужу, накопившуюся за

долгую зиму. Из меня, по крайней мере, не может.

Не спеша, мы добрались до пельменной. А чего спешить? Время есть, а растянуться на подтаявшей дороге или соскользнуть в выбитую в накатанном насте снега колею ничего не стоит. Лед же сегодня ничуть не мягче, чем обычно. Расшибиться можно запросто, тем более легонькая курточка при падении удар не шибко-то и смягчит. Попадавшийся навстречу народ тоже, по-видимому, никуда не спешил. Это правильно, наслаждаться нежданно-негаданно нагрянувшим теплом следует не торопясь, со вкусом вдыхая больше не морозящий ноздри воздух. Ну а те бедолаги, кому с утра было куда спешить, могут принимать воздушные ванны по месту работы.

Спустившись по обледененным ступенькам лестницы в полуподвальное помещение, мы оказались в «Пельмене». На входе я задержал дыхание, и густая смесь запахов тушеной капусты, жареного мяса, свежей выпечки и гари с кухни ударила в нос не в полную силу. Помню, первый раз, когда сюда зашел, чуть слюной с голодухи не подавился. Ароматы не шибко аппетитные, но еда на вкус куда лучше, чем на запах.

В длинном полутемном зале, кое-как освещенном проникавшими сквозь грязные стекла солнечными лучами, сидели всего пять человек. Полностью завалив один из столиков снятой верхней одеждой, они придвинули пару столов к камину и уселись поближе к огню. Удачное время: те, кто может себе позволить здесь позавтракать, уже ушли, а обеденное время еще не наступило.

Денис подошел к столику у окна, до середины засыпанного снегом, кинул полушубок на скамью и плюхнулся на стул. Я сел напротив, но куртку снимать не стал. Не жарко.

— Что будете заказывать? — Симпатичная официантка подошла почти сразу же. Фигурка у нее очень даже ничего. Есть за что подержаться.

— Холодно тут у вас. На улице и то теплее, — улыбнулся ей Денис. Не дождавшись ответа, он подмигнул мне и продолжил: — Что есть?

— Пельмени, вареники с картошкой, капустой, макарона по-флотски, пирог с рыбой, жаркое из горного медведя... — затараторила девушка.

— А полегче что-нибудь? — прервал ее на жарком Селин. Я был с ним полностью согласен: во-первых, мясо этого самого медведя жесткое до невозможности и воняет тухлятиной, а во-вторых, не стоит сейчас набивать пузо — неизвестно, как дело повернется.

— Рассольник, куриный суп с лапшой, тройная уха, яичница...

— Мне куриный суп, пару кусков хлеба и компот. — Я почесал заросшую щетиной щеку. Надо бы побриться. Да и постричься не

помешает, а то оброс, как не знаю кто. Раньше здесь подрабатывал цирюльник, было очень удобно — забежал перекусить, заодно от щетины избавился. — Парикмахер у себя?

— Да. Хлеб белый или черный?

— Белый.

— Вы что будете? — Официантка повернулась к Денису.

— Яичницу, суп куриный и компот. Хлеб не надо.

— Одна яичница, два куриных супа, два компота и белый хлеб, — повторила девушка и направилась на кухню. Денис проводил ее долгим, задумчивым взглядом. Спорю на что угодно — устался на ее покачивающийся зад, туго обтянутый синим платьем. Тоже развлечение.

— Время вроде есть, пойду обкорнаюсь, — сказал я, посмотрев на Дениса. Тот кивнул. Я, не дожидаясь, когда принесут заказ, завернул по пути в туалет — когда еще будет возможность в тепле облегчиться — и отправился в парикмахерскую.

— Можно? — заглянул я внутрь маленькой комнаты, отодвинув в сторону толстую занавесь, загораживающую дверной проем. Фу-у-у, ну и жарница здесь! До чего натопили — буржуйка почти докрасна раскалилась. Других желающих постричься не было, так что суп не должен успеть остыть. Если, конечно, незнакомая тетка лет сорока работает так же быстро, как старый мастер.

— Проходите. — Парикмахерша отложила на столик с зеркалом потрепанную книжку в мягкой обложке и подняла с кресла полотенце. — Как стричь?

— Под расческу и еще побрейте, пожалуйста. — Я кинул куртку на табуретку и развалился в кресле. Парикмахерша накинула полотенце и заткнула его края за ворот свитера. Я с силой выдохнул воздух через стиснутые зубы — больно! О самой стрижке ничего плохого сказать не могу: от мерного щелканья ножниц клонило в сон и только редкие команды «голову поверни», «голову наклони» да «сиди ровно» не давали задремать. Второй раз стискивать зубы пришлось, когда полотенце убирали. Я проследил, как женщина тщательно смела с пола состриженные волосы, завернула в какой-то кулек и швырнула в огонь, плотно прикрыв дверцу печи, прежде чем по комнате успел распространиться запах горелых волос. Своеобразная защита от дураков: порчу навести много ума не надо, а раздобыть волосы или обрезки ногтей жертвы под силу не всякому.

— Сколько с меня? — поинтересовался я, проводя ладонью по коротко остриженной голове.

— Двадцать копеек золотом. — Женщина поставила веник с совком в

угол и вытерла руки о передник.

Я кинул на стол к зеркалу двести рублей и подхватил с табуретки куртку. Недорого, так что пока Шурик Ермолов, стригший своей машинкой почти весь отряд, в Форт не вернется, можно будет сюда заходить. На все про все ушло минут пятнадцать, и, когда я вернулся в зал, Денис еще только доедал яичницу, а от моей тарелки поднимался густой пар. Неплохо пахнет. Я накинул куртку на плечи, завязал на груди рукава и помешал суп ложкой.

— Голова мерзнуть будет. — Денис глотнул компот, запивая яичницу, и пододвинул к себе тарелку с супом.

— Зато потеть точно не будет. — Я зачерпнул суп и подул на ложку. — Вы у Тимура тогда долго зависали?

— Я часа в два свинтил. Гамлет с Вороном, — Денис усмехнулся, — только-только во вкус входить начали. Ты сам-то как?

— Не очень. На следующий день чуть не сдох, — скорчил я гримасу.

— Бывает.

Помню, в детстве говорили: чтобы еда хорошо усваивалась, есть ее надо не торопясь и тщательно пережевывая. У нас в Патруле все по-другому. Правильно съеденная пища — быстро съеденная пища. Даже не съеденная, а схарченная. Наслаждаться вкусом каждого кусочка могут те, кто уверен, что в ближайшее время ничто не оторвет их от еды. И, хотя я прекрасно понимал, что никто из командиров не забежит и не пошлет меня проверить окрестности, что нападения бандитов можно не опасаться, а хищных тварей, пускающих слюни при одном виде если не моей еды, то уж меня-то точно, поблизости нет, но привычка есть привычка — суп я доел, намного опередив Дениса. А потом спокойно сидел и пил компот.

— Вкусный суп... был. — Я дождался, пока Денис доест лапшу и отодвинет тарелку на край стола, и задал крайне интересующий меня вопрос. — Какой план действий?

— Там видно будет. — Мой наниматель откинулся на спинку стула и принялся лениво теребить ботинком загнувшийся на стыке двух полос линолеум. Хлопнула входная дверь, в глубь зала прошел уличный торговец, прислонил к стене лоток, в сложенном состоянии похожий на мольберт художника, задвинул пухлую сумку под стул и уселся за стол, настороженно косясь на разгулявшуюся компанию. — Ты не суетись особо. Я попробую с ним по-хорошему договориться. Не получится — сам рога пообломаю.

— Я зачем нужен?

— А если он не один будет? Не должен, конечно, но шибко нагло себя

ведет товарищ.

— Понял. Больше вопросов нет. — Я выловил сморщенный абрикос и проглотил, выплюнув косточку обратно в стакан.

— Вот и замечательно. Главное, чтобы этот поганец дома был. Я с ним договаривался, но мало ли...

— Это точно. Я завтра с утра в рейд уйду. — Вытащенная вслед за абрикосом груша оказалась кислой, и я отставил стакан к тарелке.

— Ты ж позавчера только пришел? — удивился Денис, поднялся и надел полушубок.

— Опять загоняют. Снежных людей караулить. — Я встал следом. — Платить-то не будем, что ли?

— Уже. — Денис взглянул на часы и хмыкнул: — Повезло тебе, ничего не скажешь. Придется Леню сегодня выплесть. Пойдем, навестим его, а то уже половина одиннадцатого.

— Встреча ж на одиннадцать назначена? — спросил я, когда мы вышли на улицу. Шапка в руке, голову обдувают легкие дуновения ветерка. Ощущения приятные, но радости на душе что-то не особо прибавилось. Пора шапку надевать, пока мозги не застудил — сегодня тепло, но меру знать надо. Руки в рукава продевать не стал, надо хоть немного остыть, а то после парилки в парикмахерской пропотел весь.

— Договорился я на одиннадцать. Именно поэтому зайти надо пораньше. На всякий случай. Сам знаешь, случай бывает всяким...

Мы прошли через дворы к неухоженному двухэтажному домику, стоявшему посреди пустыря. Деревянная дверь единственного подъезда свисала на одной петле и была готова оторваться в любой момент. Штукатурка пошла буграми и частично осыпалась, обнажив серый шлакоблок, а под окнами скопились кучи мусора. Что ж, если есть мусор, значит, живут люди. У заброшенных домов намного чище. Несмотря на запущенный вид, разбитых окон немного — выломанными рамами щерились только два оконных проема на втором этаже, — а покатую крышу мансарды покрывал новый шифер.

В подъезде оказалось ничуть не лучше, чем снаружи. Все стены в похабных рисунках и нецензурных пожеланиях в адрес то ли жильцов, то ли просто знакомых местных живописцев. Перед погнутой и намертво застрявшей металлической дверью в подвал кто-то частенько разводил костер, углями из которого, похоже, и было сделано большинство надписей. Мочой воняет. Перепрыгнув через ступеньки, засыпанные осколками разбитых бутылок, я обогнул застывшую лужу на площадке первого этажа и начал подниматься по лестнице. Денис шел впереди. На втором этаже он

свернул налево и несколько раз пнул первую с противоположной стороны коридора дверь. Я повернул направо и осмотрелся — как и предполагал, в ближайшей от лестницы квартире, той, что с выбитыми стеклами, дверь была выломана, — вернулся к Денису и, прислонившись к стене, встал рядом. Тот еще пару раз саданул тяжелым ботинком по двери, отозвавшейся глухим треском, и сплюнул.

— Иду, да иду уже! — Вслед за шарканьем шагов послышался скрип отодвигающейся щеколды. Услышав лязг запора, Денис надавил плечом и проскользнул в образовавшуюся щель. Я тоже не стал задерживаться в коридоре и, захлопнув за собой дверь, задвинул засов. Так оно спокойней.

Оттесненный нами к входу в ванную комнату хозяин квартиры молча моргал и, похоже, не сразу понял, что произошло. Ну и вид у него, в гроб краше кладут! Под глазами темно-синие отеки, кожа дряблая и какая-то набухшая, левое ухо обморожено, а похожее на лисью мордочку вытянутое лицо покрывали мелкие белые точки гнойничков. Белесые волосы жиденькие и засаленные. Первое от природы, второе — личное достижение грязнули. На левой кисти я заметил еще одно пятно обмороженной кожи.

— Здорово, Леня. Хреново выглядишь. — Денис заглянул в комнату, прислонился к косяку и едва заметно покачал головой. То, что в кухне никого нет, я видел и сам, а потому сунул руки в карманы свисающей с плеч куртки и сместился немного вбок, так чтобы парень оказался между нами. Тот не обратил на этот маневр никакого внимания.

— Че так рано? — Леня наконец сообразил, что случилось, и повернулся к Денису. Заторможенный он какой-то. Обдолбился или по жизни такой неторопливый?

— Да так, мимо проходил. Чего, думаю, лишние полчаса по улице болтаться, — улыбнулся тот.

— Ну, зашел. Теперь можешь дальше идти гулять. — Ответная улыбка скорее напоминала оскал. У него еще и с зубами проблемы! Я молчу про цвет, просто хорошо, если их два десятка наберется. Десны воспалены и опухли. Как бы он и оставшихся зубов в скором времени не лишился.

— Давай мою долю — и пойду.

— Какую еще ТВОЮ долю? — прошипел Леня.

— Мою долю за мою схему, — медленно, почти по слогам произнес Денис. Улыбка с его лица исчезла без следа. У меня сложилось впечатление, что столь открытой неприязни он не ожидал.

— За твою схему?! Совсем шизанулся?! Я все сделал, я! Пока ты в тепле сидел, я свои яйца морозил. Мои зубы от серого инея крошились, а не твои! И ты после этого свистишь о какой-то там схеме? Вали отсюда!

Вали! Понял, чмо?! — взорвался обмороженный — нет, он не обмороженный, он отмороженный, если позволяет себе такое, — и ткнул Дениса пальцами в грудь. Тот промолчал и только качнулся с носков на пятки и обратно. Закашлявшись, Леня опустил руку, поправил заправленную в спортивное трико футболку, засунул большие пальцы за резинку пояса и снова разорался: — Ты, вообще, на хрена этого урода с собой приволок? Один...

Я сделал шаг вперед и врезал правой ему чуть выше виска. Леня рухнул на пол ванной комнаты и со всего размаху приложился головой о кафель. От удара кастета о череп занули пальцы. Не очень под ладонь подогнан, надо новый заказать. Я снял свинчатку с пальцев, положил ее в карман и несколько раз с силой сжал кулак.

— Заче-э-эм? — с досадой протянул Денис — Выпустил бы пар, сам все отдал...

Я, не ответив, присел на корточки и потянул за правую руку отрубившегося Леонида. Его ладонь выскользнула из кармана трико. Вместе с ней на пол вывалился тонкий костяной стержень — плохо экранированный амулет, излучение которого я почувствовал перед тем, как Леня расстегнул «молнию». Амулет этот — «Щелчок» — формировал направленное силовое поле, которым меньше чем за полсекунды вполне можно было превратить человека в кусок мяса, нашпигованный обломками костей.

— Твою мать! — вырвалось у Дениса, когда он увидел костяшку. Да уж, дела! Когда твой партнер не отдает долю — это одно, но когда при этом он готов вышибить тебе мозги — это уже совсем другой расклад.

— А что он со вторым собирался делать? Напугать прыщами своими до смерти?! — Я наклонился и, не прикасаясь, начал рассматривать амулет. Кость была заполнена магической энергией по самое не могу, но в силу дешевизны контроль ее расхода не предусмотрели. Проще говоря, при срабатывании весь заряд высвобождался за один раз. Так что Леня смог бы размазать по стене только одного из нас. Не ожидал, что Денис кого-нибудь с собой приведет? Идиот.

Я выпрямился и пинком отправил стержень в угол комнаты. Смысла брать его себе не было — за ношение несертифицированного амулета ничего хорошего не светит. А фонит он так, что любой колдун-недоучка за пять метров учует.

— Вот крысеньш! — Денис с размаху приложился тяжелым ботинком по ребрам хозяина квартиры. — С кем эта тварь спутаться могла? Не понимаю, куда он собирался товар мимо меня толкнуть? Нет, теперь фиг я

ему что оставлю. Пусть лапу сосет, убогий.

Денис быстро обшарил так и не пришедшего в себя Леню и начал обыск жилой комнаты, особенно при этом не церемонясь: содержимое ящиков комода он просто вывалил на пол, потом сдернул половик в угол комнаты и начал простукивать деревянный пол.

— Лед, а ты как «Щелчок» почуял? Колдун, что ли? — крикнул Денис, закончив с полом, и перешел к кровати. Вспоров финкой матрац, он запустил руки в разрез.

— Да какой там колдун? Так, чувствую кое-что. — Я прошел на кухню и выглянул из-за занавески в окно. Ничего интересного; только на карнизе птичья кормушка. Леня-то у нас, получается, орнитолог. Кроме кухонного стола и покосившейся проржавевшей раковины, в комнате ничего не было. Да, если товар спрятан в квартире, Денис его найдет без проблем — подходящих на роль тайника мест мало. Только стоит ли мне при этом присутствовать? Представления не имею, что за «товар» он ищет, но оно мне и не надо. Меньше знаешь, крепче спишь. — Слушай, Денис. Пойду в подъезде осмотрюсь.

— Ага, иди. Я за Ленею присмотрю. — Денис убрал нож и перешел на кухню.

— Дверь закрой за мной. — Я вышел из квартиры, дождался лязга задвижки и направился к окну в конце коридора. Оконный проем был заделан неокрашенным листом фанеры, сквозь дыры в котором нормально рассмотреть происходящее на улице не получалось. Развернувшись, я побрел в противоположный конец этажа, в торцевой стене которого окно было выбито. Долго там еще Денис возиться будет? Я уже замерзать начал.

Задумавшись, я почти миновал лестницу, когда снизу вынырнули два человека. Один худощавый — в длинном, до пят, кожаном плаще и черных очках-консервах — щеголял свежевыбритой лысиной. Если бы не бритая макушка и блеснувший золотой зуб, вид у него был бы самый что ни на есть интеллигентный. Другой пониже и более крепко сбитый. Тоже без шапки, рыжеватая замшевая куртка болтается расстегнутая, под ней поверх черной рубашки висит золотая цепь с массивным серебряным крестом. Этого с интеллигентом уже не спутаешь: физиономия кирпичом явно бандитская, даже тоненькие усики над верхней губой это впечатление не исправляют.

Я не обратил на них особого внимания — мало ли кто в доме живет? — и, среагировав только на метнувшуюся в карман руку бритого, рванулся вперед на пару мгновений позже, чем следовало. Две пули ударили в стену за спиной, во все стороны брызнули сколы синей краски.

За что?!

— Живым! — заорал второй, и следующая пуля, слегка зацепив ногу, разорвала пятку валенка. Едва не упав, я влетел в пустую квартиру, на ходу срывая с плеч куртку, пробежал прихожую, заскочил в жилую комнату и встал сбоку от двери так, чтобы не заметили из коридора. В левой куртка, в правой нож. На звук пальбы никто из жильцов выскакивать не станет, но и Денис должен был выстрелы услышать. Глядишь, еще выкрутимся.

Первым в комнату вбежал здоровяк, оно и понятно: в длинном плаще по ступенькам скакать не в масть. Метнув ему в голову куртку, я пнул по руке с пистолетом — валенок, угодив по кисти, впечатал ее в косяк, ствол вылетел из отбитых пальцев — и попытался ткнуть ножом в распахнутую кожанку. Не вышло: парень, словно почувствовав холод стали, отпрянул назад, левой отшвырнул куртку и, прежде чем я успел среагировать, влепил мне правой в челюсть. В голове зазвенело, рот наполнился кровью, но я умудрился не выронить нож и отпрыгнул назад. Мгновенно сократив дистанцию, усатый отбросил меня к стене ударом левой. Кулак попал в скулу, из глаз брызнули искры. Меня повело, и я пропустил крюк правой. Хук в солнечное сплетение должен был выбить из меня дух, но пришелся в металлическую пластину нагрудника. Зашипев от боли, боксер замешкался, и мой нож чиркнул ему по животу. Да чтоб тебя! Лезвие распороло замшу, но не задело бок успевшего изогнуться усатого.

— Леха, в сторону! — крикнул показавшийся в дверном проеме приятель боксера.

Я попытался укрыться за рванувшимся в сторону Лехой, но не успел: бритый вскинул пистолет и выстрелил. Пуля попала в левое плечо, от резкой вспышки боли колени подкосились, и я по стене сполз на пол. Леха шаркнул ногой и выроненный мной нож откатился к двери. Хана. Сейчас убивать будут...

Здоровяк внимательно осмотрел рассеченную замшу, сплюнул и присел на подоконник. Бритый опустил пистолет дулом вниз, но от двери не отошел и наступил на нож сапогом. Осторожный, зараза. Зажав рану ладонью, я попытался остановить кровь, которой уже пропитался рукав свитера. Кровотечение уменьшилось, но ненамного. Нестерпимо ломило всю руку, боль жидким огнем стекала вниз до самых кончиков пальцев. Неужели кость раздробило? Несмотря на головокружение и солоновато-металлический привкус во рту, я сконцентрировался и начал проговаривать про себя мантру — одно из простеньких заклинаний, которое могло снять боль. Если не поможет, я даже на ноги без посторонней помощи не встану.

— Ну что, Дениска, допрыгался? В общем, так: хочешь спокойно

сдохнуть — выкладывай, кто на брюлики наколку дал. — Леха, развернувшись вполоборота, посмотрел в окно и провел ногтем большого пальца по тонкой полоске усов. — И не надо фуфло гнать и втирать, что не въезжаешь, о чем базар.

Я не стал отвлекаться от мантры, но мысли заскакали в голове, как блохи в спичечном коробке. Дениска?! Они меня с Денисом спутали! Специально к одиннадцати подошли, чтоб его застать! Леня сдал, больше некому. И про какие бриллианты разговор?

— В молчанку играть вздумал? Смотри, я два раза вопрос повторять не буду. — Леха спрыгнул с подоконника и протянул руку в сторону бритого — на кисти мелькнула синяя татуировка. — Пью, перо.

— Ну ты, фраер, в натуре попал, — блеснул в ухмылке золотой фиксой тот, переложил пистолет в левую руку, и в этот момент в его голову словно ударил невидимый таран. Ошметки кожи, осколки черепа, брызги крови и мозгов заляпали простенок рядом с окном, а тело повалилось под ноги Лехе, обдав его ботинки хлынувшей из обрубка шеи алой кровью. В комнату, стряхивая с ладони оставшуюся от использованного амулета костяную пыль, вошел Денис. Левую руку он держал за спиной. Заорав что-то нечленораздельное, залитый кровью здоровяк прыгнул к нему и попытался провести в голову парный удар правой и левой. Денис, пригнувшись, сместился вбок, одним стремительным движением выкинул руку из-за спины и полоснул лезвием финки по запястью боксера. Тот отдернул руку и, разрывая дистанцию, метнулся к окну, но запнулся о тело Пью и не смог блокировать выпад Дениса перекинутым в правую руку ножом. Клинок глубоко вошел в горло, и, когда Селин, провернув в ране, вытащил его обратно, Леха был уже мертв. Блин, а я-то думал, у меня реакция хорошая! Как же, как же, просто серьезные противники не попадались.

— Ты как? — Денис вытер лезвие о замшу куртки, но финку убирать не стал.

— Хреново. — Мантра была закончена, и боль почти стихла, но рука обвисла как плеть. Если бы не заклинание, я бы уже наверняка потерял сознание, а так ничего, терпеть можно. Теперь, думаю, боль вернется не раньше, чем через полчаса. Вот и пригодились почти годовые приготовления. Мантру жалко, даже не знаю, хватит ли решимости заняться ее восстановлением. Ничего сложного в подготовке не было, но сама процедура крайне неприятная. Тут все просто: чем больше боли ты вытерпишь, тем дольше продержатся чары. Порезы бритвой, самобичевание, прижигание сигаретами — вариантов много, некоторые

оригиналы даже сами себе иголки под ногти загоняли. Я до такого фанатизма не доходил и просто держал руку над пламенем свечи. Тоже больно, но, по крайней мере, ожоги проходят быстро. — Похоже, кость раздробило.

— Не дергайся. — Денис присел рядом со мной, отпорол рукав свитера, а потом и рубашки. Когда он стягивал их с руки, в глазах помутилось, но отпустило почти сразу. Денис сунул финку в карман, осмотрел плечо и перетянул рану отпоротым рукавом свитера. — Выходного отверстия нет. Получается, пуля в кости застряла.

— Твою мать... — Я вытянул ноги и положил руку на колени. Сквозь повязку медленно просачивалась кровь. — До клиники не доползу. Скоро снова скрутит.

— Колдануть не можешь?

— Нет, у меня пусто. — Я имел в виду, что у меня нет заранее заготовленных заклинаний, но Денис понял немного по-другому.

— У меня почти не начатый карат есть. Надо?

— Давай! — согласился я не раздумывая. В Приграничье каратами мерили не только драгоценные камни, но и магическую энергию, закачанную в них. Стандартный карат — заряд, помещающийся в алмазе без внутренних изъянов весом, соответственно, в один карат. Хотя у меня и нет готовых заклинаний, но с такой прорвой энергии что-нибудь придумаю.

Денис достал часы, ногтем сдвинул боковую пластинку и вытряс на ладонь маленький камешек. Надо же — алмаз! Для часов и кварца хватило бы. Я зажал алмазик меж большим и указательным пальцами, сосредоточился, успокаивая дыхание, и попытался почувствовать скрытую в нем силу. Энергия хлынула слишком мощным потоком и начала буквально просачиваться сквозь пальцы. Кое-как упорядочив ее движение, я не стал заниматься исцелением раны — для этого надо быть опытным колдуном или обладать даром целителя, — а попытался снизить кровотечение. Энергия никак не хотела идти в нужном направлении и норовила завихриться, голова снова пошла кругом, но усилия не пропали даром: рука окончательно потеряла чувствительность, и лишь острое покалывание в кисти напоминало о ранении. Кровь удалось остановить, только когда из кристалла уже вытекали последние капли силы.

— Руки кривые у того, кто камень заправлял. — Я повертел в пальцах кусочек графита и выкинул его на пол. — Кирдык алмазу — цепная реакция пошла.

— Ну и леший с ним. Сейчас меня интересует, кто это такие. — Денис указал рукой на два труп.

— Тот, что без головы, Пью, второй Леха.

— Кто?! — При моих словах Денис чуть не подпрыгнул, подскочил к трупку без головы и повернул правую ладонь тыльной стороной к себе.

— Леха и Пью, — повторил я и только тут рассмотрел татуировку — цифра семь с крылышками по бокам. Меня зазнобило. Эта наколка была знаком принадлежности убитого к Семёре — банде, занимавшей в Форте второе по влиянию место. И в отличие от полукриминального Цеха, Семёра прочно стояла по ту сторону закона. Уверен, даже Дружина не в силах предотвратить расправу над убийцами двух членов этой банды. Учитывая реакцию Дениса — не самых последних членов. — Леня им тебя с потрохами сдал.

— Леня, говоришь, сдал? — спросил Денис, проверив руку второго — та же самая татуировка, только над семеркой наколот череп.

— Ага, они меня за тебя приняли. — Я немного успокоился: из Форты линять так и так придется. Главное, до завтра дожить. И пусть ищут ветра в поле. Стараясь не тревожить простреленную руку, я снял шапку и начал вытирать струящийся по шее пот. Потом ощупал лицо. Скулу ломило, под глазом назревал здоровенный синяк, но губы не разбиты и все зубы на месте — первый удар пришелся немного вскользь. — Надо с ним что-то делать.

— Я о нем позаботился. — Поймав мой удивленный взгляд, Денис пояснил: — Не вовремя очнулся, пришлось успокоить. Получилось, что насовсем.

— Нашел, что искал? Кстати, эти двое что-то о бриллиантах говорили. — Я с трудом поднялся и, опираясь на стену, выпрямился. А с ногой что? Так, в правом валенке на пятке вырван кусок войлока с кулак величиной. Ничего страшного, но валенок придется выкинуть.

— Не бриллианты, а алмазы. В птичьей кормушке спрятаны были. — Денис присел на корточки перед трупом и начал шарить по карманам плаща. — Осталось узнать, через кого Леня на Семёру вышел. Не было у него раньше таких связей, точно не было.

— Ты чего делаешь, Селин? — уставился я на него, отряхивая поднятую с пола куртку от пыли. — Сваливать надо.

— Погоди ты. Думаешь, они на встречу с пустыми руками явились? А чем они за камушки рассчитываться собирались? — Денис перешел к трупку Лехи. И почти сразу же покрыл матом и самого покойника, и всю его родню.

— Что случилось? — спросил я, убрав тесак в ножны, и здоровой рукой перехватил брошенную мне в грудь пачку банкнот.

— Вот что случилось, — прорычал Селин и сунул мне в лицо вторую пачку. — Двести тысяч бумагой.

— И что? Мало? — не понял я.

— Мало, не мало... Куда ты эти бумажки денешь? Тысячными банкнотами раз в полгода расплачиваются. Семёра моментально вычислит.

— Так и так вычислит. — Я вынул у него из руки вторую пачку. — Себе не возьмешь?

— Нет. Хотя пара дней форы будет. — Денис протянул мне два империала. — Как договаривались.

— На цепь с крестом внимание обратил? — Монеты никак не хотели пролезать в карман джинсов.

— Слишком приметные. Лучше не связываться, улика стопудовая.

— А что со стволами?

— Два ТТ. Вот их точно брать не стоит.

— Угу, давай сваливать отсюда. — Пол под ногами покачивался, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы вписаться в дверной проем. — Есть у меня надежный человек, которому деньги пристроить можно.

— Тебе хорошо. — Денис поддержал меня под руку, когда мы спускались по лестнице. — А я даже алмазы сдать не смогу, пока не выясню, кто Леню с бандитами свел.

— Один мой знакомый камнями занимается. Хочешь — встречу организую, — предложил я, когда мы вышли из подъезда. Солнце ослепительно резануло по глазам, пришлось зажмуриться, а потом и вовсе прикрыть глаза ладонью. Снег под выбитыми окнами забрызгало каплями крови. Да, пораскинул Пью мозгами, ничего не скажешь.

— Когда? Ты завтра уходишь, а мне сегодня не до этого. Тебя как, до клиники проводить?

— Проводи лучше до торгового угла. — До клиники далеко, да и Хирург вряд ли на дежурстве сегодня. — Может, с нами в рейд пойдешь? Бандиты это дело так не оставят.

— Нет, спасибо.

— Как знаешь. Интересно, сможет Семёра до конца дня узнать, кто этих оленей завалил? — скорее сам у себя, чем у Дениса, спросил я. Да, интересно — это не то слово. Нет, сегодня еще опасаться нечего. Только если Денис меня сдаст, но ему это не с руки.

— Do cats eat bats? — продекламировал вдруг Селин.

— Чего?

— Не бери в голову, — отмахнулся Денис, — эту проблему я как-нибудь решу.

— Тебе видней. А насчет алмазов подойди к Игорю-сапожнику.

— К Игорю? Это тот, который на блошином рынке у Южного бульвара лавку держит? Не, с Коммуной дел не имею.

— Чего так? — удивился я.

— Да достали. Типа, они коренные, а все остальные дерьмо собачье, — зло процедил Селин.

— Надумаешь — скажи от меня. — Боль в руке постепенно усиливалась, меня замутило, и я замолчал, тратя все силы на то, чтобы не потерять сознание. В голове крутилась только одна мысль: «не отрубиться», «не отрубиться». Тут не до разговоров. Стены домов неожиданно выросли и, слегка покачиваясь, терялись в туманной выси. Окончательно повиснув на плече у Дениса, я опустил глаза к земле и механически переставлял ноги. Только бы дойти, дойти...

От пельменной до торгового угла расстояние даже меньше, чем до морга, но мне показалось, что прошло не меньше часа, прежде чем мы вывернули на Красный проспект прямо к двери лекаря. Тот, к счастью, оказался на месте — стоял на ступеньках и, изредка стряхивая пепел с вставленной в длинный мундштук сигареты, с интересом следил за нашим передвижением. С таким же выражением кошка следит за попытками полузадушенной мыши доползти до норки.

— Здорово, Салават. Мы к тебе, — прохрипел Денис и прислонил меня к крыльцу. Из последних сил я вцепился здоровой рукой в перила.

— Решил наконец обрезание сделать? — Башкир прищурил глаза, в которых мелькнул хитрый огонек.

— Хорош прикалываться, не видишь — человеку плохо. — Селин с шумом выдохнул воздух.

— Да уж вижу, что нехорошо. — Тонкие губы лекаря искривились в ухмылке. — Заводи его, но учти — я аборты не практикую.

— Ты, Денис, иди. Здесь я сам. — Я оттолкнул протянутую ко мне руку и, пошатываясь, поднялся по ступенькам. — Счастливо.

— Бывай. — Денис зашагал по улице, потом резко остановился у плаката со схематичным изображением автомата Калашникова — снизу шла надпись «АК — твой лучший друг! Продажа, обслуживание, лицензии, пломбы» — и свернул к «Булату».

Я кое-как прошел в приемный покой, уселся на кушетку и скинул с плеч куртку. Окрашенные в мягкий розовый цвет стены то удалялись, то приближались, стол расплывался в коричневое пятно, и только белый металлический шкаф со склянками и инструментами сохранял неподвижность. Да, колбасит меня не по-детски. Салават развязал

намотанный на руку обрывок свитера и несильно надавил на плечо. В глазах вспыхнули блестящие точки, мир закружился в вихре разноцветных огней, и я потерял сознание. Когда очнулся, то уже лежал на кушетке, а лекарь, опустив скуластое лицо прямо к опять начавшей кровоточить ране, что-то внимательно там рассматривал.

— «Мантра безразличия», что еще? — не подняв головы, спросил он.

— Необработанный поток силы, — прошептал я пересохшими губами.

— Дебил, — покачал головой Салават, зажмурился и провел ладонью по плечу. Теплая волна прошла по коже от ключицы до локтя.

— Я ж не лечить — кровь остановить только, — попытался оправдаться я.

— Все равно дебил. Пуля в ране — как поток можно выровнять? — Лекарь подошел к белому шкафчику и открыл дверцу. — Случай сложный: кость раздроблена, пуля в ране, еще и самолечением занимался. Запросто без руки остаться можешь...

— Сколько?

— Полсотни. Есть деньги с собой? — Доставать инструменты и зелья целитель не спешил.

— Полтинник?! Да Хирург за огнестрел конечностей больше имперIALа не берет. — Мне удалось повернуться на бок и расслабить затекшую шею. — Двадцатка максимум.

— Не вертись! До Хирурга еще добраться надо.

— ИмперIAL за операцию, золотой извозчику. Чистая экономия четыре рубля. — Я снова лег на спину.

— Я за осмотр меньше пяти рублей не беру. — Салават от шкафа не отошел и задумчиво разглядывал блестящий скальпель. — Плати и катись к своему Хирургу.

— А я за шутки про аборты сразу убиваю. — Дурнота накатывалась волнами, и соображать становилось все трудней. — Решай уже, будешь оперировать за двадцатку, нет?

— Да только ингредиенты для «Небесного исцеления» три червонца стоят. А еще пулю доставать, — продолжал гнуть свое целитель.

— Зачем мне твое «Небесное исцеление»? У тебя что, «Синего доктора» нет?

— Печень посадить хочешь?

— Ты не о моей печени, ты о моей руке позаботься. — Я закрыл глаза, потолок перестал вращаться, но теперь закачало меня самого.

— Хозяин — барин. Деньги вперед, а то умрешь еще, — вздохнул башкир и начал выкладывать инструменты на поднос из нержавеющей

стали, — от болевого шока.

— Умру — все деньги с трупа забрать можешь, — не открывая глаз, я устроил поудобней голову, — если с другими кредиторами договоришься, конечно.

— Черт с тобой, не заплатишь — сам зарежу. — Салават пропитал остропахнувшим зельем ворсистую ткань, свернул из нее валик и подошел к кушетке: — Закуси.

Отключился я моментально и совершенно незаметно — первый признак первоклассного анестезирующего зелья. Вот возвращалось сознание медленно. Внезапно я понял, что лежу с открытыми глазами и мир становится все четче и четче. Когда все трещины на потолке буквально врезались в сетчатку глаза, я замотал правой рукой, и лекарь убрал ватку, от запаха которой у меня уже перехватило дыхание. Эта штука потермоядерней нашатыря будет.

— Ну и как оно? — предпринял я попытку задать вопрос, но из горла вырвался лишь неразборчивый хрип. Не произнеся ни слова, Салават протянул мне граненый двухсотграммовый стакан, почти полностью заполненный чем-то темно-синим. Выхватив его, я одним махом заглотнул содержимое. И хорошо, что одним махом, — сделать второй глоток у меня не хватило бы силы воли. Вязкая жидкость склизким холодным комком провалилась вниз по пищеводу. От мерзкого кислого вкуса меня всего скрутило, а в живот словно насыпали полкило толченого стекла. Беззвучно раскрывая рот, я указал рукой на стоящий на столе графин.

— Эх, молодежь, молодежь... Говорил ведь — на здоровье не экономят. — Салават только покачал головой и хмыкнул: — Деньгу зажал, теперь мучайся.

Жжение стало нестерпимым, я соскользнул с кушетки и, перебирая руками по стене, подобрался к столу, по пути едва не смахнув стоящие на полке горшки с кактусами. Но башкир моментально оказался рядом и загородил от меня графин с водой:

— Пить тебе нельзя шесть часов, есть до завтрашнего утра, про алкоголь забудь на двое суток.

Я покрутил пальцем у виска. Если прямо сейчас воды не хлебну, мне что шесть часов, что двое суток, разницы нет — не выходя отсюда, окочурюсь.

— Да не суетись ты. Подожди, сейчас пройдет уже. — Салават переставил графин на дальний край стола. — Давай вернемся к вопросу об оплате моих профессиональных услуг.

Я, сглотнув вязкую слюну, прислушался к своим ощущениям — вроде

отпускать начало, — вытащил два империаля, полученные от Дениса, и положил на стол. Лекарь внимательно осмотрел монеты, проверил на зуб и кинул в узкую щель стального ящичка, привинченного к полу. Удобно — не надо сейф открывать и вводить пациентов в искушение видом золотишка.

— Сда... — попытался просипеть я, но горло снова обожгло огнем, и полностью слово выговорить не получилось. Салават, однако, меня понял правильно, укоризненно вздохнул и выудил из кармана местами почти чистого белого халата двадцать пять копеек серебром. Может, он хоть теперь воды нальет? Я снова указал на графин.

— Учти: насчет воды я не шутил. Дело хозяйское, хочешь печень посадить или прободение желудка заработать, пей, сколько влезет. Только мне потом не жалуйся — ничем помочь не смогу. — Получив деньги, лекарь стал гораздо спокойней относиться к состоянию моего здоровья. — Будешь пить? Нет? То-то же. И смотри, или деньги на «Небесное исцеление» копи, или раньше, чем через три месяца, даже не приходи — «Синий доктор» штука серьезная, печень гробит будь здоров.

Я кивнул, подошел к кушетке и достал упавшую под нее куртку. Потом поднял со стула шапку и шарф. Надеюсь, до дома доковыляю — наркоз бесследно не прошел, движения были заторможены, а звуки доходили словно сквозь толстый слой ваты.

— Да, это... посмотри, повязка плотно сидит? — окликнул меня Салават. Я посмотрел на туго намотанный на раненую руку бинт, на котором уже начинало расплзаться синее пятно, накинул на правое плечо куртку и, ничего не ответив, вышел на улицу.

Ветра не было, солнце светило не менее ярко, чем утром, но меня бил озноб. Из-за раненой руки застегнуть куртку было невозможно, и почти всю дорогу до морга я бежал бегом. Бежал... В нормальном состоянии это не тянуло даже на быстрый шаг. Все бы ничего, но на поворотах меня заносило, и пару раз избежать падения удалось только чудом. Устоять устоял, но в разорванную пятку валенка набился мокрый снег. Сквозь туманную пелену мимо проносились знакомые ориентиры: изукрашенная золотыми драконами вывеска «Травы и тайные сборы», почти не очищенное от снега крылечко у конторы чудака, единственной способностью которого был дар находить потерянные вещи, обшарпанное объявление над окном гадалки — «Хиромантия, Таро, коррекция судьбы». А вот и ограда морга. Пролезть через дыру в заборе в таком состоянии было нереально, пришлось тащиться до центрального входа. Проходя мимо бетонного основания солнечных часов, я остановился и долго соображал, который час. Получалось, что почти полдень. Пара часов свободных есть,

можно успеть заскочить за амулетом. Или лучше отлежаться? Нет, не пойдет — если засну, то непонятно, когда проснусь. А у меня дел сегодня полно.

Спустившись к себе, я в изнеможении повалился на тюфяк. Ломило все тело. Немного отдышавшись, стянул порезанный свитер и начал медленно избавляться от нагрудника. Кое-как мне удалось расстегнуть все ремни и скинуть доспехи на пол, не потревожив при этом раненую руку. Безопасность — вещь важная, но сегодня лишний вес запросто загонит меня в могилу. И так сердце как отбойный молоток стучит. Валенки я швырнул к двери: стоит попробовать отдать в починку. Всяко дешевле обойдется, чем новые покупать. Что с джинсами? Вроде нормально: в паре мест кровью заляпаны, но на черном этого почти не видно. Все, теперь переодеться, достать деньги и можно выдвигаться.

Сборы много времени не заняли. С деньгами так вообще проблем не было — выгрести пришлось все. И серебряный рубль, вырученный от продажи трофеев, и сданный с двух империалов четвертак, и даже два червонца советской чеканки, сберегаемые на черный день. Двести тысяч ассигнациями выкладывать не стал. За амулет расплатиться ими нельзя, у меня на них другие планы. Наибольшую сложность доставил выбор замены свитеру. В конце концов я остановился на пуховой кофте, в которой обычно ходил в патрули. Пусть потом воняет, зато тепло. А кому не нравится, пусть не нюхает. Сырые ботинки за два часа суше не стали, но деваться некуда: другой обуви сейчас не найти. Пока обувался, на глаза попала пирамидка, стоящая на коробке с тушенкой. Надев фуфайку и сунув пирамидку в карман, я сдернул с гвоздя ключ от оружейного шкафчика и вышел на улицу, но вместо того чтобы пойти к центральному входу, свернул с главной аллеи и, проваливаясь в глубокий снег, начал продираться сквозь кусты акации. Блин, лета почти и не бывает, когда они расти успевают? Добравшись до изогнутого вяза, я засунул руку в узкое дупло и вытащил полиэтиленовый пакет, попутно вытряхнув на свет божий полуистлевшие листья. Пакет разворачивать не было необходимости, ничего с его содержимым за месяц случиться не могло. В пол-литровой пластиковой бутылочке находился замороженный в лед корешок с мизинец длиной. Железный корень — вещь редкая и для понимающих людей весьма ценная. Единственное неудобство — хранить его необходимо при минусовой температуре, что при отсутствии морозильника достаточно затруднительно.

Выбравшись на аллею, я вышел на Красный проспект и зашагал в школу Братства. Надеюсь, Клим амулет уже раздобыл. Впрочем, если его

еще не списали, ничего страшного — до «Сан-Тропеза» оттуда минут пятнадцать идти, не больше. До учебки я еле доковылял. Вроде и нагрудник снял, а отдышаться все равно не получается. К тому же из-за «Синего доктора» зрачки расширились, и отражавшийся от снега солнечный свет болезненно бил по глазам. Большую часть пути пришлось проделать, прикрывая ладонью лицо. Надеюсь, за ночь зрачки придут в норму, иначе завтра просто умру.

Как назло, караулившие на служебных воротах братья оказались незнакомыми и наотрез отказались пропускать меня внутрь. Пришлось тащиться на общую проходную и выписывать пропуск. Здесь меня признали и запустили без обычных бюрократических проволочек.

— Не забудь отметиться у Климова, а то обратно не выпустим, — напомнил мне начальник караула.

— Угу, — протянул я и пошел искать Клим. К моему удивлению, курсантов на улице почти не было. Так, два латника фехтовали учебными мечами да одинокий лучник пускал стрелы в висевшую метрах в ста мишень. В здании школы тоже было безлюдно, и даже перед столовой никто не дожидался своей очереди отобедать. Странно. Что, по поводу хорошей погоды каникулы объявили?

Комнатка Клим оказался заперта. Он-то куда подевался? Я решил немного подождать и уже прислонился к двери, но, услышав голоса в помещении бывшего актового зала, осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Темное — широкие окна наглухо заложены кирпичом — помещение было заставлено стеллажами в два человеческих роста, на полках которых лежало самое разнообразное снаряжение, обмундирование, доспехи и оружие. Здесь было сложено лишь то, что использовалось при обучении курсантов, а все наиболее ценное имущество и боевое оружие хранилось на складе в подвале школы. На небольшом, освобожденном от стеллажей пятачке у входа стоял стол. Сидевшие за ним братья — среди них оказался и Клим — о чем-то громко спорили. Увидев открывшуюся дверь, зампотех вскочил и буквально вытолкнул меня за дверь.

— Ты чего? — возмутился я, но Климов лишь прижал палец к губам, отщелкнул от пояса прицепленную карабином связку ключей и отпер дверь своей каморки.

— Заходи живей. — Ухватив за рукав фуфайки, он затащил меня внутрь, выглянул за дверь и только после этого закрыл ее и задвинул засов. — Надо ж было так не вовремя прийти! Только пять минут назад амулет списали. На меня и так косо смотрят, тут ты еще...

— Списали? — обрадовался я. — Это хорошо.

— Сам знаю, что хорошо, — огрызнулся Клим. — Деньги принес?

— Обижаешь. — Я выложил на парту рубль двадцать пять серебром и оба червонца. — Где все? Командор каникулы устроил?

— Ага, каникулы... длиной в сорок километров. Хочешь, тебе такие организуем? — Климов убрал деньги в карман и вытащил из-под свитера небольшой потертый мешочек из кожи. — Носи на здоровье. Вижу, тебе это крайне необходимо.

Я пропустил намек на синяк мимо ушей, развязал тесемку и вытряхнул амулет на ладонь. Хрусталь размером чуть больше желудя был часто-часто обвит тоненькой медной проволокой, на цепочку его можно было прицепить за кольцо, закрепленное на узкой железной полоске, опоясывающей камень.

— Не понял, почему хрусталь? — Камень ярко сверкал в солнечных лучах, падавших на него из окна, но я-то ожидал совсем другого.

— Ты что, за эти деньги брильянт в пятьдесят каратов получить хотел? — неодобрительно покосился на меня Клим.

— Насколько мне известно, «Чешую дракона» делают только на основе аметистов.

— Ну а этот из хрусталя сработали. Из-за чего, думаешь, проблемы с запиткой появились? — Климов вернулся к двери. — Слушай, не хочешь — не бери. С такой ценой от желающих отбоя не будет.

— Мог бы и предупредить. — Я сунул амулет в карман. Разумеется, за семьдесят золотых «Чешую» любой купит. Но продать-то любому никак нельзя. Мигом на дыбе очутишься. Да ладно, ерунда. Что аметист, что хрусталь — лишь бы амулет работал. Тем более даже «Сфера безветрия» в свободной продаже дешевле ста восьмидесяти — двухсот рублей золотом не встречается. Это Клим мне ее за полсотни в прошлый раз подогнал, а так еще и по Форту побегать-поискать пришлось бы. «Чешую дракона» вообще только через чародеев Братства достать можно, и меньше чем за три сотни они ее даже воеводе не уступят. Так что мне ли жаловаться?

Дождавшись, пока я спрячу амулет, Клим открыл дверь, выпустил меня и начал выбирать нужный ключ. Как он их различает? В связке ключей десятка два, и все одинаковые.

— Все, побежал я. — Пожав на прощание руку, я слетел вниз по ступенькам. Настроение заметно улучшилось. Ну, продырявили меня, что с того? С кем случиться не может? Последствий-то, по сути, никаких. Да, двадцать рублей коту под хвост, но если бы все прошло гладко, мне эти деньги так и так не светили. А тут еще двести штук как с неба свалились. И со здоровьем все в порядке: наркоз прошел, голова соображает. Рука уже не

болит, нормально двигается. Вон и на проходной, пока расписывался, пакет в левой держал. На проходной... Пропуск! Я метнулся обратно вверх по лестнице и едва успел — Клим уже закрыл дверь и собирался зайти в актовый зал.

— Чего тебе? — удивился он.

— Пропуск отметить, — прошептал я в ответ, сунул ему пропуск и после того, как Клим, приложив бумажку к двери, поставил свою закорючку, забрал ее и уже неторопливо спустился на первый этаж. На проходной на роспись Климова даже не посмотрели и просто накололи пропуск на железную спицу, торчавшую из столешницы. Бюрократы, блин.

Я вышел за территорию школы, свернул в проулок между двумя высокими заборами и очутился у заросшего бурьяном пустыря. К моему удивлению, весь снег вдоль тропинки был усеян желтыми отметками и испещрен следами собачьих лап. Надо же, не всех бобиков еще на шашлыки пустили! Я пошел через пустырь, и в это время из-за покосившегося бетонного забора вылетела мохнатая кавказская овчарка. Пес остановился в паре прыжков от меня. Ну и чудовище: в холке метра полтора, никак не меньше. Вышедший следом невысокий мужичок в потрепанном тулупе резко свистнул, и зверюга метнулась назад, неподвижно замерев у правой ноги хозяина. Стараясь даже не смотреть в их сторону, я пошел по дуге, так, чтобы между нами оказалось как можно большее расстояние. Учитывая узость прохода между забором и стеной дома, это было совсем не просто. Пронесло — собака косилась как-то недобро, но с места не сдвинулась. Что за день сегодня? Я собак в Форте ни разу не видел. На хуторах на всех есть, а в Форте они без надобности — только продукты переводить.

После заброшенного здания начался поселок Луково. Одноэтажные домики прятались за высокими заборами, реже встречались двухэтажные кирпичные коттеджи и длинные бараки на несколько семей. С одного двора раздался визг свиньи. Колют, видать. Дымились трубы бань. Интересно, почему, когда топят бани, дым гораздо приятней пахнет, чем точно такой же из труб жилых домов? Вопрос...

Навстречу попался дедок, за веревку тащивший нагруженные дровами санки. На меня он посмотрел ничуть не более дружелюбно, чем давешний пес. Дед остановился и поправил облезшую кроличью шапку, я, не замедляя шага, миновал его и, не оборачиваясь, пошел дальше. Как бы он поленом в спину не залепил. С местных станется — «городских» они не любят. С соседней улицы со скрипом выехали сани, которые тянула гнедая коняга. За санями с визгом бежала ватага пацанов, пытавшихся

пристроиться сзади на полозьях. Возница ленивыми взмахами кнута отгонял самых наглых и, похоже, развлекался не меньше детворы.

На ближайшем перекрестке я свернул направо, на следующем — налево и удовлетворенно хмыкнул: память не подвела — на площадке между Южным бульваром и поселком шла торговля. На небольшом рынке, видимо, по случаю хорошей погоды, народу было куда больше, чем обычно. Приезжих сегодня что-то особенно много. Они-то о потеплении откуда узнали? Я миновал продуктовые ряды — среди дичи, рыбы и солонины встречался урожай прошлого сезона. В основном торговали картошкой, капустой, репой и, как ни странно, яблоками. На фанерных ящиках стояли закатанные в разнокалиберные стеклянные банки домашние соленья и заготовки. Запахло свежим хлебом. Я протиснулся сквозь толпу и перешел к рядам, в которых торговали разной мелочовкой — самопальными оберегами, точильными камнями, восковыми свечами, ножами, глиняной посудой и даже одеждой. В основном шмотки были ношенные, но изредка встречались кожаные куртки, шубы и меховые шапки, пошитые местными умельцами. Наблюдательный человек с внушающей доверие внешностью и тугим кошельком мог приобрести здесь много чего интересного. Начиная от травки и заканчивая обрезом или боевым амулетом.

Я остановился у лавки менялы и с досадой сплюнул — будка сапожника была закрыта. Вышел куда-то? И что делать? Караулить его здесь? Нельзя, ноги в сырых ботинках уже замерзли. Простыну на фиг. Двое охранников менялы настороженно посмотрели на меня и промолчали, но один как бы невзначай пнул пяткой дверь, а второй снял меховые варежки и заткнул их за пояс. Из лавки выглянул старший охранник, я кивнул ему и спросил:

— Игорь-сапожник был сегодня?

— Нет. И не будет. Завтра приходи. — Кавказец меня узнал, хотя виду и не подал, зыркнул исподлобья по толпе и спрятался обратно.

Нет и не будет. Замечательно. Несколько минут я, соображая, что делать дальше, смотрел на товары швеи, занимавшей соседнее с сапожной лавкой место. Тетка поглядела с надеждой, но, очень скоро поняв, что мне ее рубашки, платки и варежки без надобности, перестала обращать внимание. Зря, кстати. Мне как раз рубашка новая нужна. И свитер. Жалованье за тот месяц выплатят, что-нибудь надо будет присмотреть. Но это в будущем, а сейчас что делать?

Приняв решение, я прошел рынок насквозь и оказался у выхода на Южный бульвар. В это время в ворота въезжали сани, на задней лавке

которых лежала половина коровьей туши. Пришлось посторониться и отойти с дороги.

— Убирайся отсюда, попрошайка! — Раздавшийся неподалеку в толпе крик сопровождался звуком удара по чему-то мягкому. Мимо меня к выходу пронесся старик, залатанное во многих местах пальто которого болталось на нем, словно на пугале. Пластиковые ручки остались зажаты у него в руке, а пакет, оторвавшись, шлепнулся на землю. Смятые жестяные банки, ветошь и сложенные картонки разлетелись по снегу. Одна из жестянок подкатилась ко мне и уткнулась в ботинок.

— Ты че деда обижаешь? — Я немедленно обернулся к ухмыляющемуся рыночному охраннику, который уже собирался отвесить старику второй пинок. Не то чтобы ситуация задела меня за живое, просто настроение похабное. Порежу бугая, может, и отпустит.

— Никто никого не обижает. А дедушка уже уходить собирался... — заученно заулыбался охранник, но наткнулся на мой взгляд — да наплевать мне и на деда, и на любые объяснения — и осекся. — Да ладно... Чего ты, в самом деле?

Я вздохнул, обошел запихивающего дрожащими руками жестянки в порванный пакет старика и перешел на другую сторону Южного бульвара. Вовремя взял себя в руки, ничего не скажешь. На ногах еле стою, а еще на кого-то наезжать пытаюсь. Что со мной творится? Хорошо, охранник трусоватый попался, а то налетели бы всей шоблой и запинали. Ну, одного зарезал бы, ну, двух... Толку-то?

После поворота, сразу перед оружейным магазином, на тротуаре что-то исступленно кричал уличный проповедник. Закутанная в черную ткань фигура в такт словам протягивала руки к торопливо идущим мимо прохожим.

— Переполнены люди злобой, а в сердцах вьют гнезда свои ложь, похоть, лень и всевозможные пороки. Одумайтесь! Не давайте пристанища в душах своих злобе, алчности и безразличию к судьбам других. Не дайте погаснуть согревающему вас огню созидателя, не пускайте в себя холод и мрак, ибо несут они погибель всему роду человеческому!

Все ясно. Секта Несущих Свет. Похоже, проповедь уже подходит к концу.

— Если даст всходы свои в ваших душах зло, то не только себя вы погубите, но и приблизите приход вечного холода в наш мир! Притянет груз грехов наших небо к земле, пронзят его ледяные пики и начнется царствие ледяных демонов. Придут с севера исчадия, чьи тела изо льда, а души нет вовсе, ибо управляет ими...

Слова проповедника, словно гвозди, втыкались в мою бедную голову. Нет, так дело не пойдет. Им бы побольше позитива, а то никого не заманишь.

Обогнув выступающий полукругом пристрой оружейного магазина «Тоledo», я замер, пораженный невероятной картиной: бульвар чистили. Причем не просто освобождали дорогу от снега, скидывая его на обочину, нет — десяток рабочих в форменных оранжевых жилетках долбили ломиками и кирками намерзший с августа толстый слой наледи и загружали обломки на подводу. У меня чуть челюсть не отвисла. И не у меня одного — на рабочих с удивлением смотрели многочисленные зеваки. Что происходит? Генерал Мехов из Города с дружественным визитом прибывает или дума Северореченска в полном составе? Дурдом.

Я свернул в арку и прошел через проходной подъезд во двор следующего от бульвара дома. Все окна пятиэтажного здания напротив были наглухо забетонированы, и только серые прямоугольники цементными кляксами в пять рядов опоясывали стены. Ходили слухи, что у здания Коммуны, а это было именно оно, стеклянная крыша и оранжерея на пятом этаже. Все может быть. Я этого ни подтвердить, ни опровергнуть не мог. Так далеко меня никогда не запускали. Надеюсь, сейчас хоть в подвал зайти получится. А могут и подальше послать — коммунары чужаков не жалуют. Если учесть, что: а) все, кто в Коммуну не входит, для них чужаки и б) в Коммуну принимали только местных уроженцев, — хорошего отношения мне там ждать не приходилось. И не только мне. Многих это просто бесило, но поделать с этим ничего было нельзя: Коммуна являлась одним из старейших сообществ Форты. Образовалась она почти сразу после того, как была отстроена городская стена, но в дела внешнего мира почти не вмешивалась. Ну а внешний мир в лице Дружины старался не замечать Коммуну.

Дверь в соседний с проходным подъезд была открыта, я вошел внутрь, спустился в подвал и перелез через канализационные трубы, перегораживающие проход в крошечный закуток слева от щитовой. Под мятой дверцей холодильника скрывалось круглое отверстие бетонной трубы, уходящей вниз. Ухватившись за железные скобы, вмурованные в стенки трубы, спустился на пару метров и спрыгнул на залитый цементом пол. Левую руку заломило, но не очень сильно. Жить можно. Бункер был небольшим: пять шагов вдоль, четыре поперек. Стены высотой в два метра. Низкий потолок ощутимо давил своим весом. Я едва не влепил лбом в тусклую лампочку и еще не успел постучать в дверь, как она распахнулась и на меня двумя дулами двенадцатого калибра уставился дробовик.

— Руки вверх, — скомандовал стоящий в проходе мальчишка. Ружье в руках пацана не дрожало, палец лежал на спусковых крючках.

Я упер руки в потолок. Как бы он меня по стене картечью не размазал. Дернется палец — и каюк.

— Выше! — Часовой сорвался на визг.

— Куда выше? — вполголоса поинтересовался я. Кому пост доверили? На вид парнишке лет четырнадцать-пятнадцать.

— Что за шум, а драки нет? — рыкнул кто-то за спиной у часового. — Опять чудишь, Володька?

— Гера, я нарушителя поймал!

— Ну-ка, ну-ка... Давай посмотрим. — В дверь высунулась лохматая голова. — Чего надо, шпиен?

— Мне бы Игоря-сапожника или Борю Хромого, — немного успокоившись, ответил я.

— Да ты руки-то опусти. — Мужик в тельняшке и спортивных штанах подмигнул мне, снял со стены трубку и начал крутить диск телефона. — Как зовут?

— Скажи, Лед пришел. — Они сюда телефон протянули? В прошлый раз этого еще не было. Богато живут, ничего не скажешь.

— Алло, Боря? К тебе пацанчик один пришел, Льдом обозвался. Знаешь такого? Понятно... Опиши, как выглядит. Так... так... Угу... Все, понял. Провести? Нет? Сам подойдешь минут через пятнадцать? Договорились. — Лохматый забрал ружье у пацана. — Иди Эдика позови, а ты давай заходи и дверь за собой прикрой.

Пацан умчался по узкому коридору исполнять приказ, я вошел внутрь и потянул за собой дверь, которая с легким лязгом захлопнулась. Гера присел на табуретку, кивнул на хлипкий стул в противоположном углу и положил дробовик на колени. Я только присел на стул, а мальчишка уже влетел обратно в караулку. Одно его ухо было пунцовым и немного припухшим.

— Эдик мне по уху врезал! — завопил он, едва сдерживая слезы.

— Что сказал? — тяжело вздохнул Гера.

— Сказал, будем будить — на британский флаг порвет. — Парнишка зажал ухо ладонью.

— Вот скотина, — задумчиво протянул караульный. — Ты, Вовчик, бери ружье, а я досмотр проведу.

Не, Гера точно с головой не дружит. Кто дробовик сопливному пацану доверяет? Пальнет, и обоих в цинк запаивать можно будет. Зоопарк...

Внутренняя дверь в караулку распахнулась и с грохотом врезалась в

стену, отбив ручкой кусок штукатурки. Стремительно промелькнул силуэт человека в камуфляже и тут же из-под меня вылетел стул, а сам я растянулся на бетонном полу.

— Лежать! Руки за голову! Не шевелиться!

Я и не шевелился — упершийся в затылок холодный ствол проявление непослушания несколько не поощрял. Над головой послышалась возня, звонкий шлепок и тихий вой Вовчика.

— Да вы шо, мужики, совсем шизанулись? Вы шо творите, сволочи? Е... — начал возмущаться Гера, но моментально заткнулся, получив прикладом. Судя по звуку, удар нанесли далеко не в полную силу, но нужное впечатление произвести удалось.

— Пасть закрой.

— Да что случилось-то, Юра? — Голос караульного звучал уже куда менее уверенно.

— Во-первых, я на дежурстве не Юра, а Юрий Иванович, или товарищ Быков, как тебе больше нравится. Во-вторых, дверь открывали? Открывали. — Ствол автомата перестал упираться в затылок, но зато рядом с лицом появились армейские ботинки на толстой подошве. — Сигналку отменили? Не отменили...

Я развернул голову и уперся щекой в холодный пол. Так оно удобней. Теперь стал виден сидящий на табуретке Гера. Дробовик ему уже вернули.

— Не успели. А вас, блин, хлебом не корми — дай в рыло заехать. — Гера приложил ствол ко лбу. — Садисты.

— В следующий раз успевать будете. А имей я или товарищ Малиев склонность к садизму, ты б сейчас не за лоб держался, а писал объяснительную о причинах злостного нарушении устава гарнизонной и караульной служб. Все понятно? — Быков отошел, поднял трубку телефона и три раза крутанул диск. — Четвертый, по третьему отбой.

— Кто звеньевой? — С тихим клацаньем трубка опустилась на место.

— Генералов, — ответил мрачный Гера.

— Почему я его в караульном помещении не наблюдаю?

— Спит он, — пискнул пацан, уже предвкушая грядущую расправу над обидчиком.

— Малиев, разбуди, — скомандовал Быков. — Это кто?

— К Боре пришел, — опередил уже открывшего рот Геру расхрабренный Вовчик.

— Подымайся.

Ну наконец и обо мне вспомнили. На бетонном полу и просто лежать не очень-то удобно, так еще камушек острый в щеку врезался. Я медленно

поднялся на ноги и распрямился, держа руки подальше от пояса. Быков с автоматом в руках стоял у двери и внимательно следил за моими движениями. Юрий Иванович, как же. Не удивлюсь, если его за глаза Быком кличут. И фамилия, и сложение тому сильно способствуют. Серьезный товарищ. Росту невысокого, но фигура мускулистая, а толщиной — в две мои. Бронежилет, на поясе в кобуре «стечкин» и чехол с десантным ножом. Геру на его фоне всерьез воспринимать уже не получается. Теперь понятно, почему пацан расхрабрился.

— Зачем пришел?

Малиев, потирая на ходу кулак, зашел в караулку и, увидев меня, остановился в дверях. Эту физиономию я неоднократно наблюдал на рынке у лавки Игоря. Только там он не щеголял камуфляжем и целым арсеналом огнестрельного и холодного оружия. Как Игорь его звал? Коста? Что-то вроде того.

— По делу. — Я слегка покачал пакетом, который все еще держал в руке.

— Не знаешь, где дела делаются? — не поверил мне Малиев.

— Игоря на рынке не было.

— Ты его знаешь? — Быков забрал у меня пакет, достал пластиковую бутылку и посмотрел на просвет.

— Видел у Игоря пару раз. Тот говорил, иногда разную мелочовку у него покупает. — Коста продолжал держать руку на расстегнутой кобуре. — Завтра бы зашел.

— Товар скоропортящийся, — начал медленно закипать я.

— Лови! — Быков кинул бутылку Малиеву. — Что за ерунда?

— Не знаю, но Хромого всякая лабуда интересует. — Коста посмотрел на замороженный в лед корень и метнул бутылку мне. Точнее в меня — не успею я ее перехватить, почти полкило льда угодили бы мне прямо в разбитую скулу. Сволочь. С какими козлами приходится дела иметь! Ничего, глядишь, поквитаемся еще.

— Проводи его, Коста. И Боре напослать, чтобы караульных вызвал, когда закончат, — распорядился Быков и похлопал Геру по щеке. — А явится один — пристрелите сразу, даже нас не беспокойте.

— Бо... — Караульный ухватился за рукав кителя Быкова.

— Да отвали ты. — Тот выдернул руку, нажал кнопку приема на запищавшей рации, секунд десять молча слушал, а потом выскочил из караулки, на ходу бросив Малиеву: — Потом сразу дуй на четвертый.

— Пошли. — Малиев перехватил висевший на ремне автомат и указал дулом на дверь.

Я вышел в темный коридор, Коста цокал металлическими набойками армейских ботинок сзади. Дистанция два метра. Шаг вправо, шаг влево... Да нет, ни вправо, ни влево шагнуть не получится — слишком коридор узкий, а вот если замедлить шаг, прикладом меж лопаток заработать можно легко. Вскоре глухие бетонные стены закончились, проход расширился, начали попадаться закрытые двери — укрепленные ржавыми железными полосами деревянные и похожие на дверцы банковских сейфов стальные. Пару раз встретились простые решетки, тьму за которыми не мог рассеять проникающий из коридора скудный свет. Так далеко меня раньше ни разу не запускали, всегда Боря или Игорь сами в караулку приходили. Было интересно, но я старался не вертеть головой по сторонам. Не на экскурсии, да и компания не самая подходящая.

— Налево, — скомандовал конвоир.

Я свернул на перекрестке и едва не растянулся на полу, запнувшись о ступеньку. На потолке злорадно мигнула красным огонечком камера внутреннего наблюдения. Я поморщился и следующее повышение пола уже не пропустил. Коридор вильнул, мы уткнулись в перегораживающую проход решетку. Раздался щелчок, и дверь, больше не удерживаемая электромагнитом, слегка приоткрылась.

Еще один поворот вывел нас в широкую комнату, перегородленную напололам стальными прутьями. На потолке с этой стороны перегородки ярко сияли лампы дневного света. Откуда они электричество только берут? На крыше вроде ветряков не видно. За столом сидел охранник, который отвернулся от телевизора и положил руку на лежащий рядом автомат. В стене за его спиной темнели бойницы, и любой желающий мог наблюдать за нами оттуда без риска быть замеченным с этой стороны.

— Прямо, — указал на второй выход Коста.

— Куда прешь, Малиев? — удивился охранник.

— Быков распорядился.

— А регистрировать?

— Ой, да ладно, — махнул рукой Коста.

— Что значит — ладно? Положено.

— Время лишнее есть? — не стал останавливаться Малиев. — Вечно вы на втором посту умничаете.

Мы вышли в другой коридор. Здесь стало гораздо светлее, и стальные двери больше не попадались. Постепенно стал нарастать глухой шум. Что такое? Неужели музыка играет? Точно, это ж басы долбят. Нет, они электричество совсем не экономят. Метров через двадцать ритм стал вполне отчетливым, но разобрать слова еще не получалось. На мгновение

музыка замолкла, но почти сразу началась новая песня.

— Лицом к стене.

Интересно, коммунары все со странностями или это мне на голову больной попался? Тем не менее спорить смысла нет — никому не советую пререкаться с человеком, нацелившим на тебя заряженный автомат. Я развернулся лицом к стене рядом с ничем не примечательной дверью. Самое главное, что все эти предосторожности не помешают мне Косту зарезать, но как потом из здания выбраться? Так чего он тогда в вертухая играет? Неужели считает меня самоубийцей? Когда голова приблизилась к стене, музыку стало слышно лучше и удалось разобрать завывания вокалиста:

Я поскользнулся и упал и очнулся на земле,
Я не в курсе, что я делал на девятом этаже,
Уж не знаю, как я падал,
Помню только миг, когда мои мозги испачкали асфа-а-альт!

И Боря это слушает? Я был о нем лучшего мнения. Коста подергал за ручку двери, и музыку тотчас выключили. Щелкнул замок, дверь приоткрылась, и в щель высунулось заспанное лицо Бори. Он что, проснулся недавно?

— Чего тебе, Коста? — Тут нескладный тощий парень заметил меня, и у него от удивления приподнялись брови. — Сюда зачем?!

— К тебе пришли, сам разбирайся. Закончите, позвони на пост. — Коста развернулся и зашагал по коридору. Похоже, не очень-то он Хромого уважает. А мне, наоборот, с ним общаться нравилось больше, чем с тем же Игорем. Боря — человек вполне вменяемый, по крайней мере, вменяемый настолько, насколько им может быть коммунар. И ко мне относится нормально. Не могу сказать, что по-приятельски, но лучше, чем остальные.

Познакомились мы с ним с полгода назад. Тогда, в самом начале лета, патрулирование сократили до минимума, времени свободного было навалом, вот Гамлет меня и пристроил охранником в обоз к одному своему знакомому. Не знаю, за каким лешим, но в тот же обоз устроился и Борис. Может, себе хотел доказать, что мужик, может, девчонке какой. Или жизнь в Коммуне совсем достала. Мало ли какие причины у него могли быть? В общем, угодили мы тогда в засаду недалеко от Елового. Из двадцати обозников дюжина там осталась, еще двое от заражения крови позже загнулись. Больше всех повезло мне — денег за работу не получил, зато в

Форт вернулся без единой царапины. Торговец тоже живым остался, но из-за потери товара немного умом тронулся и вскоре перехватил себе горло охотничьим ножом, хотя, это дело темное, могли и обозленные кредиторы помочь на свиданку с Хароном отправиться. Ну а Борю обратно в Форт мне тащить пришлось, остальным не до него было. Все, что он тогда заработал, — осколок, засевший в колене, прозвище Хромой да еще отвращение к подобным приключениям на всю оставшуюся жизнь.

— Ну, заходи тогда, — нерешительно протянул Боря, пропустил меня внутрь и закрыл дверь. С прошлой нашей встречи он ничуть не изменился, даже черная футболка с намалеванным от руки символом анархии все та же — вон на спине надпись «Sid Vishes innocent». Разве что патлы еще длинней стали.

— Ну ни фигя себе! — выдохнул я, нерешительно потоптался у порога и осторожно присел на табуретку. О Коммуне ходило много слухов, но такого никто и предположить не мог. Вся комната была заставлена компьютерной техникой, по полу и стенам змеились толстые пучки кабелей, а на экранах четырех мониторов бежали колонки цифр. Не будь волосы так коротко пострижены, они встали бы дыбом. Нет, я, конечно, компы не первый раз в жизни вижу, но это что-то особенное: три системных блока, принтер, сканер, а кроме того, холодильник, что-то отдаленно напоминающее микроволновую печь и еще куча приборов поменьше — все были спаяны в одну систему. В углу на подставке из нержавеющей стали лежал кварцевый шар, испускающий мягкое сияние, — обычный осветительный артефакт, заполненный магической энергией. Только из этого камня торчали два золоченых штыря, к которым были припаяны провода, исчезающие в мерно гудящем трансформаторе. Между электродами иногда проскальзывали голубые искорки разрядов. Они что, магическую энергию в электрическую преобразовывают? Извращенцы. Но становится понятным, откуда такая прорва электричества.

— Что такое? — Боря, подволакивая левую ногу, дохромал до кресла на колесиках, медленно опустился в него и вытащил странного вида латунный амулет из ящичка без крышки, стенки которого были изготовлены из материала, похожего на плексиглас. На мониторе компьютера, шлейфом соединенного с ящичком, вспыхнула красная надпись, и он потух. Я успел почувствовать легкую вибрацию насыщенного энергией амулета, прежде чем Хромой кинул его в ящик стола.

— Никогда не слышал, чтобы электричество таким образом получали.

— И не услышишь, — усмехнулся Боря, но, увидев мою удивленную

физиономию, пояснил: — Нет, сам процесс несложный, просто невыгодно это. КПД низкий.

— А ты? — не подумав, ляпнул я и почувствовал, как по всему телу выступает испарина. КПД низкий? Но тогда, сколько надо закупать осветительных шаров, чтобы нормальное электроснабжение здания организовать? Никаких денег не хватит. А, учитывая, что в Коммуну охотней всего принимают местных детей и подростков, может, отбор идет по наличию у них колдовских способностей? Мысль о том, что все эти бедолаги — живые генераторы магической энергии — сидят скованные в темных подвалах Коммуны, и вызвала испарину. Да нет, ерунда это, воображение разыгралось. Но в любом случае тему пора менять.

— А что я? Мне деваться некуда. Я без компов нормально даже амулет не откалибрую.

— Как? Электричество и колдовство несовместимы. — Но работающая техника и только что запитанный энергией амулет явно свидетельствовали об обратном, и я добавил: — Вроде бы.

— С чего это? — Борис вытащил из компьютера компакт-диск, положил его в коробку и убрал на полку к другим дискам.

— Фонит ведь!

— Да ну?

Я расслабился и попытался почувствовать биение поля магической энергии. Поле было ровным. Никаких помех. Такое впечатление, что в комнате даже лампочки электрической и той нет. Неужели я так ослаб, что уже ничего не чувствую?

— Все экранировано. — Борис вытащил из стопки диск, посмотрел обложку и сунул обратно. — Принес чего или за заказом пришел?

— Понятно... И то и другое. — Только тут я обратил внимание на то, что корпуса компьютеров покрыты рунами, колонки разрисованы причудливыми пентаграммами, а экраны всех четырех мониторов укрыты за стеклами с нанесенной по краям тонкой вязью непонятных символов. Занятно. Бутыль с замороженным в лед железным корнем мне удалось впихнуть между плексигласовым ящиком и горкой дискет. Что там Боря выбирает? Ближайшая стопка дисков пестрела названиями на английском: Sex pistols, Metallica, Bad religion, Green day, Offspring, Dead Kennedys, Slayer, Gravedigger, Nirvana. Русских исполнителей представлял только непонятно как затесавшийся в эту компанию NAUTILUS POMPILIUS. — А почему другие до этого не додумались?

— А смысл? Те, кто в этом деле шарит, и так деньги лопатой гребут. — Хромой вздохнул. — Ты хоть представляешь, во сколько обошлась золотая

оплетка всех кабелей?

Я присвистнул. Денег в эту комнатку вбухано немерено.

— Включи «Крылья» — сто лет не слушал, — попросил я все еще выбирающего пластинку меломана.

— А? Да без проблем. — Боря поставил диск, убавил громкость и занялся принесенной мной бутылкой. Когда он опустил ледышку в прозрачный ящик, экран компьютера мигнул и включился — из пробежавших по экрану символов я смог разобрать только слова «Железный корень» и «94 %». Удовлетворенно хмыкнув, Хромой вытащил бутылку, оттолкнувшись от стола, отъехал на стуле к холодильнику и запихнул ее в морозильник. — Беру! Сколько хочешь?

— В счет моего заказа, плюс еще амулет залить надо. — Понятное дело, что берешь: найти уже не зеленый, но еще не перезревший железный корень удастся нечасто. И любой изготовитель амулетов незамороженный корень возьмет без вопросов. Главным достоинством этого растения была его способность впитывать рассеянную в пространстве магическую энергию. Поэтому для изготовления колдовских ловушек или автономных охранных артефактов, устанавливаемых на длительный срок, железный корень подходил как нельзя лучше. «Бласт-бомбу» опять-таки только на его основе и делают. — Заказ готов?

— Игорь сказал, что срок — конец месяца.

— Да я все понимаю, но меня в рейд завтра загоняют, — пожал я плечами. — Совсем никак?

— Почему никак? Пять яиц я полностью модифицировал, еще одно, самое первое, запарол.

— Ништяк, мне больше сейчас и не нужно. Остальные потом заберу. — Я потер руки. В предпоследнем патруле нашему отряду поручили помочь первой роте вывести гнезда снежных червей на северной окраине. Работенка та еще, подручными средствами никак не управиться. Вот нам и выдали «Драконьи яйца» — мощные артефакты, содержащие термитный заряд. Действовал заряд медленно, но вполне способен был выжечь в промерзшем грунте воронку радиусом полметра и глубиной метра в три. А чтобы патрульные — народ запасливый и устав не больно-то почитающий — не захомячили неиспользованные «Драконьи яйца», на них нанесли специальную маркировку. Обычная практика: из-за метки артефакт ни пронести на продажу в Форт, ни незаметно использовать самому невозможно. Те, кто сомневался в действенности этой меры, обычно прямым путем отправлялись в штрафной отряд. Мне это совсем не улыбалось, поэтому я просто припрятал десяток заряженных магией

шаров — неиспользованных своих и одолженных у Шурика — в тайнике и дал наводку Игорю. Термитные заряды мне ни к чему, но Боря взялся переделать их в обогревательные артефакты и заодно снять маркировку.

— Косячное возьмешь? — Хромой выложил пять запаянных медных шаров, размерами не больше тех самых куриных яиц, в коробке из-под которых они хранились, и подкинул в руке шестой артефакт.

— А что с ним?

— Это уже не «Драконье яйцо», это уже яйцо дракона.

— А разница?

— Слушай сюда. Если ты попробуешь стибрить яйца у драконихи, она тебя медленно и со вкусом поджарит. — Боря заухмылялся и продолжил, видимо, заготовленную заранее речь: — А если ты ухватишь дракона за яйца, он тебя испепелит в тот же самый миг. Короче говоря, пока разбирался, временные настройки не в ту сторону сдвинул. Зажигательная граната получилась.

— Маркировка, надеюсь, снята?

— Само собой.

— Тогда возьму. — Я размотал пластиковый пакет и скатил в него со стола пять шаров. — Как бы мне их не перепутать.

— Его серийник 001572. — Боря катнул шар ко мне. — Задержка взрыва три секунды.

— Понятно. — Бракованный шар я сунул в карман фуфайки. Ага, буду я потом номер вспоминать. Ошибусь еще. — А насколько обогревателей хватает?

— При минус тридцать на пять часов. — Хромой почесал затылок: — Какой амулет тебе зарядить?

— «Чешую дракона», только он чуток битый. — Я достал из кармана хрусталь и протянул его Боре. — С закачкой проблемы...

— А мы не ищем легких путей, — перебил меня тот, забрал амулет и кинул в плексигласовый ящик. На сей раз цифры, появившиеся на мониторе, его не устроили, и он заколотил пальцами по клавиатуре. Экран мигнул. Цифры сменились трехмерной моделью артефакта. На однородном светло-розовом фоне выделялись белые линии проволоки и расплывчатое зеленоватое пятно в самой середине камня. — У центра концентрация энергии непонятная. Либо область данных битая, либо проволоку не отцентрировали, и резонанс пошел.

— Могут из-за этого проблемы с зарядкой возникнуть? — Я ничего не понял из объяснений и решил уточнить.

— Разумеется. Плотность поля неоднородная, а чародеи такое

отклонение могут учесть только методом тыка, — поскущел Боря, поняв, что полноценного собеседника из меня не выйдет.

— А ты нормально залить энергию сможешь?

— А то! — оживился Боря. — Если подождешь до завтра, вообще могу плотность выровнять.

— В другой раз как-нибудь, — покачал головой я. — Мне «Чешуя» сегодня позарез нужна.

— Понятно. — Хромой переложил амулет в странную конструкцию, больше всего напоминающую микроволновку, и закрыл глухую серебристую дверцу. — Смотри, а то я его еще б и разогнал.

— Это как?

— Рассеянную в камне энергию сконцентрировал, управляющие чары ужал.

— Спасибо за предложение, но сегодня никак не получится, — уже второй раз обливаясь потом за время разговора, отказался я. Надо срочно рвать когти. А то Боря поймет, что ляпнул, и живым меня отсюда уже не выпустят. То, что он назвал «разгоном», на ценниках в торгующих амулетами лавках помечалось надписью «ULTRA». «Ультровские» переделки стоили дороже стандартных амулетов, но и обладали улучшенными характеристиками. Неизвестный производитель этих артефактов в последнее время стал головной болью и колдунов Гимназии, и чародеев Братства. Причем даже не столько из-за финансовых потерь — хотя «ULTRA» постепенно начали занимать нишу наиболее дорогостоящих артефактов, падение продаж для Гимназии и Братства пока не ощутимо, — сколько из-за того, что на такую тонкую работу с энергией были не способны их лучшие мастера. Эти организации, несмотря на все свои возможности, найти производителя так и не смогли. Грешили на Северореченск. А я только что, похоже, узнал, кто этот неизвестный умелец. Или Боря просто в свободное время таким образом самоутверждается?

По экрану монитора начала медленно ползти полоска, показывающая зарядку амулета, говорить было не о чем, и я вспомнил про странную пирамидку.

— Боря, посмотри, попадалось что-нибудь подобное?

— Похоже на персональный амулет, привязанный к конкретному человеку. — Хромой откинул с лица мешавшую прядь волос и посмотрел через лупу с выпуклым зеленоватым стеклом на переданную мной стекляшку. Потом положил лупу в отделанную изнутри бархатом коробочку. — Я, конечно, эту связь могу порвать, но, скорее всего, при этом

нарушу внутреннюю структуру камня.

— Не, тогда не надо. — Я забрал амулет обратно и сунул в карман. С разрывом связи я и сам неплохо справился. Нет человека — нет пробле... тьфу ты, связи. — Ты лучше вот что скажи: из-за каких наркотиков или препаратов глаза посинеть могут?

— Как у тебя?

— А что у меня?

— Глаза у тебя синие, — огорошил меня Боря.

— Как синие?

— А вот так. Не веришь — сам посмотри. — Хромой кивнул на зеркальную поверхность микроволновки.

Я наклонился к металлической боковине зарядного устройства и с тревогой начал разглядывать сначала один глаз, потом другой. Точно, все прожилки синие. Это нормально: «Синий доктор» синим не просто так называется. Пройдет.

— Да нет. Не только кровеносные сосуды, а весь глаз полностью. Так, чтобы даже зрачка видно не было, — с облегчением выдохнув, объяснил я.

— Даже не знаю. Если только «Ангеликса» передоз или Л13 с абсентом намешать. — Боря задумался. — Но в любом случае превышение смертельной дозы раз в десять будет. Да и не достать Л13 в последнее время.

— А сколько с таким передозом человек пробегать может?

— Пробегать?! Пролежать минут десять, и то если под капельницей, — рассмеялся Боря. — Вообще-то еще у уродов из гетто глаза синие бывают.

— Не, не подходит, — задумался я. Одинаковые мутации встречаются слишком редко. Не у трех же человек разом. Что получается? Те нарки сами какую-то смесь бодяжили? Или...

— Ты что здесь делаешь?! — из-за музыки мы не услышали, как открылась дверь и вошел Игорь. — Боря, ты со своими железяками совсем сбрендил?!

— Его Коста привел, с него и спрашивай, — огрызнулся Боря. Зарядное устройство melodично звякнуло, он достал амулет и кинул мне.

— Какие идиоты... — тихо протянул Игорь, прислонившись к дверному косяку и лягнул ногой стену. Почти сразу он взял себя в руки, покрутил на пальце брелок с ключами и повернулся ко мне. — Тебя на втором посту регистрировали?

— Нет, Коста так провел.

— Собирайся, — заторопился Игорь, посмотрев на часы.

— Да я готов. Только охрану вызовите. — Не узнаю я Игоря. Напуган он, что ли?

— Боря, позвони. — Игорь сунул ключи в карман джинсовки и расстегнул ворот рубахи.

Хромой позвонил. В дверь постучали только минут через пять, но за время ожидания никто из нас не произнес ни слова. Боря развернулся к своей технике и начал быстро набивать какой-то текст. Игорь, переступая с ноги на ногу, откровенно маялся у двери, а я, ботинками придерживая пакет с шарами, сидел на стуле. Мысли снова вернулись к предложению Хромого разогнать амулет. А ведь не под силу Коммуне в одиночку держать в тайне свое участие в этой афере. Гимназия бы ее вычислила уже через месяц после появления первых переделок на рынке. Значит, либо они работают через одну из промышленяющих контрабандой банд, либо бизнес прикрывает кто-то из Дружины. Дружина нагревается на финансовых потерях своего ближайшего союзника? Куда-то меня не в ту степь понесло. Надо будет поинтересоваться у Салавата, не обостряет ли «Синий доктор» склонность к паранойе?

— Здорово, Эдик. — Услышав стук, Игорь открыл дверь, поздоровался с сутулым коммунаром, от которого на всю комнату распространился запах перегара, и махнул рукой — «на выход». Когда я проходил в дверь, он схватил меня за воротник фуфайки и притянул к себе.

— Сболтнешь кому лишнее — не жилец. Понял? Если сами не найдем, кое-что из твоих делишек на свет всплывет, — прошептал Игорь мне на ухо.

Я кивнул, отстранился от него и вышел в коридор. Опершийся на стену Эдик при моем появлении радостно заулыбался. Близнецы-братья, блин. Только у меня синяк под правым глазом, а у караульного под левым. Так мы и пошли по коридору: Эдик с закинутым на плечо охотничьим ружьем впереди, я в середине, а шаркающий ногами Игорь шел сзади и постоянно нас подгонял. Как же ему не терпится от меня избавиться! Боится, увидит кто из руководства?

— Е-э-эшкин кот, — тихонько прошипел он сквозь зубы, когда мы вышли к второму посту. Все же опоздали?

— Так, это что еще такое? — Молодая девушка, сменившая пропустившего нас охранника, посмотрела в лежащий перед ней на столе журнал. — Эдик, почему в журнале посетитель не зарегистрирован?

— Юль, я-то тут при чем? — Эдик никого выгораживать не собирался. — Его Коста провел, все вопросы к этому вредителю.

— Да не волнует меня, кто его провел, — фыркнула девушка. — Меня

волнует, почему допуск не оформили. Сейчас проведем задержание, составим протокол, и пусть уже чекисты выясняют, кто чего нарушил.

— Может, не стоит комиссаров в это дело впутывать? — как-то нерешительно пробормотал вставший рядом со мной Игорь.

— С чего бы это? Яйцеголовым закон не писан? — Из ящика стола был извлечен чистый лист бумаги и перо с чернильницей. — У вас, кстати, помещение к классу А2 относится.

Я почесал большим пальцем кончик носа и, пока рот был прикрыт ладонью, тихо прошептал:

— Косте Быков приказал.

— Да мне-то без разницы. Я его в служебные помещения не проводил, — моментально «переобулся» Игорь. — Пусть Быков и Малиев сами с чекистами разбираются.

— Быков тут при чем? — немного напряглась девушка и машинально поправила берет. Быков настолько крут, что с ним даже караульные при исполнении связываться боятся?

— А кто еще Косте приказать мог? — сделал честные глаза Игорь.

Юля отцепила от портупеи рацию, щелкнула тумблером и пробежалась тонкими пальчиками по кнопкам.

— Юра... Ты приказывал Малиеву к научникам посетителя провести? ... Понятно... Не делай так больше, хорошо? ... Нет... Нет... — Вместо ответных реплик до нас доносился только невнятный хрип динамика рации, но общий смысл разговора был и так понятен. Похоже, здесь личное. — Отбой.

— Вы его в лабораторию запускали? — тяжело вздохнула девушка.

— Нет, Боря с ним в холле разговаривал, — не моргнув глазом, соврал Игорь. Все, теперь он меня не сдаст. Только бы на выходе мозги не вышиб. Чтоб я еще хоть раз к ним сунулся... Да никогда!

— Проваливайте отсюда. — Юля нажала на кнопку, отключающую питание электромагнита. Не задерживаясь, мы вышли из комнаты и поспешили к выходу. Когда я вошел в караульное помещение, Вовчик сидел на табуретке и зажимал рукой разбитый нос. Рядом на полу алели капли крови. Да уж, стукачество даром ему не прошло. Гера, напряженно косясь на Эдика, открыл входную дверь и выпустил меня наружу.

— Больше здесь не появляйся! — крикнул в спину Игорь.

Я взлетел вверх по трубе, выскочил из подъезда и лишь тогда перевел дух. Обошлось. Отдышавшись, вышел на Южный бульвар и остановился рядом с оружейным магазином. От свежего воздуха мозги прочистились. Страх и подозрения теперь казались дикими и беспочвенными. Дети

какие-то прикованные. Дурь полная. Как ни крути, не тянет Боря на подпольного фабриканта. Интересно, я поплыл из-за наркоза или это мне «Синий доктор» так мозги заплел?

Рабочие уже очистили метров триста дороги и теперь суетились напротив клиники «Аполлон & Афродита». Из асфальта торчали больше не скрытые снегом трамвайные рельсы. Может, их на переплавку пустить хотят? Я расстегнул фуфайку и кофту, прицепил амулет на цепочку с крестиком, застегнулся и направился в «Сан-Тропез». Думаю, если и опоздаю, то ненамного.

Ресторан, в котором должна была состояться встреча, находился в пяти минутах ходьбы от «Тоledo». Фасад двухэтажного здания полностью отделали сине-зелеными стеклопакетами. Сад вокруг особняка огораживала кованая ограда, устремившаяся в небо изогнутыми остриями пик. На чугунных столбах со скрипом покачивались фонари, в темное время суток подсвечивающие территорию в тон фасаду здания. Красиво, ничего не скажешь.

У ворот рядом с будкой и шлагбаумом топтался охранник, но, когда я подошел к ограде, из ресторана моментально выскочили еще двое вышибал. Чего это они засуетились? А, все понятно: на входе дежурил мой старый знакомый. Решил, что я пришел с ним разборки наводить, и вызвал подмогу? Нет хорошо бы, конечно, набить ему морду, но это как-нибудь в другой раз.

— Проваливай отсюда, — процедил охранник сквозь зубы и покосился через плечо на крыльцо ресторана.

— Смотрю, нормально тебе нос вправили. Как колено? Не ломит к перемене погоды? — ухмыльнулся я и крикнул стоящим на крыльце парням: — Уберите эту шавку, меня ждут.

— Чего раскричался? Кто тебя ждет? — Скрипнула дверь, и из будки вылез бугай в черной болоньевой куртке с надписью «SECURITY» на спине.

— Илья меня ждет, — повернулся я к нему. Надеюсь, фамилию Ильи он спрашивать не будет.

Секьюрити достал записную книжку, помусолив палец, принялся листать страницы и наконец нашел нужную запись.

— Ты уже час как должен был подойти. — Он карандашом сделал в записной книжке отметку. — Проходи.

Я зашел за ограду и спокойно направился к отделанному гранитом крыльцу. Опоздал на целый час? Не мог я у Бори столько времени просидеть. Получается, опять с солнечными часами накосячил.

— Черти в аду тебя уже заждались, — сплюнул себе под ноги охранник со свернутым носом.

Немного поколебавшись, швейцар распахнул передо мной высокую дубовую дверь, украшенную резьбой и начищенными медными заклепками. Я прошел внутрь, снял фуфайку — так, там у меня ничего ценного нет? — кинул ее гардеробщику и пошел в зал.

Как давно я в приличном заведении не был! Уже и забыл, как это расслабляет. Хорошо здесь! Солнечные лучи играют на мозаичных витражах окон. Там, где освещения требуется больше, горят электрические лампы, укрытые темно-красными абажурами. Бархатные портьеры стянуты золочеными шнурами. Потолок расписан сюжетами из жизни французской глубинки, над баром висит копия картины Поля Синьяка «Сосна. Сан-Тропез». Изящные столики расставлены так, чтобы посетители не мешали друг другу, а не желающие обедать на всеобщем обозрении всегда могли рассчитывать на скрытые за портьерами альковы или кабинеты на втором этаже. Из скрытых динамиков негромко доносилась ненавязчивая музыка — обычно здесь звучали блюзы и композиции Криса Ри.

Я встал неподалеку от бара и начал высматривать Илью. Надеюсь, ему еще не надоело меня дожидаться и он не ушел.

— Вы кого-то ищете? — Почти моментально рядом оказался метрдотель.

Мимо прошла официантка, держащая на весу поднос с блюдом, накрытым выпуклой крышкой, начищенной до зеркального блеска. От блюда шел аппетитный дух. Жаркое?

— Илью, — сглотнул я слюну.

Метрдотель указал на столик в углу зала и, обогнув барную стойку, прошел в служебные помещения.

— Спасибо, — запоздало пробормотал я, сделал пару шагов к столу, но передумал, вернулся к бару и уселся на высокий стул. Илья сидел не один, а в компании еще трех молодых, хорошо одетых парней. Двух собеседников Ильи, расположившихся ко мне лицами, я видел в первый раз, третий, сидевший спиной, был смутно знаком. Кто бы это мог быть? В любом случае не из Патруля или Дружины. Стоит ли им мешать? Освободится — сам подойдет. Я сегодня никуда больше не спешу. Рукоять тесака уперлась под ребра, но, когда ножны были передвинуты на живот, мешать перестала.

— Что будете заказывать? — Рядом со мной мгновенно оказался одетый с иголочки — черные брюки, белая накрахмаленная сорочка, коричневая жилетка и узкий галстук-шнурок — бармен и положил на

стойку пухленькое меню в кожаной обложке.

— Ни-че-го, — по слогам произнес я, бармен на мгновение опешил, потом убрал меню и, не говоря ни слова, отошел ко второму официанту, который, наклонившись, что-то взбалтывал на другом конце бара.

— Я вижу в вашем взоре классовую ненависть к этому замечательному заведению, — повернувшись ко мне и слегка проглатывая окончания слов, произнес сидевший рядом толстяк.

— Это точно, — оторвавшись от созерцания разноцветных бутылочных этикеток, оскалился я. Не могу сказать, что ненависть была чисто классовая, но содержимое большинства выстроенных в ряд бутылок мне было не по карману даже в день получки.

— И зря. Какая может быть социальная несправедливость в наше время? — Мой собеседник отпил ядовито-зеленый коктейль, налитый почему-то в коньячную рюмку, пригладил бородку и продолжил: — Эксплуатация сейчас отсутствует как явление, а пролетариат как класс. Не хочешь работать на чужого дядю — не работай. Не желаешь создавать кому-то прибавочную стоимость — не создавай.

— А на покушать и прочие естественные надобности где деньги взять? — Я развернулся вбок, поставил локоть на стойку и оперся на руку. Почему бы не пообщаться? Тем более что собеседник пусть и поддатый, но свои мысли излагает вполне связно. Одет грузный мужчина был вполне прилично: вельветовые штаны, потертый пиджак с кожаными вставками на локтях и туго обтягивающий животик шерстяной свитер.

— На себя работай! Земель свободных всем хватит. Не умеешь пахать да коров доить — лес вали, дома строй или торговлей займись. Никто тебя не ограничивает. — Словно подтверждая свои слова, толстяк залпом допил плескавшийся на дне рюмки коктейль. — Я вот здесь каждый день обедаю, но в жизни своей ни разу никого не эксплуатировал. Всего достиг своим потом и кровью.

— Скорее своим потом и чужой кровью, — поправил его я.

— Почему это?

— На своей крови столько даже почетный донор СССР не заработал бы. — Мне начал надоедать этот разговор.

— Ну не скажите, донорам в СССР все условия создавали. — Толстяк повертел рюмку в пальцах и со стуком опустил ее на стойку. — Маугли, еще «Зеленого джина»!

— Господин Долгонос, я вам неоднократно повторял, что меня зовут Мангольд Грин, а не Маугли. — Второй бармен развернулся и поставил перед клиентом новый коктейль.

Ого, не знал, что в Форте негры встречаются. Не иначе дитя Олимпиады — уж больно чисто по-русски шпарит. Акцент абсолютно не замечен. Его в бар из-за экзотической внешности пристроили или действительно специалист по этому делу?

— Да какой ты Грин? Ты ж чистой воды Блэк! — развеселился толстяк.

— Тогда и вы не Долгоносов, а вовсе даже Толстопузов, — сверкнул белыми зубами негр и отвернулся делать очередной коктейль.

— Ну вот, а вы толкуете о какой-то эксплуатации. И это, по-вашему, угнетенный и нещадно эксплуатируемый наемный работник? — Долгоносов, похохатывая, повернулся ко мне. Я покачал головой. Пусть как хотят, так и развлекаются. Два клоуна, блин. Было б можно выпить — вместе с ними бы посмеялся. А насухую — увольте.

Внезапно я почувствовал, как кто-то уставился мне в спину. Нехороший взгляд уколол в печень, ледяными иглками пробежался вверх по позвоночнику, замер на мгновение под левой лопаткой и уткнулся в основание затылка. Не торопясь, я развернулся на стуле и оперся спиной на барную стойку. Кто это мной заинтересовался? Неужели кто-то из двух собеседников Ильи, которые уже встали из-за стола и шли к выходу? А не Кузнецов ли это? Точно, тот парень, что раньше сидел ко мне спиной оказался Олежей Кузнецовым. Неудивительно и то, что он сразу показался знакомым, и то, что так злобно на меня зыркнул — с Мишей Стрельцовым они не разлей вода. О чем это они с Ильей беседовать могли? Рейд вдруг перестал казаться мне такой уж безопасной возможностью срулить из Форта — Дрон ведь тоже колдун. Дела...

Я соскочил со стула и направился к Илье. Официант выставил на стол две рюмки с коньяком и блюдо с нарезанным лимоном, без суеты сложил грязные тарелки и приборы на поднос и понес их на кухню.

— Присаживайся, — махнул рукой Илья на освободившееся место напротив.

Второй подхватил рюмку и отодвинулся на край стола. Я все понимаю — пахнет от меня не шибко приятно, но зачем же так демонстративно? Кстати, а не братья ли они? Черты лица больно уж схожи. Отпусти второй парень волосы до плеч, поставь контактные линзы, меняющие цвет глаз на серый, да сбрось килограммов пятнадцать лишнего веса — и получилась бы более молодая версия Ильи. А если при этом сменить джинсовый прикид на строгий костюм, то, уверен, и хорошо знающие их люди начнут ошибаться.

— Слава, когда наши подойти должны?

— Оля к половине четвертого обещала.

— Время есть. Для начала с маршрутом определимся. — Илья достал из черной кожаной папки карту и развернул ее на столе. — Тебе что-нибудь заказать?

— Нет, спасибо, — отказался я.

— За счет Дружины, — уточнил тот.

— Пообедал уже.

— Выпить?

— Сначала дела, потом видно будет. — Я не скромный и за чужой счет выпить никогда не откажусь — особенно в таком заведении, — но сегодня не судьба. Как не вовремя меня продырявили! Зато теперь я весь из себя принципиальный и независимый.

— Дела так дела, — не стал настаивать Илья. — Тот маршрут, который предлагал Крест, затягивает рейд на две недели. Руководство поставило задачу уложиться в неделю, максимум в десять дней. Поэтому от правильно выбранного маршрута зависит очень многое, если вообще не все.

— А что там выбирать-то? — не выдержал баюкающий пузатую рюмку в ладонях Слава, зажал сигарету в зубах, развернул к себе карту и прочертил пальцем прямую от Форта до Волчьего лога. — Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. Тем более здесь и дорога приличная. Я не прав?

— Прав, конечно, — согласился я. — Но скажи мне как топограф топографу, что эти синенькие черточки на карте обозначают?

— Ляховская топь, — сообщил тот не задумываясь и вдавил окурок в дно пепельницы. — В зимнее время вполне проходима. Там и гать есть.

— Теперь, думаю, вопрос будет к тебе как к метеорологу, — невесело усмехнулся Илья.

— Точно. На градусник сегодня смотрел? — откинулся я на спинку стула. — Если завтра будет так же тепло, как сегодня, мы даже до середины гати не дойдем.

— А если не будет? — скривился, надкусив дольку лимона, Слава. Кто ж хороший коньяк лимоном закусывает?

— Что ты предлагаешь? — пригубив коньяк, поинтересовался Илья.

— С юга обойти Ляховскую топь и, дойдя до развилки на Еловый, повернуть к Волчьему логу, — я посмотрел на карту, — потом двинуть напрямую к Снежным Пикам — там даже после Лудина хутора попадают. День на севере, и можно возвращаться к Ключам.

— Так, послезавтра к вечеру вы будете в Волчьем логе, потом еще день... — начал прикидывать Илья. — В принципе должны уложиться. Но,

если завтра подморозит, идете напрямую — так полдня экономите.

— Разумеется. — Завтра видно будет.

— Вон, приперлись уже твои орлы, — кивнул мне за спину Слава.

Я вполоборота развернулся посмотреть, кого это он имеет в виду. Для того чтобы с первого взгляда понять, с кем придется идти в рейд, не надо было обладать выдающимися дедуктивными способностями — у входа смущенно топтались двое патрульных в одинаковых светло-серых камуфляжных куртках, расписанных более темными разводами. Больше ничего одинакового в них не было. Один чуть повыше меня, второй макушкой едва достает ему до середины груди. Длинный — упитанный, низкий — худой как щепка. Первому далеко за тридцать, его напарнику больше четвертака не дать. Почти сразу к ним подошел официант, что-то сказал — те утвердительно закивали — и провел к столику в углу. Правильно, нечего уважаемым клиентам глаза мозолить. Не успел я развернуться, как в зал, запыхавшись, влетел Макс. Увидев меня, он остановился, но все понял правильно и пошел за патрульными.

— Эти здесь зачем? — повернулся я обратно.

— Познакомитесь. Заодно и инструктаж проведешь сразу.

— А что это за идея отправить с нами новичка?

Братья переглянулись, но ответить не успели. К столику подскочила светловолосая девица, чмокнула в щеку Славу и уселась на колени к Илье.

— Не соскучился, дорогой?

— Конечно, соскучился, Олечка. — Илья обхватил ее за талию и усадил на свободный стул. — Займите кабинет. Мы сейчас закончим с делами и сразу к вам подойдем.

— Да, зачем Николаю непременно отправляться в этот рейд? — слегка дрожащим голосом поддержала меня девушка, подошедшая в компании молодого человека. Странная парочка. Несомненно, попали в Форт очень недавно, но выглядят вполне уверенно, только у девушки взгляд немного затравленный. А она хорошенькая. Темные волосы подстрижены каре, бежевые брючки и кофточка облегают стройную фигурку. Не знаю, кому как, а мне веснушки нравятся. Насчет ее спутника что-либо определенное сказать трудно. Вид у него вроде вполне спортивный, а что короткие волосы обесцвечены и серьга в левом ухе, так мало ли у кого какие причуды.

— Оксана, Николай, познакомьтесь — это командир патрульной группы, — попытался разрядить обстановку Илья.

— Николай Ветрицкий, — представился парень. Девушка промолчала.

— Лед, — пожал я протянутую руку.

— Слава... — Илья выразительно посмотрел на брата.

— Пойдемте в кабинет. Чем меньше мы будем Илье мешать, тем скорее он освободится. — Слава подхватил одной рукой под локоть Олю, второй Оксану и повел их на второй этаж. Ветрицкий отправился следом.

— Иначе никак нельзя. Этот рейд очень важен для Форты, и после возвращения из него мы сможем устроить Николая на хорошую должность в Дружину. — Пока они не отошли, было слышно, как Слава расписывает необходимость участия Николая в рейде. — Но не будем о грустном. Сейчас я настоятельно советую заказать венгерский суп-гуляш, фирменную форель, креветок в ананасе и шампанское, но только шампанское непременно настоящее — французское.

Вроде все верно Слава говорит, но что-то мешало поверить этим объяснениям. Как-то странно Слава на Оксану посматривал. В Форте вообще женщин меньше, чем мужчин, а уж таких симпатичных... Рассчитывает, что она своего парня не дожидется? Я сглотнул вновь набежавшую слюну и, вспомнив Долгоносова, задавил классовую ненависть в зародыше. Ничего, будет и на нашей улице праздник.

— Ну что, перейдем к матобеспечению? — Илья проводил взглядом поднимающуюся по лестнице компанию и вернулся к прерванному разговору.

— Перейдем. Макс, — махнул я рукой, — иди сюда!

— Вот талоны на сухой паек и разрешение на вынос оружия. — Илья выложил из папки пропечатанные печатями Патруля и Дружины бланки заказов на снабжение и разрешений на вынос оружия из арсенала.

— Это все, конечно, замечательно. — Я просмотрел бланки, сложил листы и сунул их в карман. — Но почему харч только на троих?

— У первой роты склад собственный. Те двое все необходимое уже должны были получить.

— Тогда остается вопрос по оружию и патронам. — Я указал подошедшему Максиму на стул напротив: — У тебя какой автомат?

— «Хеклер и Кох». Модель не скажу, но под сорок пятый.

— Надо заменить на АК и патронов рожка четыре. Плюс автомат с патронами для новенького. — Отодвинув протянутый мне Максом стакан с вином, я забарабанил пальцами по столу, ожидая ответа.

— Договорились, но только под замену. И четыре рожка на двоих.

— Мало.

— Вы не на войну собираетесь, — отрезал Илья.

— Как на замену? — всполошился Макс. — «Хеклер» мой собственный.

— После возвращения обратно поменяешь. Что еще?

— По две осколочные гранаты каждому, сорок патронов двенадцатого калибра с картечью и еще десять с серебряным зарядом, — перечислил я. Принцип простой: проси больше и, может быть, получишь столько, сколько надо. Главное, не перегибать палку.

— По две гранаты слишком жирно будет. Три лимонки и двадцать патронов. Про серебро можешь забыть — смету за этот год уже выбрали.

— Зашибись. А расход собственного серебра мне потом возместят? Нет? Понятно... — Другого ответа я и не ожидал. — Три спальника и палатку. Макс и Николаю обереги от сглаза и морока.

— Интендант меня кастрирует, — закатил глаза Илья. — Спальников два — одновременно все дрыхнуть так и так не будете. И учти: все под твою личную ответственность.

— Понятное дело. Еще — бинокль, три маскхалата и лыжи новенькому.

— Деньги когда за рейд выплатят? — влез в разговор Макс.

— Вместе с жалованьем. — Илья закончил составлять перечень требуемого снаряжения, приложил к нему печатку — на бумаге остался выжженный вензель — и протянул мне. — Держи. Надеюсь, все?

— Все.

— Николая можешь не дергать сегодня?

— Не получится. Сейчас он не нужен, но часа через три пусть на склад подходит.

— Передам. — Илья встал из-за стола, подхватил папку и пошел к бару.

Неплохо. Конечно, можно было попытаться выбить больше, но настроение не то. Да и мутит меня что-то.

Двадцать патронов должно хватить, плюс еще свои возьму. Надо только серебром сегодня начинить.

— Кто это тебе под глаз засветил? — сбил меня с мысли Макс.

— В косяк не вписался.

— Неплохая боксерская техника у косяка оказалась, — съехидничал тот.

— Пошел ты.

— Да ладно. Видел тех двоих с первой роты?

— Видеть видел, но не разговаривал еще. — Я оглянулся на столик, за которым разместили патрульных. Куртки они повесили на спинки стульев, на столе лежал здоровенный тесак с локоть длиной. — А что такое?

— Те еще кадры. У одного погоняло Стрига, у второго Коммандос, — заулыбался Макс.

— Коммандос — это длинный?

— Длинный — это Стрига, сокращенно от Стригущего Лишая. Коммандос мелкий.

— Как-то внешний вид не соответствует, — усомнился я.

— А знаешь, как он кликуху заработал? Они какую-то банду в развалинах заводика на промзоне выслеживали. Ну, целый день на улице проторчали, а мороз градусов за сорок. Так вот, банду выследили, но надо через окно на втором этаже в цех залезть — дверь остальным открыть. Догадываешься, кого на это дело подрядили? Правильно, самого мелкого. Он и полез. А чтобы нож можно было быстрее достать — он его в зубах зажал.

— Дверь открыл?

— Открыл, но еще полчаса потом с ножом во рту ходил — пока тот от губ не отмерз.

Я усмехнулся. Если Макс не брешет, то ротный был просто счастлив от таких бойцов хотя бы на время отделаться.

— Оп-па, — вздрогнул от неожиданности Макс, когда электрические лампы на мгновение погасли и загорелись уже более тусклым светом. — Это что?

— На стене прожекторы включили. Что-то рано сегодня, — ответил я, и в это время кто-то зажал ладонями мои глаза. Я едва успел остановить руку, рванувшую клинок из ножен, — аромат духов, донесшийся сзади, был знакомым.

— Не знал, что ты подобные заведения посещаешь. — Дыхание удалось успокоить, и мой голос почти не дрожал.

— Решила развеяться. — Катя присела рядом, вытащила из пачки тонкую сигарету — я поморщился — и прикурила от изящной серебряной зажигалки. — И сразу так повезло.

Я невольно ею залюбовался. Хороша, чертовка! Она и раньше не была дурнушкой, а уж с подведенными глазами, мастерски наложенным, но неброским макияжем и якобы в беспорядке растрепанными волосами — уверен, парикмахер над этим беспорядком трудился не меньше часа — была неотразима. Впрочем, я мог быть необъективным. Я ее любил.

— Как у тебя дела?

— Как сажа бела, — звонко рассмеялась она, поправила достигающие плеч рыжеватые волосы с обесцвеченными прядями и, прищурившись, уставилась на меня своими зелеными глазищами. — Ты как?

— Нормально. Гляжу, Сестры неплохо живут. — Серьги белого золота, цепочка с отделанным бриллиантами и изумрудами кулоном, кольцо с

сапфиром и брошь-паутинка на кофточке говорили о многом.

— Приходится крутиться.

Подошел официант, заменил пепельницу и замер с блокнотом около столика.

— Что будете заказывать?

Макс отпил вина, покачал головой и хотел уже встать из-за стола, но поймал мой взгляд и опустил обратно.

— Мне «Июньскую зарницу». Тебе, Лед, что?

— Бокал иллюзий и льда не забудьте добавить.

— Простите? — не понял шутки официант.

— Не паясничай, Скользкий. Ему «Амнезию». — Катя погрозила мне пальцем. — Я правильно помню — это твой любимый коктейль?

— Извините, — бедный парень совсем растерялся, — но в нашем перечне такого коктейля нет. Если вы скажете, как его готовить...

— О, ничего страшного. Это очень просто: двести граммов коньяка и пол-литра темного пива. Не взбалтывать, не смешивать, пить отдельно.

— Спасибо, ничего не надо, — помотал я головой.

— Ты, никак, с похмелья? — удивилась Катя, пристально посмотрела на меня, потом ухватила за подбородок и развернула лицом к свету. — А... Нет, знаете, он ничего не будет. Только «Июньскую зарницу», пожалуйста.

Я убрал ее руку и развернул стул так, чтобы сидеть к ней лицом.

— Кто это тебя? — выдохнув струю дыма и положив сигарету в пепельницу, поинтересовалась она, когда официант ушел.

— Так, не повезло, — отмахнулся я. — Ты не знаешь, какие у «Синего доктора» побочные эффекты есть?

— Тебе видней.

— Я серьезно.

— Ну, если серьезно. — Катя закрыла глаза. — Одышка, сильное расширение зрачков, учащенное сердцебиение, повышенное потоотделение. Также могут наблюдаться головокружение, приступы беспричинного страха и обострение симптомо-комплексов различных психических заболеваний.

— А вспышки немотивированной агрессии?

— Это уже твое личное.

Вернувшийся официант выставил перед Катей высокий бокал с лимонно-желтым коктейлем. Она последний раз затянулась, потушила сигарету и взяла соломинку.

— Хорошо здесь, публика приличная, но только охрана чересчур наглая, — Макс развернулся на стуле и начал рассматривать висящую над

баром картину. — Я одного с кривым носом чуть не прибил. Кстати, что мне за него было бы?

— Ты раньше с законом неприятности имел? — оторвалась от соломинки Катя.

— Нет.

— Тогда до стены бы прогулялся.

— Это как? Расстрел?

— Нет. Тем, кто первый раз серьезно залетает — если есть смягчающие обстоятельства, само собой, — предлагают на выбор или срок в штрафном отряде, или прогуляться до стены. Выводят тебя за городские стены полуголодного, без оружия и еды. И дается тебе срок — сутки, чтобы прямо к стене Форта подобраться. Подберешься — молодец, не сумеешь — труп.

— Не понял, а в чем смысл? — захлопал глазами Макс.

— Все просто, — решил я закрыть тему. — Человеку дают шанс начать все сначала. К тому же все в выигрыше — гарнизону тренировка, букмекерам ставки. В последнее время, правда, сразу в штрафной отряд отправляют — вроде с тотализаторов перестали Дружине долю отстегивать. Или людей в штрафном отряде не хватает...

— То есть завалил человека — прогулялся до стены и живи спокойно дальше?

— До стены доходит хорошо если каждый двадцатый. Но тебе это не грозит. Патрульных прямиком в штрафники отправляют.

— Ты Скользящего слушай, он знает, что говорит.

Меня аж передернуло. Не нравятся мне такие намеки.

И разговоры о прогулке до стены тоже. До сих пор кошмары снятся, что ползу я по заснеженному полю, а лучи прожекторов проходят все ближе и ближе. Мне до мертвой зоны всего ничего осталось, но руки, ноги скользят, с места не сдвинуться... Прожектор меня высвечивает... Тут я всегда просыпаюсь в холодном поту. Боюсь, однажды проснуться не получится.

— Слушай, а почему у тебя такие прозвища странные: Лед и Скользящий? — Макс уже почти допил вино, и молча сидеть ему было неинтересно.

— А как еще назвать эгоистичного, холодного ублюдка, у которого вместо сердца кусок льда и который готов перегрызть глотку любому, кто скажет хоть слово против? — на одном дыхании выдала Катя и продолжила спокойно потягивать коктейль.

— Алиса и Лариса случайно не твои лучшие подружки? — У меня

появилось подозрение, от кого она могла наслушаться про меня всяких гадостей.

— Не понимаю, о чем ты, — поморщила носик Катя.

— Да ну? — не поверил я, но заострять тему не стал. — Кстати, насчет любви ты не права — я тебя люблю.

— Ты?! Не смей меня! Может, и когда Стрельцову здесь ребра ломал, — повысила голос Катя, а Макс подавился остатками вина, — ты обо мне думал?!

— О тебе, — не стал спорить я. Можно подумать, Стрельцов ко мне приставал.

— Да не ври ты хоть сейчас! О себе ты думал и жалел только себя! Думай ты о других, меня бы не выгнали из Гимназии, — покраснелась Катя. — Ты посмотри на себя! В кого ты превратился? Алкоголик и убийца!

Вот и поговорили. И чего она завелась? Я хотел было ответить, но на языке вертелось только что-то на редкость злое и язвительное. Лучше промолчу. Если смогу.

— Ну что ты молчишь?

— Где твои крылья, которые?.. — На сей раз я отмалчиваться не стал.

— Своих слов нет, чужие ворует? — Катя успокоилась, достала косметичку и принялась разглядывать ресницы в маленькое зеркальце. — Умеешь ты настроение испортить...

— Я этот разговор начал?

— Да неважно, кто его начал. — Катя допила коктейль, вытащила из косметички небольшую брошь и сунула мне. — Это тебе. С праздником.

— С каким? — оторопело спросил я и машинально взял маленькое стилизованное изображение паука с синим крестом на спине. Пальцы уколол разряд магической энергии.

— Зимнее солнцестояние завтра, — ответила она, встала из-за стола и пошла к выходу из зала.

— Спасибо, — пробормотал я себе под нос. Хотя знать буду, какие праздники Сестры Холода отмечают. Вернусь из рейда — с Новым годом поздравлю. А паук — это действительно оберег. Штука полезная: улавливает направленную на владельца негативную ментальную энергию и обостряет интуицию. Теоретически человек должен почувствовать, что его хотят застрелить, до того, как убийца нажмет курок. Но это теория. На практике, если стрелок не испытывает личной неприязни к жертве, то заряд свинца намного опередит амулет.

— Пошли. — Я прицепил паука на кофту, встал из-за стола и направился к патрульным, которые вольготно расположились за столом в

углу зала. Максу хватило ума не комментировать мой с Катей разговор, и он молча потопал следом.

— В рейд выходим завтра на рассвете. Встречаемся в семь на дороге у восточных ворот, — сразу перешел я к делу.

— А че так рано? Зачем так спешить жить, командир? В полдень выйдем — и нормалек. — Коммандос рыгнул, пьяно ухмыльнулся и поставил под стол пустую бутылку из-под водки. — И я не понял, почему нас не обслуживают? Распорядись, а то непорядок...

— Ты, тварь, меня с официантом попутал? — Я ухватил мелкого за кадык и слегка сжал пальцы. Осадок, оставшийся от разговора с Катей, дал о себе знать. Хорошо, хоть Стрига не шелохнулся, а то обоих прямо тут положил бы. — Выметывайтесь и чтоб завтра в семь как штык. Опоздаете — на куски порублю.

Отпустив кадык патрульного — он, зажав горло ладонями, рухнул на стол, — я развернулся и пошел к гардеробу.

— Ты что сидел? — откашлявшись, недоуменно прохрипел Коммандос, обращаясь к приятелю.

— Я что, горем убитый? Лед же больной...

Я забрал свою фуфайку, похлопал по карманам, проверяя наличие оставленных там вещей, и вышел на улицу. Макс застегнул полушубок и тоже вышел из ресторана:

— Круто ты с ними.

— Круто будет, если опоздают, — сплюнул я, подошел к ограде и едва успел ухватить за рукав Макса, который хотел выйти на тротуар перед идущими неспешным шагом шестью парнями, одетыми во все серое. Двигались они удивительно слаженно, словно являлись одним целым. — Обожди.

— Ты чего? — удивился тот и ткнул рукой в вышитые на спинах шестерни. — Это ж цеховики, сам вчера гонял.

— Цеховики разные бывают. — Я дождался, пока парни отойдут подальше, и лишь потом отпустил рукав. У одного на щеке была вытатуирована обвитая колючей проволокой шестеренка. Мастер в Цехе не самая большая шишка, но с боевой бригадой лучше не связываться — затопчут. Бригады — это основная штурмовая сила Цеха. И, если бы не их малочисленность, Цех давно бы уже занял место в городском Совете. Малочисленность объяснялась тем, что подходящие люди встречались очень редко: в процессе подготовки требовалось настолько слиться с остальными членами группы, что человек с развитым индивидуализмом на это был просто не способен. Имелся и другой подводный камень: слишком

внушаемые люди полностью становились частью бригады и самостоятельно не могли даже в туалет сходить. — Есть шелупонь подзаборная, есть люди серьезные.

— Это крутые?

— Можно и так сказать — самые крутые шестерней себя никогда не пометят. Верхушка Цеха — директорат — всегда находилась в тени и личности свои не афишировала.

— Сейчас куда?

— Сначала до западного арсенала за оружием. Потом на склад.

— Такой крюк делать!

— И что ты предлагаешь? — Действительно, крюк выходил немаленький. Как бы я не спекся, а то опять дыхалка садиться начала.

Мы уже дошли почти до перекрестка с Красным проспектом, когда сзади раздался смутно знакомый звонок и металлическое дребезжание. Как по команде мы с Максом обернулись и, не сговариваясь, одновременно выматерились от избытка чувств. По бульвару ехал трамвай. С нормальным пассажирским транспортом этот имел мало общего. Наверное, неизменной сохранилась только кабина водителя. Все остальное было безжалостно срезано, а на освободившейся платформе смонтировали два миномета. Обслуживающие их солдаты сейчас весело бегали по трамваю и свистели прохожим. Ну-ну, посмотрю я, как вы в сорокаградусный мороз кататься будете.

— Что случилось-то? Война началась? — вырвалось у ошарашенного Макса.

— Уйди с дороги, деревня. Война! — Нас обогнали два дружинника. — Не видишь, учения.

— Ты чего? С коллегами можно и помягче, — покосился на белый полушубок Макса второй.

— Это пэпээсники-то нам коллеги?

Дружинники, перешучиваясь, прошли мимо. Мы дождались, когда трамвай скроется из виду за изгибом бульвара, и тоже двинулись дальше. Пока шли до арсенала, поспорили, порвет ли при выстреле из миномета контактную сеть, не сойдет ли при этом трамвай с рельсов и зачем вообще понадобилось запускать этот бронепоезд. Насколько я помнил, трамвайное кольцо на всем своем протяжении за пределы городских стен не выходило. Получается, если рельсы очистили и провода восстановили полностью, скорая артиллерийская помощь могла за считанные минуты оказаться на любом участке стены. Очень удобно, но только совершенно непонятно, у кого хватит сил штурмовать Форт. Сколько ни думал, на ум приходил

только Город. Со всеми остальными гарнизон справился бы собственными силами.

Забрать оружие из шкафчиков не составило никаких проблем, а вот чтобы добиться разрешения на его вынос в Форт, пришлось повозиться. Сначала сержант на пропускной наотрез отказался даже разговаривать с нами и велел приходить завтра. Пришлось объяснить ситуацию и возможные последствия лично для него. Тогда ему не понравились подписи, а потом размазанные печати.

— И вообще — идите сначала заявку нормально оформите. И подписать не забудьте у Громова, — заявил он. — Вот тогда хоть танк выносите.

— И где мне его сейчас искать? — начал звереть я. Да чтобы любую занюханную бумажку у начальника гарнизона подписать, надо столько виз собрать, сколько не на всякой бродячей собаке блох прыгает.

Пришлось сходить за Смирновым, который, к счастью, оказался на дежурстве. Моментально разобравшись в ситуации, он вправил сержанту мозги, и проблемы разрешились сами собой: и подписи стали нормальными, и печати четкими, а про Громова даже не вспомнили.

Я вышел из подземного перехода и расстегнул фуфайку. Жарко. Что-то мне нездоровится. Горло пересохло, хоть снег ешь. Мне б прилечь, поспать суток двое-трое...

— Слышь, Макс. — Я вытащил бланки заказов на снабжение и протянул ему. — Что-то мне плоховатенько. Не дойду я до склада, давай-ка ты один. Ты же там был уже?

— Был. — Макс забрал бумажки. — К кому подойти?

— Лучше сразу к кладовщику. Там тебя Ветрицкий ждать будет, подбери ему что-нибудь. Все, завтра в полседьмого у восточных ворот.

— Пока.

Я закинул полученную двустволку на плечо и побрел к Яну. Неужели этот день никогда не закончится?

— Привет, — помахал мне бутербродом с колбасой Вениамин, когда мне кое-как удалось доковылять до прилавка и облокотиться на него.

— Ты все жрешь? — Я выпрямился и положил ружье перед приказчиком.

— При напряженном интеллектуальном труде требуется полноценное и сбалансированное питание. — Вениамин отложил бутерброд на газету. — Это ограбление?

— Точно. стакан воды или жизнь. — Шесть часов должны уже пройти. В любом случае больше ждать сил нет.

— Да пожалуйста. — Торговец достал пустой стакан и пластиковую двухлитровку «Колы». — Угощайся.

— Не. Ты вообще читал ее состав? Эту гадость не пью, — замотал я головой. Еще вступит в какую-нибудь реакцию с компонентами «Синего доктора», тогда точно загнусь. Да и стоит она будь здоров, потом каждым глотком попрекать будет. — Воды дай.

— Ой, какие мы привередливые. — Вениамин наполнил стакан из чайника. — Чего пришел?

— Штуцер еще никому не загнал? — спросил я, когда выпил воду до последней капли. В животе заурчало, но рези не было.

— Ты хочешь сказать, у тебя появились лишние две сотни золотом? — удивился приказчик.

— Сто шестьдесят.

— Двести.

— Не понял?

— А инфляция?

— Сто шестьдесят... Я инфляцию не беру, можешь засунуть ее себе в одно место.

— Нет, вы посмотрите на него. Всю воду выдул и еще хамит. — Вениамин махнул рукой. — Черт с тобой, сто восемьдесят. Двадцать винтовочных патронов сверху.

— Давай сорок и сто девяносто, — предложил я. Винтовочные патроны вещь специфическая, лучше сразу больше взять, чем потом по всем оружейным лавкам рыскать.

— Не торгуйся — не на базаре, — не согласился торговец. — У меня патронов только двадцать.

— Должен будешь. — Я выложил на прилавок две пачки тысячных ассигнаций, подождал, пока Вениамин разорвет обертку и пролистает купюры — есть у него маленькая слабость, не любит деньги из рук выпускать — и только тогда добавил: — Деньги, правда, паленые.

— В смысле? — оторвался от бумажек приказчик.

— Ну, их бы не светить пока, — замялся я.

— Двадцать процентов, — поставил условие Вениамин.

— Да без вопросов, — не колеблясь, согласился я. Нормальный процент для такого дела. Задарма никто тебя прикрывать не будет, а так он лично в сохранении тайны заинтересован. Кроме того, с учетом старого ружья денег хватает. — Только лучше будет, если деньги из Форта уйдут.

— Я тебя спрашиваю, кого ты на двести тонн опустил? — Вениамин кинул деньги на прилавок и в упор посмотрел на меня. — Нет? Вот и ты не

учи меня деньги отмывать. Договорились?

— Договорились.

— Проверяй товар. — Вениамин сгреб купюры, достал из-под прилавка сверток с ружьем, протянул мне и вытащил из сейфа пломбир, пломбу, сквозь которую уже была продета проволока, и журнал регистрации. — Только и научились, что черный нал в белый литр переводить, а уже с советами лезут.

— Не, пломбу не надо, — не стал обращать на его ворчание внимания я, размотал сверток и достал штуцер. — У меня разрешение есть.

— Показывай.

— Блин, я его Макс у отдал, — хлопнул я себя по лбу. Они ж вместе с талонами на снабжение были!

— Номер хоть помнишь?

— Не-а.

— Тогда жди, пока спусковые запломбирую. Я из-за тебя лицензию терять не собираюсь. — Вениамин забрал у меня ружье, продел проволоку в скобу, как-то по-хитрому замотал оба курка и всунул второй конец проволоки в пломбу. Я только покачал головой — тормознули бы меня дружинники с двустволкой, замучился бы отмазываться. А теперь полный порядок: с опечатанными курками никто не докопается. Из какого сплава отливались эти самые пломбы, никто, кроме чародеев, не знал. Причем проверить их подлинность мог любой дружинник — настоящие даже на тридцатиградусном морозе оставались едва заметно теплыми. Все пломбы были номерными и учитывались как в Дружине, так и в специальном журнале продавца оружия. Снимать их могли только на пропускных пунктах при выносе оружия из Форта за городскую стену.

— Что, Лед, арсенал обновляешь? — бесшумно ступая в меховых тапочках по полу, подошел Ян Карлович.

— Ага. Решил вот чуток прибарахлиться, — кивнул я, забирая опломбированное ружье у Вениамина и заворачивая его в сверток. — Патроны гони.

— Бери. — Приказчик кинул на прилавок зазвеневший при ударе о доску мешок. — Двадцать, можешь не пересчитывать.

— Верю. — Пришлось разворачивать сверток и класть патроны к ружью.

— Ну-ка повернись, — попросил меня Ян, уже собиравшийся пройти в свой кабинет.

— Что такое? — не понял я, но развернулся к нему лицом.

— «Синий лекарь»? Кто тебя?

— Да наркоманы какие-то. — Про Семёру говорить нельзя — ни к чему это. Сговорились они все сегодня, что ли? Кто да кто? Конь в пальто.

— Тебя наркоманы ограбить хотели? Кому Расскажи — не поверят: Скользкий — жертва грабежа! — заржал Вениамин, но под взглядом хозяина моментально заткнулся.

— С чего взял, что наркоманы? — На мой взгляд, Ян слишком серьезно отнесся к этому случаю.

— Да у них глаза полностью синие были, даже зрачков не было видно. — Я закинул сверток на плечо и подошел к двери. — До свидания.

— Заходи еще, — как-то вяло отозвался Вениамин, а Ян так и вообще промолчал. Странные они какие-то сегодня.

Пока шел до дому, правое плечо под тяжестью ружья онемело, но переложить на левое было нельзя — раненую руку начало ощутимо ломить. Ничего, главное, чтобы за ночь все прошло. Когда спустился в подвал морга, специально зашел к Гадесу узнать, сколько времени, а придя к себе, первым делом завел старый помятый будильник на пять утра. Сегодня ни собрать вещи в рейд, ни начинить серебром патроны уже не получится. Еле на ногах держусь, штормит и к земле клонит. Но на одно дело время я потратил — достал свою серебряную фляжку и наполнил ее самогоном из литровой бутылки, уже на три четверти пустой. Традиция. А потом, даже не раздевшись и не расстелив одеяло, завалился спать. Будем надеяться, утром проснусь.

Часть вторая

Рейд на север

*Дана отмашка, путь открыт,
И ты, не думая, идешь,
Дорога под ноги бежит,
А ты все ждешь, пока живешь.
Может, когда-нибудь
Найдется лучший путь,
И время — не беда,
Ну а пока ты жив —
Перед тобой лежит
Дорога в никуда.*

«Черный обелиск»

Глава 6

Говорят, жизнь как зебра — полоса черная, полоса белая. Что-то в последнее время у меня такая же ерунда с пробуждениями. В Нижнем хуторе нормально проснулся — позавчера с похмелья голова раскалывалась, вчера с утра жизнью вполне доволен был — сегодня чуть дуба не дал. Что ж такое творится?

Это утро стало самым жутким, пожалуй, за последние года полтора. Дело не в том, что встать пришлось в пять утра (к ранним подъемам все патрульные привыкают быстро), — просто, когда попытался подняться с матраца, меня так скрутило, что минут десять пришлось расслаблять сведенные мышцы. Все тело болело, поясница не сгибалась, а во рту стоял пронзительно-горький привкус — наглядное подтверждение того, что «Синий доктор» с печенью вчера особо не церемонился. Положительных моментов два: голова была совершенно ясной, а под снятым с плеча бинтом обнаружилось только пятно бледно-розовой кожи — от раны не осталось и следа.

Сейчас я топтался на входе в восточный пропускной пункт и прикидывал, что сделаю с Максом и Ветрицким, когда они наконец появятся. Время было уже без четверти семь. Еще не хватало опоздать на встречу с патрульными из первой роты. Зря их вчера строил, что ли? Настроение, бывшее не самым лучшим с момента пробуждения, неуклонно портилось по мере того, как минутная стрелка на часах в караулке, куда я забегал погреться, приближалась к семи. Нет, сегодня день просто исключительный, все ведет к тому, чтобы устроить этим разгильдяям разнос: встать пришлось ни свет ни заря, патроны серебром начинить не успел, печень давит, а Дед Мороз, устроивший вчера себе выходной, вышел в ночь и начал ударными темпами наверстывать упущенное — ртутный столбик на термометре за окном караулки опустился до минус тридцати. У нас нередко бывает и холоднее, но после вчерашнего потепления ощущения жуткие.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я в очередной раз начал мысленно проверять амуницию. Вроде все на месте, но мало ли. Ружье с пока еще не снятыми пломбами на плече, часть патронов в патронташе рядом с ножнами, остальные вместе с испорченным «Драконьим яйцом» в брезентовой сумке. Другие артефакты и разная мелочевка — небольшой

котелок, аптечка, железная кружка, ложка с вилкой, банка тушенки, моток серебряной проволоки, запасные теплые носки и белье — убраны в вещевой мешок. Пара метательных ножей в нашитых на штанах ножнах, зажигалка в кармане. Кажись, ничего не забыл.

Холодно. Ботинки, толстые ватные штаны, кофта, теплое белье, мохнатый шарф, фуфайка и шапка-ушанка от мороза защищают неплохо, но нос мерзнет даже под опущенной на лицо вязаной шапочкой. Я потоптался на месте, поправил заткнутый за пояс топор и, подхватив с присыпанной снегом лавочки вещмешок и лыжи, заскочил в караулку. На часах без десяти семь. Они что, мое терпение испытывают?

В просторном и казавшемся еще больше из-за отсутствия мебели и побеленных стен помещении было холодно и сильно накурено. Дымили все: солдаты гарнизона, сидевшие в отгороженном решеткой закутке, развалившиеся на лавках ремонтники, по случаю холодной погоды вовсе не горевшие желанием отправляться на обход стены, и слоняющиеся без дела дружинники, забредшие сюда с улицы погреться. Больше заняться нечем, что ли? Я отошел от двери подальше, бросил на пол вещевой мешок, прислонил лыжи к стене и закатал шапочку на лоб. Пару минут погреемся — и снова на свежий воздух.

Распахнулась дверь, в караулку начали заходить хмурые и невыспавшиеся патрульные с роты дальней разведки. Они молча проходили через комнату и исчезали в двери, ведущей во внутренние помещения. Мелькали знакомые лица, но никто даже не поздоровался. Элита Патруля, блин. Как бабки получать — так элита, а как снежных людей караулить — так в кусты. И все ведь в полушубках из шкур серков. Интересно, куда это «белые люди» в полной боевой выкладке собрались?

— Здравствуйте, — поздоровался я с Крестом, зашедшим вместе с патрульными.

— Здравствуй. — Крест на мгновение задержался, пропуская вперед рядовых, и окинул взглядом помещение.

— Куда это вы с утра пораньше? — воспользовался заминкой я.

— Проверим гать через Ляховскую топь и дорогу до старой мельницы.

— А что такое? — удивился я. С чего это элитную роту для черновой работы привлекают?

— Обоз пропал. Уже второй с той недели, — нахмурился Крест. — Вот и сорвали с отдыха кого могли.

— Понятно...

— Ты-то как двинуть думаешь? — Крест придержал дверь и выглянул наружу.

— Пойду по дороге на Еловое, на развилке поверну к Волчьему логоу. — В принципе сегодня похолодало, быстрее будет срезать напрямую через гать, но если уж обозы пропадают... Зачем искушать судьбу? Пусть полдня потеряем, но целее будем.

— Логично. Сегодня до Волчьего лога добраться не успеете, но до Оазиса запросто.

— Не, я думаю на Теплой поляне заночевать. Засветло до Оазиса не добраться, а переть по незнакомой местности в темноте совсем не безопасно. К тому же на Теплой поляне мало кто на ночь задерживается, все до Оазиса стараются дойти, и шансов нарваться там на неподходящую компанию куда меньше.

— Тоже дело. — Крест пошел вслед за бойцами, уже на ходу бросив: — Ну, ни пуха...

— К черту... — вполголоса ответил я, подхватил вещмешок, подошел к лыжам и замер: в дверь заскочил Ветрицкий, расстегнул капюшон и стянул на шею широкие пластиковые очки-маску, закрывающие пол-лица. Чтоб тебя разорвало! Какой недоумок его так вырядил? В светло-синем лыжном костюме с синтетической набивкой мороз не страшен, но для патруля это совсем не самый лучший выбор: каждый шаг Ветрицкого сопровождался шуршаньем, которое издавали трущиеся друг об друга штанины. А на холоде звук будет гораздо сильнее. Он бы еще колокольчики нашил и люминесцентной краской на спине мишень нарисовал. Но теперь уже ничего не поделаешь, переодеть его, при всем желании, не во что.

— Привет! Я не опоздал? — Николай подошел ко мне, скинул с плеча камуфляжный рюкзак с пристегнутым к нему свернутым спальником. Лыжи, висевшие на другом плече, он прислонил к стене рядом с моими. Потом стянул перчатки, заткнул их за пояс рядом с ножнами и, вжикнув «молнией» замка, достал из нагрудного кармана зажигалку и пачку сигарет. И не какую-нибудь «Астру» или «Приму», а «Marlboro». Кто это его подогревает, интересно?

— Это что еще? — Я ткнул пальцем в длинный чехол, который выглядывал из-за спины Ветрицкого. Не мог же он так автомат запаковать? И что это за странные свертки из рюкзака торчат?

— Лук.

— Что?!

— Лук, — невозмутимо повторил Николай.

— Какой-такой лук?! Ты же «Калашников» должен был получить?! — Меня начало трясти. — Вы что, с Максом оба с дуба рухнули?! Я же ясно сказал: берете два «калаша» и четыре рожка патронов.

— Мне вы ничего не говорили, — надулся Ветрицкий. — Да и зачем мне автомат? Я его в руках никогда не держал.

— А лук держал?

— У меня по стрельбе из лука первый разряд. Я даже на область ездил, — с затаенной гордостью ответил Николай.

— Ты как на таком морозе стрелять собрался?

— Кладовщик сказал: магическая защита до минус сорока держит.

— Руки не отсохнут? — То, что от мороза тетиву и древко защитили, сомнений нет, но не в варежках же стрелу накладывать?

— А к луку браслет прилагался. — Ветрицкий присел на корточки, расстегнул боковой карман рюкзака и протянул мне кожаную полоску, по краям прошитую металлической нитью. В застежку был вделан крупный желтоватый опал.

— Вижу. — Я повертел браслет и вернул его обратно. Вложенное в камень заклинание предохраняло кисть владельца от холода. Заряда должно было хватить недели на две. Но мне от этого не легче. Документы на два АК были оформлены, и, зуб даю, Макс их исправить не догадался. Кладовщик, зараза такая, списал два автомата, а выдал один. Получается, после возвращения из рейда с меня потребуют не лук и автомат, а два автомата. Ничего, как-нибудь разберемся с этим вопросом.

— Стрелы дали не только простые с дюралевым древком, но и с осиновым. И еще вот... — Николай никак не мог понять, почему я не прыгаю от восторга, и достал из одного из свертков длинную, только одно древко сантиметров восемьдесят, стрелу, — три штуки с серебряным наконечником.

— Если ты профукаешь хоть одну из этих стрел, я собственноручно засуну тебе лук в одно место, — очень тихо и спокойно произнес я, а потом ткнул ошарашенному парню под нос серебряный наконечник, на котором было выбито «611.00143». — Знаешь, что это?

— Цифры какие-то, — захлопал глазами Николай.

— Это инвентарный номер. — Я сунул стрелу обратно в рюкзак. — И если ты эти стрелы после возвращения из рейда не сдашь, на мне повиснет очень нехилый долг. Сам понимаешь, я этому рад не буду. Так что прими к сведению.

— Приму. — Ветрицкий застегнул рюкзак, закинул его на плечо и замолчал. Обиделся? Да ну и фиг с ним. Лучник, блин, серебряный.

Я подхватил свои пожитки и вышел на улицу. Теплее здесь не стало. Минуту спустя из караулки появился Ветрицкий, остановился рядом и закурил. Из его рта при каждом выдохе вместе с дымом вырывались клубы

пара.

— А почему никто не в курсе, что столько людей пропало? — Николай выкинул окурок в помятую пятилитровую жестяную банку, использовавшуюся в качестве урны. — Я к тому, что в Приграничье уйма народа угодила.

— Люди постоянно пропадают, — философски заметил я. Вот так всегда — только соберешься обдумать пару мыслей в тишине, как кому-нибудь приспичит выговориться. Можно подумать, со своими приятелями это не обсуждал. Какого рожна ему от меня надо? — И тем, кому надо, об этом прекрасно известно.

— Кому надо? Суперсекретной и очень тайной службе? — съязвил Ветрицкий. — Несколько лет назад в один день пропала громадная территория с тремя городами и населением в сотню тысяч человек! И никто ничего об этом не узнал? Я сюда месяц назад попал, но ничего об этом не слышал.

— Ну, насчет громадной территории ты загнул.

— Загнул? — усмехнулся Николай. — Город, Форт и Северореченск — не детская песочница.

— Еще поселок Туманный забыл. Только, может, ты не в курсе, но до того, как провалиться в Приграничье, между Фортом и Североречьем расстояние было пять сотен километров. Теперь только сто. Город — вообще бывшая военная база из-под Хабаровска. И китайцы до сих пор через границу в окрестностях Города переходят. Ты много китайцев в Форте видел? Я ни одного. А в Городе их целая община уже.

— Китайцы? — ошарашенно переспросил Николай, но не дал увести себя от первоначальной темы разговора. — Они здесь при чем? Я-то спросил: почему никто пропавших городов не хватился?

— А я откуда знаю? Бардак в стране... — Я заметил вывернувшего из-за угла Макса и ломать голову над парадоксами мироздания намерен не был. Наезжать за опоздание на Макса тоже, он и так еле передвигал ноги из-за навьюченного на него груза: на спину давила свернутая палатка, с одного плеча свешивался огромный рюкзак, под другим были зажаты лыжи, а гранатная сумка на ремне качалась на шее. В ножнах, свисавших с пояса, в такт шагам болталось длинное мачете с широким лезвием. Как он вообще это все допереть умудрился? Я распахнул дверь караулки, Макс из последних сил поднялся по ступенькам, побросал вещи на пол и рухнул на скамью.

— Думал, сдохну, — прохрипел он, жадно глотая ртом воздух.

— Неудивительно, — усмехнулся я и щелкнул пальцем по автомату,

висевшему на плече у Макса. — Нормальных не было?

— А чем этот плох? — Макс поправил ремень АКСУ. — У меня «хеклер» не больше был, и ничего.

— Ну-ну. — Я закинул рюкзак себе на плечо, ухватил за один из ремней палатки и кивнул Николаю. — Хватай, и пошли.

Караульные без вопросов пропустили нас во внутренние помещения и даже подержали дверь открытой, пока мы в нее проходили. В торцевой стене коридора было вмонтировано толстое пуленепробиваемое стекло. Сидевший в напоминавшей кассу или обменный пункт комнатке охранник внимательно осмотрел нас, сверился со списком и повернул рычаг, открывающий дверь в досмотровую.

— Что-то с самого утра зачастили, — проворчал пожилой прапорщик, сидевший за письменным столом у левой стены досмотровой. — Давайте сюда ваши мандаты.

— Ма-а-анда-а-аты... Сам ты манда-а-ат, — передразнил его одетый в испачканный машинным маслом комбинезон контролер, занимавший стол с поцарапанной столешницей напротив. — Оружие к досмотру приготовьте.

Я забрал у Макса документы, пропуск отдал прапорщику, разрешение на оружие — контролеру.

— Да что ты мне эти бумажки суешь? — возмутился тот и кинул листки обратно. — Оружие давай.

— Цель выхода за городские стены? — Прапор открыл потрепанный журнал с заклеенной газетой обложкой и принялся что-то там заполнять.

— Там все написано. — Мне было не до него, я расчехлил ружье и передал его контролеру. Макс последовал моему примеру.

— Написано-то оно, конечно, написано. А я, может, читать не умею, — пробормотал себе под нос прапорщик и перевернул страницу. Скучно ему здесь в четырех стенах сидеть, вот и развлекается, как может. Сейчас еще ничего, а что к концу смены будет?

— Ну и учился бы, а то сидишь, штаны протираешь, — немедленно отозвался техник, кисточкой нанося на plombу какую-то вязкую массу. Я ощутил легкий разряд магической энергии, и plombа вместе с проволокой рассыпалась в пыль.

— Я не штаны протираю, — прапорщик закрыл один журнал и достал другой, не менее обшарпанный, — а реализую предоставленную мне начальством возможность заработать геморрой. Это, между прочим, единственное, что здесь можно заработать.

— И не говори, — вздохнул контролер и занялся автоматом Макса.

Я перестал обращать на него внимание, взял ружье и зарядил пять

винтовочных патронов и один ружейный двенадцатого калибра с картечью. Потом, положив штуцер на край стола, расшнуровал рюкзак Макса и начал распределять абы как запиханные в него запасы в свой вещмешок и рюкзак Ветрицкого. О, вот и бинокль. Ну, конечно, отдали, что не жалко, — черный железный бинокль был образца Второй мировой войны. Точно, год выпуска 1945. Ладно, на безрыбье и рак рыба: шестикратное увеличение лучше, чем никакое. Я поправил кожаный футляр, закрывающий окуляры, и повесил бинокль на шею.

— Гранаты дали? — спросил я у Макса, когда вес и объем содержимого наших мешков стал более-менее одинаковым.

— Да.

— И где они?

— Здесь. — Контролер подвинул на край стола сумку с гранатами. — Можешь забирать.

— Ты зачем пломбы ставил? — Я взял сумку и повернулся к Макс. — У тебя же разрешение на вынос было.

— А я без понятия, мне так со склада выдали. — Макс забрал АКСУ и, вытащив из рюкзака рожки с патронами, сразу же вставил один из них в автомат. После этого он сунул два рожка в карманы, нашитые по бокам на полушубок, и усмехнулся: — Я богат! Я, блин, чертовски богат!

— В смысле? — не понял его Ветрицкий.

— А чего непонятного? За сто двадцать автоматных патронов кучу бабок срубить можно. — Макс закинул автомат на плечо и несколько раз подпрыгнул, проверяя, не болтаются ли рожки.

— Идиотизм какой-то. Неужели так сложно наладить производство боеприпасов? — удивился Николай.

— Сложно. — Я засунул сумку с гранатами себе в вещмешок. Быстро на этом деле деньги не срубишь: и организовать производство время надо, и через границу иногда крупные партии патронов все же проходят, так что цены на несколько месяцев даже падают. А боеприпасы местного производства дороже привозных получаются. Пока дороже, но вкладывать деньги на перспективу страшно — жезлы, заряженные «свинцовыми осами» и «дыроколами», медленно, но стабильно дешевеют. Скинут Гимназия или Братство цены, и вылетят все инвестиции в трубу. — Никто деньги вкладывать не хочет.

— И что, здесь вообще никто патронами не занимается?

— Почему не занимаются? Пара мастерских потихоньку клепают, но они в основном для ружей снаряжают. Еще в Северореченске заводик есть — эти на боеприпасах для «Макаровых» и «Калашниковых»

специализируются. Но они постоянно из-за нехватки сырья простаивают.

— Ну-ка, молодежь, рты закройте. От вашего гомона уже голова болит, — хлопнул ладонью по столу прапорщик. — Вась, ты пломбы какие снял?

— С автомата алеф-003125, с ружья лямбда-100134.

— А с гранат? — Прапорщик склонился к журналу и тщательно выводил цифры.

— Алеф дробь гамма 0274 с 65 по 67.

— От нас все? — Я забрал у прапорщика документы, сложил их в пластиковый файл, положил в карман и приподнял с пола один край палатки.

— Ага, скатертью дорога. — Тот даже не повернул голову, продолжая записывать цифры.

Макс дождался щелчка замка, потянул на себя ручку и с трудом открыл толстую многослойную дверь, мы с Николаем выволокли палатку в длинное полутемное помещение. Прикомандированный к посту колдун меланхолично рассматривал мелькающие в хрустальном шаре тени, а солдаты гарнизона, даже не взглянув в нашу сторону, продолжили метать на стол игральные кости. Качавшийся на стуле у входа в туннель начальник караула с кислым видом нас оглядел, со вздохом поднялся со стула, засунул в бойницу в стене журнал с голыми бабами на обложке и набрал на вделанном в люк пульте код. После того как загорелось несколько зеленых лампочек, он приложил к двери правую ладонь, а левой вытащил из нагрудного кармана кителя цепочку с кусочком янтаря на конце и вставил его в специальный разъем. Послышался шум и скрежет отодвигающихся запоров. Я только хмыкнул, когда толстенный стальной люк начал медленно отходить в сторону. Техника на грани фантастики. Полусогнувшись, мы вошли в низкий туннель — бывшую трубу ливневой канализации — и начали пробираться вперед, туда, где светилося тусклое пятно выхода. Я покосился на вмурованные в стены форсунки огнеметов и заторопил парней: не очень уютно себя чувствуешь, когда нажатие одной кнопки способно превратить тебя в кучку пепла.

— А почему здесь камеры магического контроля нет? — Голос Макса эхом пронесся по всей трубе.

— Вся труба — сплошная камера. — Я втянул голову в плечи и ускорил шаг.

Когда мы, миновав несколько открытых решеток, выбрались наружу, спина и шея затекли, словно я весь день только тем и занимался, что перетаскивал тяжести в полусогнутом положении. За спиной с лязгом и

скрежетом начали закрываться люки и опускаться решетки.

Уф-ф-ф. Вот я из Форта и свалил. За-ши-бись. Пусть теперь кто-нибудь попробует достать. Настроение заметно улучшилось, как будто это стены Форта не давали мне вдохнуть полной грудью. Но, как и в любой уважающей себя бочке меда, без капли дегтя не обошлось: в рейд-то меня Дрон сосватал, а Илья как-то с Гимназией связан. Как бы они какую пакость не задумали. В Максе я уверен, патрульные из первой роты ребята простые, как два валенка, а вот Ветрицкий оставался величиной неизвестной. Не засланный ли казачок? Может, от него вовсе не избавиться хотели и всерьез пообещали устроить в Дружину? Только не за сам рейд, а за более специфическую услугу? Яду там в котелок сыпануть или ножом по горлу...

Мы отошли подальше от городской стены и остановились передохнуть. Расслабившись, я постарался почувствовать исходящее от нас магическое излучение — в первую очередь меня интересовал Ветрицкий, но и нам с Максом могли чего-нибудь подкинуть. Нет, никаких аномалий, все в норме. Фонила только «Чешуя дракона», но это нормально. Что ж, если нам и подсунули какой-нибудь сюрприз, то он пока находится в спящем режиме. Ладно, хватит голову всякой ерундой забивать. Будет время, еще раз проверю. Макс косился на модный костюм Николая, но держал язык за зубами. И это правильно, нечего к новичку цепляться. Немного постояв, я перекрестился, закинул палатку на спину и продел руки в пришитые на чехол лямки. Тяжеловато, но сойдет. Хорошо, что к востоку от Форта развалин почти нет, места эти намного безопаснее западных и тем более северных окраин. А то с таким дополнительным грузом не очень-то и повоюешь. Но груз грузом, а проверить, как быстро можно дотянуться до висящего на плече ружья, я не забыл. Ну, с Богом.

Минут через пять мы подошли к дороге на Еловое. В утренних сумерках фигуры ждущих нас патрульных были едва различимы.

— Опаздываете, — недовольно скривился Коммандос.

— С чего, пряник, ты это взял? — Я скинул палатку на снег. — Это вам надо было здесь в семь быть, а не нам.

Мелкому хватило ума промолчать.

— Стрига, бери палатку, и пойдем отсюда. — Я посмотрел на тощие вещмешки патрульных. Весь харч, что ли, распродать уже успели? И перегаром явственно пахнет. Ничего, потом разберемся. Главное, оружие не забыли. У мелкого помимо ножа на плече висел АКМ, здоровяк вооружился длинным посохом-дубинкой, на концах окованным полосами железа, и коротким карабином, смотревшимся у него просто

несерьезно.

— Моя фамилия Стригунов. — Длинный не сдвинулся с места.

— И что это меняет? — Насвистел-таки Макс насчет «Стригущего лишая».

— Че?

— Хватай палатку, говорю, Стригунов. Валить пора. — Я скинул лыжи с плеча на снег и начал закреплять ботинки ремнями из толстой резины.

Макс и Николай последовали моему примеру.

Стригунов оглянулся на своего приятеля — тот пожал плечами — и подхватил палатку. Вот и замечательно. Раз сразу сдулись, значит, дальше легче будет. Но легче стало буквально на двадцать минут — этого времени нам хватило, чтобы добежать до поворота дороги на гать через Ляховскую топь. Увидев, что я не собираюсь туда сворачивать, патрульные из первой роты остановились как вкопанные.

— Чего встали? — Я тоже остановился и повернулся к ним.

— Нам туда вроде? — Стрига указал на дорогу, уходившую в сторону болота.

— Через топь не пойдем. — Я воткнул лыжные палки в снег и поправил лямки вещмешка. — Стороной обойдем.

— Чего?! Это же целый день псу под хвост! — чуть не подпрыгнул Коммандос. — Мы ж так до Волчьего лога сегодня дойти не успеем!

— И че теперь делать? Обратно в Форт вернуться?

— Не, что за беспредел, командир? — начал заводиться мелкий. — Я на моржевание не подписывался!

— Да ладно, Дима, чего ты, в самом деле? Прогуляемся, свежим воздухом подышим, — косясь на меня, попытался успокоить его Стригунов и добавил уже вполголоса: — Да и суета на болоте нездоровая сегодня...

— Вот-вот... подышим. — Я ухватился за лыжные палки и покатился вперед. — И лучше больше не парь мне мозги, Дима.

Тот сплюнул, пропустил вперед Макса с Николаем и покатился рядом со Стригуновым. Так мы и бежали. Время от времени я оборачивался и внимательно осматривал растянувшуюся цепочку бойцов. Больше всего меня волновало состояние Ветрицкого и Стригунова. Но, как оказалось, волновался я напрасно. Николай спокойно выдерживал заданный темп, а у патрульного из первой роты здоровья было немерено и палатку он пер без проблем.

Начало светать. Вишневое пятно солнца медленно вспухало над горизонтом, постепенно выходя из-за перьевых облаков на горизонте. Надеюсь, до поворота на Волчий лог мы успеем дойти раньше, чем солнце

окончательно взойдет и начнет светить прямо в глаза.

Заваленные снегом фундаменты домов остались позади и постепенно справа по краям дороги начали попадаться деревья. Кусты на обочинах под порывами ледяного ветра тонкими ветвями мели укрытую снегом землю. Со стороны болота деревья не росли, и лишь пятна бледно-желтого камыша скрашивали белую пустошь болота. Деревья справа тоже особо не разрастались — вблизи Форта любое дерево со стволом толще запястья в первую очередь рассматривалось с точки зрения возможности получения дров. Спокойно росли лишь бархатники, развесистые ветви которых покрывали длинные редкие иглы. Кора этих деревьев поразительно напоминала человеческую кожу. От вырубки их спасал не только сильный неприятный запах, издаваемый при горении, но и возникающие от соприкосновения с золой язвы. Впрочем, и эти растения не были в полной безопасности: в самом начале лета целители, травники и чародеи буквально под корень обстригали все их молодые ростки.

Впереди на дороге замелькали черные точки. Я махнул рукой, дав знак остальным остановиться, зажал меховушки под мышкой и поднял бинокль — холод металла моментально обжег пальцы, защищенные только тонкими нитяными перчатками. Точки, увеличенные биноклем, превратились в торговый обоз. Я до рези напряг глаза — на солнце блеснули лезвия копий и навершия шлемов. Нет, не торговый. Обоз Братства. Дюжина верховых и пять саней. Немного поколебавшись, я поправил ружье и спустил предохранители.

— Может, в кусты заляжем? — предложил Макс, щурясь на солнце.

— На фига? — заулыбался Ветрицкий.

— Поздно уже. Заметили нас, — вздохнул я. — Поехали. Даст Бог, пронесет.

Обошлось. Двое верховых, выехав вперед, спокойно проехали мимо и даже не взяли оружие наизготовку, хотя и было видно, что они способны это сделать в любое мгновение. Я покосился на их снаряжение и тихонько присвистнул. Вооружены братья были не арбалетами или луками, а «Огненными ульями». Эти боевые артефакты по внешнему виду напоминали осиный улей, насаженный на арбалетное ложе, и были способны посылать шаровые молнии на расстояние до ста метров. Когда мы съехали на обочину, пропуская сани и остальных всадников, один из охранников замахал рукой и направил коня ко мне. Рома? Вот так встреча!

— Здорово, бродяга! — Рома стянул меховушку и протянул руку.

— Привет! — Я закатал на лоб вязаную шапочку и пожал протянутую ладонь. — Ты как меня узнал-то?

— Думаешь, кто-нибудь еще такую страшную фуфайку наденет?

— Сам ты страшный, — сделал вид, что обиделся, я. Получилось неубедительно. — Вы откуда?

— Да так, туда-сюда катаемся, — рассмеялся тот. — А вы куда?

— Кочевье снежных людей караулить. Не хочешь с нами прошвырнуться? Все равно без дела шатаешься.

— Вот еще, дел больше нет — с вами по сугробам мерзнуть. — Рома пришпорил коня и уже на скаку крикнул: — Не пропадай.

— Давай, катись, — беззлобно пробормотал я, глядя, как он догоняет обоз. Странно, чего они порожняком в Форт идут? Потом начал опускать шапку на лицо, но, уловив знакомый запах, замер. Рука пахла свежей шкурой серка. Откуда запах мог взяться? Я еще раз обнюхал ладонь и припомнил, как Рома стягивал новенькие меховушки. Дела...

Бежать сразу стало легче — в мозгу усиленно шел мыслительный процесс, толчком к которому послужила встреча с Ромой. Он, получается, заполучил меховушки из шкуры серка. В прошлую нашу встречу их у него еще не было. Запах очень сильный — значит, меховушки пошиты совсем недавно. Вопрос: где он мог раздобыть шкуру? Серки в последнее время встречаются только в развалинах Туманного. И вопрос вдогонку: что братья могли там делать? Ян говорил, Братство в последнее время свои операции потихоньку сворачивает, так, может, оно в Туманный перебазировалось? Инфраструктура там почти полностью сохранилась, да и дома должны быть разграблены не сильно: поселку Туманному повезло гораздо меньше Форта, Города или Северореченска — из его жителей не выжил никто. Так что мое предположение вполне имеет право на жизнь: Братство за последние годы сильно укрепилось, но не настолько, чтобы сцепиться с Дружиной и Гимназией. Если начнется открытое противостояние, мясорубка выйдет знатная: как боевая сила колдуны совсем не намного превосходят чародеев, а вооруженные автоматическим оружием дружинники — увешанных амулетами боевиков Братства. Мало не покажется никому. Но, думаю, в Форте Братство задавят. А вот собрать нормальное войско и выдвинуть его к Туманному, фактически оставив Форт без защиты, воевода не сможет себе позволить никогда.

— Эй, командир! — заорал мелкий, когда мы почти миновали топь и вышли к месту, где в нее впадал текущий с юго-востока ручей. — Ты куда вчесал?

— А что такое? — Я остановился и развернулся к нему.

— Давай напрямик срежем. — Дима указал рукой на постепенно сужающееся болото, в ширину сейчас уже не превышающее двести метров.

— Смысл?

— Что — смысл? Это нам нет смысла кругаля давать и лишние десять верст наматывать? — Дима тяжело задышал и смахнул рукой пот с лица. Все, спекся. Аж позеленел весь. Сразу видно, что вчера квасил.

— Ничего с тобой за десять верст не случится, — отрицательно покачал я головой.

— Да хорош ты, — мелкий отставать не собирался, — две минуты, и мы на том берегу.

— Нет, — отрезал я. Через болото идти я не собирался ни при каких обстоятельствах. Одного раза мне хватило. — Мы пойдем в обход.

— Да катись ты хоть к черту!. — крикнул Коммандос, поправил висящий на спине вещмешок и повернул лыжи к болоту. — А я напрямик срежу!

— Вали, — пожал я плечами и прикрикнул на Стригу, который хотел последовать за приятелем. — Стригунов, стоять!

Тот резко остановился, посмотрел на меня, потом на Диму и неуверенно продолжил движение.

— Стой, кому говорю! Пройдет урод мелкий, можешь за ним катиться. — Я хоть как-то попытался исправить ситуацию, понимая, что остановить Стригунова сейчас можно только силой. Не самый лучший для всех нас вариант. Может, обойдется?

— А что такого страшного? Не мог же лед за один теплый день настолько подтаять, чтоб лыжник провалился? — недоуменно спросил у меня Николай.

— Дело не в толщине льда, а в аппетите болотных тварей, — ответил я, воткнул палки в снег и сбросил с ботинок крепящие лыжи ремни. Макс издал короткий смешок, но распространяться о моем неудачном опыте не стал.

— Мы здесь по жизни переправлялись, и ничего. Никого не съели, — пробубнил Стригунов.

Вот так мы стояли и смотрели, как Дима уверенно пересекает болото. Я заткнул меховушки за пояс и взял бинокль. Коммандос прошел уже почти половину пути, но до сих пор снег под ним не провалился и никакие болотные чудовища не пытались полакомиться свежим мясом. Если мозгляк окажется прав, то как мне из этой ситуации выкручиваться? Я по болоту не пойду. В этот момент патрульный просто исчез. Не было слышно треска льда или плеска воды в промоине — просто человек исчез, и все. И только каша снега, пропитываясь черной водой, едва заметно покачивалась на том месте, где он только что шел. У меня екнуло сердце — в бинокль не

было видно никаких попыток Димы выбраться из промоины. Все, отбегался.

— Дима! — заорал Стригунов и, скинув палатку, метнулся на болото. Я одним прыжком оказался рядом и толкнул его в бок. Он не удержался на ногах и, выставив руки, упал в рыхлый сугроб снега, из которого торчали кончики сухих стеблей болотной травы. Пока патрульный вылезал из сугроба, я от греха подальше отошел к Макс и Николаю, которого била крупная дрожь.

— Ты чего?! — Стрига, вскакивая, потерял лыжи, но, увязая в глубоком снегу, сделал еще несколько шагов к промоине. — Его спасать надо!

— Кого спасать? — вдохнул Макс. — Даже пузыри уже не идут.

— Я бы успел!

— Как? Сам бы только под лед угодил.

— Это все ты! — развернувшись, заорал Стригунов и ткнул в меня посохом. — Из-за тебя он на болото полез!

— Он сам срезать решил, — спокойно возразил я. Ненавижу оправдываться.

— Ты! Это ты ему разрешил! — не слушая меня, продолжал выть Стригунов.

— Мне что, держать его надо было? — спросил я, вытащил из снега лыжную палку и нащупал пальцем кнопку, при нажатии на которую выскакивал узкий клинок в поллоктя длиной. — Уймись...

— Чего ты, в натуре? — поддержал меня Макс. — Нам тоже тошно, так зачем крайних-то искать?

— Сволочи! Какие же вы сволочи! Ненавижу! — Размазывая слезы, Стригунов нацепил лыжи и покатился по направлению к Форту. Я его удерживать не стал. Никакой пользы от него в дальнейшем все равно ждать было нельзя. Сломался. Слишком на своего друга полагался. Пусть с ним теперь в штабе разбираются. Думаю, за дезертирство меньше, чем полугодом штрафбата, он не отделается.

Рейд начинается — зашибись. Только из Форта вышли, а я уже половину отряда растерял. Главное, чтобы оставшиеся не раскисли. Макс молодцом держится, а насчет Николая ничего определенного сказать нельзя. Плохо я его знаю. Ну, ничего, зато мне известен отличный способ выгнать ненужные мысли из головы. Небольшой марш-бросок. Километров на десять-пятнадцать.

— Макс, давай сюда рюкзак и бери палатку. — Я кое-как пристроил на спине протянутый мне рюкзак и неуклюже покатился по дороге. Ничего,

привыкну.

Темп я задал неплохой. До развилки на Волчий лог все было нормально, но вот потом стало тяжеловато. От топи к этому времени мы уже удалились на приличное расстояние, и рядом с дорогой начали попадаться небольшие березовые рощицы. Иногда в них темно-зелеными пятнами мелькали невысокие ели. Постепенно лес встал по обеим сторонам дороги единой стеной. Изредка до нас доносился стук дятлов, а меж верхушек деревьев носились серые тени белок. Чем дальше мы удалялись от Форта, тем больше становилось елок и тем темнее делался лес. А воздух-то какой! После городского смога лесной воздух казался нектаром.

— Может, отдохнуть остановимся? — выхаркнул воздух и умоляюще посмотрел на меня Макс. Мы остановились на узкой тропе, в которую превратилась дорога после оставшегося позади поворота к старой мельнице. Сквозь густой подлесок солнечные лучи не проникали, и лишь освещенные верхушки сосен да узкая полоска голубого неба давали понять, что до ночи еще далеко.

— Найдем подходящее место и остановимся. — Я покатился по тропе, но темп сбавил. Пора уже. И пообедаем заодно.

— А чем та поляна не подходит? — ткнул пальцем Макс в глухой строй разлапистых елок. — Вон и бревна уже лежат.

Мы с Николаем остановились, молча переглянулись и уставились на него.

— Ты чего, перегрелся, что ли? — Ветрицкий сплюнул длинную струю слюны себе под ноги и тяжело задышал, опершись на лыжные палки. — Какая поляна?

— Вы че в шары долбитесь? — начал горячиться Макс. — Да вон же она!

— Макс, ты обереги взял? — У меня начало зарождаться нехорошее предчувствие, когда меж зеленых лап елок взгляд зацепился за маслянисто поблескивающие иссиня-черные иголки, которые слегка колыхались, несмотря на полное безветрие. Черное дерево. Жутко ядовитая дрянь, к тому же обладающая способностью дурманить мозги, насылая ложные видения.

— Взял я, взял, — отмахнулся Макс.

— Ага, и мне дал, — подтвердил Николай.

— Покажи, — попросил я Макса, с облегчением переводя дыхание. Если бы он забыл про обереги, можно было смело возвращаться обратно в Форт — мне мороки не страшны, но парням без амулетов никак.

— Вот. — Он достал из кармана и протянул мне круглую пластиковую коробочку размером с серебряный рубль царской чеканки, только немного толще.

— Макс, твою маму, ты его активировать не догадался? — простонал я.

— А как? — смутился Макс.

— Крышку открой и на шею повесь, — объяснил я.

— А-а-а... Подумаешь, с кем не бывает. — Макс раскрыл коробочку, за шнурок достал медный диск с вычеканенным на нем открытым глазом и, расстегнув ворот полушубка, повесил на шею.

— Ну и как? — спросил Ветрицкий.

— Что как? — отозвался Макс и заметно вздрогнул. — Что за... Я же собственными глазами поляну видел...

— Не верь глазам своим, — усмехнулся я. — Поехали, и присматривайте что-нибудь для стоянки пригодное.

Подходящая поляна обнаружилась метров через двести дальше по тропе. В этом месте опушка леса была шагах в десяти от дороги, и кто-то не поленился срубить пару сосен и сложить на свободном месте стволы так, что на них вполне можно было расположиться. Я скинул вещмешок и рюкзак на снег и с наслаждением выпрямился, хрустнув суставами.

— Коля, займись костром. Я посмотрю, что на обед сготовить.

— Во, блин, я именно эту поляну видел. — Макс рухнул прямо на снег и с блаженным видом закинул руки за голову. Я усмехнулся, открыл вещмешок и начал перебирать продукты.

— Не лежал бы ты на снегу — спину застудишь. — Николай насобирал веток и занялся растопкой костра.

— Я? Да никогда. У меня ж полушубок из шкуры серка, — погладил ладонью рукав полушубка Макс, но тем не менее встал и уселся на бревно.

— Это что за зверь? — Ветрицкий безуспешно щелкал зажигалкой, пытаясь зажечь щепки. Наконец появился маленький язычок пламени, сухие иголки с легким треском вспыхнули, а следом занялись и ветки. Я достал котелок, наполовину наполнил его чистым снегом и, пропустив ветку через дужку, подвесил над костром. Потом забрал второй котелок у Макса и тоже пристроил над огнем. Для чая.

— Хомяк саблезубый, — на полном серьезе ответил Макс.

— Да ну? — не поверил Николай. — Что-то я о них ничего не слышал.

— Их мало осталось. У Форта всех повывели, а они в основном в развалинах домов норы роют.

— Слышь, юный натуралист, ты чай взял? — окрикнул я Макса.

— Нет. Но зато кофе почти полную банку вытряс.

— И то хлеб. — Я помешал закипевшую воду и высыпал в котелок два пакета горохового супа. Мне больше чай по вкусу, но и от кофе не откажусь.

— Там еще шоколадные батончики должны быть. По паре на брата. — Макс достал упаковку галетного печенья, вытащил из кармашка рюкзака ложку и придвинулся к костру.

— Обожди, пока сварится, — остановил я его, не обратив внимания на смешок Николая. Шоколад — это хорошо. Плохо только, что в батончике его мало.

— Угощайся. — Николай протянул Максу открытую пачку сигарет.

— Благодарю, уже два месяца, как бросил, — отказался тот.

— Сила воли у тебя, однако. — Ветрицкий выщелкнул из пачки сигарету и достал зажигалку.

— Сила воли и отсутствие денег — это куда круче, чем просто сила воли.

— Не скажи. У меня друзья, когда курить начинали, говорили: «Курить будем, но только когда угощают», потом начали говорить: «Сигареты можно и купить, но бычки собирать — никогда». Через годик их волновало только сколько табака осталось в окурке и не плавает ли он в луже. — Коля прикурил и начал вертеть зажигалку меж пальцев.

— Если в луже, просушить можно, — поделился опытом я.

— Веселые у тебя друзья, я смотрю, — засмеялся Макс и заинтересовался изображенной на зажигалке Горгоной. — Это что, оберег какой-то?

— Апотропей.

— Хрен редьки не слаще. — Макс сделал вид, что понял, о чем речь.

— И от чего он? — стало интересно мне.

— От гипноза должен помогать, — Николай убрал зажигалку в карман, — и от сглаза.

— А серьга у тебя тоже апо... ну в смысле, оберег? — с невинным видом любопытствовал Макс.

— Серьга обычная.

— Тогда зачем нацепил?

— Нравится мне. Что, проблемы? — напрягся Николай.

— Да нет, смотри, ухо не отморозь, — пожал плечами Макс.

— Спасибо за заботу. — Ветрицкий поглубже натянул обшитую кожей меховую шапку с козырьком и выступающими вниз короткими наушниками — судя по фильмам про войну, почти такие носили немцы во

Вторую мировую.

— Налетайте, суп готов, — позвал я парней.

Быстро доев суп и выпив кофе с галетами, мы засыпали снегом костер и начали собираться. Пока светло, надо успеть пройти как можно больше. Теперь тащить палатку я поручил Ветрицкому, а сам подхватил его рюкзак.

— Места начинаются глухие. — Я выехал на дорогу и остановился, оглядев парней. — Смотрите по сторонам повнимательней, оберег оберегом, но, если будете переть напролом, он вам не поможет.

— Кстати, а что за тварь Диму уволокла? — вспомнил наконец Макс.

— Думаю, водяной, — не очень уверенно предположил я. Точно не навья или кикимора, те хоть и живут на болотах, открытую воду не любят. Ундины тоже отпадают — болота они не жалуют. А для водяного там в самый раз.

— У тебя-то самого какой оберег? — спросил меня Ветрицкий.

— Никакой, он мне без надобности.

— Как так?

— Уж с мороком я как-нибудь сам справлюсь. — Способности к колдовству у меня не очень сильные, и обучение я только начал, но первым делом новичков как раз учат морок различать.

— Ты колдун?! — уставился на меня Николай.

— Слабенький.

— А колдовству любой может научиться? — загорелся Коля.

— Нет, для этого способности нужны. — Солнце уже начало клониться к горизонту, и я прибавил шагу.

— Жалко, — расстроился парень. Надеялся на другой ответ? Неужели не пытался в Гимназию устроиться?

— В Гимназию обращаться не пробовал?

— Толку-то? Оксану взяли, меня нет.

— Да ты не переживай, — попытался успокоить его я. — Кроме колдунов еще маги и чародеи есть, алхимики опять-таки. У тебя как с химией?

— Никак.

— Тогда чародеи и алхимики отпадают. Вернемся в Форт, познакомлю со знакомым магом. Может, чего и получится, если способности есть.

— А чем маги от колдунов отличаются? — заинтересовался Макс.

— Маги энергию напрямую используют, а колдуны сначала ее в себе аккумулируют, — привел я основное различие.

— Дак маги, получается, покруче будут?

— Заклинания им доступны более мощные — это да, но мобильность

у них очень ограничена — слишком уж они зависят от расположения силовых линий. Найдет маг удачное место и оттуда уже ни ногой. Колдунам в этом отношении проще: запас энергии восстанавливается достаточно быстро.

— Если с магами ничего не получится, попробуй на «Западный полюс» заглянуть, — посоветовал Николаю Макс.

— Издеваешься?

— Ты дослушай сначала... Это что-то типа клуба в западной части Форта. Там паранормы разные собираются, — объяснил Макс.

— Кто?

— Ну, пироманты, медиумы, ясновидящие, гадалки, хироманты всякие. Еще телекинезеры. Или телекинетики?.. Язык сломишь, — начал перечислять Макс. — Не ржи, сам видел, как там один парнишка левитировал. Вот это зрелище было, когда он метров с трех прямо нам на стол рухнул.

— Выдохся? — Мне тоже стало интересно. Ни разу левитацию не наблюдал.

— Не, пьяный в дупель был.

— А ты что насчет этого скажешь? — Макс Ветрицкий не очень-то и поверил и решил узнать мое мнение.

— Сходить, конечно, можно, но не думаю, что толк будет.

— Почему?

— Там собираются люди с узконаправленными способностями, других они ничему научить не могут. А те, кто может, задарма делиться знаниями ни с кем не будут. — Я слегка подпрыгнул, утрясая мешки. — Шевелите ногами быстрее, нам еще до Теплой поляны часа три идти, а солнце уже садиться начало.

Постепенно с правой стороны стали вырастать покрытые снегом холмы, которые становились все выше и выше, пока не превратились в отвесную гранитную стену метров в пятнадцать высотой. Дорога шла понизу, и приходилось постоянно задирать голову, контролируя обстановку.

— Вот бы сейчас туда забраться, — как-то мечтательно протянул Николай.

— Ты альпинист, что ли? — удивился я.

— Да нет, мы без всякого снаряжения поднимались. Только пальцы, и все, — вздохнул Ветрицкий. — Сколько не занимался уже, а скалу увидел — и сразу загорелось.

— Ага, как это? Лучше гор может быть только водка? — с серьезным видом поддакнул Макс.

— Ничего ты не понимаешь, — скривил губы в грустной улыбке Николай.

— А кто спорит? — согласился Макс.

— Обождите, я сейчас— Я освободил ботинки от ремней и подошел к гранитному отвесу помочиться. На самом деле это не было главной причиной для остановки. Просто уже минут десять я испытывал легкое беспокойство. Ощущение чужого взгляда время от времени кололо в спину и тут же пропадало. Будто кто-то шел сзади и иногда поглядывал в бинокль проверить, не скрылись ли мы из виду. Или это все нервы? Сосредоточившись, я зажал в ладони оберег, подаренный Катей. Никакого эффекта. Кругом тишь да гладь. Я уже убрал паука под фуфайку, когда почувствовал в амулете чье-то призрачное присутствие. Непонятная тень мурашками пробежала по спине и исчезла. Угрозы в ней заметно не было, но это еще ни о чем не говорило. Быть может, следит профессионал, который не испытывает по отношению ко мне никаких эмоций, тем более ненависти?

— Поехали, — вернулся я на дорогу.

Ощущение чужого взгляда исчезло сразу после поворота на Теплую поляну, до которой мы добрались уже в сумерках. Но меня это не успокоило — наоборот, возникло впечатление, что некто просто решил убедиться, не пройдем ли мы мимо. Ну-ну, заходите в гости, будем рады.

Пройдя по узкой, петляющей меж елей тропинке, на которой лежал доходивший до середины ботинка нетронутый слой снега, я остановился на опушке и внимательно осмотрел идеально круглую поляну, в диаметре достигающую метров тридцати-сорока. Никого. Свежих отпечатков ног нет. Только большая куча мусора, наваленная у деревьев на противоположной стороне, да полузаметенные следы на вытоптанном насте давали понять, что здесь бывают люди.

— Макс, вы идите ставить палатку. — Я сошел с тропинки и, нагнувшись, подлез под колючие лапы елей, стараясь особо их не задевать.

— А ты что?

— Осмотрюсь пока, — ответил я, кое-как заметая оставшиеся позади следы. Блин, надо было шмотки парням отдать. Теперь поздно. — Как закончите, к сухой сосне подходите.

— Ладно, — кивнул Николай, вышел на поляну и удивленно воскликнул: — А здесь тепло! Даже пар изо рта не идет.

— Ага, — поддержал его Макс. — Я тоже думал, что Теплая поляна — это просто название.

Я кинул лыжи и рюкзаки под деревья, снял с плеча ружье и начал,

внимательно оглядываясь, осторожно пробираться по лесу, стараясь не стряхивать на себя снег, скопившийся на ветвях. Следов чужого присутствия видно не было, и, обойдя лес вокруг поляны, я успокоился, вернулся за вещами и отнес их к сухой сосне, которая, словно мачта парусника, возвышалась над остальными деревьями. Сложив мешки под соседнюю елку, я вытряхнул снег, набившийся в ботинки, — мне б мои валенки старые! — и по-пластунски забрался под разлапистую пихту, росшую у самого края поляны. Макс и Коля уже вытащили палатку из чехла и закрепляли ее, глубоко вбивая колья в утоптаный снег. Молодцы, место хорошее выбрали — почти в самой середине открытого пространства. Ко мне палатка будет повернута стороной с входным пологом и единственным пластиковым оконцем. Я поудобней устроился в сугробе и положил штуцер перед собой. С поляны меня не разглядеть.

Повозившись еще минут десять, парни как следует закрепили все шнуры. Макс отошел к деревьям, зачерпнул нетронутый снег котелком и исчез в палатке. Минуту спустя в оконце замелькал отблеск слабенького огонька. Он что, со склада и горелку взять умудрился? Я что-то не помню, чтобы Илья ее в заказ вносил. Николай дождался, пока Макс вылезет наружу и зашнурует полог двери, подхватил рюкзак, а потом они вместе направились к сухой сосне, рядом с которой я устроил себе лежку.

— Эй, Лед, ты где? — крикнул Макс.

— Здесь, не шуми, — откликнулся я.

— Чего не вылазишь? — нетерпеливо пританцовывая на месте, спросил Николай. — Мы уже чай поставили.

— Чай подождет, — отрезал я. — Макс, займи позицию напротив дальнего угла палатки. Николай, твое место между нами. Приготовьте оружие и замаскируйтесь, чтобы с поляны вас видно не было.

— И надолго? — недовольно процедил Ветрицкий.

— Пока не разрешу выйти.

— Может, поедим сначала? — насупился парень.

— Потом поедим. — Обсуждать свои приказы и что-либо объяснять я не собирался. Сам пока ни в чем не уверен. — И не вздумайте стрелять без команды.

— Понятно, — протянул Николай и поплелся выбирать позицию. Макс догнал его, сунул что-то в руку и пошел на указанное мной место.

Глядя, как они устраиваются меж деревьев, я пришел к выводу, что все сделал правильно, велел парням разместиться на этой стороне поляны. Кто бы за нами ни следил, если он захочет незаметно нас навестить, то в любом случае воспользуется единственным нормальным проходом. Никто не

станет пробираться через овраги и бурелом, рискуя треском сучьев разбудить все окрестное зверье и нас вместе с ним. Тем более лес у дороги так зарос ежевником, что продрасться через его заросли, не оставив на колючках куски собственной шкуры, можно только в полном рыцарском доспехе. Для Ветрицкого, точно лучшего места не найти: от тропинки до него расстояние наибольшее, и риск, что кто-нибудь услышит шорох его лыжного костюма, минимален. Возможность оставить парня в палатке я даже не рассматривал. Если что-то пойдет не так, шансов выжить у него там просто-напросто не будет. Парни уже скрылись в лесу, и в сгустившихся сумерках я не смог их различить, хотя примерно представлял, где они схоронились. Вот и замечательно. Остается надеяться, что это они так хорошо замаскировались, а не я такой слепошарый.

Говорят, хуже нет, чем ждать и догонять. На мой взгляд, ждать в этой поговорке стоит на первом месте не зря. Когда догоняешь, не до всяких глупых размышлений, которые начинают лезть в голову, стоит устроиться в засаде. А хорошо ли мы замаскировались? А если они пойдут с другой стороны? Что ж так холодно? А может, никто и не придет? Не дернутся ли пацаны раньше времени? А сколько человек будет? Не заснет ли Макс? Еще двадцать минут — и в палатку. Не видно ли Николая с поляны? Да что ж так холодно? Долго еще? Блин, похоже, зря мерзнем. Что пацанам скажу? Чайку бы горячего. Пять минут и — баста. А увидим ли мы что-нибудь в темноте? А если парней уже сняли? Все, досчитаю до тысячи — и отбой. Раз, два, три... А если лыжный костюм зашуршит? А это что за гуканье? Сова? ... двести пять, двести шесть, двести семь... Может, у меня паранойя, и никто за нами не следил? Не подбирается ли кто-нибудь сзади? А если пройти до дороги? ...семьсот тридцать семь, семьсот тридцать восемь, семьсот сорок... Холодно-то как, уже ног не чувствую. А...

После таких размышлений нервы натянулись как гитарные струны. Тронь пальцем — зазвенят. Попытался бы вылезти из укрытия Макс или Николай, я бы уже даже обрадовался. Было бы на ком оторваться. Но они продолжали неподвижно лежать под елками. Я уже и сам не верил, что кто-нибудь придет. Последний отпущенный мной срок подходил к концу, когда на той стороне поляны шевельнулась белая тень. Это что за зверь? Меня бросило в пот, а сердце бешено застучало. Тень сделала еще несколько шагов, и из расплывчатого пятна превратилась в фигуру человека в белом маскировочном халате. Маскхалаты! Я аж прикусил губу с досады. У меня же три маскхалата в рюкзаке, а я про них забыл! Теперь главное, чтобы парни глупостей не натворили.

Вскоре из темноты вынырнули еще две белые фигуры. Их движения, в

отличие от перемещений разведчика, сопровождал легкий скрип наста. Первый взмах руки дал им знак замереть, а сам осторожно начал обходить палатку. Несколько бесшумных шагов — и он очутился между оконцем и мной. Сейчас я мог снять разведчика одним выстрелом, но продолжал лежать, наблюдая, как он удаляется по направлению к Николаю. Еще не время. Этого убить просто, но двое других слишком далеко. Если они залягут, то неизвестно будет, кто кого: на Николая надежды мало, да и Максу до снайпера далеко. И кто сказал, что их всего трое? Я уже молчу про то, что это могут быть простые путники, как и мы, решившие заночевать на поляне. И все их маневры простая — вполне обоснованная, кстати, — предосторожность.

Первая фигура несколько мгновений рассматривала отблески огня в пластиковом окошке — больше ничего сквозь запотевшую пленку разглядеть было невозможно, — потом сделала еще пару шагов и замерла напротив угла между мной и Николаем. Сразу же начали выдвигаться двое его спутников. Они немного разошлись в стороны и встали так, что от Николая и Макса их закрывала палатка. А это уже не очень хорошо. Ладно, хоть они почти на одной линии по отношению ко мне. Одним выстрелом обоих зацепить можно. Я вытащил руку из меховушки — не похожи они на простых гостей — и просунул палец в спусковую скобу.

В руке у разведчика появился какой-то вытянутый предмет — было в его форме что-то смутно знакомое, — двое других прицелились в палатку из автоматов. Приплыли. Сейчас начнется... Резкий взмах рукой — и автоматчики открыли огонь. Треск очередей ударил по ушам и заметался меж деревьев. Пули прошивали тонкий брезент палатки, исчезали внутри, выбивали фонтанчики снега с противоположной стороны. Будь мы там, нас моментально пронзили бы десятки пуль. Внутри полыхнуло и тут же опало пламя. Ого! Еще бы и поджарились.

Не торопясь, но и не мешкая — скоро они поймут, что в палатке пусто, — я прицелился и картечью выстрелил по автоматчикам. Ближайшего, принявшего основной заряд на себя, просто снесло с ног. Второй выронил автомат, прижал руки к лицу и медленно завалился на снег. Я перевел ружье на неподвижно замершего разведчика и едва успел распластаться на снегу — моментально развернувшись, тот открыл стрельбу. Вытянутый предмет оказался жезлом, заряженным «свинцовыми осами». Поторопившись, разведчик взял слишком высокий прицел, и основной заряд пришелся в дерево, под которым я лежал. Послышались глухие удары, на меня посыпались срезанные веточки и сорванная хвоя. Сейчас возьмет немного ниже, и мне каюк.

Вылетевшая из темноты стрела воткнулась стрелку в голень, нога подкосилась, он рухнул на одно колено. Рука дернулась, и струя свинцовых капель ушла в небо. Почти сразу же короткая автоматная очередь ударила ему в спину и швырнула лицом на снег. Вовремя Макс проснулся, ничего не скажешь.

Не спуская взгляда с лежащих на снегу тел, я приподнялся и вылез на поляну. Ружье направил на автоматчика, которого слегка зацепил первым выстрелом. Если кто-то и мог остаться в живых, так это он. Надо бы снова патрон с картечью зарядить: винтовку пристрелять времени не было. Ничего, с такого расстояния даже я не промахнусь. Появившийся на поляне Макс взял на прицел неподвижно уткнувшегося лицом в снег разведчика. Надеюсь, Николай нас сейчас подстраховывает, а не кишки себе выблевывает.

Стрелять не пришлось. Проходя мимо первого подстреленного мной автоматчика, я скосил глаза и увидел разорванный в клочья маскхалат, ткань которого сменила цвет с белого на темно-багровый. Что со вторым? Тоже мертв. Насколько я понял по отсутствию других пятен крови на маскхалате, единственная картечина угодила ему в лицо. Я вытащил нож и стянул с него белую маскировочную маску. Вытянутая на скуле рана размером с ноготь большого пальца уже не кровоточила. Смотри-ка, китаец. Никак, нами Триада заинтересовалась?

— Макс, что у тебя? — стоя на коленях, задал я вопрос и перезарядил ружье.

— Этот готов, — как-то глухо отозвался тот.

— Беги к тропе, займи позицию. Может, их страховал кто. — Не убирая нож, я подошел ко второму стрелку, опустил на колени, перевернул окровавленное тело на спину и стянул маску. Нет, не Триада. Черты лица вполне славянские, а Триада с чужеродцами, не работает. Получается, до меня и здесь дотянулись? Хреново. Меня что, никогда в покое не оставят?!

— А мне что делать? — спросил вышедший из леса Николай.

— Тащи сюда мои лыжи и рюкзаки. Потом иди Макса подстрахуй.

— А это кто? — Он не сдвинулся с места.

— Бандиты, кто ж еще? Давай, беги, — рыкнул на него я. Нашел время вопросы задавать. Бандиты, как же. Простые бандиты нас бы на выходе с поляны дождались, не стали бы палатку так бездумно дырявить. Эти явно в первую очередь были нацелены на убийство.

— А откуда ты про них узнал?

— Поживешь здесь с мое и не то узнавать научишься, — отмахнулся я.

Ага, если паранойе можно научиться, обязательно научишься. Если б сам я знал, с чего решил устроить засаду. Предчувствия? Подозрения? Всего неделю назад это не помешало бы мне спокойно завалиться спать. Но то неделю назад...

Коля убежал, я пододвинул к себе пустой палаточный чехол — по основному назначению он нам больше не понадобится: тащить с собой продырявленную палатку незачем — и начал обшаривать карманы убитого. Кровищей все заляпано, но это ерунда. Улов оказался небогат. Бумажник с тремя пятихатками и парой сотенных, пластиковая зажигалка, полупустая пачка «Петра», два автоматных рожка на сорок пять патронов. Нож внимания не заслуживает, даже у Ветрицкого лучше. А где автомат, кстати? Я заметил торчащий из-под тела приклад и потянул за него. Сюрприз, сюрприз. Вместо ожидаемого «Калашникова» у меня в руках оказалась машинка, которую до этого я видел только на картинках да у одного патрульного из роты дальней разведки. АН-94, «абакан». Неплохо. Автомат и рожки я засунул в чехол, деньги в карман. Немного подумав, кинул туда и пачку сигарет. Ветрицкий скурит.

Прибежал Николай, бросил вещи на снег и, не сказав ни слова, кинулся к Максиму. Я ухватил чехол за лямку и оттащил к китайцу. Ну а ты чем нас порадуешь? Китаец, создавалось такое впечатление, вообще все оставил дома. В карманах было абсолютно пусто. Ни денег, ни сигарет.

Только АКМ да нож на поясе. Даже запасного рожка не оказалось. Так просто не бывает. Хмыкнув, я начал прощупывать швы и подкладку куртки, надетой под маскхалат. Вот оно. В одном месте мои пальцы наткнулись на какие-то твердые кругляши. Из разреза на ладонь вывалились две золотые пятирублевки царской чеканки и странная квадратная монета с треугольной дыркой посередине. Интересно, монета с иероглифами, золотая или сплав какой? Уже лучше. Я выдвинул нож из чехла, любовался на выгравированных на широком лезвии драконов, задвинул обратно и кинул к АКМ.

Остался последний труп. Перетащив потяжелевший чехол к мертвому разведчику, я вытащил из уже застывших пальцев жезл «свинцовых ос». Изогнутый и разукрашенный резьбой короткий посох, к моему сожалению, оказался не только полностью пустым, но и с широкой трещиной у основания. В раздражении отшвырнув его в сторону, я принялся за обыск. Надо поторапливаться, а то пальцы уже онемели. В мешочке на поясе звенели монеты. Я не стал вытаскивать их и пересчитывать, а просто, срезав кошелек, кинул его в чехол. Колода игральных карт заляпана кровью, лезвие опасной бритвы сильно сточено. В

сторону их. Больше в карманах ничего не было, и я перешел к оружию. Несколько метательных ножей и изогнутый кинжал в разукрашенных золоченым тиснением кожаных ножнах я, не раздумывая, добавил к своим трофеям. Вроде все. Немного поколебавшись, расстегнул и вытащил пояс — мне приглянулась толстая кожа — и только тогда обратил внимание на слетевшую с него кобуру. Вытащенный из нее пистолет оттягивал руку и весил никак не меньше килограмма. «Кольт», модель M1911. Или A1, кто их разберет? Калибр сорок пятый — это ни много ни мало 11,43 миллиметра. Знатная игрушка. В человека я из этой пушки не попаду и метров с пятнадцати, но уж если попаду... Учитывая вес пули, те же «Незримые доспехи» при удаче можно выбить за три-четыре попадания. Что с патронами? В пистолете семь и запасная обойма в кармашке кобуры, итого четырнадцать. На первое время хватит.

Вытерев о снег замаранный в крови рукав, я поднялся на ноги и пошел к месту, откуда стрелял. С помощью ножа удалось выкорябать три сплюснутых свинцовых шарика — остальные или перебили тонкие ветки и улетели в глубь леса, или глубоко засели в стволах деревьев. Сунув комочки свинца в карман, я вернулся к палатке и начал прикидывать, смогу ли в одиночку утащить все вещи. И в этот момент заметил рукоять ножа, торчащую из сапога разведчика. Нож полетел в палаточный чехол, а сапог меня серьезно заинтересовал. Кожа хорошая. Вот только размер слишком маленький, ни мне, ни парням не подойдет. А на продажу шмотки с трупа снимать как-то запахло. Хотя и надо бы. А это еще что? В тусклом свете на носке сапога блеснул металл. Серебро? Так и есть, серебряная набивка с тремя короткими толстыми шипами. И на втором сапоге такая же. Недолго думая, вытащил нож и кое-как откромсал набойки прямо с кожей и сапожными гвоздями, крепящими их к подметке. Слышал, егеря из Города такие набойки носят, значит, и мне сгодятся. Я припомнил бесшумный, плавный шаг мертвеца, и мне на мгновение стало не по себе — а не егеря ли это? Да нет, ерунда. Будь это одни из самых натасканных бойцов Города — по слухам, рейнджеры в сравнении с ними просто мальчики для битья, — они бы нас уделали за пять секунд. Я свои способности оцениваю трезво.

Покачивая головой, я кое-как сгреб валяющиеся на снегу пожитки и поволок их к выходу с поляны.

— Коля, возьми рюкзак, — попросил я Ветрицкого, который сосредоточенно пялился в темноту. Макс пристроился за стволом поваленной сосны с другой стороны прохода. — Никого не было?

— Да вроде нет, — невнятно ответил Макс. Что-то он совсем скис.

— Быстро разбирайте вещи, и пойдём отсюда.

— До Оазиса?

— Там видно будет. — Я поправил высывающийся из чехла ствол автомата.

— Мародерствуем? — с явственно слышимым отвращением в голосе спросил Николай.

— Запомни, мародерство — это если ты нашел труп и обобрал его. Если ты завалил человека и забрал его шмотки — это убийство и разбой. А в нашем случае можно говорить о боевых трофеях. Понял? — едва сдерживаясь, чтобы не двинуть ему в рыло, прочитал я короткую лекцию.

— Понял, — кивнул тот.

Распределив груз, мы начали осторожно пробираться через лес по тропинке и, не встретив никого по пути, вышли на дорогу. Хорошо, что гости растяжек не оставили. В темноте мы бы обязательно напоролись.

— За мной, — скомандовал я и побежал обратно по направлению к скальной гряде. В самом ее начале, там, где подъем был еще не очень крутым, я скинул лыжи и начал взбираться по обрыву. Переступая с выступа на выступ и скользя на обледенелых и покрытых снегом камнях, мы забрались вверх. Как я и помнил, каменная полоса отходила от обрыва метров на десять, а дальше начинался сосновый бор.

— Это не Оазис, — с сожалением протянул Макс.

— Угу, — тоскливо выдавил из себя Николай.

— Это лучше, чем Оазис, — немного покривив душой, заявил я и поволок ставшие после подъема невероятно тяжелыми вещмешок и забитый трофеями чехол к бору. — Только смотрите, куда ноги ставите, здесь ям полно.

— Лед, а ты мой котелок из палатки взял? — всполошился вдруг Макс.

— Какой котелок? В нем дыр больше, чем в дуршлагае.

— И стрела в труп осталась, — напомнил Николай.

— Не возвращаться же? — Я с силой дернул зацепившийся за сук чехол. Раньше вспомнить не мог?

Уже на опушке начали попадаться следы старых выработок гранита — вырубленные десятилетия назад в скальной породе ямы, почти до краев засыпанные снегом. Найти свободную от снега и не слишком глубокую яму оказалось не слишком сложно — мне сразу приглянулись несколько пихт, росших почти на опушке. К нашей радости, они окружили узкую выработку так густо, что сквозь мохнатые лапы снег внутрь почти не долетал. Продравшись сквозь их строй, я скинул вещмешок вниз — глубина ямы не превосходила человеческого роста — и кивнул парням:

— Скидывайте манатки и наломайте веток на дно. Только ломайте где-нибудь подальше. И не следите особо.

Когда все дно ямы было покрыто хвойными лапами, я достал из вещмешка медный шар и активировал вложенное в него заклинание. Шар начал быстро нагреваться, пришлось запихнуть его в щель в гранитной стене.

— Сейчас теплее станет, — пояснил я и расстегнул чехол от палатки.

— Похоже, мы сегодня без горячего, — вздохнул Макс, расстелив спальник.

— Да ты просто ясновидящий. — Нацепив кобуру с «кольтом» себе на пояс, я принялся выбирать что-нибудь из съестного, что не нужно готовить.

— А чего так? — Ветрицкий тоже достал спальник и уселся на него.

— По дыму нас найти проще простого. Да и угореть здесь можно. — На самом деле в то, что нас будут искать, я не верил — проще было устроить засаду на выходе с поляны. Но зачем на рожон лезть?

— Да и ладно, я так устал, что даже есть не хочу. Орехи добыю и баиньки. — Николай пошарил в кармане и вытащил полупустой пакетик счищенным фундуком. — Только пить охота.

— А я пакет сока на складе взял. — Макс вытащил со дна рюкзака не замеченный мной утром литровый пакет яблочного сока. — Что-то меня тоже сушняк долбит.

— Только не говори, что сок в сухой паек входил. — Я взял у Макса пакет, внимательно осмотрел сделанную черным маркером руническую надпись противозамораживающего заклинания, свернул крышку и наполнил кружку.

— Ну-у-у... — смутился тот, — я там децил балабасов подрезал, пока кладовщик тушенку искал.

Понятно теперь, откуда шоколад и орехи взялись.

— Удачно получилось. — Я достал банку кильки в томатном соусе, несколько минут подержал ее рядом с излучающим тепло медным шаром, вспорол ножом тонкую жесть и отогнул крышку. — Хлеб есть?

— Нет. Печенья немного осталось.

— Доставай, — согласился я.

Когда мы немного перекусили, я начал выкладывать трофеи. «Абакан» без разговоров заграбастал себе Макс, отдав Николаю в качестве отступного АКСУ и пару рожков патронов. А вот из-за ножа китайца вышел короткий, но бурный спор: изукрашенный драконами клинок приглянулся обоим. Оно и понятно, нож шикарный. Я плюнул и отдал его Николаю, а набор метательных ножей и кинжал разведчика Макс. Вполне

справедливо, на мой взгляд. Про деньги ничего говорить не стал и делить их не собирался. Я самый обделенный, что ли? А парни пусть порадуются, нам после возвращения из рейда еще и за палатку скидываться.

— У кого-нибудь часы есть? — спросил я после того, как дележ закончился.

Мог бы и не спрашивать — часы оказались у Вербицкого.

— Девять, — коротко доложил Николай.

— Первая смена твоя, вторая моя. — Я забрал у опешившего парня спальник и начал прикидывать, как в него проще забраться. — Дежури́м по три часа, меня разбудишь в начале первого.

— Какой смысл здесь внизу дежурить? — пробормотал тот, видимо, не рассчитывая, что я отвечу. — Ни черта же не слышно.

— А ты слушай лучше. Это во-первых. — Я вытянулся в спальнике и пристроил голову поудобней на снятой ушанке. — А во-вторых, никогда не слышал про тварей, которые спящих зачаровывают?..

Стены помещения колебались и расплывались в серое пятно, стоило мне сосредоточиться на какой-либо конкретной детали. То же самое происходило и с людьми, сидевшими за соседними столами. Где это я? А-а-а... понял. «Цапля». Мой взгляд опустился и уткнулся в кружку, на дне которой осела пивная пена. Ничего не понимаю, я ж вчера в рейде был. Спать лег трезвым и возвращаться в Форт не собирался. Интересно, как это я умудрился напиться до потери памяти и вернуться обратно? Ничего не помню. А это «Цапля», сомнений быть не может. Вон и Грач за стойкой стоит. Я приподнял кружку, но допивать пиво не стал и поставил ее обратно. Хватит. И тут меня посетила совершенно трезвая мысль о том, что со мной сделают за срыв рейда. Я аж пропотел.

— Эй ты, это наш столик!

Я поднял голову и уткнулся в трех бандитского вида угрюмых ребят, вставших напротив стола. Один рядом, двое подальше.

— Я уже ухожу, — просипел я помимо собственной воли. Я же не это хотел сказать!

— Уходишь, базара нет. Только за место заплати сначала, — почувствовав страх, перешел в наступление заводила.

— Ага, сейчас. — Еще до того, как моя рука скользнула в карман, я понял, что сейчас произойдет. Я понял, а громила нет, и поэтому, когда дуло нагана уткнулось ему в лоб, он лишь скривился в презрительной ухмылке и попытался рукой отодвинуть револьвер в сторону.

— Убери пушку, щено... — Последнее слово он не договорил, мой

палец совершенно самостоятельно нажал на курок, и детина с дыркой во лбу начал заваливаться на спину.

— Сука! — с диким криком метнулся ко мне второй, но получил две пули в упор и рухнул пробитой грудью на стол. У третьего не выдержали нервы, он метнулся к выходу, но не успел — я поймал мушкой его затылок и спустил курок...

— Лед, просыпайся, твоя очередь, — растолкал меня Николай.

— А? Да все уже, все. Встаю. — Я минуту полежал, приходя в себя, забрал часы и вылез из спальника. Опять этот сон. Хорошо еще, что подошло время моего дежурства и самое «интересное» мне посмотреть не довелось. Минуту посидев, прислонившись к теплой стене — в яме за время дежурства Николая стало значительно теплее, а под еловыми ветками начала хлюпать снежная каша, — встал, потянулся и достал из кармана набойки. Так и есть, серебро. Срезав с гвоздей остатки кожи, я нашарил под наломанными ветками подходящий обломок гранита и принялся прибивать набойки себе на носки ботинок. Получилось не очень ровно, но достаточно надежно. И в драке пригодиться может, и заначка на черный день.

Закончив с этим, я достал из кармана сплюснутые свинцовые шарики и начал осторожно разрезать их ножом. Один из кристалликов внутри оказался раскрошенным, зато два других были в полном порядке. Многие заблуждались, считая, что свинец выталкивается из жезла за счет энергии, закачанной в такие вот специально обработанные камни. На самом деле магической энергии в них не было вовсе, но если шарик попадал в защитное поле чародейского амулета, то кристалл моментально переполнялся энергией и взрывался. Голову человеку сносило запросто. Я вытащил из потайного кармашка на рукаве заточку, изготовленную из обломка полотна ножовки, и сохранившимися на лезвии зубчиками начал надпиливать пули «кольта». Кристалликов было всего два, но, засунув их в надпилы, я не стал останавливаться и надрезал крест-накрест все боеприпасы. Типа, «дум-дум». Потом снарядил обе обоймы, одну засунул в кармашек на кобуре, вторую защелкнул в пистолет и передернул затвор.

Время пролетело незаметно и, взглянув в очередной раз на часы, я разбудил Макса:

— Вставай, засоня. Через три часа меня разбудишь.

— Да я не сплю, — как-то безжизненно отозвался тот.

— Ну и дурак. Что с тобой такое?

— Я человека в первый раз убил. — Макс освободил спальник и

присел у теплой стены.

Я промолчал. А что тут можно сказать? Банальные — правильные, но от этого не менее банальные — фразы о том, что «или ты их, или они тебя», «они первые начали» и «не думай об этом»? Или циничные «забей», «не последний раз» и «такова жизнь»? Так он и сам это прекрасно понимает. Каждый переживает первое убийство по-своему. Для одного это психологическая травма на всю оставшуюся жизнь. Для другого мелочь, гроша ломаного не стоящая. Ничего, думаю, Макс отойдет быстро.

— Такова жизнь, — пробормотал я себе под нос, залез в спальник и потом еще долго ворочался, пытаясь заснуть. Это все из-за сна. В подсознании прочно угнездился страх попасть в его продолжение и опять — уже в который раз — ползти по заснеженному полю до такой далекой стены...

К черту, это всего лишь сон...

Глава 7

— Мы правильно идем?

— Да.

— Точно?

— Точно.

— Но мы же пришли не оттуда.

— И что?

— И идем, значит, не туда.

— Понятно дело.

— Что понятно? Поворачивать же надо!

— Да ну?

— А как по-другому?

— По-другому через лес напрямик. — Я остановился на пригорке, огляделся и съехал вниз. Сосновый бор, в котором мы ночевали, остался позади, но метрах в пятидесяти начинался другой, уже смешанный лес.

— А не заблудимся? — забеспокоился Николай, который не переставал донимать меня последние минут пятнадцать вопросами, и оглушительно чихнул. Несмотря на теплый лыжный костюм, он умудрился вчера простудиться.

— Ну, ты загнул! Мы — и заблудимся? — возмутился мрачный с недосыпа Макс, большую часть утра клевавший носом. Вчерашняя хандра у него уже прошла. — Коля, ты за кого нас принимаешь?

— А зверье здесь какое водится? — Ветрицкий не обратил внимания на риторический вопрос, стянул перчатку и высморкался.

— Разное здесь зверье водится, разное... — Я внимательно осмотрел следы на опушке леса. Снег со вчерашнего дня не шел, и по отпечаткам лап на рыхлом насте было видно, что пробежали здесь самые обычные лесные животные. Несколько зайцев, белки, одинокая лисица. Никого, кто мог бы оказаться опасным. Даже волчьих следов нет. Заблудиться нам тоже не грозит — узкую полосу деревьев от основного лесного массива отсекала дорога на Волчий лог. После вчерашних событий я решил не искушать судьбу и не возвращаться на старую тропу, где нас могли перехватить, а срезать напрямик через лес и выйти на нормальную дорогу. Пусть час потеряем, но, если повезет, встретим попутный обоз. Тогда и пешком топтать не придется.

Мы цепочкой вошли в лес — здесь было намного светлее, чем в

сосновом бору, — и начали осторожно углубляться в чащу. Насколько я помнил, это было самое узкое место лесополосы. Тишину нарушали только шорох верхушек деревьев, шум ветра в них, скрип лыж и харкающий кашель Николая. Что-то слишком здесь тихо. Будто все лесные обитатели вслед за медведями погрузились в зимнюю спячку. Это, разумеется, не так: снег под деревьями усеивали остатки расшелушенных шишек, полусклеванные ягоды, птичий помет. Некоторые ветви обкусаны, на коре виднеются отметки рогов и когтей. Но это лишь следы: не мелькали на ветках деревьев белки, не звучал непрерывный утренний гомон птиц. То ли нас учуяли, то ли основная активность здесь начинается с приходом темноты.

— Долго еще до Волчьего лога? — окрикнул меня Макс.

— К обеду... — начал я и вскинул левую руку — сердце кольнула ледяная игла дурного предчувствия. Макс едва не уткнулся в меня и с трудом вывернул в сторону. Николай среагировал раньше и успел остановиться, не доезжая пары метров. Парни правильно поняли мой жест и начали медленно пятиться с поляны, на которую мы выехали. Что случилось? Я скинул варежку и уже собирался расстегнуть фуфайку, чтобы достать подаренный Катей оберег, когда небольшой сугроб в центре поляны, словно поняв, что его каким-то непонятным образом обнаружили, угрожающе заворчал. Вспыхнули два кроваво-красных глаза. Оскалившиеся на мгновение клыки были не очень длинными, но по остроте могли поспорить с лезвием бритвы. Сугробник! Судя по размерам, еще молодой, но от этого не становящийся для нас менее опасным.

Проклиная себя за невнимательность: надо было сразу обратить внимание на отсутствие живности в лесу — сугробники славились тем, что буквально «выедали» свою охотничью территорию, — я щелкнул кнопкой на лыжной палке. Из ее окончания с металлическим щелчком выскочил узкий клинок. Животное, принятое мной за кучу подтаявшего на солнце снега, резко сжалось, присев на задние лапы, но прыгнуть не успело: торчащее из палки лезвие, пробив белую шкуру — у матерых сугробников ее даже картечь не берет, — почти до упора вошло в грудину. Резкий визг ударил по ушам, лыжную палку рвануло так, что она едва не выскочила из рук. Зверюга, взбив снег мощными лапами, еще раз попыталась добраться до меня — палка опасно выгнулась, но выдержала. Макс сорвал с плеча автомат, подскочил к сугробнику и, приставив дуло к мохнатому уху, спустил курок. Сухо щелкнул выстрел — с веток деревьев ухнул вниз сбитый звуковой волной снег — простреленная голова зверя мотнулась вбок, но изогнутая в агонии когтистая лапа, зацепив за ногу, успела

отшвырнуть Макса в сторону.

Я отпустил лыжную палку и схватился за ружье: молодые сугробники по одиночке не живут. Скорее всего, где-то поблизости стоя голов в двадцать. И из них как минимум один взрослый самец. Подтверждая мои опасения, затрещал подлесок, и на поляну выскочил второй зверь. К нашему счастью, этот был не старше первого. Я спустил курок — отдача впечатала приклад в плечо — заряд картечи отшвырнул животное в кусты. Теперь быстро зарядить в штуцер ружейный патрон с пулей — взрослому сугробнику ни винтовочные, ни автоматные пули не страшны. Макс застонал и сел, неловко подгибая ногу. Порадоваться, что он пришел в себя, мне не удалось: сзади ударила длинная автоматная очередь. Я резко развернулся, едва не потеряв болтающиеся на ногах лыжи, и успел заметить, как Ветрицкий расстреливает из АКСУ еще одного сугробника, прыжками несущегося по нашим следам. Очередь перечеркнула тело зверя, но почти сразу же ушла в сторону — с деревьев полетели ошметки отщепленной коры. Плохо дело, это матерый. Я замер со вскинутым ружьем: промажу — времени на второй выстрел не будет. Увидев, что зверя не остановить, Николай рванулся в сторону и укрылся за стволом ближайшей осины. С разбегу пролетев мимо, сугробник замер, поднял на меня приплюснутую морду и, присев для прыжка, коротко рывкнул — оскаленные клыки были в мизинец длиной. Именно этого момента я и ждал: тяжелая свинцовая пуля угодила прямо в раскрытую пасть, и затылок твари просто снесло. Снег забрызгали бледно-розовые сгустки крови.

— Макс, ты как? — Я снова зарядил патрон с пулей. — Идти сможешь?

— Да я вроде в порядке, а вот котелок твой звездой накрылся. — Макс, не вставая, повертел в руках смятый котелок, который я на время отдал ему взамен простреленного вчера вечером.

— Не живут они у тебя. — Ветрицкий подошел к мертвому зверю и потрогал сбившуюся и висящую сосульками шерсть. — Какая жесткая!

— Фиг с ним, с котелком, надо быстрее отсюда уматывать, пока нас есть не начали. — Я вертелся на месте, озираясь по сторонам. Матерый сугробник двигался слишком медленно, думаю, хотел подождать молодняк, которому практика загона крупной дичи совсем не помешает.

— Здесь еще такие есть? — забеспокоился Макс, вскочил на ноги и тут же рухнул обратно на снег. — Черт!

— Что с ногой? — Где-то поблизости раздался знакомый рык, и меня прошиб пот: не успеваем.

— Болит, зараза. — Макс попробовал встать, на этот раз уже гораздо

медленней. — Фу-у, не сломана, ушиб просто. Но долго бежать не смогу...

— Повезло еще, что по котелку удар пришелся. — Я торопливо достал из кармашка вещмешка небольшую стеклянную колбочку, скovyрнул ножом закупоривающую ее деревянную пробку и протянул Максy, стараясь не вдыхать кисловато-горький запах. — Глотай.

— Это что?

Рычание и тyвканье сугробников становилось все громче.

— Почка бархатника, замаринованная. Глотай быстрее!

— Зачем?

— Болеутоляющее.

Больше ничего я объяснять не стал, а выдернутой из туши лыжной палкой набросал на снегу прямоугольный треугольник и по три руны на каждой из его сторон. Снег на линиях заляпан кровью — не страшно: для сотворения заклинания рисунок не нужен, просто это лучший способ восстановить в памяти необходимый порядок магических действий. В Гимназии знания вдалбливали намертво, и до сих пор я старался придерживаться заложенных тогда принципов.

— Е-э-э... ну и гадость. — У Макса дернулся кадык, он сглотнул, с отвращением посмотрел на пустую колбочку и выронил ее в снег, — чуть не блеванул...

— Хватайте меня под руки, быстро, — прикрикнул я. Времени почти не оставалось. Магической энергии у меня не припасено ни карата, придется использовать собственные силы, и после наложения чар мне даже ногами шевелить трудно будет. Заклинание отвода глаз совсем простенькое, но колдун из меня аховый, толком управлять энергией не обученный, а прикрывать придется сразу трех человек.

Сообразив, что дело серьезное, парни подбежали ко мне и встали по бокам. Треск кустов раздавался уже совсем рядом.

— На зверей внимания не обращайтесь, только следите, чтобы они на нас не наткнулись. — Я глубоко вздохнул и, сконцентрировав в ладонях энергию, сделал первый пасс. В воздухе появилась мерцающая черта. Усилием воли я зафиксировал ее и, преодолевая сопротивление магического поля, свел ладони. Зависшая передо мной бледная пелена задрожала, постепенно становясь все прозрачней, но мне удалось стабилизировать ее, влив еще немного силы. Теперь самое сложное. Я зажмурился и, проговаривая регулирующее поток силы заклинание, начал выводить зеркально отображенные руны на четко видимом сквозь закрытые веки треугольнике. Темно-синие символы, стоило на них сосредоточиться, проступали на бежевом фоне сами собой. И почти так же

быстро, как появлялись, начинали расплываться, когда мое внимание переключалось на следующий символ. Быстрее! Надпись была завершена, но первая руна почти растеклась в синюю кляксу, окрасив поле вокруг себя в грязно-зеленый цвет. Растянувшийся треугольник мазнул по Макс и Николаю, их ауры задрожали и начали медленно растворяться. Еще раз подпитав треугольник, я произнес завершающую фразу и, напоследок проведя по себе посеревшим и местами расползающимся полем, направил его в ближайшее дерево. От моей ауры к осине потянулся тонкий шнур заклинания. Успел! На человека такие чары наверняка бы не подействовали, но зверей ходящие деревья насторожить не должны. Надеюсь...

Я открыл глаза и увидел, как сразу с трех сторон сквозь редкий подлесок проламываются сугробники. Звери замерли на краю поляны и с шумом втягивали раздувающимися ноздрями воздух. Я через силу улыбнулся, но тут меня накрыл откат и все, что теперь имело значение, — это любой ценой удержать чары от распада...

Шаг, другой... падение, резко остановленное рывком сзади... промчавшийся мимо матерый сугробник... небольшой спуск, кажущийся обрывом... ветвь дерева, летящая прямо в лицо... истончающаяся связь с осинкой, с каждым шагом глубже врезающаяся в душу... ломающиеся с сухим треском ветви кустов... высоченные сугробы, наметенные у опушки... ослепительные лучи солнца, двумя спицами вонзившиеся в глаза... шаг, еще один. Нить, связывающая меня с осинкой, лопнула, когда мы уже вышли из леса и выбрались на обочину дороги. В затылок вонзилось холодное лезвие, ледяным крошевом взорвавшееся внутри головы, и на меня нахлынули обрывки воспоминаний и осколки видений, которые иначе как бредом назвать было нельзя.

...Соткавшийся прямо из воздуха Ян Карлович сунул мне в руку чекушку водки и сгинул вместе с тенью, когда землю осветили бирюзовые лучи. Два солнца — желтое и лазурное — смотрели с неба, словно глаза сказочного великана. Злого великана. Взметнувшиеся вихри снега наждаком прошли по коже и опали, стоило уличному проповеднику с выпирающей из-под черной хламиды пистолетной рукояткой поднять руки и начать выкрикивать непонятные слова. Почему-то мне показалось, что это испанский. словно в ответ на его молитву — или проклятие? — из земли полезли ледяные шипы, а потемневший небосвод рухнул вниз. Из порезов, пропоротых ледяными лезвиями, хлынули замораживающие все на своем пути клубы невыносимо холодного воздуха. Я еще успел заметить мелькающие в надвигающейся тьме фигуры, и в этот миг меня обжег холод

приложенной к лицу горсти снега.

Вслепую отмахнувшись, я откатился в сторону, выхватил нож и только тогда открыл глаза. Николай, скрючившись, стоял на коленях и прижимал руки к животу. Макс невозмутимо сидел на свернутом спальнике рядом и, снисходительно улыбнувшись, покачал головой:

— Говорил же: не трогай, сам очухается.

— Вот и делай людям добро после этого, — просипел Ветрицкий и, покачиваясь, поднялся на ноги.

От резких движений в глазах потемнело. Я убрал нож и повалился на снег. Хреново. Шум в голове нарастал, и небо из синего начало постепенно становиться серым, а все краски словно покрылись налетом пыли. Даже белый снег сделался каким-то неестественно тусклым. Я закрыл глаза, но стало только хуже, и пришлось их открыть.

Пальцы на вытянутой руке дрожали, ноги свело судорогой. Да, такого отката у меня еще не было. Но и прикрывать сразу трех человек одновременно не доводилось. Ничего, полежу минут пять и оклемаюсь.

— Куда сейчас? — Ветрицкий закурил и, повалив рюкзак плашмя, уселся сверху.

— Передохнем минут десять — и в путь. — К горлу подкатил комок. Сглотнув, я повернул голову к Макс. — Ты как? Идти сможешь?

— Даже не знаю... В лесу нормально было. — Макс хлопнул ладонью по вытянутой ноге и скривился от боли. — А теперь стало еще хуже, чем когда меня эта тварь зацепила.

— А ты как думал? Боль препарат тебе снял, но повреждения-то никуда не делись.

— Зачем тогда я вообще эту гадость глотал? — возмутился Макс.

— А из леса бы ты на корячках выползал? У меня и так сил в обрез хватило. — Постепенно начали возвращаться оттенки цветов, и мир перестал напоминать плоскую черно-белую фотографию плохого качества. — Глаза отводить — не мешки с цементом грузить, но я бы не сказал, что намного легче.

— Так ты глаза отводил? — удивился Николай.

— Ну.

— А почему эти зверюги нас не унюхали?

— Это только называется «глаза отвести». Скрытых заклинанием все видят и слышат, на них просто не обращают внимания. Немного настороженности — и эти чары бесполезны.

— А ты так и людей обмануть можешь? — Николай кинул на землю окурок и присыпал его сверху снегом.

— Могу, но подействует не на всякого. Только на очень невнимательного или усталого. На людей морок наводят. — Я медленно поднялся на ноги и оперся о лыжную палку — моментально закружилась голова. — Морок я тоже навел, только совсем простенький. На случай, если какой-нибудь упертый сугробник пойдет по следам и уткнется прямо в нас. В этом случае он должен был увидеть три растущие рядом осины.

— Круто...

— Круто, кто спорит. Но я теперь еле на ногах стою. — Я посмотрел на Макса — этот тоже не ходок. Что делать? Ждать, пока попутный обоз не пойдет?

Я оглядел дорогу. Пусто. Но следы полозьев и копыт совсем свежие. Только остановит ли кто-нибудь сани при виде нашей троицы? Вряд ли. А то еще и пальнет для острастки. Но тут мне в голову пришла неплохая идея.

— Коля, помоги Максиму добраться вон до тех кустов. Будем попутку караулить.

— До каких? Тех, которые у пригорка? — Ветрицкий дотронулся до уха и вздрогнул: на пальцах остались пятнышки крови.

— Угу. — Меня заинтересовал именно этот пригорок. Кони быстро в горку тянуть не смогут, и у нас будет время найти общий язык с возницами. — Макс, падай туда и отдыхай. Только на дорогу не высовывайся.

— Да чтоб тебя! — с досады ругнулся Николай, нагнувшись, зачерпнул полпригоршни снега и приложил к уху.

— Что случилось? — скосился на него Макс.

— Веткой серьгу зацепил.

— Не вырвал? — Меньше всего мне сейчас хотелось возиться с разорванным ухом.

— Нет, надорвал немного. — Николай швырнул заляпанный кровью снег под ноги.

— Ничего, до свадьбы заживет, — успокоился я. Главное, чтобы заражения не было.

— Не цеплял бы серьгу, ухо целее было бы. — Макса серьга явно раздражала. — А то ходишь, как нефор какой.

— Хочу и хожу, — вспыхнул Ветрицкий. — Тебе какое дело?

— Да никакого, — усмехнулся Макс. — Хоть кольцо в нос вдень, я тебе и слова не скажу.

— Вот и помолчи тогда, гоп.

— Сам помолчи, нефор.

Немного постояв, я подхватил свой мешок и, покачиваясь, поплелся за парнями. Если Макс заляжет за наметенным сугробом, с дороги его видно не будет. Коля сможет занять позицию на пригорке в ельнике, а я закопаюсь в снег где-нибудь на середине подъема.

— Мне куда? — Ветрицкий помог доковылять Максу и спустился ко мне.

— Иди наверх, без меня не высовывайся. Подсядем к кому-нибудь, через пару часов в Волчьем логе будем. — Я передал ему свои лыжи и вещмешок.

— Хорошо бы, а то этот гоп меня уже достал.

— Гопы, быдло... — поморщился я. — Когда навешиваешь ярлык, начинаешь думать, что человек так и будет себя вести. Но ярлык — это всегда обобщение. И тот, кого ты окрестил «гопом», запросто может тебя озадачить.

— Но он и есть самый натуральный гоп, — не понял меня Ветрицкий и закашлялся.

— Это ты считаешь его гопом. А кто-то может считать гопом тебя.

— Меня? — удивился Николай.

— Тебя, — кивнул я, решив немного поболтать и отдышаться — все лучше, чем в сугробе лежать. — Был у меня один знакомый музыкант — весь из себя панковый. На голове гребень, на шее на цепочке вилка болтается. И другие парни в группе ему под стать. Выступали они однажды в очень продвинутом клубе, а мы с другом пошли их послушать, ну и пивка заодно попить. С деньгами тогда напряг был, поэтому пиво по шестнадцать рублей за бутылку в баре брать не стали, а сгоняли одного из музыкантов за разливным. Полторашка тогда рублей десять стоила, не больше. Сидим, значит, за столиком впятером: три музыканта и я с корешем. Музыка долбит, не слышно даже того, что тебе в ухо кричат. Соску с пивом, понятно дело, по кругу передаем. И в перерыве между песнями из-за соседнего столика доносится: «Е-мое, ну и гопы!». Понял?

— И что я понять должен? — выпятил нижнюю губу Николай.

— Терпимей надо быть, вот что.

— Я подумаю над этим.

— Подумай. А еще раз в рейде занозитесь, оба огребете. — Надо это дело пресекать, пока один другому мозги не выбил.

— Я, что ли, первый начал?

— Без разницы, кто начал. Все, давай, дуй наверх. — Я подтолкнул Ветрицкого в спину. — И не кашляй, когда сани рядом будут. Лады?

— Постараюсь, — буркнул Николай и зашагал вверх по склону.

Я покачал головой и, разбежавшись, выпрыгнул с дороги на обочину. Снегу здесь оказалось по пояс. В самый раз: и вылезать легко будет, и укрыться есть где. Немного отползя от дороги, мне удалось устроиться рядом с покачивающим под порывами ветра сухими пачками семян кленом. В глазах мелькали черные точки, но силы восстановились почти полностью. Только про колдовство на недельку лучше забыть.

Холодно. Колючий ветер то и дело забирался под фуфайку, выдувая последние крохи согретого телом воздуха. Скорость ветра постепенно увеличивалась, и по просеке побежала поземка. Что-то стало холодать... Я достал из внутреннего кармана фуфайки фляжку, свернул колпачок и глотнул. Хорошо! Сразу стало теплее, головная боль немного стихла, но увлекаться этим делом не стоит, можно и заснуть. С сожалением убрав фляжку, я поудобней устроился в снегу, повернувшись к ветру спиной. Блин, а двое суток-то уже прошло? А, черт с ним, с этим «Синим лекарем»! Даст бог, не сдохну. Как это меня задолбало! Бегаешь, ползаешь, а все без толку — оно мне надо? Плюнуть бы и свалить куда подальше. Только вот куда? Усмехнувшись, я прогнал хандру — не дождетесь! — и насторожился: издалека донесся волчий вой. Совсем обнаглели серые, посреди дня из лесу выходят. Как бы нам на них не нарваться.

Минут через пятнадцать-двадцать послышался тихий перезвон бубенцов. Вот мы и дождались попутки. Немного погодя стал слышен глухой стук копыт и всхрапывание лошадей. Кто это к нам пожаловал? Сани-розвальни — одна штука, возница — одна штука. Очень удачно! Пропустив сани, которые неторопливым бегом тянули две коняги непонятной серой масти, я дождался, пока они не замедлят своего хода на подъеме, выполз на дорогу и махнул рукой Ветрицкому. Тот выскочил из кустов как чертик из коробочки.

— Тпру-у-у! — Возница — сутулый мужичок лет сорока, закутанный в длинный бараний тулуп, — натянул вожжи и сдвинул на затылок мохнатую шапку, из которой торчали клоки вырванного меха. Правая рука нырнула под сиденье. — А ну с дороги!

— Руку убери, — негромко попросил я его, ухватившись за заднюю спинку розвальней.

Вздвогнув, возница выдернул руку из-под сиденья — на дно саней брякнулся обрез, — осторожно развернулся ко мне и хмуро посмотрел на нацеленное на него ружье:

— Денег нету.

— Ты кто? — Я пристроил на спинку ствол штуцера.

— Мифка Ряхин. — Мужик хлюпнул носом и выдавил из себя

щербатую кривую улыбку. — Братцы, не губите, а?

— Откуда?

— С Волчьего лога мы.

— Едешь, говорю, откуда? — решил я потянуть разговор и присмотреться к мужичку.

— Из Форта еду, из Форта, — закивал Ряхин, на мгновение замолчал, но тут же поспешно добавил: — В Еловое завернул по пути долг отдать...

— Куда едешь?

— Домой. Отпустите, мужики, а? Не губите! У меня ж жена, четверо детей по лавкам... А я только долги роздал...

— Да не трясись ты. Мы не бандиты. — Опасливо косясь на лошадей, подошел Ветрицкий и кинул в сани рюкзак. — Мы из Патруля.

— А-а-а... — протянул мужичок, но на его похмельной физиономии явно читалось, что хрен редьки не слаще. — Вот оно как...

— До Волчьего лога подвезешь? — Николай, не дожидаясь ответа, опустил на дно саней мои лыжи и пристроил на них рюкзак Макса.

— Подвезу, отчего не подвезти, — неуверенно промямлил возница, видимо соображая, не выкинем ли мы его по дороге.

— Вот и замечательно. — Я жестом приказал Николаю отойти в сторону и, не спуская с прицела хозяина саней, попросил: — Перекрестись.

— Чего? — вылупился на меня щербатый.

— Перекрестись, — повторил я. Возница вроде в порядке, но перестраховаться никогда не помешает. А то подсядешь к черному ямщику и поминай как звали.

Мужик перекрестился, вытер выступившую на лбу испарину и натянул варежку.

— Патруль Форта, специальная разведгруппа, — забираясь в сани, представился я, поднял обрез — никак из берданки смастрячили? — и разрядил. Обрез вернул владельцу, сам сел на заднюю лавку и положил в ноги трофейный АКМ.

— Этот не поедет, что ли? — Ряхин проводил удивленным взглядом направившегося на пригорок Колю.

— Поедет, там у нас еще один лежит.

— Лежит? Не, так не пойдет! — возница яростно замотал головой. — Труп не повезем. У меня лофади нервные — мертвяков боятся. Взбесятся еще.

— Какой труп? — Я кое-как пристроил лыжи с палками под сиденьем. — Ног у парня подвернул, вот и лежит. Ты трогай, кстати.

— Но-о-о! Пофли, родимые. — Ряхин слегка взмахнул вожжами,

лошади тронулись, и сани неторопливо заскрипели вверх по склону. — А фто случилось? Мне кум рассказывал, патрульные через лес с завязанными глазами пройти могут и не оступятся даже. Брежал?

Сани остановились, Ветрицкий помог забраться в них Макс. Я подогнул ноги и освободил для него место с правой стороны. Николай уселся рядом со мной.

— Это он, скорей всего, про егерей говорил. Но если на сугробника нарваться, то что егерь, что патрульный...

— Сугробники? Ефкин кот! — вздрогнул Ряхин и прикрикнул на лошадей. — А ну живей пофли, костлявые!

Сани понеслись с горки, но внизу коняги решили, что с них достаточно, и снова неторопливо затрусили по дороге. Нервные они, ага, как же. Эти-то две флегмы?

— Вас как зовут-то? — Мужичку спокойно на месте не сиделось, и он то и дело поворачивался к нам. — Меня Мифкой кличут.

— Макс.

— Николай.

Я сделал вид, что вопроса не услышал.

— А тебя как, старфой? — каким-то образом Мишка распознал во мне командира.

— Лед.

— ...мать! — вырвалось у Макса, когда сани ухнули в выбоину, и он приложился отбитой ногой о дно. — Полегче нельзя? Не дрова везешь!

— Фто за жизнь? — Возница пропустил возмущение Макса мимо ушей. — То волки, то мертвь ходячая, теперь еще и сугробники!

— А что с волками? — заинтересовался Макс. Наверное, тоже вой слышал.

— А житья от них никакого не стало, от волков-то, — сморщился Мишка. — Сбились в стаю пастей в тридцать и уже на людей кидаются.

— На людей? — не поверил Николай. — Волки же с человеком не связываются?

Мы с Максом только переглянулись. Не связываются, ну-ну...

— О том и речь! — закивал Мишка и почесал куцую рыжеватую бородку. — Не зря про оборотня болтать начали! Оборотень завелся, зуб даю.

— Прямо оборотень? — хмыкнул я. — Не волколак?

— Нефто мы с волколаками дел не имели?! — оскорбился возница. — Почитай в каждом дому по фкуре! Оборотень это! И на людей волков специально науськивает, не по нутру ему, когда другим хорошо. Злоба его

точит. Батюшка на профлой проповеди прямо сказал: «Пока не изничтожим это сатанинское отродье, житья нам не будет».

— Ну, священнику видней, — усмехнулся я. В каждом доме! Я что, в Волчьем логе не был?

— Не верифь? — почувствовал в моих словах усмешку Мишка. — Сам увидишь. Нефто к нам со всего Приграничья охотники просто так собрались? О Диего Следопыте слышал? А об Айболите? То-то же...

Я только присвистнул. Если он нам лапшу на уши не вешает, дело серьезное. Эти товарищи по мелочам не размениваются. Задумавшись, я чуть не схлопотал дулом ружья по носу, когда полозья телеги соскользнули в раскатанную колею. Уберу-ка я его от греха подальше. После того как лыжи были сдвинуты в сторону, места для штуцера вполне хватило.

— А сотенку золотом за голову оборотня я тоже выдумал? — продолжал горячиться Ряхин. — Приедем, сам об этом охотникам скажефь.

— Да верим мы вам, верим, — откликнулся Макс, вцепившийся в борт саней. — А чего вы этой дорогой едите? Разве через Ляховскую топь не короче?

— Дак я из Елового возвращаюсь, — объяснил возница. — А через топь дорога даже хуже.

— Куда хуже-то? — простонал Макс. — Колдобина на колдобине!

— Здесь колдобины. И там колдобины, — начал Мишка, обернулся и подмигнул. — Но здесь простые колдобины, а там они через букву «ё». Понял?

— И часто мотаться приходится? — Николай облокотился на свой рюкзак, пристроив лыжи между собой и Максом.

— Когда как, — степенно проговорил Ряхин. — Когда товар есть, каждую неделю. А раньфе и два раза получалось оборачиваться.

— Что возите?

— А, ерунду всякую, — отмахнулся Мишка. — В основном съестное.

— И по деньгам как получается? — То ли Ветрицкий просто не мог ехать молча, то ли ему в самом деле было интересно.

— Денег остается кофкины слезки, — помрачнел возница. — Перекупщики, фтоб им пусто было, все за бесценок скупают.

— Миш, а чего сам не торгуешь?

— Тю-ю-ю! За место на базаре платить — без портов остаться можно. — Ряхин повернулся к Ветрицкому. — Знаефь, Коля, я раньфе еще кое-как концы с концами сводил, а теперь полный фвах.

— А что такое?

— Конкуренция, мля, и свободный рынок, мать его за ногу!

— А-а-а, — с умным видом протянул Николай, но было видно, что он ничего не понял.

— Есть такие — в деле без году неделя, а уже правила свои устанавливают. — Возница тяжело вздохнул и забубнил себе под нос: — Ничего, меня на хромой кобыле не объедефь. Мы еще тоже кой-чего можем...

— А если скооперироваться? — сумничал Коля.

— С этим козлом? — сплюнул Мишка. — Да я с ним даже срать рядом не сяду! А за зуб он мне ответит. Я ему кифки еще помотаю. Волчий выкормыф!

— Миш, а что у тебя лошади такие странные? — сменил тему Николай.

— Чего странного? Лофади как лофади.

— Я про масть.

— А! Мутация это.

— Чего?! — чуть не подавился Ветрицкий, а у Макса от удивления глаза на лоб полезли.

— Сена-то мало, приходится в корм серый мох и снежную ягоду добавлять. — Ряхин усмехнулся в усы. — Ничего, масть дело десятое.

— И недохнут они на такой диете? — удивился я.

— А чего с ними станется? — пожал плечами возница. — Вон на севере и люди снежные ягоды трескают. Что делать-то? Голод не тетка.

— И что, тоже сереют? — рассмеялся Николай.

— Не, лысеют, — вроде бы серьезно ответил Мишка, помолчал и добавил: — Футка.

— На вкус как? — стало интересно мне.

— Сам не пробовал, но, говорят, есть можно. Вот бражку из снежных ягод пробовать доводилось, — Ряхин причмокнул от удовольствия, — на фто наф выморожень забористый, а та бражка по мозгам еще сильнее бьет.

— Надо будет прежде чем за стол садиться, спрашивать, что за харч подают, — поежился Макс.

— Далеко собрались? — в свою очередь любопытствовал возница.

— К Снежным Пикам, — не подумав, ляпнул Макс. Блин, ну зачем первому встречному все как на духу выкладывать?

— От оно как! — крякнул Мишка. — Путь неблизкий. Я так далеко на север не забирался — ничего там интересного нет, уж поверьте моему опыту. Вот помню, раз занесла меня с племяфом нелегкая к Стылому морю... Ох, и натерпелись мы тогда страху! Холод лютый, нечисть толпами бродит, а тут еще туманники волной пофли...

Я только тихо вздохнул — ну, начал заливать. Туманники волной пошли... Да кто их за последние пару лет видел? Если не по белочке, то считай, что никто. Балабол, дай только языком потрепать. Интересно, когда он один едет, молчит или с лошадьми разговаривает? Думаю, разговаривает — еще б им нервными не быть.

Сани выехали из леса и неспешно катились по дороге, проложенной прямо посреди заснеженного поля. На открытом пространстве ветер усилился и колючими ледяными иголками впивался в кожу. Я поморщился и опустил шапочку на лицо. Насколько было видно сквозь метущую поземку, на поле пусто. Только два небольших лесочка темными пятнами маячили впереди. Один оставался метрах в двухстах слева, второй — тот, который подальше, — находился с другой стороны дороги. Дальше до самого села дорога по полям идет.

— Только я не понял, чего вы в этой глухомани забыли? — Мишке наскучило травить байки, но долго молчать он просто не мог.

— Снежные люди скоро на юг пойдут, — степенно объяснил Макс. — Посмотрим, что да как.

— О! А я-то думаю, чего это все на север двинули! — обрадованно воскликнул возница.

— Кто это все? — насторожился я.

— Братья в последнее время зачастили. Но они в село не заходят, куда идут, не скажу, — начал перечислять Ряхин. — А еще на той неделе автоколонна рейнджеров прошла.

— Да ну? — выдохнул Макс.

— Вот те крест, — перекрестился Мишка. — Три уазика, «газель», зилек, заправщик и пазик. На них полсела посмотреть сбежалось.

— Горючка дорогая, горючка дорогая... — повернулся ко мне Макс. — В Городе-то на людях не экономят.

— Пошли они, — пробурчал я. Что Городу на чужой территории надо? Неужели и их снежные люди так напугали, что они к нам сунуться решились?

— На севере скоро не протолкнуться будет, — сдвинув шапку набок, поскреб голову Ряхин. — Но неча там делать, так я вам скажу.

— А куда деваться? — тяжело вздохнул Макс. — Служба...

— Служба есть служба. Это я понимаю, — рассудительно покивал Мишка. — Вот только у меня правило — сколько бы денег не предлагали, дальфе границы с Туманным ни ногой.

— Какой границы? — не понял Николай. — Там же не живет никто, какая граница?

— Эх, молодо-зелено, ты у нас, видать, совсем недавно? — Мишка обернулся, смерил Николая оценивающим взглядом и хихикнул. — Ничего, дойдефь — увидишь, какая там граница.

Коля повернулся за разъяснениями ко мне, но я покачал головой — не сейчас. Муторно мне что-то. Укачало? Или перекусить пора?

— А как оно там? — с каким-то жадным любопытством накинута на Николая Ряхин.

— Где? — не сразу сообразил Коля. — А-а-а! Там... Да все по-прежнему.

— А футбол? Нафи как играют?

— Никак, — разговаривать о той жизни Ветрицкому не хотелось. Все правильно — новичков эти расспросы уже в первый день так достают... По себе помню — «а что там?», «а как там?», «а в этом городе не был?», «а такого-то не знаешь?».

— А хоккей?

— Так же.

— Вот, блин, такую страну профугачил меченый! — выругался Мишка и вдруг заорал: — Волки!

Я выглянул из-за Макса и на мгновение опешил — от рощицы по полю наперерез саям неслась стая волков. Не меньше десятка хищников, почти не увязая в глубоком снегу, стремились выскочить на дорогу и преградить нам путь. Мишка выхватил плетень и начал хлестать по спинам лошадей. Те, почуяв волчий дух, понеслись, но было видно, что с волками мы разминуться не успеваем. Коля рванул меня за рукав и, что-то невнятно крича, ткнул рукой назад. Из лесочка, который мы уже миновали, отрезав дорогу к отступлению, нас нагоняла еще одна стая. И в этой стае волков было намного больше.

— Пофли, родимые! — сорвался на визг Мишка. Николай вытащил лук и попытался натянуть тетиву.

Макс схватился за автомат, но в этот момент сани так подкинуло на кочке, что парня швырнуло на борт прямо больной ногой. Зажав отбитое бедро, он скрючился внизу. Твою мать! Я попытался вытащить ружье, которое неосмотрительно засунул под лавку, но мне мешали это сделать вещмешок и лыжи, зажатые упавшим Максом. Вырвав из-под наваленных вещей трофейный АКМ, я спустил предохранитель, перевел на стрельбу одиночными и прицелился в бегущих наперерез волков — три из них вырвались далеко вперед и почти достигли дороги. Уперев приклад в плечо, открыл стрельбу — раз, два, три... На четвертом выстреле уже выскочившего на дорогу зверя швырнуло в сторону, и он завалился на бок.

Пять, шесть... Седьмая пуля попала бегущему вторым волку в ляжку.

Он запрыгал на трех лапах, но попал под очередь, выпущенную пришедшим в себя Максом. Восемь, девять — мимо. При десятом нажатии на курок раздался лишь сухой щелчок. Патроны — ек! Я швырнул автомат на дно саней и, отодвинув в сторону больше не зажатые Максом лыжи, вытащил штуцер. Что у нас сзади?

— Не трожь ствол! Гони! — прикрикнул Ветрицкий на Мишку, который левой рукой пытался дотянуться до обреза. Убедившись, что Ряхин его послушался, Коля натянул лук и, почти не целясь, отпустил тетиву. Вырвавшийся вперед хищник закувыркался со стрелой в горле. Это уже третий — еще две серые туши валялись на дороге. Но дальше дело не пошло — следующие три стрелы ушли в молоко: волки словно предугадывали движения стрелка. Расстояние между нами неуклонно сокращалось. Хреново: догонят — порвут. Даже автоматы не помогут.

— Подожди, не стреляй, — остановил я Колю, который с досады отложил лук и схватился за АКСУ. Из автомата он и с пары метров промазать умудрится. Немного повозившись, мне удалось пристроить ружье на спинке саней. Дождавшись, когда тряска почти стихла, я глубоко вздохнул, спустил курок и застонал от досады. Мимо! Патрон-то с пулей! Лихорадочно зарядив патрон с картечью, я выстрелил в нагоняющую нас волчью стаю. Три хищника остались лежать на дороге. Перезарядив ружье, я снова выстрелил, но на этот раз волки, словно повинувшись чьей-то команде, метнулись в стороны, и заряд прошел мимо. Зацепить удалось только одного. Подранок, поскуливая и припадая на переднюю лапу, потрусил назад.

— Чтоб тебя, — пробормотал я, вытащил очередной патрон с картечью и замер, заметив в стае огромного черного с проседью волка. Ну и зверюга! Да он побольше волколака будет! Явно вожак. Звери рассеялись по дороге и продолжали нагонять сани.

— Оборотень! — округлив глаза, заблажил обернувшийся Мишка и начал нахлестывать лошадей.

Ветрицкий вздрогнул и нерешительно вытащил из тула одну из стрел с серебряным наконечником. Макс матернулся, выкинул опустевший рожок и полез за новым.

— Не стреляй, не время, — остановил я Николая. Дело не в том, что я Мишке не поверил, как раз наоборот. Может, эта зверюга и не оборотень, но волколак точно. И с такого расстояния Ветрицкому в него из лука не попасть, даже будь он не перворазрядником, а мастером спорта. Уверен, и мне из ружья это будет сделать совсем не просто. Я достал заряженный серебром патрон. — Эй, Михаил! Сбавь ход.

Ряхин даже не обернулся и продолжил хлестать лошадей. Ну и как можно прицелиться, когда тебя мотает, как в несущейся через трамвайные пути маршрутке?

— Придержи лошадей, говорю! — прорычал я и немного тише добавил: — Не доводи до греха!

Подействовало. Ну, поехали. Я вскинул ружье и поймал на мушку волка, бегущего перед оборотнем. Выстрел — зверь забился на снегу. Выстрел — пуля прошла мимо оборотня, распластавшегося в прыжке над упавшим волком. Прицел ниже, выстрел — свинец выбил снег у лапы приземлившегося вожака. Прицел выше, выстрел — волк избежал попадания, отпрыгнув в сторону. Левее, выстрел — винтовочная пуля угодила в грудь зверя, он кувырком покатился по дороге, и я, не теряя времени, выстрелил серебром. Обрубки серебряной монеты попали туда, где только что лежал оборотень, успевший за мгновение до этого невероятно изогнуться и вскочить на лапы. Заряд лишь впустую выбил ледяное крошево из дороги ему в морду. Кабздец! Какие могут быть стрелы?

Издав короткий вой, оборотень развернулся и длинными прыжками понесся к лесу. Я не поверил своим глазам: вся стая устремилась за ним. Выходит, эта тварь испугалась серебра? У меня вырвался нервный смешок — патрон-то был последним. Я в изнеможении растянулся на лавке. Фу-у-у, взмок весь.

— Ура-а-а! — дико завопил Ряхин, к нему присоединился Ветрицкий.

— А че, уши отрезать не будем? — деловито поинтересовался Макс.

— Нет! — сорвался на визг Миша.

— Да ладно, я так, спросил просто, — пошел на попятную Макс и поправил штанину. — Блин, опять ногу отбил.

— А чего ты заорал про оборотня? — Николай убрал серебряную стрелу.

— Потому что это и был оборотень. — Возницу всего трясло. — Тот здоровый черный волк...

— Да? Не заметил. — Макс рукой отгреб от себя нападавшие на дно автоматные гильзы и поудобней устроил раненую ногу. — Что-то я особой разницы между «калашом» и «абаканом» не заметил.

— Дак ты ж какими очередями лупил! — Я перезарядил ружье и положил его себе на колени. — А «абакан» под очередь в два патрона заточен.

— Да? — удивился Макс. — Буду знать...

— А чего, этот правду про оборотня болтает или того? — Николай покрутил пальцем у виска.

— Правду. — Я никак не мог отдышаться. Ну и денек сегодня!

— Ни фиги себе... — задумчиво протянул Ветрицкий, достал пачку

сигарет и прикурил.

— Земеля, дай зябнуть, а? — осипшим голосом попросил Мишка, Николай протянул ему сигарету. Ряхин затаился, надолго замолчал и только вполсилы похлестывал лошадей, когда те замедляли бег. Это, впрочем, случалось очень редко — животные и сами хотели оказаться как можно дальше от того безумного места, где волчьи стаи средь бела дня выходят из леса. А с Мишкой что такое? Язык проглотил? Я и сам не заметил, как за эти полтора часа привык к его постоянной болтовне.

— Макс, как у тебя с ногой? — спросил я, когда вдалеке показались стены Волчьего лога.

— Болит.

— Идти сможешь?

— Попробую, — как-то неуверенно ответил он.

— Миш, у вас костоправ в селе есть?

— И не один.

— А хороший? — уточнил я.

— А то! К свояку моему — Кузьме Ефимовичу — со всех хуторов окрестных приезжают, — расправил грудь возница.

— Ты нас до него не докинешь?

— О чем речь?! — воскликнул Мишка. — Да раз плюнуть! Вы ж мне жизнь, получается, спасли!

— Спасибо! — поблагодарил я. Насчет жизни, это он точно подметил. От стаи с одним обрезом ни в жизнь бы не отбился.

Сани подъехали к селу и, замедлив ход, проскользнули в широко распахнутые ворота. Я оглядел закрытый внутренний дворик, в котором мы очутились. Серые, давно не беленные стены были четырехметровой высоты, проезд внутрь села преграждала натянутая кованая цепь. Взгляд зацепился за два пулеметных гнезда, зарешеченные бойницы и высокий — более чем в человеческий рост — чугунный крест, вмурованный прямо напротив ворот. У крыльца комендатуры топталось отделение местных ополченцев. Крепкие парни, вооруженные дробовиками и топорами, передавали по кругу самокрутку, ядреный дух табака в которой донесся даже до нас. Автоматического оружия я ни у кого не заметил. Кроме нас и ополченцев во дворе было еще двое саней, проходивших сейчас досмотр. Не успели наши коняги толком остановиться, как к нам подскочили трое охранников.

— Мишаня, кто это у тебя? — хлопнул лошадь по крупу крепыш, казавшийся квадратным из-за нацепленного поверх тулупа бронежилета. Непременного для местных ополченцев дробовика у него не было, зато

тяжелый арбалет больше напоминал небольших размеров баллисту.

— Да так... подвез, — невразумительно промямлил Ряхин. Вот стервец! Он нам, получается, благодарен, но ответственность за случайных попутчиков нести не хочет. Мало ли что... Я протянул заранее подготовленные документы старшему охраннику.

— Угу, патрульные, значит. Тоже за оборотнем прикатали? — пробурчал крепыш, мельком просмотрел документы, вернул обратно и, не дожидаясь ответа, замахал рукой. — Отец Георгий!

От саней к нам направился дьякон в сопровождении двух послушников.

— Ряхин из Форта патрульных привез, — кивнул на нас крепыш и отошел. Но отошел недалеко и к тому же удобней перехватил арбалет.

Проговаривая про себя молитву, дьякон вглядывался в наши лица и внимательно наблюдал, как послушник, макая кисточку в стеклянную банку, брызгает на нас святой водой. Второй подросток осмотрел лошадей, сани и даже в одном месте поскреб полоз лезвием короткого ножа. Николай поморщился, когда ему прямо в лицо прилетели капли воды, но сдержался и промолчал.

— С какой целью приехали? — спросил дьякон, когда процедура проверки была завершена.

— Проездом мы, идем к Снежным Пикам, — не стал отмалчиваться я. К тому же ополченец это уже прочитал в командировочном. Крепыш стоял у меня за спиной, и, готов поклясться, сейчас они с дьяконом переглянулись.

— Надолго к нам?

— Завтра утром дальше двинем. — Я прикинул, что, пока ногу Максy вылечим, уже стемнеет. Пройти успеем всего ничего, так уж лучше переночевать в человеческих условиях. Работа не волк...

— Остановитесь у Якова, — то ли спросил, то ли распорядился дьякон.

— Угу, — на всякий случай промычал я. Все равно никаких других приличных мест, где могли остановиться приезжие, не знаю.

— Проезжайте. — Перекрестив нас на прощание, дьякон развернулся и зашагал к комендатуре.

Мишка взмахнул вожжами и направил лошадей к внутренним воротам. Сани уже обогнули крест, когда возница скривился, будто зажевал половину лимона, и выругался:

— Приперся, волчий выкормыф. Ничего, недолго тебе осталось скалиться.

Я повернулся посмотреть, кого он имеет в виду, и хмыкнул. Действительно, очень точно сказано. Что-то волчье в хозяине саней, въехавших в ворота вслед за нами, несомненно, было. С другой стороны, сам бы я на это внимания не обратил. Сейчас молодой худощавый мужчина о чем-то перешучивался со вскочившим в сани ополченцем, но мне показалось, что при этом он внимательно наблюдает за нашими санями. Нелюбовь торгашей взаимна?

— Это кто? — спросил я Мишку, мимоходом обратив внимание на взмыленных лошадей, тащивших сани конкурента. Чего он так гнал-то?

— Кирилл Бояринов, жаба его задави, — сплюнув, объяснил Ряхин.

— Конкурент твой? — догадался Николай.

— Угу, — пробурчал возница и замолчал, на этот раз надолго.

— Костоправ далеко живет? — не выдержал Макс, когда сани миновали несколько улиц и вывернули на самую окраину села. Длинный проулок, в который мы заехали, метров через сто заканчивался высоким глухим забором.

— Приехали уже. Здесь подождите. — Мишка остановился в самом начале проулка около сруба с покрытой местами загнутым рубероидом крышей. Выскочив из саней, он распахнул калитку и исчез за высоким, выкрашенным зеленой краской забором. Изнутри слышался надсадный хриплый лай и железное лязганье цепи.

— Лед, а чего ты перед попом отчитывался? — Ветрицкий соскочил с саней и несколько раз присел, разминая затекшие ноги.

— Во-первых, не перед попом, а перед дьяконом. — Я тоже спрыгнул на снег и заглянул за забор. Никого, только мохнатый пес бесновался у конуры. — А во-вторых, с представителями местных властей надо сотрудничать.

— Попы здесь у власти? — развеселился Коля. — И почему опиум для народа?

— Коля, ты ночевать в тепле хочешь или в ближайшем сугробе? — разозлился я. Только воинствующего атеиста мне не хватало. Да если бы не мужской монастырь, Волчий лог давно разделил бы судьбу Туманного. А этот еще рожу кривит!

— В тепле, — чувствуя подвох, ответил Ветрицкий.

— Тогда базар фильтруй, — постучал я согнутым указательным пальцем по виску и замолчал. Лай стих, за забором слышались шаги. Распахнулась калитка, к нам в сопровождении Ряхина вышел невысокий толстоватый целитель. Мишка никак не мог приспособиться к степенному шагу свояка и то отставал, то забегал вперед.

— Кузьма Ефимович, вот он, — подскочил он к саням. А то так непонятно, кто больной! Мы с Колей вообще-то на своих ногах стоим, а не пластом валяемся.

— Вижу, — запахнул полы меховой безрукавки Кузьма Ефимович. — Что с ним?

Мишка, сбиваясь, начал что-то объяснять, но целитель, досадливо поморщившись, попросил его помолчать. Было видно, что особой симпатии к Ряхину он не испытывает.

— Да вот, ногой приложился, — невесело улыбнулся Макс.

— Рана открытая, закрытая?

— Закрытая.

— Какие-нибудь препараты принимал?

— Почку бархатника, — ответил я, поймав вопросительный взгляд Макса. — Часа два назад.

— Так, так, — пожевал губы Кузьма Ефимович, — три часа, шесть, плюс еще два... Если что-то серьезное, то результат будет не раньше, чем завтра к обеду. Если простой ушиб, то нога с утра будет как новенькая. Устраивает?

— А куда деваться? — развел я руками. — Что по деньгам?

— Пять рублей золотом сейчас, надо будет, завтра доплатите.

— Когда его забрать можно будет?

— А прямо завтра с утра и приходите. — Кузьма Ефимович взял у меня пятирублевку. — Сам зайдешь?

— Угу, доковыляю, — кивнул Макс.

— Может, мы вещи у вас свои оставим? — попросил я. — Не хотелось бы их до Якова тащить.

— Киньте на веранде, ничего с ними там не случится. — Целитель развернулся и зашагал к забору.

— Коля, помоги Максу дойти, я вещи покараулю.

Поковыляли. Мишка, даже не дожидаясь моей просьбы, начал выгружать наши пожитки прямо на снег.

— Задержался я с вами, а мне еще о лофадях позаботиться надо, — пояснил он, поймав мой взгляд.

— Да без вопросов. — Я вытащил из саней лыжи и осмотрел дно — кроме гильз, ничего нашего вроде не осталось. — Спасибо, что подвез.

— Ерунда. — Ряхин залез в сани и, заговорщицки понизив голос, наклонился ко мне. — Еще увидимся. У меня к тебе дело на сотню золотых намечается.

Едва сдержавшись, чтобы не покрутить пальцем у виска, я передал

вернувшись Коле рюкзаки. В следующий заход оттащим лыжи, и надо будет двигать устраиваться на ночлег. Обернувшись, я с удивлением увидел, что Мишка и не думал разворачивать сани и выезжать обратно на улицу, а погнал лошадей в глухой конец проулка. Куда это он? Там же проезда нет. Или есть? Все оказалось намного проще — сани въехали в открытые ворота через три дома от жилища целителя и скрылись за покосившимся двухэтажным сараем, выходящим на дорогу глухими стенами без единого окна. Я только покачал головой: «Задержался я с вами!» Ну и жучара! Можно подумать, ему теперь на другой конец села пилить. Снова раздался собачий лай, и в калитку вылетел Ветрицкий.

— Длинней цепь сделать не могли?! — возмутился он, с опасением рассматривая штанину. — Давай остальное вместе утащим.

— Цепь, говоришь, длинная? — задумчиво протянул я и расхохотался, увидев, как вытянулось лицо у Ветрицкого. — Вместе, вместе потащим, только сделай заточку попроще.

— Ты сначала с этой милой собачкой поиграй в догонялки, потом сам лицо проще делать будешь, — отшутился Николай и начал собирать лыжи в охапку.

В этот момент с улицы в проулок свернула пьяная компания. Пять молодых парней полностью перегородили дорогу. Все были в хорошем подпитии, но на ногах держались достаточно твердо. Один, в длинной шубе из собачьих шкур, даже пытался на ходу разливать в пластиковые стаканчики самогон из полуторалитровой бутылки. У парня, который шел впереди остальных, левая кисть была замотана пропитанной кровью тряпкой, и за ним на снегу оставался след из багряно-красных капель. Никак тоже к целителю? Компания уже подошла к нам, когда из-за поворота вслед за ними вывернули два ополченца. Почетный караул?

— Сюда? — Парень махнул замотанной кистью в сторону дома целителя — на снег полетела струйка крови. Раненый не обратил на это никакого внимания. Оно и понятно — судя по самогонному запаху, анестезия у него что надо.

— Отсюда. — Я внимательно оглядел подошедшую компанию. Пьяненькие, но следов драки ни на ком не видно. С другой стороны, пять человек прибить кого-нибудь могут и без всяких для себя последствий. Но тогда бы ополченцы просто так за ними не тащились. Непонятно. — Коля, закинь сам вещи, я здесь постою.

Раненый бесстрашно распахнул калитку и прошел внутрь. Почти сразу же раздался лай и испуганный крик, цензурных слов в котором не было вовсе. Парень в собачьей шубе заглянул за забор и, захохотав, едва не

выронил бутылъ. Коля обогнул его и с охапкой лыж кое-как протиснулся в калитку.

— Алик, чего там? — пихнул в бок смеющегося парня его приятель. Этот явно в компании главный. И выглядит постарше, и одежда попрличней. Только вот глаза... Мутные они какие-то. Меня аж покорежило, когда они по мне зыркнули.

— Вася сегодня в ударе — с кобелем чуть не сцепился, — успокоившись, ответил Алик. — Игорь, тебе налить?

— Задолбал уже этот урод, — сплюнул Игорь и оттолкнул протянутый стаканчик с самогоном. — Завязывайте, нам еще съезжать.

— Игорек, может, получится договориться? — неуверенно протянул хлюпик в длинном драповом пальто и забрал у Алика стакан. — Куда мы сейчас потащимся? Поздно же...

— Вот иди, Рыба, и договаривайся. Толку-то, если вы вести себя по-человечески не умеете? — зло оборвал его Игорек, повернулся ко мне и дыхнул перегаром. — Слышь, братишка, этот целитель как, в своем деле шурупит?

— Без понятия. Сами первый раз к нему обратились, — признался я. — Что с рукой?

— А, в ножички поиграть решили, — с досадой махнул рукой Игорек и кивнул на ополченцев. — Теперь из села велели убираться.

— Да, нехорошо получилось, — согласился я.

— Пошли? — Николай вышел из калитки и поправил висящие на плече автомат и чехол с луком. Правильно, в мешках ничего особо ценного нет, но оружие здесь оставлять не стоит. Сам я серебряную проволоку и патроны уже переложил из вещмешка в брезентовую сумку, которую оставил при себе.

— Ты, типа, лучник, да? — сразу же прицепился к Ветрицкому Рыба. — Или это костыль такой?

Парни заржали. Я отошел немного в сторону и поправил чехол с ножом. Не думаю, что будут проблемы, но кто знает, какая блажь пьяному через пять минут в голову взбредет?

— Лучник, — невозмутимо ответил Коля. — А это лук.

— Да ты че?! — продолжал развлекаться Рыба. — Ты и стрелять из него умеешь?

— Умею, — подтвердил Николай.

— А вон в то пятно на заборе слабо попасть? — Рыба указал рукой на перегораживающий проулок забор. Я присмотрелся и с трудом разглядел обрывок бумажного листа, приклеенного к забору.

— Как два пальца.

— Забьемся на чирибас? — пододвинулся к Ветрицкому Алик.

— Идет, — уверенно согласился Ветрицкий. В его меткости, помня о том, как лихо он расстреливал волков, я не сомневался. Меня больше волновало выколачивание проигрыша из этой развеселой гоп-компании.

— Эй! Это ты Лед? — подскочил ко мне мальчишка, волочивший на веревке санки.

— Да, — немного удивившись, ответил я.

— Дядь Миша просил тебя к нему зайти. — Пацан вытер варежкой нос и вытаращился на штуцер.

— Где искать-то его?

— А он сейчас в конюшне, лошадей распрягает. — Мальчишка ткнул пальцем в двухэтажный сарай.

— Хорошо, — кивнул я и отвернулся к Ветрицкому.

— Он сказал — срочно, — дернув меня за рукав, заканючил пацан.

— Уже иду. — Я сунул ружье и сумку Николаю и пошел искать Ряхина. Если что, ополченцы Ветрицкого в обиду не дадут. Лишь бы сам кого не прибил. И зачем я Мишке понадобиться мог? Опять бред о ста золотых? Или мы в санях чего забыли? Стоит проверить.

Я прошел в гостеприимно распахнутые ворота и остановился во дворе. Нет, гостеприимно — это слишком громко сказано. Просто снег, который откидывали, расчищая проезд, засыпал раскрытые створки почти до середины. Да и небольшой домик выглядывал из сугробов хорошо, если на треть. Только от крыльца снег и отгребали. И куда теперь? Первым делом следовало бы заглянуть в дом, но раз пацан сказал, что Мишка лошадей распрягает, пойду посмотрю на конюшне.

На первом этаже внутренних перегородок не было, и просторное помещение терялось во тьме — окна закрывали плотные ставни. Ни черта не разглядеть: для глаз, привыкших к солнечному свету, густой полумрак был не менее непроницаем, чем деревянные стены. Постепенно я начал привыкать к скудному освещению, и стали видны развешанные на стенах конская упряжь, седла и даже четыре рассохшихся тележных колеса.

— Есть кто? — Мой голос гулко прокатился по пустому помещению.

А в ответ тишина. Ни души. Только все еще не распряженные лошади нервно дергали ушами и били копытами о пол. Но коняги не в счет — у них души нет. Ну, Мишка и гусь — о животине стоило в первую очередь позаботиться.

— Миша, — негромко позвал я. Тишина, лишь фыркают кони, и свистит в щелях ветер. Плюнув, я хотел уйти, но передумал и, обогнув

металлические бочки, составленные у стены, подошел к лестнице. Показалось или с насыпного потолка побежала струйка пыли? Я начал подниматься на второй этаж, стараясь наступать на ступеньки у самой стены, но старое дерево все равно нещадно скрипело. Стоило бы еще раз позвать Мишу, но мне почему-то не хотелось нарушать тишину. Миновав составленные у лестницы тятки, грабли и вилы — кто вообще догадался их сюда выставить? — и перешагнув через опрокинутую лейку, я снова прислушался. Тихий шорох заставил меня резко повернуться, но тревога оказалась ложной. Никого. Мыши в стенах шуршат? Да пошел этот Мишка куда подальше! Ему надо, пусть сам меня ищет. Развернувшись, я запнулся о лейку и едва не скатился вниз по лестнице. Падения удалось избежать, только ухватившись за висящую у стены серую от пыли простыню. Гнилая ткань с сухим треском слезла с удерживающих ее гвоздей и передо мной открылась небольшая ниша. От увиденного перехватило дыхание: тело Ряхина, запихивая в узкий проем, буквально сложили пополам, а шею свернули так, что на месте лица оказался затылок. На темном дереве стен виднелись глубокие свежие царапины. Охнув, я отпрыгнул от лестницы и выхватил нож — ни за что не поверю, что Мишка сам решил поиграть в прятки и нечаянно свернул себе шею. По спине пробежали мурашки, и еще раньше, чем сработал оберег, я метнулся в сторону. Вовремя — бесшумно выскользнувший из клетушки человек в один прыжок оказался около ниши. Человек? Мощная коренастая фигура, рост выше среднего, но вместо человеческого лица — заросшая щетиной вытянутая морда. Длинные пальцы со слегка изогнутыми когтями непрерывно сжимались и разжимались, два глаза излучали тусклое желтоватое сияние. Кто это?! Тварь плавно двинулась, перегораживая дорогу к лестнице, и тут до меня дошло — это же оборотень! Не будь он одет, как обычный человек, я бы понял это сразу. Как-то не ожидаешь встретить лесного хищника, наряженного в добротную меховую куртку, теплые штаны и высокие кожаные сапоги.

— Подожди, давай поговорим. — Отведя в сторону руку с ножом, я попытался избежать безнадежной схватки. Носок правого ботинка как бы невзначай прочертил по пыльному полу между мной и перевертышем дугу.

В драке с опытным оборотнем мне рассчитывать не на что. Шансов ноль. А то, что этому оборотню опыта не занимать, сомневаться не приходилось — частичная трансформация, и не в новолуние, требовала невероятного самоконтроля. Как всякий нормальный хищник, этот не обратил на слова жертвы никакого внимания, и вместо этого сделал еще один шагжок. Слишком маленький шагжок... Чего он тянет-то?

— Послушай... — Я завел ногу назад и, прочертив вторую дугу, замкнул защитный круг. Оборотень скользнул еще на шаг вперед, и мне послышался тихий смешок. Сконцентрировав все внутренние силы — нестерпимо заломило давно сломанные ребра, — я начал направлять силу в защитный круг, но не успел: оборотень метнулся вперед. И все же защита частично сработала — над чертой его движения замедлились и острые когти не распороли мне горло, а лишь зацепили воротник фуфайки. Воспользовавшись моментом, я ткнул ножом и вскрикнул от неожиданности, когда мою кисть перехватила громадная ладонь перевертыша. Направленные в лицо когти второй лапы мне удалось заблокировать, подставив левое предплечье — стальные пластины, вшитые в рукав фуфайки, смягчили удар. Рванув зажатую руку на себя, я пнул перевертыша в колено. Он взвыл от боли — серебряная набойка пропорола кожу. Развить успех не удалось — прыгнув вперед, зверюга впечатала меня в стену сарая. Клыки клацнули у самого лица, но тут хлипкая стена с громким треском проломилась, и мы рухнули вниз. Миг полета завершился падением в снег. Приземлившийся сверху оборотень еще глубже впечатал меня своим весом в сугроб. Что-то хрустнуло.

Вывалились мы из сарая со стороны дороги. Перевертыш, усевшись мне на грудь, решил закончить схватку несколькими сильнейшими ударами, но я закрыл голову руками, и когти скользили, попадая в стальные пластины в рукавах. Прижав руки плотнее к голове, мне почти удалось выскользнуть из-под оборотня, но тот изловчился и, пропоров фуфайку, вырвал пластину из правого рукава. Когти скользнули по руке и рассекли кожу. Боль придавала сил, но попытка воспользоваться ножом не увенчалась успехом: руку перехватили и, вывернув, прижали кисть к земле.

Резкий свист ударил по ушам, в стене сарая, гудя, задрожало дюралевое древко стрелы. Почти сразу же по доскам заколотили пули. Разочарованно рыкнув, оборотень, едва не раздавив мои ребра, отпрыгнул в сторону и, припадая на пораненную ногу, понесся к концу проулка. Он уже присел для прыжка через забор, когда под лопатку ему вонзилась стрела. Словно не чувствуя боли, перевертыш подпрыгнул, но сил не хватило: он, не долетев до верха, процарапал когтями доски и сполз в снег.

Стрельба прекратилась, люди начали осторожно приближаться к неподвижно замершему у забора телу. Рыба, Алик и Игорь шли в первых рядах. Двое ополченцев проявили гораздо больше здравого смысла и на рожон не лезли. Коля где? К счастью, у него тоже хватило ума остаться на месте и наложить на тетиву стрелу с серебряным наконечником.

Кисть, сдавленная стальной хваткой оборотня, почти не слушалась, и

убрать нож в чехол на поясе удалось лишь с третьей попытки. Закашлявшись от боли, разрывающей легкие, я вылез из сугроба и прислонился к стене сарая. Меня замутило и вырвало желчью. Сведенные судорогой ребра обожгла острая боль. Плохо-то как! Выпрямившись, я левой рукой выдернул неглубоко засевшую в доске стрелу. Так и есть — порядком сплюснутый наконечник оказался серебряным. Выбитый номер был почти неразличим, удалось разобрать только две последние цифры «44».

Я выбрался на дорогу и пошел к обступившим тело людям — думаю, выжить после попадания стрелы с серебряным наконечником оборотень не мог. Или мог? Судя по тому, что ближе чем на десять метров никто к трупу подойти не решался, сомнения в смерти перевертыша возникли не у меня одного. Один из ополченцев помчался к выходу из проулка. Из соседних домов начали выбегать жители. Торопливо захлопнувший за собой калитку Кузьма Ефимович на ходу перекинулся парой слов с продолжавшим стоять у забора Николаем и поспешил к нам. Растолкав собравшихся селян, он бесстрашно подошел к оборотню, осмотрел тело и, упершись ногой ему в спину, вырвал стрелу. Серебряный наконечник полностью покрывали черные и зеленые окислы. Воткнув стрелу опереньем в снег, целитель перевернул труп и по толпе пробежал шепоток. Я подошел поближе и, разглядев лицо — уже именно лицо, а не волчью морду — присвистнул. Перекошенная предсмертной судорогой физиономия была знакома. Бояринов! Что ж, не могу сказать, что меня это сильно удивило.

— Мертв, — вынес диагноз целитель. Народ сунулся поближе к труп, но оставшийся ополченец взмахами дубинки и матом заставил всех отойти назад.

— Столько бабок коту под хвост... — с какой-то непонятной интонацией процедил стоящий рядом Алик.

— Сколько... Сотню всего, — вспомнив про награду, положенную Ветрицкому, хмыкнул я.

— Какую сотню? — резко развернулся ко мне Игорек и презрительно прищурился.

— Награда за оборотня сотня золотом, нет? — Что-то я совсем ничего не понимаю.

— Награда, — кривляясь, протянул Игорь. — Да кому нужна эта награда? Думаешь, Айболит или Тема Жилин с пацанами из-за этих грошей сюда приехали?

— А не из-за них? — Я не стал обращать внимания на оскорбительный тон. Пока не стал. Тон в папку не подошьешь. К тому же он дело говорит,

сто рублей золотом и в самом деле сумма для этих товарищей плевая. Но из-за чего тогда они сюда все собрались?

— Ну ты и тормоз! Сказали же — нет. — Рыба отвернулся к Алику. — Пошли, калеку проведем.

— Из-за чего тогда? — очень вежливо спросил я, перехватив собравшегося уходить парня за рукав. Тормоз, значит. Ну-ну. Подошел Николай и с луком в руках остановился у меня за спиной.

— Ты хоть представляешь, сколько стоят печень или поджелудочная железа оборотня?! — вместо Рыбы прорычал Игорек и кулаком толкнул меня в плечо. — А простата? Да за нее брюликов дают в десять раз больше ее веса!

— В чем проблема? Труп вон лежит, — кивнул я на оборотня. — Ищите покупателей, и четверть ваша.

— Да кому эти потроха теперь нужны?! — брызнул мне слюной в лицо Игорек. — Там серебра столько осело, что ты, дебил, за них даже десяти копеек с пуда не получишь!

— Коля, ты десятку с них уже получил? — Я едва сдержался, чтобы не схватиться за нож. Ничего, пусть только попробуют долг зажать. Будет повод их на куски порезать. И ни один ополченец мне слова поперек не скажет.

— Нет еще. — Ветрицкий взглянул на пробившую листок бумаги стрелу и широко улыбнулся.

— Десятку гоните, — вплотную придвинулся я к Игорьку.

— Алик, отдай, — сделав шаг назад, распорядился тот. Алик порылся в карманах, вытащил комок мятых банкнот и вложил в протянутую руку Ветрицкого.

— А теперь валите отсюда, пока я вас резать не начал. — Я сделал еще один шаг к переглянувшимся парням.

Игорек скользнул взглядом по моей разорванной фуфайке, молча развернулся и зашагал к выходу из проулка, его приятели поплелись следом. Так-то, будут еще барагозить. В Форте за дебила я бы точно зарезал, но здесь к поножовщине власти относятся куда строже. Пожалуй, хорошо, что до этого дело не дошло.

— Собирай стрелы, — напомнил я Ветрицкому — а то опять спохватится, когда уже поздно будет — и забрал у него штуцер.

Коля взял у меня стрелу с погнутым серебряным наконечником и по глубокому снегу стал пробираться к забору.

Издали донесся звон бубенцов, и минуту спустя в проулок залетели две тройки. В одной сгруппировались ополченцы, в другой чернели ряссы

монастырских. Собравшиеся вокруг оборотня люди отбежали на обочину, чтобы не угодить под копыта лошадей. Не успели сани толком остановиться, а ополченцы уже повыскакивали на дорогу и начали оттеснять людей от оборотня. Пара парней в сопровождении монаха пошли к дому Ряхина. Ну, сейчас начнется! Карауливший труп ополченец указал на нас с Колей высокому иеромонаху, который о чем-то вполголоса беседовал с Кузьмой Ефимовичем.

— Останьтесь! — моментально распорядился монах. Я беспрепятственно прошел через цепь охранников — и остановился рядом с целителем. Коля выдернул из забора стрелу и о чем-то оживленно спорил с десятником ополченцев. Священник дождался возвращения осматривавшего двор и конюшню иеродьякона, отошел с ним в сторону и, выслушав доклад, подозвал меня:

— Расскажи, сын мой, что здесь произошло.

— Патруль Форта, специальная разведгруппа, — на всякий случай представился я, но документы доставать не стал. Уж этот-то вполне способен отличить правду от лжи. Вообще, святой отец полностью соответствовал моим представлениям о внешнем облике инквизитора: черная ряса, серебряный крест, худое бледное лицо и запавшие щеки аскета. Только глаза — теплые и добрые — казалось, принадлежали совсем другому человеку. И человеку с такими вот понимающими глазами хотелось рассказать обо всем даже раньше, чем он начнет задавать вопросы. Думаю, лучшие дознаватели из таких и выходят.

Мне утаивать было нечего, и я вкратце рассказал священнику о том, что с нами приключилось с момента знакомства с Ряхиным. Иеромонах не перебивал и лишь под конец задал пару уточняющих вопросов, но от меня не укрылось, что стоящий рядом дьякон, бросив взгляд на набойки на моих ботинках, отошел к оборотню и тщательно осмотрел его колени. Проверяют. И это правильно...

— Что ж, претензий к вам нет, но лучнику придется проехать в комендатуру, ответить на несколько вопросов. Ничего серьезного, заодно и деньги получит, — выслушав меня, объявил священник. — Тело после изучения будет сожжено.

— Конечно, конечно... — закивал я. Да даже если и не сожжено, мне-то какая разница? За Ветрицкого я не волновался. Сильно глубоко копать не будут, но расспросить расспросят. В первую очередь, случайно ли мы вышли на оборотня или нет. И откуда взялись серебряные стрелы.

— Не буду вас больше задерживать, — напоследок перекрестив, отпустил меня иеромонах.

— Будут вопросы, я у Якова остановлюсь. До свидания, — попрощался я, крикнул Николаю, что буду ждать на постоялом дворе, и пошел к выходу из проулка. Что-то слишком быстро меня отпустили. Решили, что наша встреча с Бояриновым простое совпадение? Что ж, это логично — вряд ли человек в здравом уме добровольно выйдет в рукопашную один на один против оборотня. Тем более без серебряного оружия. И все же что-то слишком легко...

— Эй, тебя подбросить? — В подтверждение моих сомнений рядом сбавили ход сани. Правил ополченец, рядом сидел молодой монах.

— Мне до Якова, — предупредил я. Вот и объяснение. Здесь на самотек такие дела не пускают.

— Да ради бога, — усмехнулся возница, за что моментально заработал локтем в бок от монаха — не упоминай Господа всуе. — Запрыгивай, довезем.

— Спасибо, — поблагодарил я и уселся на лавку.

— А как ты против оборотня продержаться смог? — полюбопытствовал возница, стоило нам выехать на улицу. И началось... А как... А зачем... И еще сотня подобных вопросов. Пока мы ехали до постоянного двора, меня вывернули чуть ли не наизнанку. Не отвечать было бы, по меньшей мере, невежливо — все-таки благодаря им мне не пришлось добрых полчаса тащиться по заснеженным улицам. И уж лучше так побеседовать, чем до утра просидеть в комендатуре.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил я парней, когда они высадили меня прямо у ворот постоянного двора.

— Да не за что. — Возница взмахнул вожжами, и тройка, свернув на перекрестке, исчезла на соседней улице.

Действительно, не за что. Можно подумать, несколько совершенно лишних поворотов были случайны. Не будь их, мы бы сюда доехали гораздо быстрее...

Пройдя через двор, я зашел в одноэтажный пристрой гостиницы и облокотился на стойку администратора. Что-то хозяева за помещением совсем следить перестали: побеленный потолок от табачного дыма пожелтел, ковер протерт до дыр, а стены испещрены пятнами, оставшимися от обвалившейся штукатурки. Шикарная полированная стойка и та начала облезать. Дремлющий в глубоком кресле мужчина нехотя поднялся, поправил задрывшуюся клетчатую рубаху и, прикрыв рот ладонью, зевнул.

— Чего тебе?

— Свободные комнаты есть?

— Скоро будут, — как-то туманно ответил засоня.

— Скоро — это когда? — решил уточнить я.

— Ну, оборотня уже выловили, — еще раз зевнул администратор, — так что, сам понимаешь, половина охотников сейчас номера сдает.

— Я подожду. Сколько за ночь и ужин?

Ничего себе, с какой скоростью слухи разносятся!

— Номер какой? — Мужчина послунавил карандаш и пододвинул к себе журнал регистрации.

— Какой поменьше.

— Семь с полтиной, — почесал за ухом карандашом администратор.

— За ночь?! — возмутился я.

— За сутки с ужином. — Он невозмутимо развернул ко мне журнал. — Устраивает?

— А что на ужин?

— Что дадут, то и будет. — Администратор меланхолично уставился в потолок.

— Замечательно. — Я посмотрел на распоротый рукав фуфайки, из которого торчала набивка. — Фуфайку починят?

— За отдельную плату.

— Э-э-э нет, так дело не пойдет, — твердо заявил я. Тут делов на пять минут, а сдерут три шкуры. — В счет оплаты за номер.

— Что у тебя там?

— Да только рукава подправить.

— Ну, если только рукава...

— Только рукава. — Выхватив карандаш, я расписался рядом с проставленной галочкой. Все верно, сейчас, когда постояльцы будут съезжать один за другим, можно добиться кое-каких поблажек. Это вчера меня бы уже с крыльца спустили.

— Деньги вперед. — Администратор выложил на стойку ключ, но передавать его мне не спешил.

— Вот. — На стойку легла квадратная монета китайца. Прокатит, нет?

— Это что?

— Золото.

— Да ну? Здесь золота хорошо, если треть.

— Не меньше половины, — блефанул я. — И где сдача?

— Сдача? — Администратор провел над монетой странным амулетом и пододвинул ко мне ключ. — Скажи спасибо, что я с тебя доплату не беру. Сорок третий номер. Через час освободится. Пока можешь сходить поужинать.

— С фуфайкой что? — торопиться мне было некуда, и от стойки я отходить не спешил.

— Снимай, — тяжело вздохнул администратор. — И учти, за оставленные в карманах вещи администрация ответственности не несет.

— Если спрашивать будут, скажи: Лед в сорок третьей. — Проверив карманы, я скинул фуфайку на стойку, взял ключ и пошел ужинать.

Обеденный зал мог вместить около полусотни человек, но сейчас в нем не было и десятка посетителей. Три каких-то мутных типа занимали стол у выхода в холл, четверо крепких парней и пожилой толстяк — купец и охранники? — неторопливо потягивали пиво и перекидывались в карты. Еще кто-то в одиночестве сидел в самом темном углу. Я прошел через зал и, не обращая внимания на заинтересованные взгляды, уселся за стол в противоположном от подозрительных типов углу. Штуцер поставил в угол, сумку кинул под стол. Что-то людей маловато. Или для ужина еще слишком рано? Скорее всего. Вон, и из трех люстр свечи горят только на одной.

С кухни выглянула официантка, исчезла обратно и через пару минут появилась снова, но уже с подносом. Тарелка с луковым супом, рис с гуляшом и три ломтика ржаного хлеба. О, еще кружка пива. Неплохо, теперь посмотрим, как все это на вкус. Суп оказался очень неплох, рис тоже. Да и единственным недостатком гуляша было то, что он слишком быстро кончился. Вот пиво меня разочаровало — кислятина. После трех глотков — а вдруг вкус улучшится? — я отставил его в сторону. Допивать не было никакого желания. Устроившись на стуле поудобней, я вытянул ноги под столом и начал ждать, когда можно будет занять полагающуюся мне комнату. Что-то меня плющит. И голова будто свинцом залита. Оно и понятно, досталось моей бедной голове сегодня... Сейчас бы упасть поспать... Но расслабляться нельзя, уж больно усиленно пытаются не смотреть в мою сторону те три подозрительных гаврика. Теперь я смог получше их разглядеть и убедился, что первое впечатление не было обманчивым. Так и есть — бандиты. Тот, который постарше, весь в синих татуировках, двое молодых — простые бойцы.

В дверь, ведущую в холл, что-то с грохотом врезалось снаружи, она распахнулась, и в зал, обнявшись, ввалились два человека, которых я совсем не ожидал здесь увидеть. Они, думаю, меня тоже встретить не рассчитывали.

— Скользкий! — заорал Аркаша Демин и ломанулся через весь зал ко мне. Вот так встреча! Демин — ладно, он со своими друзьями охранниками

подрабатывает, но Ворон-то как здесь оказался? Он же за стены Форта ни ногой.

— Здорово. — Я выдвинул из-под стола стулья. Бандиты моментально потеряли ко мне интерес и переключили свое внимание на парня, сидящего в темном углу.

— Здоровей видали, — сжал мою ладонь своей лапищей Аркаша, сверху положил левую руку и сильно встряхнул.

— Осторожней ты! — зашипел я от боли и выдернул руку. Здоровый, чертяка! Росту среднего, но сложения, как говорят, плотного. Лет уже за тридцать, а ведет себя иногда как ребенок.

— А что такое? — Демин выставил на стол бутылку вина.

— Помяли чуть-чуть. — Я неодобрительно покосился на бутылку: отказаться от выпивки не получится при всем желании.

— Да, фингал знатный. — Аркаша подмигнул, отчего его круглое лицо сразу стало похоже на физиономию клоуна. Ему даже нос красить не надо, и так уже почти фиолетовый. Только мало у кого хватит здоровья над этим клоуном посмеяться.

— Понятно. Вы как здесь оказались? — дернул я Ворона за болтающиеся на цепочке часы.

— Дела. — Тот выхватил у меня часы и выставил из пластикового пакета на стол трехлитровую банку с чем-то янтарным.

— Пиво? — удивился я.

— Яблочное вино. — Ворон с головой залез в пакет и выложил оттуда надкусанную с одного конца кральку копченой колбасы и стопку одноразовых стаканчиков.

— Это хорошо, а то пиво здесь отвратительное. — Я стянул с банки пластиковую крышку и принялся.

— Обожди, — остановил меня Аркаша, когда я уже собрался разлить в стаканы вино. — У нас кое-что поинтересней есть. Надо добить, пока не согрелся.

— Это что?

— Выморожень. — Демин налил по половине стакана и подождал, пока из бутылки вытекут последние капли. — За встречу!

Я залпом выпил темно-красную жидкость и на несколько минут замолчал, оценивая свои впечатления. Холодно, сладко, крепко. Мощно. Напиток, показавшийся ледяным, пробежался вверх по позвоночнику и ударил в голову так, что темечко заломило, а волосы на макушке зашевелились. Постепенно в животе начало разгораться пламя, и я отломил кусок колбасы. Ворон и Аркаша допили мое пиво.

— Ну и как оно? — Демин отставил кружку на край стола и убрал пустую бутылку под стол.

— Внушает, — вытер я выступившие из глаз слезы. — Чего там намешали?

— А хэ зэ. — Аркаша расстегнул «молнию» кофты и закатал рукава. — Красное вино и спиртяга точно есть.

— Твои где? — спросил я у него.

— Нажрались.

— Будь здесь Селин, он бы даже сказал: нахрюкотались в zelюки, — заплетающимся языком вставил Ворон.

— Будь здесь Дениска, он бы еще и не такое сказал. — Демин снова выстроил стаканы и налил уже вина. — Заблевали всю комнату, паразиты.

— Лед, а ты-то что здесь делаешь? Ты ж тока из рейда вернулся? — Ворон долго смотрел на циферблат, пытаясь сфокусировать зрение, и, покачав головой, отпустил часы болтаться на цепочке.

— Опять загнали.

— И куда? — Аркаша потрепал по волосам уронившего голову на руки Ворона. — Рота, подъем!

— Отвали, дай полежу, — не поднимая головы, попытался отвертеться тот.

— А то я тебя не знаю, опять срубишься. Тащи тебя потом. — Демин приподнял парня за шиворот и пристроил к спинке стула.

— На север, за снежными людьми наблюдать. — Я отпил вино и удивленно приподнял брови — вкусно.

— Повезло, — криво усмехнулся Ворон. Мне показалось, что он хочет казаться пьянее, чем есть на самом деле.

— Не то слово. — Одним глотком я ополовинил стакан. — Говорят, куда-то на север рейнджеры прошли. Еще не хватало на них нарваться.

— Да ты гонишь, — не поверил мне Ворон.

— Не возбужай, если не знаешь, — толкнул его в плечо Аркаша. — Рейнджеры в Лудине остановились.

— Чего они там забыли? — спросил я.

— Тоже, наверное, снежных людей ждут, — Демин расстегнул две пуговицы рубашки. — Жарко что-то.

— Совсем городские обнаглели, — возмутился Ворон, — на нашу землю лезут.

— На какую еще нашу землю? — не понял Аркаша.

— Ну, Лудино на территории Форта вообще-то стоит, — язвительно заметил я.

— Я тебе дам один совет — будешь в Лудине, местным об этом не говори, — прыснул со смеху Аркаша. — А то засмеют. Они-то, темные, думают, что на собственной земле живут.

— Да какая разница, что они там себе думают? — взмахнул рукой со стаканом и чуть не облил нас вином Ворон. — Выпнуть городских оттуда надо!

— Видишь ли, так уж объективно сложилось, что Форт слабее Города и Северореченска, — саркастически улыбнулся Демин.

— Да ты гонишь, — тут уже не выдержал я.

— По наступательному потенциалу — слабее, — уточнил Аркаша. — Понятное дело, штурмом взять Форт никто не сможет. Но за стены у нас только Патруль нос высовывает, и то, если погода хорошая. А в Северореченске, между прочим, нормальное казачье войско есть, про Город я вообще молчу.

— И почему так получилось? — Доля истины в этих доводах была, но соглашаться с ними мне не хотелось. Люблю поспорить, даже если неправ.

— Ну, Северореченск на юге, Город на юго-востоке. Вся нечисть, что ползет с севера, сначала здесь проходит. А тем остается только вырезать у себя местных бандитов и проскользнувших мимо нас тварей.

— К Городу еще и Туманный прилегает, — напомнил я Аркаше.

— И что? — отмахнулся тот. — Границы там всего ничего, рейнджеры ее полностью перекрыли. А как что серьезное намечается, к ним сразу егеря подходят.

— Подожди, но что нам мешает первыми напасть на Город? — Ворон допил вино и поставил стакан на стол. — Собрать всех дармоедов-дружинников и двинуть.

— А кто Форт защищать будет?

— А колдуны на что?

— Ты собираешься дружинников одних отправить? — поднял брови Аркаша. — Их же сожрут, и костей не останется.

— Типа, в Городе тоже колдуны есть, — скривившись, съязвил Ворон.

— А типа, нет? — в тон ему ответил Демин. — Городские алхимики наших за пояс заткнут.

— Откуда там алхимики? — не поверил я.

— Оттуда. Город раньше совсем не простой военной частью был.

— Ну и колдунов тогда тоже с ними послать, — не собирався сдаваться Ворон.

— Повторяю вопрос: кто Форт защищать будет?

— Да от кого? — Ворон начал горячиться и замахал руками. — На

Форт уже сто лет никто не нападал.

— Пока гарнизон сильный, никто не нападает, — легонько хлопнул его по лбу Аркаша. — А стоит людям уйти — сразу все повылазят.

— Ты еще Принца Вьюгу вспомни.

— А кто тебе сказал, что его нет? — начал заводиться Демин.

— А Снежная королева на Северном полюсе живет, — закивал я.

— Тьфу, на тебя, безмозглый, — махнул рукой Аркаша и достал колоду карт. — В очко?

— Только я банкую, — согласился Ворон.

— Не с похмела ли, Птичкин? — опешил от такой наглости Демин и достал монету. — Орел или решка?

— Мой — орел, — щелкнул пальцами Ворон.

— Моя решка. Лед, твое — ребро. Закружившись, монета взлетела в воздух. Я перехватил ее перед самым столом и разжал пальцы — на реверсе биметаллической десятирублевки красовался герб министерства внутренних дел. Ну, еще бы, Демин-то из внутреняков.

— Давай колоду, — протянул руку Ворон.

— Идите вы, — обиделся Аркаша, бросил карты, забрал у меня монету и встал из-за стола. — Пойду, своих проверю.

— погоди, — остановил его я. — Мы же до Лудина завтра дойти не успеем, правильно? Где нам по пути лучше остановиться?

— Есть там ближе к селу один хутор. Там мало кто останавливается, но мы один раз заезжали. Нормально, переночевать пустили.

— Как найти его?

— Перекресток на Ключи минуете и почти сразу в лес сверните. Ну, просеку увидите, не слепые.

— На хуторе кто живет?

— Сектанты какие-то.

— Что за сектанты? Хоть христиане? — забеспокоился я.

— Сам у них и спросишь. Все, пошел я. — Аркаша развернулся и вышел из зала.

— Иди, иди... — заулыбался ему в спину Ворон и уже совершенно трезво у меня спросил: — Вы в Лудино заходить будете?

— Ну и? — заинтересовался столь странной сменой темы я.

— Меня с собой возьмете?

— Зачем? — уставился я на парня.

— У меня туда подруга переехала.

— И что?

— Хочу с ней повидаться.

— Давай, Ворон, колись. — Я постучал пальцами по столу. Терпеть не могу, когда мне лапшу на уши вешают.

— А чего колотья?

— А того колотья... Не надо из меня идиота делать. — Я отпил вино. — Чтоб ты просто так из Форта свалил? Никогда не поверю.

— Да мне просто надо немного переждать, — нехотя признался Ворон.

— Выкладывай, что случилось.

— Расскажу — возьмешь с собой?

— Если за тобой хвоста нет, без проблем, — решил я. Вчетвером идти безопасней, а до Лудина путь неблизкий.

— Хвоста? Хвоста нет. Никого нет, — как-то недобро улыбнулся Ворон и вздохнул. — Только между нами...

— Само собой.

— Я последнее время на Грибова работал...

— Это тот, который Мухомор? — перебил я. В голове щелкнуло: разбой, торговля наркотиками, вымогательство. Вольный игрок. Не смани он нескольких колдунов из Гимназии, давно бы уже либо конкуренты продырявили, либо Дружина взяла. А так пока вертится.

— Да, — кивнул Ворон. — Раньше все нормально было, но на той неделе он партию товара из Северореченска получил...

— Что за товар? — Блин, ну почему все клещами выдирать приходится?

— Сапфировый иней.

Я поперхнулся, поставил стакан на стол и начал вытирать пролитое на штаны вино. Ворон кретин. Нельзя такие вещи вслух говорить. Даже если уверен на все сто, что не заложат, нельзя. Фраза «и у стен есть уши» относится именно к этому случаю. Я огляделся — народу прибавилось, но рядом никто не сидел. Сапфировый иней. И хватило же ума связаться! Этот наркотик был одним из самых мощных и опасных. За торговлю им в Северореченске на морозе обливали водой и потом выставляли ледяные статуи на перекрестках, в Городе наркоторговцев укладывали в ряды и переезжали танком — давить начинали с ног, а у нас в Форте просто вешали. Тех немногих, кто после допросов доживал до виселицы... И никто дружинников за это не осуждал, уж очень мерзкое это зелье. Человек к сапфировому инею привыкал после первого же приема и отказаться уже не мог — пропуск очередной дозы в ста процентах случаев приводил к смерти наркомана. Суррогатов и лекарств не существовало. А сапфировый иней собирали только один раз в году — в те три дня, когда всходило лазурное солнце. Сразу после этого цены на зелье падали, но со временем

они взлетали до умопомрачительных высот. По слухам, до конца года и новой партии дури доживал только каждый двадцатый нарк. Естественный отбор в самом его жесточайшем виде. Страшно даже представить, сколько стоит партия инея сейчас, когда до восхода лазурного солнца осталось от силы недели полторы...

— Нам просто не повезло. В Форте вчера с утра небольшая заварушка началась, дружинники засуетились и случайно Мухомора с наркотой накрыли...

— И ты думаешь, он тебя еще не сдал?! — прошипел я, едва сдерживаясь, чтобы не выскочить из-за стола прямо сейчас.

— Товар с подстраховкой был, — правильно понял мои опасения Ворон. — Когда сани Грибова проверять начали, и его самого, и дюжину дружинников положили.

— Кто?

— Говорят, Леший.

Я помолчал. На Ворона рано или поздно дружинники выйдут. Но он невелика птица, отбрешется, что ничего не знал. Ему главное как можно дольше не попадаться. Мне по большому счету общение с ним ничем не грозит. Тем, кому надо, и так прекрасно известно о нашем знакомстве. Только бы страховка не распространялась на всех, кто о товаре знает. Нет, будь оно так, Леший Ворона живым бы из Форта не выпустил. Не тот это человек, чтобы такие ошибки совершать — не припомню, чтобы он вообще их совершал. И, несмотря на то что цену за голову этого наемного убийцы за последний год повысили раз в десять, до сих пор дружинники даже не знали, мужчина это или женщина. Неудивительно, что поставщики из Северореченска привлекли для обеспечения тайны в случае провала Мухомора именно его. Стоили услуги Лешего совсем недешево, но куда больше наркоторговцам не хотелось превращаться в ледяные статуи.

— И ты что? — наконец нарушил я затянувшееся молчание.

— А что я? Как только прослышал об этом, сразу из Форта ноги сделал.

— Логично, — протянул я. И чтобы было время привести мысли в порядок, поинтересовался: — А что за заварушка началась?

— Ты меня до Лудина возьмешь или нет? — не выдержали у Ворона нервы.

— Возьму, раз обещал, — скрепя сердце, согласился я.

— Спасибо, братан, выручил.

— Не за что. Ты лучше расскажи, что в Форте случилось.

— А, Цех с Семёрой разборки устроили.

— Что так? — заинтересовался я. Может, Семёре теперь не до Лехи и Пью будет?

— Ну, сначала Седому сосулька на голову упала, когда он от Тимура выходил. Семёра в отместку трех мастеров завалила, — начал рассказ Ворон, довольный, что неприятный разговор остался позади.

— Подожди, а чего они к Цеху прицепились? Тепло ж было, запросто сосулька сама по себе могла оторваться.

— Могла, но только с дома напротив. У Тимура на крыше ни одной не было. — Ворон выплеснул остатки вина из банки себе в стакан. — Потом еще кореша Седого, Толика Гирева, с трех «калашей» свинцом нашпиговали. Ну и понеслось...

— Ваша комната свободна, — проходя мимо, улыбнулась мне официантка.

— Завтра в восемь заходи в сорок третью. И не проспай. — Я оставил Ворона в одиночестве за столом и пошел в свою комнату.

Поднявшись по лестнице на второй этаж — блин, что ж так ребра ломит? — мне удалось без труда найти нужную комнату. Отперев замок, я толкнул дверь, заглянул внутрь и тихо ругнулся — поменьше конуру не нашли? И за это убожество полуимпериал? Ладно, сам попросил что поменьше. Хорошо, хоть тепло. В принципе мне-то здесь в полный рост можно вытянуться, но куда Колю пристраивать, если он сегодня все-таки появится? Я положил сумку на пол, ружье поставил в угол и сунул заранее припасенный деревянный клин в щель под дверь. На всякий случай.

Голова кружилась то ли после вина, то ли после ударов оборотня, но я сдержал данное себе слово: сначала снарядил серебром полдюжины патронов и только потом разделся и залез под одеяло. Царапины на предплечье давно засохли, тратить на их обработку и время, и самогон, которого осталось совсем немного, желания не было. Само заживет. Я осторожно потянулся, уперся пятками в дверь и нашарил нож и пистолет. Все в порядке, можно спать. Будильника нет, но кто-нибудь меня да разбудит — либо Коля, либо Ворон. Беспокоиться не о чем. Совершенно...

Глава 8

Старый добрый пинок по ребрам по праву может считаться самым надежным средством пробуждения. Самым надежным не столько из-за высокой эффективности, сколько из-за доступности. В конце концов, ведро ледяной воды или коробок спичек не всегда под рукой, а приложиться тяжелым ботинком по ребрам спящего обычно проблем не составляет. Как правило, одного пинка вполне достаточно, чтобы поднять с постели кого угодно. Нет, разумеется, вбить в лентяя сознательность с первого же удара мало кому под силу, но что делает обычный человек в этом случае? Правильно, порывается дать вам в зубы. А это уже результат. Ветрицкий только хрюкнул, перевернулся на другой бок и с головой укутался в одеяло.

— Во сколько он вчера приперся? — повернулся я к Максу.

Тот потянулся, зевнул и потер глаза костяшками указательных пальцев. Немного подумал и пробурчал:

— Ни разу не угадал. Во-первых, он не приперся — его принесли. Во-вторых, не вчера, а сегодня. Часа три назад.

— Не умничай. — Я сдернул с Коли одеяло — он, что-то недовольно бормоча, съежился — и начал выбирать место для следующего пинка. Человек я относительно добрый, но только не сейчас. Мало того что невыносимо раскалывалась голова, а рукава фуфайки заштопали просто отвратительно, так еще вопреки договоренности Ветрицкий не появился на постоялом дворе ни вчера, ни сегодня. Я с Вороном битый час напрасно торчал в номере и, уже собравшись идти вызволять его из застенков инквизиции, решил заскочить за Максом. Не понимаю, как мне удалось сдержаться, когда оказалось, что в дупель пьяный Николай преспокойно дрыхнет у Кузьмы Ефимовича.

— Ты ж его покалечишь! — Ворон оттащил меня от вяло отбрыкивающегося парня, сел на корточки, ухватил Колю за голову и начал яростно тереть ему уши. — Ну ты и Штырлиц, Лед! Вчера и словом не обмолвился, что оборотня завалили.

— Да я тут вообще не при делах, — отбрехался я и, почесав зудящую руку, спросил: — С чего ты взял, что это мы?

— Когда ты ушел, я пацанов знакомых встретил. Весь вечер только и разговоров было, как Бояринова какой-то лучник пристрелил. — Ворон сжал голову Николая и слегка приподнял. — Ну а как этого обормота увидел, сразу сообразил, о ком базар был. Сам рассказать не мог?

— Делов-то. Было бы что рассказывать.

— Ой-ой-ой. Типа, тебе это как два пальца?

— Задрали уже с этим оборотнем. — Макс со всего размаху ударил по стене ребром ладони. — Николай то, Николай сё... Тьфу!

Ветрицкий наконец пришел в себя, оттолкнул руки, сел на постеленном прямо на полу тюфяке и даже открыл глаза.

— Коля, ты живой? — Макс поднялся с кровати, застегнул пуговицы, заправил рубашку за пояс и, слегка припадая на раненую ногу, подошел к заваленному одеждой столу. В выделенной ему целителем беньдежке было жарко, но из открытой двери потянуло сквозняком.

— Еще не знаю, — кратко, но очень емко выразил свои мысли по этому поводу Николай.

— Ты уж определяйся побыстрее. — Я постучал кулаком о ладонь. — И учти, если мы через полчаса не выйдем, то ты стопудово будешь скорее мертв, чем жив.

— Куда спешим? — Николай, зажав ладонями виски, покачивался из стороны в сторону.

— Вообще-то мы уже час как выйти должны были. — Макс натянул свитер и взял со стола пояс.

— Сейчас уже утро? — ошалело оглядел нас Ветрицкий.

— А ты как думал? Давай, приходи в себя в темпе. — Я сунул Коле железную кружку с холодной водой и оглядел комнатку. — Лук твой где?

— Под столом вместе с автоматом валяется. — Макс принялся к остывшему травяному чаю, вытащил размокшую апельсиновую корку и одним глотком допил. — Ефимыч сказал, в кости трещина.

— Когда ходить нормально сможешь? — чуть в голос не взвыл я. Ну и команда собирается! Хромой, два похмельных — Ворон с утра уже подлечился, но надолго ста граммов самогона не хватит. — и я, тоже не совсем здоровый.

— Как вчера и обещал — к обеду. — В открытую дверь заглянул целитель, без тени улыбки оглядел нас — думаю, его интересовало, не сотворили ли мы чего с комнатой, — и с непонятым намеком произнес: — Тут вами интересуются...

— Это кто еще? — насторожился Ворон и положил ладонь на рукоять пистолета-пулемета. «Узи-мини» в ближнем бою машинка чертовски эффективная, но где он умудрится боеприпасы к нему доставать? Как ни крути, девятимиллиметровый парабеллумовский патрон — это совсем не та вещь, которую можно купить в первой попавшейся оружейной лавке. Или у нас тоже девять на девятнадцать клепать начали?

— Спасибо, Кузьма Ефимович. Дальше я сам. — Отодвинув целителя в сторону, на пороге появился монах. Просторная черная ряса скрывала фигуру, но я бы поставил последний медяк на то, что до монастыря святой отец занимался либо тяжелой атлетикой, либо борьбой. Да и сбитые костяшки пальцев и немного приплюснутый нос тоже о многом говорили. Где-то я его уже видел. Точно, это ж вчерашний иеродьякон, который осматривал двор Мишки Ряхина. Чего ему надо? Не знаю, но думаю, что-то для нас малоприветливое. И судя по топоту ополченцев в коридоре, монах на этом будет настаивать.

— Никак вы награду нам вручать пришли? — через силу улыбнулся я.

— Сто рублей из церковной кассы лучник вчера уже получил. — Иеродьякон, слегка склонив голову, посмотрел на Николая. Тот кивнул, зажмурился и приложил кружку ко лбу.

— Тогда какое неотложное дело привело вас к нам? — попытался как можно спокойней поинтересоваться я. Во как завернул! Сам не ожидал, что так гладко выйдет.

— Мы сейчас обходим всех людей, которые общались с Бояриновым... с оборотнем. Проверяем, не заразился ли кто. — Иеродьякон на мгновение замолчал, подбирая слова.

Я кивнул. Да, появится новый перевертыш, хлопот не оберешься. Понятно, к чему дело идет. Ну и задачку ему поставили! С одной стороны, задержав патрульного в рейде, можно огрести по полной программе, с другой стороны, выпускать зараженного человека из села совсем не дело.

— Тебя он мог во время драки оцарапать... — Монах специально не стал доводить свою мысль до конца. Думает, в обморок грохнусь? Зря.

— Вот. — Я вытащил из пластикового файла с документами разрезанную напополам тетрадь и протянул монаху.

— Вам и от ведьминой хвори прививки ставить начали? — удивленно протянул иеродьякон после долгого изучения содержимого тетради. Особое внимание он уделял печатям и подписям.

— Угу. Два месяца рука еле ворочалась. — Я забрал свою медицинскую карту и засунул ее обратно в файл.

— Что ж, к вам больше вопросов нет. — Монах вышел из комнаты. — Да хранит вас Господь.

Ворон убрал руку с «узи» и, плотно прикрыв дверь, уставился на меня:

— Что-то я ничего не слышал про прививки, спасающие от заражения при укусе оборотня.

— А их и нет. — Я невозмутимо убрал документы в карман. Укушенные оборотнем или волколаком вообще выживают крайне редко —

пасть у этих тварей будь здоров.

— Выходит, ты черноряснику фуфло толкнул... — задумчиво постукивая пальцами по дверному косяку, пробормотал Ворон.

— Э-э-э, Лед, а ты по ночам выть не станешь? — забеспокоился Николай, которому после кружки воды стало немного легче.

— Не стану.

— Точно? — не поверил мне Ветрицкий.

— Тебе-то чего беспокоиться? — не упустил случая поддеть Николая Макс. — Ты ж у нас теперь «Лучник — смерть вервольфов».

— Оборотнем может стать только тот, у кого есть к этому генетическая предрасположенность, — решил разрядить обстановку я. — При приеме в Патруль всех проверяют на сопротивляемость магическим воздействиям, психические отклонения и эту самую предрасположенность.

— И? — Ветрицкий поднялся с тюфяка и засуетился. — Макс, где здесь толчок?

— Направо по коридору, последняя дверь.

— И у меня ее нет. — Мне не удалось скрыть улыбки, когда позеленевший Николай, зажав ладонью рот, выскочил из комнаты. Ему еще повезло — обычно туалеты во дворе ставят. — О чем и была сделана соответствующая запись в моей медицинской карте. Все ясно?

— Да ладно, Лед, че ты? — заулыбался Ворон. — Я ж так, для твоего же блага...

— Проехали. — Я решил не устраивать разборок. Не будь у меня с Максом соответствующего штампа в медицинской карте, до сих пор бы после встречи с волколаком в больничке парились.

— Слушай, Лед, а у меня этот штамп смазан, ничего не разобрать. — Макс попытался рассмотреть запись в собственной медицинской карте.

— Тебе это зачем? Печать же синяя.

— А что написано?

— Да без разницы. — Я уселся на освобожденный Ветрицким тюфяк.

— А, заразившись, вылечиться можно? — Макс свернул тетрадку и сунул ее во внутренний карман полушубка.

— Можно. Серебряной пулей в висок. — Ворон приставил палец к виску. — Пух-х-х!

— Полностью только так, — согласился с ним я. — Но вроде есть препараты на основе серебра, которые блокируют трансформацию и мозги в полнолуние прочищают.

— Не помешаю? — В открытую дверь заглянул худой светловолосый паренек лет двадцати.

— Чего надо? — Ворон оценивающе оглядел залатанные валенки и потертый тулуп пришедшего.

— Я предлагаю...

— Ничего не покупаем, — даже не дослушав, перебил парня Макс.

— Но лошади... — начал мять в руках ушанку пацан.

— Не понял? Не надо ничего, — придвинулся к нему Ворон.

— Лошади? Ну-ка подожди, — заинтересовался я. — Какие лошади?

— Да вы их видели, — заторопился парень. — Вас вчера на них подвозили.

— Мишкины, что ли? — сообразил Макс. — А ты сам-то кто такой?

— Мишкины, Мишкины, — как китайский болванчик, часто-часто закивал пацан. — А я племянник его, Федор Ряхин.

— И каким боком ты к этим лошадям отношение имеешь? — Макс не обратил внимания на протянутую для знакомства руку. — Они разве не детям его достаться должны были?

— Каким детям? — не понял Федор. — Не было у него никого.

— Не было? — Я не то чтобы сильно удивился, но все же... «Четверо детей по лавкам». Вот оно как.

— Не было. Все мне перешло, — подтвердил парень. — Не верите, у Кузьмы Ефимовича спросите.

— И ты лошадей продаешь?

— Продаю.

— А к нам чего пришел? — процедил Ворон.

— Ну... — замялся Федор, — вы ж награду за оборотня получили...

— И что из этого? — поскреб заросший щетиной подбородок Макс.

— А деньги без движения лежать не должны, — почти моментально нашелся паренек. — Вот я вам лошадей и предлагаю. Выгодное капиталовложение, между прочим.

— Ну и какая, на фиг, нам здесь выгода? — цыкнув зубом, усмехнулся я. Понахватался от дядьки умных слов, стервец. — Учитывая, какой дрянью Мишка этих коняг пичкал, мы их даже на мясо продать не сможем.

— Зачем на мясо? Я их вместе с санями продаю.

— Сани продаешь? — вернувшийся Ветрицкий сразу же взял быка за рога. — Сколько хочешь?

— Трешку.

— Лучник, а ты разве не все деньги вчера пропил? — с вполне различимым намеком в голосе полюбопытствовал Макс.

— Не, меня угощали, — не понял подтекста, а может, специально не обратил внимания тот.

Ну что с ним делать? Кто так торгуется? Вообще-то нам эти сани не нужны, но если можно взять по дешевке, то почему бы и нет? Все не пешком топать.

— За таких доходят больше полтинника просить грешно, — решил поторговаться я.

— Что? Палтус за двух лошадей с санями? — выпучил глаза Федор. — Не смешите мои тапочки! Две с половиной сотни и ни копейкой меньше.

— Да? А чем мы кормить этих проглотов будем? — взмахнул я руками. — Они завтра же без жратвы околеют! Семьдесят пять рублей максимум. И то только из-за доброй памяти о Мише.

— Ой, только не надо! — и не думал уступать наследник. — Кормить нечем! Можно подумать, серый мох только у нас растет! Я вам мешок овса и два сена могу в довесок дать.

— Сотня. Больше даже не проси, — сделал последнее предложение я. У Ветрицкого как раз сто рублей должно быть. Тратить свои деньги у меня никакого желания нет.

— Сколько? Да вы в Форте на одном мясе больше заработаете!

— Это после того, как их неизвестно какой гадостью кормили?

— А кто там об этом знает? — привел железный аргумент Федор. — Смотрите — не купите, сам в Форт поеду.

— Давай сделаем так... — задумался я. — Коля, ты свою сотню в это дело вкладываешь?

— Да, — без колебаний согласился Ветрицкий. Сразу видно, не знает деньгам цену.

— Мы тебе даем сто рублей золотом. — Я поднял АКМ — все равно патронов к нему больше нет — и развернулся к Федору. Тот побледнел, сделал шаг назад и уперся спиной в стену. — И автомат.

— Куда я эту тарахтелку дену? — отошел от испуга продавец.

— Твои проблемы. Хошь, продай, хошь, сам пользуй, — улыбаясь, заявил Ворон.

— Договорились, нет? — спросил я.

— А, леший с вами. По рукам, — поняв, что больше из нас ничего не выжать, согласился Федор. Да и рассчитывал ли он получить больше, чем сотню? — Давайте золото.

— Не гони, — остановил его я. — Макс, иди узнай у Кузьмы Ефимовича, не набрехал ли он нам про наследство.

Федор оскорбленно надулся, но Макс, не обратив на его мину никакого внимания, пошел искать целителя. Вернувшись минут через пять, он утвердительно кивнул:

— Порядок.

— Пошли товар проверим, там и рассчитаемся. — Я отдал продавцу АКМ — чего лишнюю тяжесть таскать? — и тут мне в голову пришла неожиданная мысль. — Пацаны, а кто-нибудь с лошадьми обращаться умеет? Я нет.

Макс и Николай отрицательно помотали головами.

— А че там сложного? — удивился Ворон. — Запрячь-распрячь и я могу.

— Ты?! Откуда?

— Я к своей, когда она в Еловом жила, частенько мотался, там и научился.

— Замечательно, а что мы без тебя делать будем? — пробормотал я, но, подумав, решил махнуть на это рукой. Если что, мы их в Лудине и перепродадим. А не получится — сдадим на живодерню. Денег не наварим, но и в большом убытке не останемся. — Ну все тогда — забираем сани и в путь.

— А завтрак? — возмутился Макс.

— Мы у Якова уже позавтракали, — почесал я затылок. — Коля, ты есть хочешь?

Ветрицкий снова позеленел, но сумел взять себя в руки и выдавить, что-то отдаленно похожее на отрицание.

— Не судьба, Макс. В дороге перекусишь. — Я закинул на плечо брезентовую сумку. — Федор, ты нам пару бутериков не сварганишь? Сделку объесть.

— Сделаю. Куда деваться?

Уже через час мы, без проблем миновав пост на воротах, выехали из села. Дорога на север потянулась среди унылых полей. Леса должны были начаться дальше, а пока из снега только изредка торчали пеньки спиленных деревьев. Задувший еще вчера северо-восточный ветер за ночь только усилился, и по полям замела поземка. Не нравится мне эта погода. Как бы нам в бурю не попасть.

Нет, как все-таки кстати оказались сани! Без них наша инвалидная команда рисковала сразу после выхода устроить привал и уже с него не подняться. А так — все путем, все при делах. Похмельный Ворон, нахохлившись и подняв воротник своей короткой дубленки, правил санями. Макс, вытянув больную ногу, откинулся с автоматом в руках к задней спинке саней и поглядывал по сторонам. Николай время от времени перегибался через левый борт и оставлял на снегу длинную желтую полосу с ошметками вчерашних полупереваренных закусок. Я оккупировал с той

же целью правый борт, но рвало меня только желудочным соком, и след с моей стороны был намного скромней. Блин, похоже, я вчера сотряс заработал.

— Завязывай, — остановил я Ворона, уже не первый раз вытацившего пластиковую полторашку, в которой плескалось больше литра самогона.

— Лучник, хлебни сэма, — предложил Ворон, косясь на меня.

— Выблюю, — отказался Николай.

— Выблешь, еще глотнешь.

— Я блевану еще раньше, чем хлебну.

— Кидай сюда соску, — распорядился я, видя, что Ворон не торопится закручивать пробку. Нажрется, кто тогда лошадьми заниматься будет? Убрав пойманную пластиковую бутылку себе в рюкзак, я посмотрел на небо. Совсем облаками затянуло. Едва проглядывающее сквозь снежную пелену тусклое пятно солнца уже начало клониться к горизонту.

— Что, Коля, легче не стало? — Макс почесал лоб дулом автомата.

— Неа.

— Ты б убрал автомат, — посоветовал я. — Вышибешь мозги, а нам потом сани чистить.

— Закон компенсации: чем лучше было вчера, тем хуже сегодня. — Макс положил «абакан» на колени.

— Да, вчера было хорошо. — Николай мечтательно вздохнул. — Холодная водочка, баня, девочки...

— Девочки? Девочки — это хорошо, — согласился с ним Макс. — Главное, ничего не намотать.

— Думаешь? — забеспокоился Ветрицкий.

— Запросто, Лучник, запросто, — на полном серьезе подтвердил Макс и хохотнул: — Да ты не переживай, лучшее средство от излишней застенчивости — как раз лечение венерических заболеваний.

— Пошел ты!

— Уймись, Макс, — попросил я. Понахватался, понимаешь, от Шурика Ермолова. У того таких присказок на каждый случай по две. По две дюжины. Лучшее лекарство — цианистый калий. Лучшее средство от тошноты — два пальца в рот. И без счету куда более циничных и совершенно нецензурных.

— А че я? — Макс и не пытался скрыть ухмылку.

— Ты, Коля, не парься. Это в Форте подцепить что-нибудь проще простого, — я решил успокоить парня, — в Волчьем лого за этим следят строго.

— У нас проблемы, — негромко сказал непривычно задумчивый

Ворон.

— Что такое? — поднял я штуцер. Макс схватился за автомат и завертел головой по сторонам. Волки? Или кто похуже? В такую метель, да еще под лазурное солнце из нор выползти может что угодно.

— Ветер усиливается, — объяснил Ворон.

— И что? — облегченно выдохнул я.

— Буран будет, вот что. Надо укрытие искать.

— С чего ты это взял? — засомневался Макс. Но тут порыв ветра швырнул ему в лицо горсть снега, и он поднял воротник. Я опустил на лицо шапочку, Николай поправил широкие пластиковые очки.

— Глаза разуй, — огрызнулся Ворон. Ветер стал еще сильнее, видимость упала метров до двадцати.

— Смотри, это же перекресток на Ключи? — спросил я.

— Это ты у меня спрашиваешь? — хмыкнул Ворон. — Кто из нас патрульный?

В этот момент из снежной мглы появился деревянный столб с прибитым указателем. Я напряг глаза и прикрыл их ладонью от летящей снежной крупы. На одной доске было выведено: «Лудино — Волчий лог». Мы выехали на перекресток, и стала видна надпись на второй табличке: «Ключи — Еловое».

— Смотрите: где-то слева должна быть просека, — стараясь перекрыть вой ветра, крикнул я, когда мы миновали перекресток. Еще б ее разглядеть! Ветер несея со скоростью бешеного быка и швырял в лицо и за шиворот непрерывный поток снега.

Просеку мы едва не пропустили. Узкая прореха в стене деревьев на миг показалась и тут же исчезла, скрытая вьюгой.

— Поворачивай! — заорал Ветрицкий и затряс Ворона за плечо, указывая на проезд. Тот отмахнулся и направил лошадей на просеку. Раскачивающиеся под порывами вьюги ветви деревьев почти задевали сани. Ветер, усилившийся в узкой просеке, словно в аэродинамической трубе, без труда проникал сквозь одежду и забивал под нее колючие ледяные снежинки. Моментально заоченело все тело, запястья и шею начало ломить. К нашему счастью, вскоре мы выехали на широкую расчищенную от деревьев площадку, и ветер поутих. Посреди поляны сквозь пелену падающего с неба снега уже были различимы огораживающие хутор стены. Добрались! Еще б нас внутрь пустили.

— И ни слова, что мы из Патруля, — сразу предупредил я. — Идем в Туманный за шкурами серков.

— А что такое?

— До Лудина рукой подать, еще стуканут рейнджерам.

— Да, палево, — согласился со мной Ворон. Дергать за ручку звонка пришлось минут десять. Когда мы уже окончательно потеряли надежду, что нас услышат, и начали решать, кому лезть через забор, железная пластина, закрывающая смотровую щель, ушла в сторону.

— Чего надо? — расслышали мы сквозь завывание метели.

— Переждать буран! — прокричал, придвинувшись к забору, я.

— Переночевать?

— Нет! Переждать! Буран переждать! — снова заорал я. Нас бы толькопустили. Если буран не стихнет, о ночевке вечером договориться можно будет.

— Кто такие?

— Промысловики. Серков в Туманный бить идем.

— Сколько вас? — Хуторянин сдвинулся в сторону и попытался рассмотреть, не прячется ли кто сбоку.

— Четыре человека, но еще нужно укрытие для лошадей!

— Заходите. — Толстенная дубовая створка немного подалась назад, и мы с Максом, навалившись, с трудом раскрыли ворота. Я обратил внимание на массивные железные петли и на отсутствие на них защитных рун. Странно.

Хуторянин в длинном меховом плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо, отошел в сторону и освободил проезд для саней. Ветер сдернул капюшон с головы, я успел рассмотреть узкое и худое лицо нашего хозяина. Совсем молодой еще парень производил впечатление то ли восстанавливающегося после тяжелой болезни, то ли просто постоянно недоедающего. Из-за темных кругов и выступающих надбровных дуг глаза казались глубоко запавшими. Да он совсем околел на морозе, бедняга! В лице ни кровинки, губы посинели.

— Макс, как нога? — спросил я, закрыв свою створку ворот и задвинув брус засова.

— А? Нога? — Макс опустил руку, прикрывающую лицо от ветра — во дворе было гораздо спокойней, казалось, даже снег валил не так сильно, — и задумался. — Нормально нога, не болит.

Вот и замечательно, не зря Кузьма Ефимович свой хлеб ест. Я вытащил из саней вещмешок и осмотрелся. Просторный двор ограничивали фасад жилого дома, хлев и сарай. Или конюшня? Ну да, вон еще не заметенный снегом конский помет валяется. На противоположной от ворот стороне двора прямо у забора из сугроба выглядывала деревянная крышка и колодезный журавль. Одноэтажный жилой дом больше

напоминал длинный барак. В узкие, закрытые ставнями окна не смог бы протиснуться даже ребенок. Из двух печных труб — всего их торчало на крыше четыре — шел дым. Саму крышу покрывала солома, но под ней я заметил добротные доски. Странно, конуры нигде не видно, да и собаки не гавкают. А вообще небогато живут. Обычное дело для небольших хуторов.

— Куда лошадей загнать можно? — спросил я, подходя к хуторянину.

— Распрягайте и ведите на конюшню, там стойла свободные есть, — парень указал на сарай, стоящий напротив сеней барака.

Макс подошел к конюшне и раскрыл одну створку широкой двери. Пока он возился с щеколдами, запирающими вторую створку, я махнул рукой Ворону:

— Подъезжай!

Здесь хоть немного сарай от снега прикроет. Макс наконец справился с дверью и вошел в конюшню.

— Пойду, посмотрю, где лошадей можно привязать, — объяснил он мне.

Ага, так ему кто-то и поверит. Явно ведь погреться решил. Я попытался до конца открыть дверь, но из-за наметенного снега сделать это оказалось совсем не просто. Пришлось налечь изо всех сил. Ветрицкий выскочил из саней, закинул за спину рюкзак с прицепленным к нему чехлом с луком и распахнул вторую створку. Ему это удалось без труда — снегу с той стороны нападало куда меньше.

— На, поддержи. — Я отдал ему штуцер и вещмешок и снова приналег на дверь.

— Лед! — Крик Макса заставил меня оторваться от сворки и раздраженно выпрямиться.

— Чего? — Зачем так орать? Нельзя подойти и нормально сказать?

— Лед! Сюда, быстрее!

Я чертыхнулся и зашел в конюшню. Ничего не понимающий хуторянин оглянулся на сани и пошел за мной.

— Че орешь? — рыкнул я на Макса, который чуть ли не подпрыгивал от нетерпения у привязанной к столбу лошади. Ну, лошадь, ну, не распряженная. Выходит, этот паренек только что откуда-то прискакал. Теперь понятно, почему он такой замерзший. Но хоть убей, не понимаю, из-за чего все эти крики.

— Клеймо!

Я пригляделся внимательней и разглядел выжженное на крупе тавро. Очень простое тавро. Круг, вписанный в треугольник. Сзади раздался

шорох шагов. Рванув из кобуры «кольт», я резко развернулся и вскинул пистолет.

Все сомнения — мало ли как здесь мог оказаться конь с клеймом Нижнего хутора? — улетучились, стоило мне взглянуть в сверкающие глаза хуторянина. Я нажал на курок, и парень подавился собственным криком: тяжелая пуля, выпущенная почти в упор, ударила его в лоб и отшвырнула на пол. Оскалившись — из-под верхней губы полезли белые клыки, — вампир приподнялся на локтях, но я подскочил и выстрелил сначала в левую сторону груди, потом в правую. Уж и не помню, откуда в голове засело, что у кровососов два сердца. Пули сорок пятого калибра раздробили ребра и должны были в клочья разнести внутренности, но обольщаться не стоило: пули надрезанные и первый выстрел в голову вообще полчерепа снес. И уж если дыра во весь затылок эту тварь не остановила...

— Макс, Ворон, на руки! Коля, осинового стрелы доставай! — на одном дыхании проревел я, сунул пистолет в кобуру и выхватил нож.

Макс ухватился за дергающуюся руку вампира и навалился на нее всем телом. Влетевший в конюшню Ворон поступил умнее, схватив стоящие у стены вилы, размахнулся и пришил правую руку кровососа к доскам пола.

— Дверь держи! — Мой крик заставил бестолково суесящегося вокруг нас Ветрицкого заняться делом. Я упал на колени прямо в черную лужу крови, левой рукой ухватился за волосы и, оттянув голову вампира назад, резко ударил вниз занесенным ножом. Клинок вонзился в открытое горло. Лезвие с хрустом рассекло гортань, черная струя крови ударила мне в лицо. Руку словно пронзил электрический разряд, но я не останавливался и продолжал выдергивать и снова всаживать нож. Рассеченное когтями оборотня предплечье заломило, лезвие тесака из темно-синего стало черным. Шея кровососа превратилась в сплошную рану, а эта тварь все никак не желала подышать. Наоборот, вампир делал все возможное, чтобы сдохли мы: его левая нога взметнулась вверх и, неестественно выгнувшись, угодила прямо в лоб Максиму. Тот кубарем покатился по полу.

— А-а-а! — Щелканье тетивы лука перекрыл дикий вопль Ветрицкого.

— Макс, помоги ему, — прохрипел я, пытаюсь плечом прикрыть горло от освободившейся руки вампира. Нож, угодив в позвоночник, застрял между двумя дисками. Покачив вправо-влево, мне удалось освободить лезвие и снова ударить в то же место. От двери слышались короткие — в два патрона — очереди «абакана». Третье попадание в поврежденный позвонок оказалось удачным — клинок перебил спинной мозг. Тело

вампира выгнулось в агонии, но я не переставал бить ножом до тех пор, пока его голова не осталась болтаться на волосах у меня в руке. Ну что, тварь, попробуй отрасти новую черепушку! Или приживи эту. Откромсанная голова полетела в дальний конец конюшни, туда, где бесновались в стойлах одуревшие от стрельбы и запаха крови лошади.

Раздалось несколько ружейных выстрелов, привязанный напротив двери конь вскинулся на дыбы, забил копытами и повалился на пол. Оп-па, надо мне к стене перебираться, пока не прилетело чего. Убрав нож в чехол, я размял плечо, в которое мертвой хваткой вцепился вампир — как бы в ключице трещины не было, — и посмотрел, как дела у парней. Ветрицкий, тяжело дыша, прислонился к стене. Макс укрылся с другой стороны двери и перезаряжал автомат. Ворон осторожно выглядывал из-за поддерживающего крышу столба. Заряды дробы вхолостую выбивали щепки из стен и косяка. Вхолостую? Как бы не так! Стрелки заставили нас спрятаться и прекратить огонь. А если вампиры добегут через двор до конюшни, нам крышка.

Я подскочил к двери, выглянул и, оттолкнув Ветрицкого в сторону, спрятался за стену. Там, где только что была моя голова, косяк разлетелся на мелкие щепки. Картечь. Но главное я заметить успел. Во-первых, до вещей, оставленных в санях, и до самих саней нам не добраться — испуганные стрельбой лошади унеслись в дальний край двора, где их пристрелили хуторяне. Во-вторых, вампира с торчащей из бока стрелой только что затащили в дом, и, значит, новая атака последует с минуты на минуту.

Надо кровь из носу заставить замолчать их стрелков. Николай со своим луком сейчас ничего сделать не может: не шибко толстые доски сеней тем не менее прекрасно защищали от стрел. А вот от пуль... Конечно, простой свинец кровососа надолго не успокоит, но если пуля попадет в ружье... Пуля... Куда мой вещмешок Ветрицкий кинул? Вот он! Я вытащил из мешка гранатную сумку и, широко размахнувшись, катнул ее по полу к Максусу. Сейчас мы кровососам устроим.

— Приготовьтесь! — скомандовал я. — Макс, одну гранату, и только в сени. Я и Ворон тебя прикроем. На счет три...

— Раз.

Макс перестал копаться в сумке и, прислонившись к стене, замер с гранатой в руке.

— Два.

Я проверил поднятый с пола штуцер и встал рядом с дверью.

— Три!

Выглянув из-за стены, я выстрелил картечью в окно сеней и принялся всаживать винтовочные пули в смутно различимые из-за падающего снега силуэты хуторян. Высунувшийся из-за столба Ворон несколько раз перечеркнул очередями дверной проем. Когда он спрятался обратно, выскочил Макс и швырнул гранату. В ответ бухнул одиночный выстрел. Зашипев от боли, Макс метнулся под защиту стен и зажал плечо. Громыхнул взрыв.

— Сильно зацепило? — спросил я и положил разряженное ружье на пол.

— Не, пара дробинок всего, — поморщился в ответ Макс.

Я осторожно выглянул в дверь и удовлетворенно хмыкнул: от сеней осталось только основание крыльца и разлетевшиеся на полдвора доски и щепки. Даже если у них еще есть ружья, пусть попробуют нормально прицелиться через свои бойницы.

— Прикройте! — На крыше послышался шорох, я вытащил «кольт» и выскочил из дверей. Задрав голову и разглядев забравшегося на конек крыши вампира, мне не сразу удалось пересилить себя — на первый взгляд, мальцу можно было дать не больше десяти-двенадцати лет. Промедление едва не стоило мне жизни — вампиреныш уже сжался для прыжка, когда я вскинул руку с пистолетом. Две пули попали в грудь и подкинули тщедушное тельце в воздух. Не удержавшись на крыше, вампир сорвался на снег перед конюшней. Сразу же откатившись в сторону, он вскочил на ноги, но, получив в горло стрелу с осиновым древком, забился в судорогах. Одним меньше.

Из дома высыпали взрослые вампиры и понеслись через двор. Тренькнула тетива, кровосос на бегу ушел в сторону, и стрела бессильно загудела, вонзившись в стену барака. Я два раза выстрелил — первая пуля прошла мимо, вторая снесла макушку бегущему слева вампиру — и заскочил в конюшню. Так-то, это вам не от стрел уворачиваться. Занявший мое место Макс влепил две пули в живот вырвавшегося вперед хуторянина, тот сбился с шага и получил в бедро выпущенную Николаем стрелу. Оставшийся невредимым кровосос подхватил своих раненых собратьев и затащил в дом. Фу-у-у, отбились...

— Макс, Ворон, расстреливаете этих тварей, пока они бегут. Коля, бьешь подранков. — Я перезарядил «кольт». Две последние пули в обойме должны быть с кристаллами, вытащенными из раскуроченных «свинцовых ос». Их бы для другого дела приберечь, но не судьба.

— У меня семь стрел всего осталось, — предупредил Ветрицкий.

— Хреново. Надо отсюда выбираться. — Ворон лихорадочно осмотрел

конюшню.

— Думаешь, они еще полезут? — вытер пот с лица Макс.

— Угу, — сплюнул я. В низу груди нарастало непонятное давление. Страх? — Главное, чтобы в обход не пошли.

— Не получится... Пятеро! — Выглядывающий во двор Макс открыл стрельбу. К нему присоединился Ворон. Опасаясь попасть под его очереди, я присел и четыре раза выстрелил в ближайшего вампира — знакомый гад, быстро же у него черепушка отросла! Две пули прошли выше, третья попала в солнечное сплетение, а четвертая, зацепив плечо, развернула потерявшего скорость кровососа. Мелькнула оставленная разрывной пулей кровавая дыра в спине. Два вампира покатались по земле, сбитые с ног автоматными очередями. Раздался странный вибрирующий звук, в глаза будто сыпанули мелкого песка, но неприятное ощущение почти сразу прошло. Магия? Чуть не наступивший на меня Ветрицкий успел выпустить две стрелы. Одна бесследно исчезла в окне барака, вторая оторвала ухо вампира — тот еще не успел прийти в себя после автоматной очереди, пробившей грудь, — и задрожала в стене. Избежав потерь, кровососы развернулись и скрылись в доме. Быстро бегают, сволочи!

Николай подскочил к лежащему на полу Ворону и оттащил его к стене. Тот пришел в себя, затряс головой и сел. Не будь у Макса и Ветрицкого амулетов, эту атаку бы мы не пережили. Меня и то зацепило. А ночью от магии крови наши амулеты не помогут.

Жадно глотая воздух, Николай подошел ко мне:

— И что это было?

— Разведка боем. — Я взял штуцер и расстегнул патронташ. И, на мой взгляд, вполне удачная. По крайней мере, у нас осталось на две стрелы с осиновым древком меньше, а число вампиров не уменьшилось.

— Твою мать! — с какой-то непонятной тоскливой интонацией выдохнул Макс и неуверенно поднял автомат. Я выглянул и обомлел: через двор неторопливо шла женщина. Черные волосы разметались ниже плеч, снежно-бледная кожа казалась на их фоне ослепительно-белой. Изумрудные глаза с вертикальными зрачками смотрели с холодным презрением. Длинный, подбитый мехом плащ был распахнут, на груди светился призрачным зеленым сиянием какой-то амулет.

— Стреляй! — заорал я, кинул штуцер на пол и, прицелившись из «кольта», нажал на курок. Мимо. По снегу к женщине побежали вбиваемые пулями фонтанчики снега, но прямо у ее ног очередь ушла в сторону. Шумно выдохнув, Ветрицкий отпустил тетиву. Стрела понеслась прямо в грудь хуторянке, но, не долетев пару шагов, едва заметно вильнула и с

глухим звуком воткнулась в стену барака. Из двери выскользнул вампир и укрылся за спиной у женщины. Да они нас сейчас на куски порвут!

— Не стреляйте! — Мне удалось рассмотреть светящийся амулет. Ну-ну...

Подняв вдруг ставший тяжелым «кольт», я выстрелил в грудь вампирше. Получи, тварь! Пуля с кристаллом, попав в поле защитного амулета, ослепительно взорвалась оранжевым пламенем. Женщина сделала шаг назад, окружающий ее силовой покров засветился бледно-голубым светом и ощутимо прогнулся. Не теряя времени, я выпустил последнюю пулю. Взрыв пробил не успевшее восстановиться защитное поле, полыхнувшее пламя опалило вампирше лицо и отшвырнуло ее на пару метров назад. Крадущийся позади кровосос подхватил обмякшее тело и кинулся в дом.

— Макс, готовь гранаты. — Убрав пистолет в кобуру, я принялся перезаряжать штуцер. Следующую атаку нам не отбить, надо попытаться прорваться сейчас, пока еще осинового стрелы остались. Покачивая на ладони переделанный Борей в зажигательный заряд медный шар, я с сожалением убрал его обратно в сумку. Неизвестно, какой магией сейчас защищен барак. Лучше не рисковать.

— Что делать будем?

— Прорываться. — Я вытащил из вещмешка пластиковую бутылку с самогоном. — Ворон, займись лошадьми.

Уже вполне пришедший в себя Ворон побежал в глубь конюшни к стойлам. Вскоре оттуда раздались хлопки выстрелов и дикое ржание лошадей. Животных жалко, но что делать? Успокаивать их и запрягать времени нет. Я закинул вещмешок на спину, скрутил крышку с бутылки и начал поливать деревянные стены и солому самогоном. Если у кровососов найдутся более важные дела — например, тушение пожара, — то, возможно, они не смогут сразу отправить за нами погоню. Щелчок зажигалки — и над лужами самогона взвились почти прозрачные, голубоватые на концах лепестки пламени.

— Гранату. — Я выдернул чеку, выскочил во двор, метнул гранату в дверной проем барака и, перехватив ружье, помчался к воротам. Сзади раздался взрыв, во все стороны полетели обломки крыльца. Только бы никого из наших осколками не зацепило. Выскочивший из-за угла дома наперерез мне вампир ухватился за воткнувшуюся в живот стрелу и упал на снег. Макс обогнал меня и сдвинул в сторону тяжелый засов. Подбежавшие Ворон и Ветрицкий не давали вампирам высунуться, пока мы за вбитые железные скобы тянули на себя тяжелые ворота. Макс

последним выскользнул в щель между створками и, развернувшись, швырнул гранату.

— Бежим!

— Получи! — заорал подскочивший после взрыва к воротам Николай и выпустил одну из последних стрел. Я повернулся — над конюшней уже поднимались клубы дыма, — рванул Ветрицкого за плечо и побежал за почти не различимыми в метели парнями. Бежали мы долго. Ветер дул прямо в лицо, снег забивал глаза, и только ожидание погони заставляло передвигать ноги. Окончательно выдохшись где-то на середине просеки, я нагнал Макса, толкнул его и, указав на лес, прохрипел:

— Сворачиваем.

Если повезет, снег занесет следы, и вампиры нас потеряют. Проваливаясь в глубоком снегу, мы начали пробираться через лес. Здесь ветер был слабее и только жутко свистел в кронах деревьев.

— Стойте! — на небольшой полянке, где от падающего снега кое-как защищали несколько высоких елей, скомандовал я.

— Привал? — с надеждой выдохнул Николай и навзничь упал на снег.

— Щас! — Я вытащил из кармашка длинную тяжелую пробирку с черным порошком. — Живо ко мне!

— Ты чего? — насторожился Ворон.

— Отвали. — Я выдернул пробку и первым делом очертил вокруг нас круг. Тяжелый, словно свинцовый, порошок, высыпаясь из пробирки, отвесно падал вниз и вспыхивал на снегу ярко-белым пламенем. Жаль пробирку, на крайний случай берег. Да ну и фиг с ним, если нас найдут вампиры, никакие охранные чары не помогут. Завершив круг, я разделил его на четыре части и начал выводить вспыхивающие пламенем надписи. За что люблю эти чародейские штучки — в порошке уже содержится необходимая магия, и самому напрягаться нет надобности. Правда, и составить таким образом можно только простейшие заклинания. Закончив ритуал, я с облегчением выдохнул и швырнул пробирку в снег.

— Все? Прилечь можно? — Николай едва держался на ногах.

— Какой «прилечь»? Шевелите ногами! — Проваливаясь по колено в снег, я пошел через поляну.

— Ты что сделал-то? — побрел вслед за мной Ворон.

— Наши ауры приглушил. — Мне удалось протиснуться меж двух сосен и, ухватившись за сук, вытащить завязшие в сугробе ноги. — Теперь вампиры нас своей магией найти не смогут. Часа два-три.

— А потом?

— Потом смогут, если мы не уберемся от них как можно дальше, —

закашлялся я.

Теперь мы шли молча. Ветер раскачивал деревья, снег валил не переставая. Ветви так и норовили, неожиданно вылетев из темноты, хлестнуть по глазам. Мы вытянулись в цепочку и постоянно менялись местами — одному прокладывать путь через сугробы ни у кого не было сил. Я заоченел, ноги еле шевелились, хриплое дыхание, должно быть, разносилось на весь лес, который, казалось, не кончится никогда. Уже начало зарождаться подозрение, что мы заблудились, но тут деревья начали редеть. Через несколько минут мы вышли на опушку. Здесь стало хуже, чем в лесу: не сдерживаемый деревьями ветер с жутким воем нес настоящие волны снега, ничего не было видно даже на расстоянии пары-другой шагов.

— Куда? — прикрывая рукой рот, просипел Макс.

— Туда, — махнул правой рукой Ворон, — дорога на Лудино там должна быть.

Так и есть. На хутор с дороги мы свернули налево, с просеки в лес тоже. Теперь нам направо. Идти по полю оказалось куда трудней, чем по лесу. Ветер жалил и сильными порывами едва не сбивал с ног. Проваливаясь почти по пояс — лыжи-то остались в санях, — мы пробирались через глубокий снег.

Прошло минут двадцать, когда стал слышен какой-то посторонний шум. Остановившись, я повернулся спиной к ветру и развязал ушанку: только метель воет или нет?

— Эй, вы слышите что-нибудь? — Мне не давал покоя этот шум.

— Ветер свистит, — проорал в ухо Макс и отвернулся. Я завязал ушанку и пошел дальше. Свист ветра немного стих, но странный гул не пропал. Наоборот, едва различимый раньше, сейчас он монотонно ввинчивался мне в голову. Казалось, источник звука постепенно приближается.

— Коля, ничего странного не слышишь? — остановил я Николая.

Тот отмахнулся, и в этот миг я увидел отблеск странного сияния впереди — будто сквозь выюгу мигнул прожектор. Свет появился и пропал, а снег сразу же забил глаза. Я зажмурился и постарался различить, есть ли впереди что-либо магическое — не машина же со включенными фарами там стоит. И вот тогда я действительно увидел... Вытянутое над землей полотнище непередаваемого молочно-зеленоватого оттенка медленно плыло нам навстречу. Оно не было однородным — размытые человекоподобные фигуры на мгновение вырывались из общей вязкой массы и снова сливались с ней. Я такого ни разу в жизни не видел, но сразу понял, что это такое. Туманники. Сразу припомнились слова Мишки

Ряхина: «Туманники волной пошли». Зря не поверил, значит. Чем являются эти порождения стужи на самом деле, не могли понять даже лучшие специалисты Гимназии. Заумь о псевдоразумных сгустках биоэнергии никого не устраивала. Вы мне объясните, зачем этим самым сгусткам людей жрать? Да так лихо, что только кости остаются. И как потом на свет всякие жуткие твари появляются?

— Стоять! — заорал я так, что перекрыл даже вой бурана.

— Чего тебе еще? Пошли уже, — повернулся Макс.

— Туманники! — задыхаясь, объяснил я.

— Галюны начались? — остановился рядом Ворон. — Какие, на фиг, туманники? Шевелите поршнями, пока нас здесь не засыпало.

— Сам посмотри, — указал я на размытую молочную пелену, которая уже была хорошо видна сквозь несущуюся по полю вьюгу, и вытащил из сумки испорченный Борей артефакт.

— О-й-е! — только и смог выдавить из себя Ветрицкий.

— Обойти не получится? — завертел по сторонам головой Ворон.

— Нет, они нас учуяли. — Я зажал в руке медный шар и попытался успокоить дыхание. — Когда дам команду — бегите за мной. Кто отстанет — покойник.

По мере приближения туманников меня стало колотить все сильнее. Ужас, исходивший от молочной пелены, накатывал волна за волной. Ветер стих — мы оказались в мертвой зоне. Я до боли сжал в руке медный шар, дождался — кидай же, кидай! — пока туманники не приблизились метров на пять, и лишь тогда активировал амулет. Если не сработает, нам каюк. Шар исчез в вязкой туманной пелене, из которой уже тянулись сотни прозрачных щупалец. Мы, затаив дыхание, подались назад. И что? Сначала туманники засветились изнутри, потом желтое пятно увеличилось, стало ярко-красным, и мгновение спустя из прожженной дыры вырвались клубы огня. От ударной волны заложило уши, а в глазах замелькали огненные зайчики. Взрыв проделал в пелене дыру, в которую со свистом ворвался вновь взметнувшийся ветер. Опаленные края дыры начали, судорожно подергиваясь, медленно сжиматься.

— Пошли! — крикнул я и метнулся вперед, стараясь не вдыхать мерзкую паленую вонь. Мы вбежали в разрыв и вылетели с другой стороны.

— А-а-а! — заорал и начал останавливаться Макс.

— Беги! — со всех сил толкнул я его в спину. — Сейчас они развернутся!

И мы снова побежали. Черепахи, наверное, тоже думают, что бегают.

Туманники слились в одну вязкую массу и пустились в погоню. Но теперь они двигались намного медленней. Из-за чего, не знаю: во встречном ветре дело или в последствиях взрыва? Не важно, теперь у нас есть хоть какой-то шанс выжить. Главное, не останавливаться. Мы и не останавливались. Вырываясь из глубокого снега, бежали вперед. Иногда я оглядывался — туманники не отставали, но пока и не приближались. Нет, надолго в таком темпе нас не хватит.

В груди начал расти ледяной комок ужаса. Давно я не ощущал своего полного бессилия. И в драке с оборотнем, и в осажденной вампирами конюшне думать было просто некогда, страх даже не мешал, а только усиливал ненависть. Но там я мог драться. Стрелять, резать, рвать зубами... А сейчас на борьбу с ужасом и паникой уходили все силы. Скоро я рухну в снег и уже не встану.

— Смотри: костер! — буквально выхаркнул из себя бегущий впереди Ворон.

— Туда! — Сил на последний рывок не оставалось, но это был хоть какой-то шанс. Шанс прожить еще пару минут.

Спотыкаясь, увязая в снегу и падая, мы выбежали к горящему на обочине дороги костру. Я ухватил за плечо Макса и рванул назад. Прочерченный вокруг костра охранный круг был пропитан такой убийственной магией, что человека прожарило бы за пару секунд.

— Пустите к костру погреться? — обратился я к закутанному в плащ человеку, который спокойно сидел у небольшого костерка.

Молчание. А туманная пелена не останавливалась ни на миг. Я уже решил, что ответа не дожидаться, но тут человек взмахом руки разрешил нам подойти к костру. Охранный заклинание изменило свой оттенок, и мы заскочили внутрь. Парни тотчас в изнеможении повалились на снег. А здесь тепло: ледяной ветер огибал защитный круг. Я снова подивился мощности защитного поля. В Форте на такое, пожалуй, способны только Гадес да еще пара колдунов из Гимназии.

— Благодарим вас за приют. — Я скинул вещмешок и опустился на него. — Если бы не вы, нам бы пришлось туго.

— Туго? — с усмешкой переспросил колдун и скинул с головы капюшон. — Да вас бы просто сожрали.

— Ну да, — не стал спорить я. — Надеюсь, мы не сильно вас стеснили.

Странное лицо. Вроде лет далеко за шестьдесят, а кожа без единой морщинки, только красная и обветренная, как у человека, привычного к свежему воздуху и сильным морозам. Густые брови черные, но усы,

длинные, свисающие с подбородка, совершенно седые. Что-то в его манере держаться наводило на мысль о военном пенсионере.

— Не сильно, только... — Старик посмотрел на туманников, уже окутавших защитное поле плотным покровом. Под их натиском по кругу забегали зеленовато-голубые разряды. В серых глазах колдуна мелькнула смешинка. — Только эти ваши зверушки...

— Это не наши, — выпалил Ветрицкий, обеспокоенно глядя на мелькающие искры.

— Ну, если не ваши... — Колдун ловко слепил снежок и ногтем указательного пальца вывел на нем какой-то символ. Я от удивления широко раскрыл глаза: снег моментально налился багровым сиянием. Подкинув несколько раз в ладони снежок, старик навесиком выкинул его за пределы защитного круга. Громыкнуло знатно. Языки пламени взметнулись вокруг нас метров на десять. Когда они опали, от туманников не осталось и сажи, а снег даже не подтаял. Прав я был, старичок не из простых.

— Ну, давайте знакомиться. Меня зовут Жан. Можно без отчества, все равно правильно не выговорите, только заикаться начнете. — Старик взял одно из сырых поленьев и что-то чиркнул на нем коротким ножичком, вытащенным из рукава. Упавшее в костер уже сухое дерево моментально занялось огнем. — Надеюсь, интересная беседа компенсирует мое беспокойство.

Мы представились. Парни, немного отдышавшись, подсели поближе к огню.

— К сожалению, не могу ничего вам предложить на ужин — поиздержался, знаете ли, в пути, — улыбнулся Жан. — А какая причина выгнала вас в столь ненастную погоду на улицу?

— В рейде мы. — Я не сообразил выдать старую историю об охоте на серков и вытряхнул набившийся под шарф снег. А перекусить бы не помешало. Проблема в том, что Макс и Ворон свои мешки в санях оставили. — Нам до Снежных Пиков добираться, вот и торопимся. Коля, у тебя что из съестного есть?

Вербицкий полез в свой рюкзак.

— Не близко, — покивал колдун. — Не бойтесь со снежными людьми повстречаться?

— Из-за них и идем. — Не углубляясь в детали, я рассказал о цели нашего похода.

— Полбанки кофе и бутылка водки, — подвел итог ревизии своего рюкзака Николай. — И печенья немного осталось.

— Водка-то откуда? — удивился Макс.

— Вчера на опохмелку дали, — смутился Ветрицкий.

— У меня была банка тушенки. — Я полез в вещмешок. Да, нехорошо получилось, что вся жратва осталась в Максовом рюкзаке. — Блин, это сгущенка!

— Ну и что мы со сгухой делать будем? — недовольно скривился Ворон. — Даже водку закусить нечем.

— Сейчас придумаем что-нибудь. — Я приложил холодную жестянку ко лбу. Точно же тушенку в мешок клал. Неужели спросонья банки перепутал?

— Что тут думать? Пить надо. — Ветрицкий свернул пробку с бутылки, — Доставайте кружки.

— Коля, давай сюда кофе. — Я вспорол жестянку ножом и, съев несколько ложек сгущенки, высыпал в банку кофе и начал размешивать.

— Ты чего делаешь?! — изумился Николай.

— Не суетись, разливай лучше. — Я добавил еще кофе и попробовал. Сойдет. — Жан, выпьете?

— Я, по-вашему, настолько сильный колдун, что даже пьяный смогу удерживать защитный барьер?

— Да, — просто ответил я и протянул ему кружку.

— Ну, если только чуть-чуть. Ваше здоровье! — ухмыльнулся старик и, не поморщившись, выпил.

— А много и нет. — Я забрал кружку — Николай налил еще — выпил и съел несколько ложек смешанной с кофе сгущенки.

Ветрицкий внимательно посмотрел на Ворона, сидевшего лицом к огню:

— Чего-то ты совсем зеленый.

— Никак отдышаться не могу, — признался тот. — Чуть легкие не выхаркал.

— Чего ж ты спортом не занимаешься? — Николай подал ему кружку с водкой.

— Тебе честно... или куда подальше не посылать? — ответил вопросом на вопрос Ворон и принялся к водке. — Сэм жалко.

— А он занимается. Литроболом, бабсклеем и стрельбой сигарет, — заржал Макс и, забирая у меня банку со сгущенкой, спросил: — Ну как?

— Ништяк. — Я повернулся к Жану. — А вы куда, если не секрет, направляетесь?

— Тоже на север. Но дальше, чем вы. — Жан снова спрятал кисти рук в широкие рукава плаща.

— Угощайтесь. — Ветрицкий достал пачку «Петра». Ворон и Жан

взяли по сигарете. Колдун щелчком ногтя заставил сигарету загореться, парням пришлось доставать из костра горящую ветку.

— На север, — поежился я. — Век бы его не видеть.

— Не скажите, — затянулся дымом Жан. — Есть масса вещей, которые можно раздобыть только там.

— Например? — придвинулся к нам Ветрицкий. Макс и Ворон уселись у костра и о чем-то тихо переговаривались. Как бы они не задряхли.

— Живая вода.

— Вода живая и мертвая? — припомнил я и процитировал слова уличного проповедника. — И упираются в небо на самой границе земли и стужи ледяные клыки. С белого льда стекает вода живая, с черного мертвая.

— Мда... Ох уж мне эта тяга к мифотворчеству, — покачал головой Жан. — Лед одинаковый, а у кого руки кривые, у того и вода мертвая.

— Вы же мимо Снежных Пиков пойдете? Или после Лудина на запад свернете? — Я поудобней пристроился на вещмешке. Блин, и как ночевать? Спальников-то нет.

— Нет, сворачивать не буду. — Жан выкинул докуренную до фильтра сигарету в костер. — Думаешь, дальше вместе пойти?

— Я — за.

— Договорились. До Снежных Пиков я с вами. — И колдун как-то задумчиво посмотрел на меня. — Дорога полна неожиданностей.

— Неожиданностей? — не сразу понял я, потом опустил взгляд на вымазанные в крови вампира штаны. И не только штаны. Ну и вид у меня! Надо будет хоть снегом попробовать почиститься. — Ага, не то слово.

— Кого это вы так?

— Да тут недалеко полный хутор вампиров, — как на духу вывалил Николай, пока я придумывал, что соврать. — Еле отбились.

— Вампиры? — засомневался колдун. — Не упыри?

— Да какое там, — махнул рукой я. А, семь бед один ответ! — Вампиры. Может, конечно, это нам так повезло, но, мне кажется, они там уже долго обитали.

— Клан?

— Думаю, да. — Я снял перчатку с правой руки и опустил ноющую кисть в снег. Ну и отдача у «кольта», чуть запястье не вывихнул!

— Царицу их видели? — с любопытством подался вперед Жан.

— Не только видели, но и личико подпортили, — засмеялся Ветрицкий.

— Кого-нибудь убили?

— А то! Троих или четверых я точно положил, — похвастался Николай. — Живучие, твари. Ему полголовы снесли, а он через пару минут живехонький!

— Плохо дело, — покрутил ус Жан.

— А что такое? — забеспокоился я.

— Пока царица не найдет того, кто ее ранил, не успокоится...

— Все, Лед, запасайся осиновыми кольями, — засмеялся Николай.

— Потом будет искать тех, кто убил ее детей, — закончил фразу старик.

Ветрицкий подавился смехом и замолчал. Что, не тянет больше о своих подвигах рассказывать? А так-то парня понять можно: многие и за десяток рейдов не повидают того, что ему за один выпало.

— Я наши ауры приглушил, — глядя на языки пламени, произнес я, — но не надолго.

— Сейчас посмотрим. — Колдун сложил щепоткой пальцы и поднял руку над головой — охранный круг мигнул синим светом. — Я взял на себя смелость подправить ваше заклинание. Теперь оно продержится не меньше недели.

— Спасибо, — от всей души поблагодарил я. Через неделю мы уже будем в Форте, пусть попробует нас там достать. Первым делом, как вернусь, про хутор куда следует доложу.

— Может, с утра пойдем на хутор и всех вырежем? — кровожадно оскалился Ветрицкий.

— С царицей даже я не справлюсь, — отказался Жан. — Вам повезло, что она после дневного сна не отошла.

— Странно. — Николай о чем-то задумался, вертя в руках последнюю оставшуюся стрелу с осиновым древком. — Вампиру полголовы снесли — и ничего. А от тоненькой деревяшки мрут как мухи.

— Аллергия, — ответил на невысказанный вопрос колдун.

— Что?!

— Вампиры пришли из другого мира. Сильные, быстрые, живучие... — Старик, о чем-то задумавшись, замолчал. — Нашпигуйте вампира свинцом — меньше чем через полминуты он, как ни в чем не бывало, встанет и вырвет вам сердце. А какие-то вещества в осине вызывают столь мощную аллергическую реакцию, что приводят к смертельному отравлению организма.

— Только осина?

— Чеснок тоже, но на него реакция не такая сильная.

— А святая вода? — продолжил перечисление Ветрицкий.

— Это тебе лучше у священника спросить, — не задумываясь, ответил Жан.

— Святая вода снимает чары, — пояснил я. — Не все, но многие, особенно нелюдьские. А если регенерация происходит за счет постоянно действующих заклинаний, их еще как-то по-умному называют...

— Резидентных? — подсказал Николай.

— Вот-вот, резидентных заклинаний, — припомнил я. — То без них вампира можно убить чем угодно. Даже голыми руками.

— Интересная теория, — усмехнулся Жан.

Теория? Странный старик. Такое рассказывает, что уши заворачиваются, а элементарных вещей не знает. Может, он из Города? Я слышал, там церковь не жалуют.

— А как вы снежок так заколдовали? — не выдержал Ветрицкий. Вот, блин, магией озабоченный. — Раз — и вместо снега огонь!

— А все просто, — усмехнулся в усы старик. — Нарисовал истинное имя огня — и дело сделано.

— И все? — развесил уши Николай.

— А больше ничего и не надо, — поняв, что нашел благодарного слушателя, продолжил разглагольствовать Жан. — У каждой вещи есть свой вневременной прообраз, если угодно, эйдос. И ключом к нему служит изначальное, истинное имя. Материя вторична: получив власть над эйдосом, с ней можно творить настоящие чудеса. Один росчерк пера — и бумага превращается в легированную сталь, одно движение руки — и лед становится пламенем. И никакой шарлатанской магии, одни законы мироздания.

— Но ведь это истинное имя еще надо узнать, — поскучив, протянул Николай.

— Зришь в корень, юноша, — рассмеялся колдун. — Я потратил на эти исследования большую часть жизни, но теперь в моем распоряжении около четырех тысяч истинных имен.

— А можно посмотреть? — взмолился Ветрицкий. — Ну, хоть одним глазком!

— Если только одним глазком, — после минутного раздумья согласился колдун, вытащил из сумки потрепанный журнал без обложки и передал его Ветрицкому.

— Я серьезно, а вы... — Николай, обидевшись, швырнул журнал обратно — на раскрывшемся развороте мелькнула грудастая блондинка — и ушел к костру.

— Надо же, какое богатое воображение у вашего друга! — рассмеялся

колдун, убирая журнал обратно. — Давно я так не веселился.

— У всех свои недостатки, — философски заметил я. А Коле не надо таким наивным быть. Какой мастер первому встречному свои секреты выкладывать станет? Пора спать ложиться, а то голова совсем чугунная. Только кого в караул первым поставить? Макс с Вороном уже дрыхнут без задних ног.

— Ничего не могу на вашу сентенцию возразить, — усмехнулся колдун. — У меня вот шутки дурацкие.

— Не скажите. — Я рылся в своем вещмешке, размышляя об увиденном в последний час. После возвращения стоит поговорить с Гадесом. Уж больно ловко Жан заклинания плетет. Так ловко, что я магии почти не ощущаю.

— Дурацкие, дурацкие, и не спорьте. — Колдун подкинул в костер еще одно полено. И, неожиданно заинтересовавшись, выхватил у меня из руки медный шар, поднес к уху и потряс. — Оригинально. Первый раз вижу, чтобы драконий огонь так нетрадиционно использовали.

— Перекуем мечи на орала, так сказать. — Я забрал артефакт, активировал и задумался, куда бы его пристроить. На землю класть не стоит, все тепло в грунт уйдет, да и снег растает.

— А если вот так? — Колдун забрал у меня нагревающийся шар, неуловимо двинул рукой, и артефакт завис метрах в полутора над костром.

— Годится.

— Да вы ложитесь спать, я покараулю, — поплотней запахнул свой плащ Жан.

— Может, по очереди? — Мысль оставить совершенно незнакомого человека караульным противоречила всем писаным и неписаным правилам Патруля. И моему инстинкту самосохранения.

— А защитное поле кто поддерживать будет? — резонно заметил колдун. — Да ты не беспокойся. Лучших караульных, чем я и моя бессонница, не найти.

Как раз в способности колдуна не спать всю ночь я не сомневался. Меня больше волновало, как бы мне ночью горло не перерезали. Или еще чего похуже не случилось. Хотя один на один я все равно колдуну не соперник, да и часам к трем все равно срублюсь. Так что надо спать устраиваться, а то утром не встану. Вся надежда на порядочность Жана. Порядочность Жана, мой чуткий сон и подаренный Катей оберег. Негусто.

А куда деваться?

Глава 9

Проснулся я из-за холода. Скользкие щупальца стужи за ночь проникли сквозь одежду и проморозили, казалось, меня до самых костей. Все тело затекло, руки, ноги онемели, но шевелиться не было никакого желания. Единственное, чего хотелось — сжаться в комочек, согреться и еще хоть чуточку подремать. Время действия обогревательного артефакта закончилось, и сейчас покореженный, покрытый патиной медный шар валялся в паре метров от меня. Судя по всему, сдох он совсем недавно — снег вокруг медяшки подтаял и пока не застыл, да и я окончательно не заковенел. А вот кострище уже запорошило снежком. Не думаю, что огонь потушили специально — скорее ненасытное пламя успело за ночь сожрать все запасенные Жаном дрова. Кстати, а сам-то Жан где? И парней что-то не видно. Преодолевая боль в окоченевших мышцах, я осторожно перевернулся на другой бок. Под фуфайку сразу же забрался холодный воздух, и спать расхотелось.

Вчера в темноте как следует рассмотреть место ночевки не получилось, и сейчас я с интересом огляделся. Небольшой овражек, в котором мы укрылись, был всего метрах в двадцати от дороги на Лудино. За ночь у защитного круга намело высокий вал снега. С той стороны дороги лес подходил вплотную, с этой заканчивался метров за двести до оврага. К утру ветер стих, и посеребренные инеем деревья стояли совершенно неподвижно. Дальше к Лудину начиналось поле, за ним в туманной дымке неясно виднелась стена елей и пихт. Если память меня не подводила, миновав этот лес, мы окажемся всего в паре километров от села.

— О! Лед проснулся. — Макс откусил от бутерброда и энергично задвигал челюстями, пытаясь прожевать промерзшую колбасу. — Ну, ты и здоров храпака давить.

Ветрицкий, сидя на своем рюкзаке, что-то втолковывал рассеянному кивающему Ворону. Жан вольготно устроился на расстеленном прямо на снегу коврике и листал журнал. Судя по обложке, тот самый, которой вчера предлагал Николаю.

— Ты где это бутерброд надыбал? — Я закашлялся и кое-как поднялся на негнущиеся ноги. Потом присел. Снова поднялся-присел, и так раз пятьдесят. Под конец ноги свело судорогой, связки и мышцы загорелись огнем, но мне почти удалось согреться. Онемевшей от холода оставалась только правая рука, которая к тому же неимоверно чесалась. Ничего,

чесется — значит, заживает. Или Бояринов, подлюка такая, мне заразу занес? Да нет, вряд ли. В Лудине надо будет посмотреть, что там. Засунув за пояс меховушки, я зачерпнул пригоршню снега и потер лицо. Мелкие крупинки больно врезались в кожу, но тумана в голове как не бывало.

— Я ж вчера как у Федора бутерброды взял, так про них и забыл. — Макс отправил в рот последний кусок. — Правда, они в кармане за ночь смерзлись наглухо.

— Еще есть? — Я сглотнул слюну и отряхнул с ладоней налипший снег.

— Обижаешь. — Макс протянул испачканный масляными пятнами газетный сверток. — Специально для тебя оставил.

— А остальные? — Я развернул газету и обнаружил, что в нее завернут не целый бутерброд, а только неровно откромсанная ножом половина. Газетный лист полетел в кострище к валявшейся там смятой пачке сигарет.

— Всем хватило.

Колбаса была жесткой и холодной, хлеб черствым, но голод не тетка. На ходу жуя, я подошел к мешку и, подняв, стряхнул с него снег. А ведь мне вчера с вещами повезло: в санях остались только топор и бинокль.

— Лед! — Ветрицкий оставил Ворона в покое и повернулся ко мне.

— Чего?

— Поговорить надо.

— Слушаю тебя внимательно.

— Пойдем отойдем. — Николай зашагал на обочину дороги. Жан убрал журнал в сумку и начал сворачивать коврик, Макс подмигнул мне и запрыгал на месте, пытаюсь согреться.

Я хмыкнул и зашагал следом. Что это с Колей? Спал плохо? Не нравится мне такое начало дня.

— Этот что, с нами идет? — Развернувшись, Ветрицкий кивнул на Жана.

— Ну, и? — Я с интересом посмотрел на насупившегося парня. Так все дело в колдуне? Да, крепко он вчера его поддел, ничего не скажешь. Или они уже с утра поцапаться успели?

— Я против.

— Обоснуй. — Я скрестил руки и решил набраться терпения.

— Мы же о нем ничего не знаем! Взбретет чего в голову и удавит нас во сне, как котят!

— Об этом раньше следовало побеспокоиться. — Долго искать ответ на вполне логичный довод у меня не было необходимости. — Когда ты

вчера дрыхнуть завалился.

— Да ты только посмотри на него! — Из последних сил сдерживаясь, чтобы не повысить голос, Ветрицкий сжал кулаки. — Даже по лицу видно, что у него с головой не все в порядке!

— Ты у нас, никак, последователь Ломброзо? — Я старался не грубить, но терпение у меня уже подходило к концу. — Тоже физиономист знатный был.

— Ну зачем нам этого старика с собой тащить? Я же копчиком чую — с ним что-то не так!

— Ты конкретное что-то сказать можешь? — медленно проговорил я.

— Я против, — упрямо нахмурился Николай.

— Понятно дело, — усмехнулся незаметно подошедший Макс. — Ты ж у нас великий лучник, всех вампиров одной левой, а тут какой-то колдун под ногами путается.

— Тебя, чмо, не спрашивали, — немедленно отреагировал Ветрицкий.

— За чмо ответишь. — Макс придвинулся вплотную к Николаю и кулаком несильно толкнул его в грудь. Типа, наметил место для удара.

— Макс, иди погуляй где-нибудь, пока мы разговариваем, а? — попросил я. Еще не хватало, чтобы они прямо тут сцепились.

— Ладно, ладно, ухожу. — Макс сошел с обочины и угрожающе добавил: — Потом поговорим.

— Вот что, Коля, колдун пойдет с нами. — Ветрицкий открыл рот, но я выставил вперед обкусанный бутерброд. — Ты дослушай сначала! Колдун пойдет с нами. И не потому, что мне на твое мнение наплевать, а потому, что с ним у нас гораздо больше шансов дойти до Снежных Пиков целыми и невредимыми.

— Раньше мы сами неплохо справлялись. — Николай гордо оперся о чехол лука.

— Раньше нам везло. — Я решил опустить его с небес на землю. — Вечно такое везение продолжаться не может. Что мы будем делать, если нас вампиры найдут? Стрела с осиновым древком всего одна осталась. Так?

— Придумаем что-нибудь, — уже менее уверенно ответил Ветрицкий.

— Что? Коляя осиновые строгать пойдем? Или сразу застрелимся? — Я в упор посмотрел на него. — В общем, так. До Снежных Пиков идем вместе с Жаном. И это не обсуждается. Все ясно?

— Все. — Ветрицкий обиженно сжал губы и отвернулся.

— Коля, — позвал его..

— Да?

— Спасибо, что с оборотнем помог. Он бы меня порвал. — Мне почти

не пришлось делать над собой усилие, чтобы признать это. — И насчет лука я тогда неправ был. Ты уж извини.

— Да чего там, — махнул рукой Николай и, расправив плечи, зашагал к поджидающему его Макссу.

Я погрозил тому пальцем, вздохнул и потер гудящие виски. Не рейд, а детский сад какой-то. Будь здесь Крест, мигом бы присмирели и лишний раз почесаться боялись, а мне как няньке за всеми следить приходится.

— Собирайтесь, выходить пора. — Я дожевал бутерброд и вытер руки о штаны.

— Чем пешком идти, не проще обоз какой подождать? — засомневался Жан.

— Не проще, — не согласился я. Теперь понятно, почему меня сразу не разбудили. Ножками топать неохота. — До полудня вряд ли кто проедет, а нам время терять не с руки.

— А ведь и верно. — Жан закинул ремень сумки на плечо. — Если кто с утра из Волчьего лога или Ключей выехал, пока лишь до половины пути добрался.

Мы вышли на дорогу и пошли через поле. Повезет — кто-нибудь нагонит, нет — часа через два сами в Лудино придем. Тем более что погода вполне ничего себе: солнце почти не проглядывало из-за облаков и глаза не слепило, да и потеплело. Только почему я так мерзну? Ох, сейчас бы кофейку горячего с коньячком. На худой конец чаю с лимоном. Я отдернул потянувшуюся к фляжке руку — путь предстоит неблизкий, еще пригодится.

Макс, раздраженно пиная пушистый снег, шел впереди, Ветрицкий с Вороном немного поотстали. Я молча плелся рядом с Жаном. Да и о чем разговаривать с совершенно незнакомым человеком? Нет, конечно, тему всегда найти можно, но особого желания пообщаться у меня не возникало. У Жана, видимо, тоже. Нельзя сказать, чтобы мы и рта не раскрыли, но несколько ничего не значащих фраз нормальным разговором назвать нельзя.

— Как думаете, найдут нас вампиры? — Я потер ребил рукав фуфайки, пытаюсь почесать зудящее предплечье.

— Кто их знает? — Жан поправил съехавший ремень сумки. — Не должны. Но если ауры ваши запомнили и даже случайно рядом окажутся — обязательно достать попробуют.

И снова тишину нарушали только скрип снега под ногами и тихо переговаривающиеся сзади парни. Ветра не было, но облака над головой неслись с бешеной скоростью. Темно-зеленый лес впереди время от

времени светлел, и по полю начинали бег полосы сверкающего под солнцем снега. Разрывы в тучах стремительно смещались, и освещенные пятна часто исчезали, даже не успев добраться и до середины поля.

— У вас, я смотрю, больно амулеты хитрые. — Жан повернул голову, и я увидел почти незаметную паутинку белых шрамов, тянущуюся от виска к скуле. На последствия ранения не похожи, уж больно аккуратные. Если бы не покрасневшее от мороза лицо и солнечный свет, ничего разглядеть бы не получилось. — Глядишь, и не смогут вас по аурам отыскать.

— Хитрые? — переспросил я и хмыкнул. — Да нет, вроде стандартное все.

— Ну, может быть, — не стал спорить колдун, но мне показалось, что он остался при своем мнении.

— Ворон, ты как думаешь, в Лудине затариться съестным получится или там три шкуры сдерут? — повернулся я к идущим сзади парням.

— Лед, я тебе еще раз повторяю — я в Лудине ни разу не был, — отмахнулся Ворон и спросил у Ветрицкого: — А это что у тебя за ножичек?

— Это не нож. — Николай вытащил клинок из ножен и поймал солнечный луч украшенным драконами лезвием. — Это саньцайцзянь. Вот и отверстие для веревки.

— У кореша моего почти такой был — ну, он по дурости его всегда с собой и таскал. Так вот, отработался парнишка как-то по формовкам на рынке, чешет домой, никого не трогает. И тут менты. А у него такое палево на руках. Был ему тогда и сань, и цзянь, две недели кровью ссал. — Ворон оценивающе осмотрел нож. — Как ты сказал, саньзаоцзянь? Откуда слова такие умные знаешь?

— Я у-шу занимался. — Ветрицкий убрал нож.

— А! Ты из этих. Видел тут недавно двух узкоглазых — все никак не могли решить, что круче — боевые грабли или боевая лопата.

— Зря смеешься. Умеючи...

— Вы в Лудине раньше не были? — Я потерял интерес к их разговору и решил расспросить Жана по более важному для нас вопросу. И заодно выяснить хоть что-нибудь о нем самом. — Не знаете, как в селе с едой?

— Бывать там не доводилось, но по опыту могу сказать...

— Смотрите!

Крик Макса заставил меня вздрогнуть и машинально скинуть с плеча ружье. Что случилось? Неужели засада? Но Макс повел себя странно: он не стал хватать висящий на ремне автомат, а, открыв рот, молча уставился на нас.

— Чего блажишь? — Ветрицкий потер покрасневший на морозе

нос. — Рот закрой, муха залетит.

— Пирамида! — Макс трясущейся рукой ткнул куда-то нам за спину.

— И когда только чем закинуться успел? — прикинул Ворон. — Это ж вроде с ангеликса всякая экзотика мерещится...

Я неторопливо обернулся и обмер. Посреди поля примерно в метре над землей парила огромная пирамида. Ее стены казались монолитными, без щелей и зазоров между немного отличающимися по цвету квадратами плит. В высоту странное сооружение было никак не меньше девятиэтажки. Солнечные лучи не проходили сквозь кристальные грани, и снег под основанием казался черным. Как ни странно, тень была только под пирамидой и за ее периметр не выходила. Мне пришлось прикрыть глаза ладонью — до того ослепительно сверкал отраженный от небесно-голубых плит свет.

— Что это? — охнул Николай.

У меня по спине пробежали мурашки, захотелось лечь и зарыться с головой в снег. В этот момент по плитам побежали радужные разводы, они подернулись рябью, пирамида начала поворачиваться, на мгновение стала плоской — словно было в ней не четыре грани, а всего одна, тонкая как волос — и исчезла.

— Что, что... конь в НЛО, — увидев, что мы тоже ничего не понимаем, пришел в себя и ответил Николаю Макс.

— Обычный мираж, — как ни в чем не бывало объяснил Жан.

Ничего себе обычный! Меня чуть инфаркт не хватил. Первый раз такое вижу. Да и баек о чем-либо подобном слышать не доводилось. Слишком уж реально для обычного миража эта пирамида выглядела. И когда она исчезла, словно холодом всего обдало.

— Валим отсюда. — Ворон подтолкнул Ветрицкого и, ускорив шаг, нагнал Макса. — Не к добру это.

— Да уж, без магии не обошлось. — Я настороженно оглядел поле и заторопился за остальными.

— Что за привычка — любой чих объяснять магией?! — всплеснул руками колдун. — Запомни, мальчик: сверхъестественные события происходят куда реже, чем это кажется людям. И большинство так называемых чудес законам природы вовсе не противоречат. Я еще могу понять, когда от страха мерещится черт-те что, но сейчас-то зачем огород городить? Всего-навсего искривились солнечные лучи в атмосфере.

— Получается, эта пирамида где-то стоит на самом деле? — задумался я.

— Совсем даже не факт. Фата-моргана и не такие картинки создать

может.

— По-вашему выходит, что все колдуны обычные шарлатаны? — Ветрицкий не смог удержаться, чтобы не подколоть Жана.

— Вовсе нет. — Сбить колдуна с толку оказалось непросто. — Биоизлучения...

— Биоизлучения? Ага! — не дал договорить ему Николай. — И каким образом эти самые излучения могут оживить трехдневный труп? Я тут недавно работу медиума-дознателя наблюдал — до сих пор не отпустило.

— Медиумы как раз трупы не оживляют. Воскрешение под силу только сами знаете кому, — вздохнул колдун. Он уже сам был не рад, что затеял этот разговор, но признать, что погорячился, не собирался. Есть такие люди, даже заведомо сморозив глупость, пытаются доказать — а часто и доказывают — свою правоту. — Хотя при должном наборе инструментов, руководствуясь той же теоремой СРТ, действительно можно восстановить жизненные функции умершего организма.

— Да? А каким образом связаны душа и квантовая физика? — ядовито поинтересовался Ветрицкий.

— Кто говорит о душе? — в свою очередь задал вопрос Жан и, улыбнувшись, добавил: — Нормальное функционирование человеческого организма вовсе не подразумевает обязательного наличия души.

— Коля, ты кто по образованию? — спросил я, прежде чем спорщики начали приводить новые аргументы. Теорема СРТ, надо же. И не слышал о такой, а Коля сразу просек, о чем речь.

— Программист, — немного удивившись, ответил Ветрицкий. — А что?

— А квантовая физика здесь каким боком? — внимательно посмотрел я на него. Кто бы мог подумать, какой у меня разносторонне развитый боец! Скалолаз, ушуист, программист, еще и физик, не говоря уже о владении луком.

— У нас кафедра информационных технологий на физическом факультете была.

— Понятно, — кивнул я и вскинул руку. — Замрите!

— Чего опять? — развернувшись, недовольно пробурчал Ворон.

— Ничего не чувствуете? — Я принял и тут же закрыл нос меховушкой. Легкое дуновение ветра донесло тошнотворный запах. Мало кто сам нюхал тухлые яйца, но всем прекрасно известно, что именно так пахнет сероводород. Вот им сейчас и воняло.

— Попахивает чем-то. Может, сдох кто, — потянул носом воздух Макс. — Пошли, че встали.

— Стоять! — крикнул я, матюгнулся и, убрав варежку от лица, снова принялся. Нет, не показалось. К вони сероводорода примешивался слабый запах разложения. Повезло. Дуй ветер в спину, все могло бы выйти намного печальней. Наступил не туда — и поминай, как звали. Снежные черви неосторожных путников любят. Любят — с точки зрения пожрать...

— Да что такое? — не выдержал Ворон. — Лед, не ... нам мозги...

— Рот закрой. — Я присел, слепил снежок и по навесной траектории кинул на дорогу впереди. Ударившись о наледь, комок снега рассыпался на несколько кусков. То же самое случилось и со следующим, который упал немного дальше.

— Тебе гаек дать? — пошутил Николай.

— Да нет там ничего, — поддержал его Жан. — Я бы почувствовал.

— Еще как есть. — Вышедшее из-за туч солнце осветило дорогу, и мне удалось разглядеть на обочине пятно, снег на котором оставался тусклым и каким-то матово-безжизненным. Точно нацеленный снежок угодил прямо туда и, не разбившись, бесшумно исчез в, казалось, намертво утоптанной дороге.

Первым пришел в себя Жан:

— Ледяные змеи или снежные черви?

— Снежные черви. — Мои кисти онемели, но я слепил еще один снежок. Упав на середину дороги, он ушел в снег только наполовину. Что ж, должны пройти. — Идем цепочкой, след в след. И воздуху наберите побольше.

Перейдя на противоположную обочину, мы выстроились гуськом и начали осторожно продвигаться вперед. Я шел первым и тщательно прощупывал ногой припорошенную снегом дорогу. Тошнотворный запах усилился, из глаз потекли слезы. Макс вздрогнул и указал на торчащий из сугроба кулак. Кисть мертвеца цветом походила на кусок льда. Не повезло кому-то. Не останавливаясь, мы прошли мимо. Метров через десять вонь начала слабеть. Я с облегчением перевел дыхание. Пронесло. Прибавив ходу, мы поспешили к лесу. Не стоит здесь задерживаться — на запах мертвечины столько зверья может собратся, что и с помощью Жана не отбиться.

— А что там было-то? — тяжело дыша, спросил Макс. — Что за зверь такой?

— Хреновый зверь. — Ворон высморкался и, достав кисет, начал сворачивать самокрутку. — Провалишься в рыхлый снег над гнездом — и схарчат живо.

— Табачком не угостишь? — попросил Николай, уже успевший

выкурить и свои сигареты, и трофейного «Петра».

— Покурим, у меня кропали остались, — щелкая колесиком газовой зажигалки, сплюнул табачные крошки Ворон.

— Но как гнездо на дороге оказалось? — Жан никак не мог поверить в то, что не заметил логова червей.

— Да какая разница? Смотрите внимательней по сторонам. — Я снял с плеча штуцер, проверил патроны и только после этого приблизился к деревьям. — Селянам расскажем, пусть сами выясняют. Но, думаю, либо кто-то зараженный там умер, либо личинку специально подбросили — слишком уж место для гнездовья неподходящее.

Через лес мы прошли без проблем. Расчищенное от деревьев пространство рядом с дорогой местами достигало метров двадцати, а пеньков с момента моего последнего визита в Лудино заметно прибавилось. За время пути на глаза ни разу не попались ни лианы ежевника, ни дрожащие иглы черного дерева. Такое впечатление, что это не нормальный лес, а городской парк. Интересно, здесь везде так или просто вокруг дороги за порядком следят? Несмотря на тишину, мы настороженно зыркали по сторонам и лишь Жан шел, не вертя головой. Но после того как он не почуял снежных червей, это меня совсем не успокаивало. Человек есть человек — может и ошибиться. Через полчаса лес закончился. За это время не встретилось ни одно живое существо, но расслабиться я себе позволил не раньше, чем мы отошли от деревьев на пару сотен метров.

— Вот и Лудино. — Я повесил ружье на плечо и посмотрел на расположившееся неподалеку село. Дома прятались за высоким частоколом, над которым возвышались только золоченые купола церкви, серые стены трехэтажного здания местной милиции и покрытая шифером крыша сельсовета. Из многочисленных труб поднимался дым, и над селом колебалось грязно-серое марево. В безветрии есть свои минусы.

— Это? — У Николая даже вытянулось лицо. — Да Волчий лог раз в пять больше!

— В пять не в пять, но Волчий лог село не из последних, — согласился я.

— А почему забор такой хлипкий? — прищурился Макс. — Форт далеко к югу, а стена там раза в три-четыре выше.

— То, что можно увидеть простым взглядом, не всегда соответствует действительности, — глубокомысленно заметил Жан.

— Опять лапшу на уши вешать собрался? — скептически посмотрел на него Ветрицкий.

— Стены защищены мощными чарами. — Колдун закрыл глаза. —

Периметр небольшой, и местные маги держат защитные заклинания круглосуточно.

— Маги? — удивился я. Маги народ редкий — кроме Аарона, лично мне никто знаком не был. — Не колдуны? Первый раз слышу, чтобы целое село маги прикрывали. Да и местные о них ничего не болтали.

— Братья Борисовы светиться не любят, но на пару даже Гадесу из Форты мало чем уступят. — Жан открыл глаза. — А Барона из Ключей так и вовсе за пояс заткнут.

— Барона? — переспросил я. — В Ключах же колдун рулит.

— Шаман? Он у него на подхвате.

— Да ну?! А как этот маг выглядит? — В Ключах мне бывать приходилось частенько, может, и смогу кого по описанию узнать.

— Сам не видел, но, говорят, здоровый бугай.

— Здоровый? — У меня вырвался нервный смешок. — С топором постоянно таскается?

— Он самый.

— Вот суки! — улыбнулся я. Провели как ребенка! И ведь этого лабуха все наши парни, даже Крест с Дроном, простым телохранителем считают. Конспираторы, блин. Интересно, откуда Жан про него узнал?

— Это ты о ком? — заинтересовался Макс.

— Да так, о своем, — покачал я головой.

— Припрется крупная банда — никакие заклинания не помогут, — немного подумав, выдал Ветрицкий.

— Бандиты по большому счету это забота милиции. — Жан потер ухо. — Да и неоткуда здесь крупной банде взяться, разве что снежные люди с севера подойдут. Куда важнее защита от нечисти, которая все село за одну ночь загубить может.

— А в Форте тогда зачем такие стены? Еще и колючка в три ряда.

— Когда стены строили, колдунов по пальцам пересчитать можно было. К тому же колдуны не маги, им чары постоянно контролировать надо. Гимназия и теперь весь периметр максимум три дня удержать сможет. И потом все неделю в лежку лежать будут, — объяснил я и опомнился — за время разговора стены села значительно приблизились. — Слушайте сюда! На случай проверки — мы идем в Туманный за серками.

— Блин, да че ты заиклился на этих серках? — не выдержал Ветрицкий. — Ну что нам сделают, если мы патрульными представимся?

— Ничего не сделают. Запрут в камеру и ключ выкинут. А когда выпустят — тебя снова закроют, но только уже в Форте и насовсем. — Я заметил удивление на лице Жана и поспешил объяснить свои слова: — В

Лудине рейнджеры остановились. Узнают, что мы из Патруля, прицепятся. Вы уж нас не выдавайте.

— О чем речь! Не выдам, конечно, — оскорбился колдун. — А чего городские так далеко на север забрались?

— Не знаю, — пришлось признаться мне. — Мы сами про них краем уха слышали. Вас-то как представлять, если спрашивать будут? Может, тоже охотником?

— А почему бы и нет? — с готовностью принял мое предложение Жан. — Все вопросов меньше будет. Я вообще не уверен, что есть смысл в село заходить.

— Смысл есть: без припасов и лыж мы далеко не уйдем. — Я тоже не горел желанием лезть на рожон, но выбора не было. — К тому же, ну пройдем мы мимо и что? Какое-никакое патрулирование территории у них должно быть налажено.

— Это точно. — Ворон указал на вышедшего из ворот охранника. А в бревенчатой башенке над воротами рядом с торчащим пулеметным стволом блеснули стекла бинокля. — Вон уже пасут.

— Он покурить вышел, — пригляделся Макс. — А если они насчет снаряжения спросят, что отвечать?

— Правду. — Я внимательно рассмотрел небольшой укатанный пятак перед воротами и нахмурился — наст был перемолот автомобильными шинами. Придумывать что-то путевое уже времени нет. Начнут поодиночке допрашивать — на противоречиях сразу же подловят. — Сами, мол, еле от туманников ноги унесли, а манатки покидать пришлось.

— Пацаны, смотрите, а это что такое? — Ветрицкий указал рукой на поле рядом с селом, на котором возвышались чуть ли не двухметровые сугробы снега. — Из села, что ли, снег вывозят?

— Коля, ты че думаешь, булки на деревьях растут? Макс покрутил варежкой у виска. — Слово «озимые» тебе что-нибудь говорит?

— Какие озимые? Да за два месяца даже сорняки вырасти не успеют! И вон деревья почти до макушек завалили!

— Все правильно, чтобы яблони не померзли, — поддержал Макса я. — На селе кто самый уважаемый человек? Колдун-агроном. Колдун-агроном — это куда круче, чем агроном просто. И магически модифицированные продукты вызревают даже куда быстрее, чем модифицированные генетически.

— И яблоки вызревают? — ошарашенно спросил Николай.

— А ты как думаешь, почему мы здесь с голоду еще не померли? —

усмехнулся я. — Агромагия хоть и уступает по распространенности боевой, но на селе важна не менее. Сорт модифицировать, заклинанием рост ускорить и от заморозков защитить, в удобрение специфических ингредиентов добавить... вот и успевают за два месяца тепла урожай снять. И себе хватает, еще и в Форт на продажу везут. Правда, к апрелю все запасы подчистую подъедаются.

— Ты-то откуда это все знаешь? — не выдержал Ветрицкий.

— С умными людьми беседовал. Все, успокаиваемся — пришли почти.

К тому времени, когда мы подошли к селу, курильщик уже заскочил внутрь, и мы беспрепятственно протиснулись в узкую дверь рядом с воротами. Прямо напротив был вкопан БТР. Нехилый сюрприз для нападающих. Где они его надыбали? Гуманитарная помощь Города? Полгода назад ничего подобного еще не было.

— Куда собрались? — раздался голос откуда-то сверху.

— Сюда. — Я задрал голову и увидел охранника, спускающегося по лестнице из башни над воротами. Высокий, усатый, лет немного за тридцать. Все бы ничего, охранник и охранник, но когда он наклонился к нам, стали видны погоны... Погоны на камуфляжной бело-серой куртке были капитанские: четыре маленьких пятиконечных звезды. Насколько я знал, советские знаки различия продолжали использовать только в Городе. У них там склад старого обмундирования, что ли? Местные милиционеры так и таскали ментовскую форму, дружинники в Форте давным-давно непонятно зачем перешли на ромбы на петлицах, а мы в Патруле как-то обходились без всей этой ерунды.

А ведь первый раз вживую наблюдаю рейнджера. Да и мертвых солдат вероятного противника видел только один раз, когда наш отряд наткнулся на попавших в бандитскую засаду разведчиков. Очень неприглядное было зрелище — зверье только-только успело распотрошить трупы.

— Да уж вижу, что не туда. — Капитан придержал висящий на ремне пистолет-пулемет и через три ступеньки спрыгнул на землю. Второй охранник — а вот этот уже местный — высунулся из окна и навел на нас ствол АКМ. — Михалыч, ходь сюда!

Чуть погодя из-за угла выскочил полноватый мужик, которого буквально волокли за намотанный на руку поводок две здоровенные рыжеватые лайки. Завидев нас, собаки азартно затаивали и замахали свернутыми в колечки хвостами. Мужичок поднатужился — туго застегнутый тулуп едва не разошелся по швам, — уперся валенками в снег, но смог остановить лаек только прямо перед нами. И кому пришла в голову мысль охотничьих собак использовать как сторожевых? Нюх у них, не

спору, замечательный, и если натасканы правильно, то учуют что угодно, но слишком уж азартны.

— Кто такие? — спросил капитан, когда собак наконец удалось оттащить. Судя по всему, ничего необычного в такой бурной реакции не было. Думаю, унюхай они что-нибудь подозрительное, вели бы себя по-другому. Из караулки выглянул еще один рейнджер, вроде старший сержант. С соседней улицы вышли три милиционера. Двое остановились у БТРа, третий — в серой шинели и непонятного цвета ушанке — решил подойти поближе.

— За шкурами серков в Туманный идем, — выдал я заготовленное объяснение.

— Да ну? — с улыбкой оглядел нас рейнджер. — Вот так налегке и идете?

— В Лудине прибарахлиться думали, — не стал я отклоняться от разработанной легенды. Не поверил. Как пить дать не поверил. Но виду не подал, словно ему ровным счетом на нас наплевать. И смотрит как-то странно, словно мимо. Даже непонятно, к кому обращается. Да он же косой!

— А у меня подруга здесь живет, — влез в разговор Ворон. — Я до весны, наверное, у нее останусь.

Я про себя выматерился. Куда он лезет?! Сейчас еще Жан заявит, что видит нас в первый раз, и совсем кабздец настанет. Но нет, колдун молча стоял у меня за спиной и не делал никаких разоблачений. Наоборот, мне показалось, что он не хотел привлекать к себе лишнего внимания.

— Кто такая? — заинтересовался местный мент.

— Татьяна Горлицкая. Живет где-то у церкви.

— Есть такая, — кивнул милиционер. — Только у нее жених есть.

— Разберемся, — помрачнел Ворон.

— Намотай на ус: натворишь чего, сразу вздернем.

— Да не, нашла кого, я навязываться не стану, — пошел на попятную парень.

— Давайте ближе к теме, — предложил внимательно разглядывающий нас капитан. — Как долго в селе пробудете?

— В идеале, нам бы сразу после обеда выдвинуться, — не стал скрывать планов я. — Но это если все необходимое купить успеем.

— Понятно. И еще два вопроса. — Рейнджер сделал паузу. — Сами откуда?

— Из Волчьего лога. — Мне даже не пришлось врать. Мы ж вчера оттуда вышли.

— Все?

— Все.

— Документы есть? — скорее для проформы спросил капитан, почти потеряв к нам интерес.

Я стянул меховушки, расстегнул фуфайку и достал замызганный паспорт. Мельком пролистав страницы, капитан задумчиво завертел его в руках. Не знаю, до чего еще он мог докопаться, но в этот момент с дозорной башни раздался крик:

— Попов едет!

— Дуйте в караулку, посмотрите фотографии и свободны, — распорядился капитан и сказал, обращаясь уже к милиционеру: — Что-то Попов сегодня рано. Как бы ни стряслось чего, Валер, ты как думаешь?

— Чего гадать? — флегматично заметил мент. — Сейчас сам все расскажет.

— Товарищ капитан, — вспомнил я, — там со стороны Волчьего лога на дороге гнездо снежных червей.

— Да знаем мы, — отмахнулся Валера. — Не видели, что ли, табличку?

— Не было там ничего.

— Блин... Вчера ж такая ветрюга была, поносило все на фиг. — Рейнджер посмотрел на Валеру. — Надо послать ограждение поставить, пока никто не влетел.

— У меня людей нет, — сразу понял мент, к чему идет дело.

— А в участке?

— Там и так трое всего осталось.

— Вот двое пусть и сходят. Тут делов на пару часов.

— Кто арсенал будет охранять? — уставился на носки своих ботинок Валера. — А туда нынче еще и продукты завезли.

— Я одного бойца выделю. — Капитан достал рацию.

— А с хрена ли твой боец в тепле сидеть будет, а мои через лес пешком попрутся?

— Валера, ты совсем опух, что ли? У меня весь отряд через день на разведку ходит!

— Петр, ты только волну не гони, а? — не сдавался мент. — Вы сюда как на курорт приехали, а мы без выходных с осени вкалываем!

Мои спутники уже шли к караулке. Я подхватил скинутый на землю вещмешок и тихонько направился следом за ними. Нечего местным глаза мозолить, а то еще придумают чего-нибудь.

В маленькой, плохо протопленной комнатке перед нами выложили два

толстых альбома, забитых в основном черно-белыми фотографиями. Каких только лиц здесь не было! Физиономий... рыл... морд... Пухлые и с ввалившимися щеками, откровенно бандитские и вполне приличные, старые и молодые. Объединяло их одно — мрачная сосредоточенность. Под конец сержант вытащил совсем тоненькую папочку с десятком фотографий. А вот на этих лицах уже не было мрачной отрешенности. Создавалось впечатление, что снимали людей или для пропусков, или вообще без их ведома.

— Никого не узнаете? — широко зевнув, спросил сержант.

— Нет, — за всех ответил Макс.

— Ну, так валите отсюда. И без вас дышать нечем.

Мы вышли на крыльцо. Ворота уже открыли, из въехавшего в них «уазика» выскочил лейтенант и зашагал к капитану. Водитель, прикрыв глаза, откинулся на кресло, двое рядовых вылезли из машины и закурили.

— Чего так рано вернулись? — Капитан одернул ремень с пистолетом-пулеметом. — Ладно, Попов, раз приехал, скатайся до гнезда червей — поставь таблички.

— Выжечь его надо, а не таблички ставить. — Попов закашлялся и схаркнул на снег мокроту. — Мы у новой просеки на следы наткнулись. Утром прошло от семи до десяти человек. Вчетвером в ельник за ними не полезли, сам понимаешь.

— Правильно сделали. — Капитан заметно оживился — Бери ЗИЛ, отделение Кравченко и прочешите местность. Похоже, наши клиенты.

— Там до Туманного рукой подать, братья могли границу перейти. — Валера его уверенности не разделял.

— Снегоступы небольшие были, не выдержали бы они братьев, — подумав, заявил лейтенант.

— Вы отдохните пока, я сам до Кравченко скатаюсь. — Капитан подошел к «уазу» и распахнул дверцу.

— Товарищ капитан! — из караулки выскочил сержант. — Через час сеанс связи с центром!

— Успею. — Петр уселся на кресло рядом с водителем.

У них еще и радиостанция есть! Доложу по возвращении, может, премию выпишут. Или, что более вероятно, просто спасибо скажут. Вероятно более, приятно менее. Я подтолкнул замешкавшегося Ветрицкого и свернул на соседнюю улицу. Что ни говори, мы правильно сделали, что в село завернули. Угодили бы в облаву — доказывай потом с дырой в голове, что не верблюд. А теперь здесь засветились, без предупреждения стрелять не станут. Наверное...

— Что за липу ты охраннику сунул? — с любопытством спросил Николай.

— Какую еще липу? Паспорт это мой. Самый что ни на есть настоящий. — Я похлопал себя по нагрудному карману.

— Здесь что, паспорта наши действительны?

— Паспорт, он и в Африке паспорт. — Одно время в Форте хотели ввести новые удостоверения, но из-за нехватки денег и сложностей с типографией дело застопорилось. Более серьезных проблем хватает. Вот и ходят без разбора паспорта, водительские права, военные билеты и совсем уж экзотические документы и справки.

— Не расстраивайся ты из-за бабы, не стоит оно того, — попытался Макс успокоить ссутулившегося Ворона.

— Да если по чесноку, плевать мне на нее, — приостановился тот. — Просто теперь из села выпрут.

— Пойдем с нами? — предложил я.

— Придется. Но сначала я к этой стерве все-таки заверну. Может, чего и выгорит. — Ворон раздраженно пнул смерзшийся комок снега. — Вы когда затариваться пойдете? У меня патроны почти кончились.

— Думаешь, здесь парабеллумовские продаются? — засомневался я.

— Почему нет? В Форте без проблем доставал.

— Так то в Форте.

— А какая разница? Не такая уж они редкость. Видел, какой у капитана ствол был?

— «Клин», — припомнил я.

— Вот! Тоже патрон на 19.

— Да ну на фиг! — не поверил я. — Семеныч, когда свой «Клин» продавал, говорил, что к нему стандартные «макаровские» подходят.

Подпрыгивая на кочках и выплевывая из выхлопной трубы сизый дым, нас обогнал «уазик» и свернул на перекрестке.

— Не обманешь, не продашь, — ухмыльнулся Ворон. — Сколько он за него просил?

— Просил сотню, отдал за полтинник.

— Так дешево? — удивился Макс. — Я бы взял.

— Ну и зачем он тебе нужен? — не одобрил я такой выбор. — Машинка неплохая, но только для городских условий. Оптимальная дистанция стрельбы до двадцати пяти метров. Семеныч тогда его еле-еле какому-то дружиннику впарил.

— Кончайте о стволах трепаться, — не выдержал Ветрицкий. — Куда жрать идем?

— Наконец-то хоть кому-то пришла в голову здравая мысль, — остановился Жан на перекрестке.

Я огляделся по сторонам. Улица, на которую мы вышли, была застроена теснящимися друг к другу одноэтажными домиками. Здесь ловить нечего. Надо идти ближе к центру. В кабаке рядом с церковью и рынком светиться не стоит — наш отряд, когда останавливался в Лудине, всегда там столовался. Но мне рассказывали еще про закусочную у сельсовета, вот туда и двинем.

— Нам сюда. — Я махнул рукой вслед за уехавшим «уазиком». Даже на первый взгляд дома на этой улице были побогаче и стояли не так близко друг к другу.

— Ну, води нас, Сусанин. — Макс потер скрытый под полушубком живот. — А то кусать хоца.

А чего вести? Село небольшое, крыша сельсовета на виду торчит, опять-таки светло. Даже я не заблужусь. Правда, пару раз мы свернули не туда, а один раз зашли в тупик, но к огороженному дощатым забором дому с вывеской «ТрактирЪ» дошли всего за десять минут. Трактир выглядел вполне солидно. Видно, что хозяин за имуществом следит. В заборе ни одной гнилой или сломанной доски, резные ставни недавно выкрашены, а крыша покрыта блестящей металлочерепицей. И два широких окна не фанерой забиты, а застеклены.

— Неплохо. — Ветрицкий, распахнув дверь, зашел в трактир. Притянутая мощной пружиной, дверь с грохотом захлопнулась. Технологии энергосбережения, блин.

Мы зашли за Николаем. Внутри действительно неплохо, но народу нет. Единственный посетитель уже собирался уходить. Я мельком взглянул на него и отвернулся. Не понравился мне этот хмырь. Такой, типа, весь из себя реальный пацан. На шарнирах весь. Как говорят, пальцы веером, сопли пузырями. Хорошо, что он уже сваливает. Не дожидаясь нас, Николай подошел к стоящему в центре зала столу, повесил на спинку стула рюкзак и стянул капюшон. Его выбор мне поначалу не понравился, но, оглядевшись, я понял, что более удачного места не найти: большинство столов рассчитаны на четырех человек, а садиться у самой двери глупо: просквозит запросто. В помещении полумрак, оно и понятно, чего свечи жечь, если народу никого? Барной стойки как таковой нет, ее заменял подоконник прорезанного в стене окна на кухню. Дешево и сердито.

— Что заказывать будете? — Лысый как бильярдный шар хозяин выглянул в окно и оперся локтями на широкий подоконник.

— Нам... — Я начал прикидывать, на что у нас хватит денег.

— Я закажу, — перебил меня Жан.

— Да ладно...

— Вы меня угощали, теперь моя очередь. — Колдун даже не обратил внимания на мое слабое возражение. Если он думал, что мы начнем отказываться, то его расчет не оправдался. Мы не гордые. Спросите патрульного, что может быть лучше бутылки водки? Он ответит: две. А лучше двух? Две, но на халяву. Так-то вот.

— Как скажете. — Я развязал ушанку, но фуфайку снимать не стал: не жарко.

— Чего, Лед, не раздеваешься? — Макс положил полушубок на стул за соседним столом и остался в линялой мастерке. Парни тоже уже скинули верхнюю одежду. Ворон поправлял забившуюся под джемпер рубашу, а под лыжным костюмом Ветрицкого оказалась короткая спортивная куртка.

— Знобит меня что-то. — Я уселся за стол лицом к входу и положил штуцер себе на колени. Странная все-таки штука привычка. В Форте мне наплевать, как сидеть, а в рейде моментально начинаю нервничать, если вход не вижу. И это при том, что шанс получить пику в почку в Форте несколько не меньше. Я бы даже сказал, наоборот.

— Ща выпьем, согреешься, — азартно потер руки Макс.

Выпьем, ага. Раскатал губу. Нет, конечно, для сугреву это дело просто необходимо. Но только по чуть-чуть. Не больше двухсот граммов на брата и то, если местная бормотуха приличной окажется. Я хмыкнул, но портить настроение никому не стал. Пусть порадуются пока. Пойти, что ли, к очагу погреться? Или попробовать стол туда перетащить?

— Что получается, рейнджеры кого-то ищут? Фотографии, облавы... — Ворон задел рукавом и опрокинул солонку. К его облегчению, она оказалась пустой. — Фу ты, ну ты...

— Поаккуратней. — Я поправил перекосившуюся пирамидку салфеток. Надо же, бумажные салфетки. Уже и забыл, когда последний раз их видел. — Может, и ищут.

— Интересно, кого?

— Все, я договорился. — Жан вернулся к столу. — Сейчас принесут.

— Че на обед? — сразу же забыл о собственном вопросе Ворон.

— Гороховый суп, жареные караси и макароны. — Старик скорчил гримасу. — Хозяин предлагал пюре из снежных ягод и отбивную из северного свина, но я отказался.

— И правильно.

— А компот? — подмигнул Макс.

— Вот, — выставил на стол из карманов плаща две поллитровки

горилки колдун.

— Само то. — Макс внимательно осмотрел этикетку и скрутил пробку.

— Обожди, — остановил я его и забрал бутылку.

— Чего?

— Того. Стаканов нет — это раз. Сначала поедим — это два.

— А как аперитив, для аппетита? — предложил Николай. — Стаканы не проблема.

— На аппетит никто не жалуется, а на голодный желудок пить — окосеем махом, — не пошел я на уступку. А то так мы оба фляна еще до горячего приговорим.

— Да ну тебя. — Ветрицкий почесал щеку и с ужасом уставился на прилипший к пальцу длинный кусок отслоившейся кожи. — Это что?!

— Да не парься, — сразу просек, в чем дело Ворон, — обгорел просто.

— Обгорел?! Зимой?! — Николай подцепил край отошедшей кожи и отодрал лоскут размером с полщеки. — Не гони.

— Обычное дело, — подтвердил я. — Да не бойся ты. По первому разу все облазят.

— С ума сойти. — Коля ожесточенно тер щеки, пытаясь скомкать омертвевшую и легко отрывающуюся кожу. — А где очки лицо прикрывали, нормально все.

— Да это ерунда, — махнул рукой Макс, сам облазивший всего недели две назад. — Некоторые каждый месяц сгорают.

— Иди ты!

— Я серьезно. Сам наверняка видел красномордых. Это у них от солнца.

— Гадство!

— А то. Я, когда веки облазили, думал, сдохну. — Макс о чем-то задумался.

— Это не опасно? — Николай занялся заросшим длинной щетиной подбородком.

— Наплюй, главное, чтобы мутации не пошли, — нетерпеливо развернулся на стуле в сторону кухни Ворон.

— А могут? — судорожно сглотнул Ветрицкий.

— Запросто. Тогда одна дорога — в Черный квадрат.

— Куда?

— В гетто. Не бери в голову, туда только конченных уродов закрывают. Красная морда — это ерунда. — Мне припомнились мрачные, обнесенные колючей проволокой бараки гетто. Последнее пристанище для тех, кого Приграничье переварило и превратило в странных созданий, иногда лишь

отдаленно напоминающих людей. И патрульным из-за возможных осложнений, а вовсе не из-за заботы о людях, давали отдохнуть в Форте времени не меньше, чем длился предыдущий рейд.

— Зачем закрывают?

— Для их безопасности в основном. — Я расстегнул воротник фуфайки. Уродов никто не любит. Особенно жители ближайших к Черному квадрату кварталов.

В зал вошел низенький хозяин, двумя руками удерживавший огромный, заставленный посудой поднос. Пристроив его на краю стола, он начал быстро выставлять на стол тарелки и стаканы. Закончив с этим, исчез на кухне и минуту спустя появился с супницей, из которой торчала ручка черпака. Интересно, у него прислуги вообще нет? Вон как лихо с тарелками управляется. Или помощники к вечеру подходят?

— Хозяин, это ж мандаринами пахнет? — потянул носом Макс.

— Ну, — простуженно прогундосил тот.

— Почему?

— Червонец.

— За пуд? — полезли на лоб глаза у Ветрицкого.

— За фунт.

— Сам ешь, — пододвинул к себе тарелку с супом Макс.

— Ваше дело, — пожал плечами хозяин и ушел на кухню.

Я разлил в стаканы граммов по пятьдесят горилки:

— За здоровье!

— Будем.

— Неплохо. — У Макса сразу же заблестели глаза.

— Да ну, отравя. Не умеют хохлы водку делать. Вот медовая з перцем — гарна штука. — Николая перекосило, и он отправил в рот полную ложку супа. — Запивона нет?

— Какой тебе еще, Лучник, запивон нужен? Суп ешь. — Макс взял бутылку и снова набулькал в стаканы. — Хорошо пошла.

— Между первой и второй... — поднял стакан Жан.

Я выпил, взял небольшую ржаную лепешку и начал есть суп. Ворон правильно сказал, надо кушать, а то развезет. Сорокаградусную запивать себе дороже. Суп вкусный, разве что мяса могло быть побольше, а костей поменьше. Но это так, мелкие придирки.

— Теперь согрелся? — Макс уже выхлебал тарелку супа и ногтем лениво ковырялся в зубах.

— Вроде. — Я прислушался к своим ощущениям. Согреться согрелся, только кости чего-то ломит. Погода меняться будет? Меновазином бы

натереться.

— Вы сейчас куда, на рынок? — Ворон вылил себе в тарелку остатки из супницы.

— Да надо бы, — задумался я.

— Зачем? — Ветрицкий выловил из супа кость и начал обгладывать с нее мясо.

— Еда, лыжи. Может, что-нибудь типа плащ-палаток присмотрим.

— Понятно. — Николай кинул обглоданную кость обратно в тарелку. — Что за мясо, кстати?

— А ты уверен, что хочешь знать? — оторвался от еды Жан.

— Не-а.

— Вот видишь...

Увидев, что суп съеден, хозяин унес супницу и принес взамен большое блюдо с жареной рыбой, кастрюлю с макаронами и чашку с острым соусом. Не отметить это событие было нельзя, и мы еще раз выпили. Жан ел мало и вскоре, ословело откинувшись на спинку стула, прикрыл глаза.

— Обожаю карасей! Самая та закуска. — Обрадованный Ворон вытаскивал кости из немаленькой рыбины. Вроде шпендель, а жрет за троих. И куда только девается?

— А на что закупаться будем? — дурацким вопросом испортил мне настроение Макс.

— Вопрос, конечно, интересный, — тяжело вздохнул я. — Поскольку бабок нет, придется продать что-нибудь ненужное.

— Чтобы продать что-нибудь ненужное... — напомнил мне Николай.

— К счастью, не все ненужное приходится покупать, — усмехнулся я.

— На что это ты намекаешь? — забеспокоился Ветрицкий.

— На ножик твой с дракошками он намекает, — загоготал Макс.

— А почему на мой нож, а не на твой кинжал?

— Да пожалуйста, для пользы дела не жалко, — великодушно согласился Макс. Вот и хорошо, никто его за язык не тянул, теперь можно будет раскулачивать без проблем. Парень сплюнул рыбы кости и гордо улыбнулся. — Мне этот кинжал на фиг не нужен. У меня мачете есть.

— Макс, ты как скажешь что-нибудь, — оторвался от карася Ворон, — хоть стой, хоть падай. Что ты в этой железяке нашел?

— Сам ты железяка. Это труподел.

— Тебя на-это-самое... Ну, ты понял. — Я свинтил пробку со второй бутылки. — Накололи.

Труподел — это клинок, на который наложено комплексное боевое заклинание. Помимо прочности и невероятной остроты такое оружие

получало способность пробивать зачарованную броню и практически без помощи владельца находить щели и слабые места в доспехах. Один удар — один труп. Очень в Братстве такие клинки уважали. Вот только не могу себе представить чародея, потратившего кучу времени и сил на корявую железяку Макса. Да и стоил настоящий труподел столько, что дешевле стволами с ног до головы обвешаться. Не по Максовым доходам.

— Много лавэ спустил? — поинтересовался Ворон.

— Да что вы понимаете? — вскипел Макс и обнажил мачете. На широком лезвии без долов и граней засеребрился странный узор. — Мне его со склада выдали.

— Заклинание сильное, постоянного действия. — Жан ненадолго заинтересовался лезвием и снова закрыл глаза. — Заряд почти полный.

— А скажи мне, Макс, дружище, — мягко проговорил я, — с какого перепугу кладовщик тебе его выдал?

Раз Жан говорит, что заклинание настоящее, значит, так и есть. Но если продукты теоретически еще можно незаметно умыкнуть со склада, то с оружием такой номер не прокатит. Тем более с магическим.

— Ну... — замялся парень, — я с ним договорился...

— Каким образом? — Я кое-что заподозрил и не собирался закрывать эту тему.

— Это экспериментальный клинок, одна из первых серий. — Чувствовалось, что Макс что-то недоговаривает. — Все равно только зря на складе пылился...

— Лук тоже пылился? — Мне пришла в голову одна идея, и я закинул пробный шар.

— Ну да, пылился, — отвел глаза Макс. Мой выпад попал точно в цель.

— Что такое с моим луком? — очнулся Ветрицкий.

— Да все нормально. — Я нервно постучал по столу вилкой. — Ты взял этот хлам и оставил кладовщику второй «Калашников»?

— Да, — словно признание вытягивали из него клещами, прохрипел Макс.

— Что еще?

— Что — еще?

— Дурочку не включай! — рявкнул я. — Что ты ему еще оставил?

— Бинокль морской, пару амулетов: «Кошачий глаз» и «Игла поиска»... — начал перечислять побледневший Макс.

— Ну ты и свистишь. — В отличие от Ветрицкого, до Ворона сразу дошло, чем это чревато.

— Зачем? — тихо спросил я и выпил горилку. Список выходил приличный. Часть имущества получится списать, но и на мне нехило повиснет.

— Мне деньги нужны были.

— Зачем тебе деньги в рейде? — устало поморщился я, прикидывая, не пристрелить ли мне его прямо сейчас — благо, и до ружья тянуться не надо. Нет, не время, да и причина не та. В Форте сочтемся.

— Я верну, как только в Форт вернемся, сразу верну, — зачастил Макс, словно прочтя мои мысли. — Честно. У меня деньги будут.

— Зачем тебе нужны были деньги?

— Я на Араба поставил, — выдохнув, сознался Макс.

— Бой с Магометовым на следующей неделе? — догадался я.

— Да.

— Один к трем ставил?

— Ну.

— Хоть не у Гонзы? — Я почесал кончик носа.

— У него.

— Зажмет он твой выигрыш, — с набитым ртом проговорил Ворон. — Меня эта сволочь один раз кинула.

— Посмотрим... — пробурчал я. Связываться с этим гаденышем не хочется, но мой выигрыш — да, теперь уже именно мой — ему не достанется. Надо будет, на куски порежу. И плевать, что он не только Торговому Союзу, но и Семёре процент отстегивает. Главное, чтобы Араб Магометова сделал. — Ладно, Макс, отложим этот разговор до возвращения.

— Спасибо!

— О чем речь вообще? — Ветрицкий ничего не понимал. — Бои без правил, что ли?

— Бокс. — Макс залпом замахнул полстакана горилки. — Бой за звание чемпиона Форта.

Вообще-то Ветрицкий не так уж намного и ошибся. Правил действительно было немного. Ниже пояса не бить, удары локтями и ногами не наносить. Вот, пожалуй, и все. Количество раундов не ограничено, ну и очки, понятное дело, никто не считает. Кто на ногах остался, тот и победил. Самые популярные состязания в Форте. И ставки на поединки делались просто громадные.

— Сколько уже времени? — Я оглядел стены в поисках ходиков.

— Двенадцать. — Ворон достал часы и отпустил их болтаться на цепочке. — Не сможет Араб чемпиона положить. Маг его одной левой

сделает.

— Ты это мне говоришь? — завелся Макс. — Я десять лет боксом занимался. Видел я, как ваш хваленый Маг боксирует, открывается постоянно. Араб его порвет.

— Ты еще скажи, как тузик тряпку. Спорим, Арабов в первом раунде ляжет?

— Сам ты ляжешь. Это Магометову больше трех раундов не продержаться. Он здоровый, но техника никакая, и двигается, будто в штаны наложил.

— Араб — задохлик. Хороший удар в дыхалку — и он сдохнет.

— Маг — тормоз.

— Да ты ваше ни фига в боксе не шаришь.

— Я?! — брызнул слюной Макс и от возмущения аж привстал со стула.

— Спорим, не подеретесь? — Ветрицкий убрал пустую бутылку под стол.

— Да ладно. — Макс отодвинул тарелку. — Хотите, загадку загадаю?

— Давай.

— Между ног болтается, на «Х» называется?

Ворон открыл рот, но Макс быстро сказал:

— И совсем не то, что ты подумал.

— А че? Хвост?

— Часы. А на «Х», потому что хреновые. — Макс встал из-за стола. —

Пойду отолью.

— Брейк. — Жан махнул ладонью перед лицом напрягшегося Ворона.

— Да пошел он, — выругался тот в спину Максу. Часы — это святое.

К моему удивлению, уборная располагалась не во дворе, а в доме. Попастъ туда можно было, не выходя на улицу, через завешенный покрывалом проем справа от входной двери. А что там на дворе за сарай тогда?

— Что делать будем? — Ветрицкий сыто оглядел остатки еды.

— Еще по чуть-чуть? — предложил Ворон.

— Нет, — не раздумывая, отказался я. Не хватало набраться. — На сегодня хватит.

— Никто не будет? — Не дождавшись согласия, Ворон направился к кухонному окну. — Тогда я себе возьму.

— Меру надо знать, — наставительно произнес Жан. — Все проблемы у людей оттого, что меры не знают.

— И не говорите, — вздохнув, согласился я. Если нажрется, с собой не

потащу, пусть к подружке катится.

— Прикиньте, там бумага туалетная есть, — заявил Макс, вернувшись к столу.

— И что такого? — не понял его Ветрицкий.

— Ты не въехал — не газета нарезанная, а нормальная туалетная бумага.

— Не свисти, — не поверил Николай.

— Иди сам посмотри.

— Пойдем стырим, — предложил Ветрицкий.

— Пошли, — согласился Макс.

— Вещи забирайте. Мы вас на улице ждать будем, — остановил их я. Состояние у меня какое-то непонятное: на улице холодно, в помещении душно. И горилка вообще не берет, хотя вроде и не бавленная. Парни оделись, похватали вещи и отправились в туалет. Как дети малые. И чего их газеты не устраивают?

— Собираемся? — спросил Жан.

— Ага, сейчас пойдем уже. — Я посмотрел на него в упор. — А скажите мне, Жан, как при мизерном расходе энергии вам удастся творить столь мощные заклинания?

— Мне пришлось пройти долгий путь самосовершенствования, — ушел от ответа колдун и, взяв салфетку, начал ее разворачивать.

— Научите? — Не то чтобы у меня были хоть какие-то сомнения в отказе, просто была интересна ответная реакция.

— А этому нельзя научить. — Жан сворачивал квадратную салфетку по диагонали и глаза на меня не поднял. — Можно научить мыслить, можно вдолбить знания. Колдовству можно только научиться. Любое обучение будет лишь оболваниванием, а вместо умений человек получит набор клише. Это не мастерство — это костыли.

— Но ведь учат же!

— Ты про Гимназию? — презрительно фыркнул Жан. — Вот там-то как раз оболванивание в чистом виде. Какие бы ни были способности у человека, его загоняют в один стандарт. Потенциал ученика в расчет не принимается. Тот, кто может стать настоящим мастером, всю жизнь будет учиться взглядом свечу зажигать, только потому, что его способности лежат в несколько иной плоскости. В Гимназии чего-либо достигают только те, кто изначально близок к их стандартам.

— А чародеи? — не сдавался я.

— Они больше ремесленники, чем мистики. — Жан кинул на стол свернутую треугольником салфетку. — Главное: формулы и рецепты, а

способности — дело десятое.

— Значит, раскрыть все свои возможности можно, только занимаясь самостоятельно?

— На первый взгляд это так, — хитро прищурился колдун. — Но возьмем для примера магов и колдунов. Первые имеют доступ к морю энергии, вторые могут усвоить только крохи. Но маг на простейшее заклинание потратит столько же, сколько колдун на сотню более мощных чар. Почему? Маги идут по экстенсивному пути: больше энергии, еще больше энергии. Максимально раскрываются они, лишь присосавшись к какой-нибудь силовой линии. А колдуны тратят свое время на придумывание все более эффективных способов потратить доступные им капли силы. Очень уж сложно колдунам увеличить свою восприимчивость к имеющейся в природе энергии. Маги, наоборот, идут по этому пути без особых проблем. А когда понимают, что зашли в тупик, уже поздно.

— Получается, если бы был наставник, который мог подсказать...

— В этом-то вся загвоздка! — нацелил на меня указательные пальцы Жан. — Как научить, но не задавить собственным опытом? Каждый сам должен трезво оценивать свои умения к поглощению силы и к работе с ней. И уже на основе этого расставлять приоритеты.

— Вам, вижу, это удалось, — улыбнулся я. Блин, да где Макса с Колей носит? Бумагу туалетную поделить не могут?

— Звучит нескромно, но — да. Тебе тоже не стоит расстраиваться, испортить твою энергетику в Гимназии не успели.

— Откуда вы знаете, что меня обучали в Гимназии? — насторожился я. — Вдруг я из этих самородков-самоучек?

— Не смей меня. Стандартные схемы видно сразу. Оптимизированные токи внутренней энергии, усиленный ментальный блок, немного измененное восприятие. Не самый идеальный вариант, но... — Колдун не договорил: открылась дверь, и со двора в трактир зашел встречавший нашу компанию у ворот капитан.

Этому-то что здесь надо? За нами или пообедать заглянул? Я положил руку на штуцер, но капитан направился на кухню к хозяину. Все правильно, до отделения здесь недалеко, куда ему еще кушать ходить?

— Так вот, о чем это я? — Жан окунул мизинец в тарелку с соусом и мазнул по сложенной салфетке. — Стандартные схемы...

Проходя мимо, капитан резко развернулся и навел на нас пистолет-пулемет. Короткое дуло замерло, уставившись прямо между мной и Жаном. В это же мгновение с грохотом распахнулась дверь и внутрь заскочили два автоматчика.

— Остальные где? — Капитан сместился немного в сторону, чтобы не перекрывать линию стрельбы остановившимся у входа рейнджерам. Один из них целился куда-то мимо нас — а, там же Ворон, — второй прикрывал капитана.

— В туалет пошли, — незамедлительно сообщил хозяин.

Прикрывавший капитана автоматчик развернулся к туалету. Приплыли. Я боялся даже сглотнуть, не то что рукой пошевелить, Жан невозмутимо вытирал о салфетку заляпанный соусом палец. Рейнджеров всего трое? Успею я всех завалить, прежде чем «Чешуя дракона» сдохнет? Если...

— И зачем надо было эти сказки рассказывать? Думал, не вычислим? — глядя куда-то в сторону, невесело улыбнулся капитан. На кого он смотрит? На кого из нас смотрит эта косая сволочь?! — Ну, поиграли и будет. Сам о...

Стремительного замаха Жана не заметил не только капитан, но и я. Каракули на зажатой в его руке салфетке побагровели, и бумага с легкостью перерубила запястье рейнджера. Хлынула кровь, «клин», расколов тарелку, упал на стол. Второй взмах — теперь по диагонали — рассек горло. А потом уже не бумажный, а стальной треугольник, бешено крутясь, понесся к держащему на прицеле Ворона автоматчику. Сталь рассекла переносицу и глубоко вонзилась в голову. Очнувшись, я вскочил и, снося дулом на пол посуду, начал вскидывать ружье, но оставшийся в живых рейнджер оказался быстрее: он уже почти навел на нас автомат, когда прямо сквозь закрывающее дверь в туалет покрывало ударила очередь. Автоматчик выронил АКМ и, скрючившись, свалился на лавку. Сзади раздался звон разбиваемого стекла. Оказалось, это Ворон ударом бутылки по лысине отправил хозяина в нокаут.

— Быстро уходим. — Я закинул вещмешок на плечо и побежал к двери. Разбираться, за что к нам прицепились, некогда. Надо из села улепетывать. — Живее!

Макс и Николай уже выскочили во двор. Я вылетел вслед за ними. Никого. Пока везет. Если с личным составом у них напряг, может, и успеем ноги сделать.

— Бегом! — крикнул я на схватившего под мышку дубленку Ворона и отошел в сторону, пропуская на ходу натягивающего плащ Жана. — Макс, к воротам!

Выбегая, Ворон споткнулся о табуретку, но, удержав равновесие, боком вывалился на улицу. Тяжелая дверь захлопнулась, он резко остановился, удерживаемый зажатой цепочкой. Не желая терять часы, он

толкнулся внутрь, но из трактира ударила автоматная очередь. Ворон упал и, прижав руки к животу, скатился по ступенькам на снег.

— Ложись! — Я едва успел отскочить от брызнувшего во все стороны осколками оконного стекла, выстрелил внутрь картечью и сразу же прижался к стене трактира.

С улицы во двор залетел вращающийся юлой шарик размером не больше теннисного мяча и, подскакивая, подкатился к крыльцу. Отвернувшись, я метнулся к углу дома, но опоздал: сзади оглушительно грохнуло, по глазам ударила ослепительная вспышка света. С миром начало твориться что-то непонятное: враз онемевшие ноги подкосились, но прежде чем моя щека врезалась в утоптаный снег, прошла целая вечность. Я попытался подняться, однако неприятности вовсе и не думали заканчиваться: откуда-то сбоку вынырнул ботинок и издевательски-неторопливо поплыл к моей голове. Единственное, что удалось сделать — прикрыть ладонью висок на миг раньше, чем тяжелая подошва отправила меня в беспамятство.

Сознание возвращалось мучительно медленно и к тому же как-то по кускам. Сначала пришло осознание того, что я лежу на земле, потом стало понятно, что белый экран перед глазами — это снег. Далеко не сразу удалось моргнуть и сглотнуть накопившуюся во рту слюну. Руки и ноги не слушались, но, даже восстановив способность двигаться в полном объеме, дергаться, не прояснив ситуацию, не стоило. Хуже всего обстояли дела со слухом: до меня даже не сразу дошло, что непонятные звуки, раздающиеся вокруг, — это человеческие голоса. Немного позже я начал различать слова, но звук плыл и звучал словно из-под земли. Разобрать, сколько человек разговаривает, и даже примерно вычислить их местонахождение не получалось.

— ...что...

— ...хозя...

— ...рейнд...

— Капитан и сержант убиты. Петров...

Слух почти восстановился, но пинок по ребрам помешал расслышать окончание фразы.

— Всех взяли?

— Да.

— Валер, вешать где будем?

— ...нулся? Капитан говорил, живыми брать!

— Петя покойник.

— И что? Ему полковник приказал.

— Попов вернется, все равно их кончит.
— Вот пусть полковник потом Попова кончает, а не нас.
— Понял.
— ... «абакан»...
— Положи, где взял, придурок! Сначала рейнджеры их шмотки проверяют.
— Блин, ну не автомат же они ищут.
— Положи, кому сказано!
— Валер, которого в спецкамеру?
— Сейчас посмотрим... Вот наш клиент...
— А этот?
— Прибор зашкаливает. Бляха-муха, заряд почти на нуле!
— Повыползали, мать их за ногу! В соседнюю камеру. Отвезете, сюда возвращайтесь...
— Автомат не фонит? Можно...
— Пошел в жопу!

Что-то ударило меня по затылку, и я снова потерял сознание, а очнулся уже в камере. Понять, что это ментовка, много времени не понадобилось. Чай, не в первый раз залетаю. Узкий темный пенал. С одной стороны кое-как ошкуренная деревянная скамья. Обитая железными полосами дверь, небольшое окошко из толстого оргстекла с просверленными дырками забрано решеткой. Разве что стены не бетонные, а кирпичные. Холод и запах мочи. В дальнем углу пластиковая полторашка, до половины заполненная какой-то бледно-желтой жидкостью. Хотя что значит какой-то? Тут двух мнений быть не может. Надо быть ворошиловским стрелком, чтобы в полторашку струей попасть. Но вонь не захочешь нюхать — попадешь.

Покачиваясь, я забрался с ногами на лавку и осмотрел опухшую левую кисть. Вроде ничего не сломано, но болит, зараза, сил нет! Ничего, зато голова цела. Некстати вспомнился диалог на суде у одного моего приятеля. Судья: «Подсудимый, вы пинали потерпевшего по голове?» Подсудимый: «Нет». Судья: «Но свидетели...» Подсудимый: «Я пинал потерпевшего по рукам. А руками он закрывал голову...» Суд — это не самое страшное. Суд — это цветочки. Вопрос «А судьи кто?» нас волновать уже не должен. Выбор небольшой: либо Попов, либо таинственный полковник. Кто раньше в Лудино вернется, тот к стенке и поставит. Три трупа не простят. А уж если вспомнить, что кто-то из нас серьезно заинтересовал городских, так вообще тошно становится. За кем они пришли? Или за мной, или за Жаном. Других вариантов нет.

От размышлений разболелась голова, я решил отвлечься, а попутно проверить, чем располагаю. В карманах даже не пустота, а вакуум. Абсолютный ноль. И с шеи цепочку сняли. Сволочи. Даже Катин оберег не пропустили. В карманах поднятой с пола фуфайки тоже шаром покати. Слово из четырех букв, первая «Ж», последняя «А», посередине «О» и «П». И все большие и жирные. Вот гады, даже из ботинок шнурки выдернуть не поленились, и ремня нет. Хоть мысли удавиться не было и в помине, но все равно неприятно. Нашарив на полу ботинки и морщась от боли в левой кисти, я натянул их на ноги. Как бы не свалились без шнурков-то.

Что-то в этой камере мне не нравилось. Нет, в камере вообще нечему нравиться, но здесь атмосфера просто давила, лезла под кожу, высасывала жизнь... Вот оно! Я сосредоточился и постарался почувствовать магические потоки. Белый шум. Все было забито мощными электрическими помехами. Спецкамера, понятно. Но это не все, я с ужасом почувствовал, как из меня вытекают последние остатки магической энергии. Это не страшно, мне так и не удалось восстановиться после сугробников, но на помощь Жана рассчитывать не стоит.

Под потолком что-то зашуршало, по воротнику побежала струйка пыли, и мне едва удалось отдернуть голову от выпавшего из стены кирпича. Это что еще за узник замка Иф? Я встал на лавку и с опаской заглянул в образовавшееся отверстие. Оттуда блеснули налитые кровью глаза Жана. Меня аж мороз пробрал. Стена ж в четыре кирпича!

— Кто? — с натугой прохрипел колдун, по его лицу текли струйки пота и крови.

— Я.

— Лед! Подойди к двери и подзови караульного!

— Зачем это? — Получить лишний раз по ребрам за нарушение порядка мне вовсе не улыбалось. Какой смысл геройствовать? В камеру меньше чем вдвоем все равно не зайдут.

— Позови. Подойдет — толкай дверь, я петли вырву.

— А сам что? — попробовал просчитать ситуацию я. Получалось, что хуже уже не будет. В конце концов, какая разница: сейчас пулю в голову получить или часом позже с веревкой станцевать?

— Я после этого даже ширинку не расстегну, — признался Жан. И думаю, не соврал.

— Отскочить успеет, — все же засомневался я.

— Ты толкни, остальное — моя забота.

Ну что ж, семь бед — один ответ. Я подошел к двери и несколько раз по ней пнул. Звук получился глухим, а расшнурованный ботинок чуть не

слетел с ноги. Подойдет кто? Непохоже. Выждав с минуту, я развернулся и что есть мочи заколотил подошвой по железной пластине, укрепляющей дверь. На этот раз меня услышали.

— Чего долбишься? — В оконце возник смутно различимый сквозь толстое оргстекло силуэт головы надзирателя. — Головой лучше постучись, недоносок!

— Давай! — скомандовал колдун.

Я отошел в глубь камеры на пару шагов и, метнувшись к двери — на лице охранника мне почудилась ухмылка, — со всей дури врезался в нее плечом. Тяжелая дверь рухнула вниз, будто ее вовсе не удерживали стальные запоры и массивные петли. У охранника вырвался вопль ужаса, моментально оборвавшийся, когда его припечатала к полу усиленная железными листами деревянная плита, весившая никак не меньше четырех-пяти пудов. Не теряя времени, я вылетел из камеры. Как и следовало ожидать, надзирателей оказалось двое. Второй — молодой бородатый парень — сидел за столом у выхода и тянул из кобуры пистолет. Добежать до него не успел бы и чемпион мира, я прыгнул к стоящим рядом полкам, забитым всякой ерундой, и метнул в охранника первое, что подвернулось под руку, — банку тушенки. Пролетев через комнату, она попала точно в бороду. Взмахнув руками, охранник слетел со стула. И тут уж я мешкать не стал. Парень только начал подниматься с пола, когда мой ботинок угодил ему в висок. Голова, мотнувшись в сторону, стукнулась о стену, и охранник обмяк. Так-то, не все вам меня пинать.

Я подхватил выпавший «Макаров» и лежащую на столе связку ключей и, скользя по полу шерстяным носком — ботинок с правой ноги слетел при пинке, — побежал обратно к камерам. Зажатый надзиратель пытался вылезти из-под двери, пришлось его успокоить. Времени на это ушло куда больше, чем на его коллегу: то ли голова у него оказалась крепче, то ли у меня левой ногой орудовать не так ловко выходит.

С третьей попытки подобрав ключ к замку камеры Жана, я распахнул дверь. Колдун вывалился наружу и, судорожно глотая воздух, скрючился на полу. Из носа и ушей у него текли тонкие струйки крови, лицо стало темно-пунцовым, а набухшие на шее вены, казалось, могли лопнуть в любой момент. Слишком много при наложении чар собственных сил потратил. Хорошо, если кровоизлияние в мозг не заработал.

Помочь ему я ничем не мог и, выдернув из замочной скважины ключ, побежал освобождать парней. Закрытых камер оставалось еще три, и открывать их наугад мне вовсе не улыбалось. Враг моего врага — мой друг, но попробуй объяснить это местным уголовникам. Ни фига не успеешь.

Колотя рукояткой пистолета по окнам, я обежал все камеры.

— Коля, Макс, Ворон!

— Мы здесь!

— Открываю. — Я отпер замок и выпустил парней. Кроме Макса и Николая, в камере больше никого не оказалось. — Ворон где?

— Не было его с нами, — неразборчиво пробормотал разбитыми губами прислонившийся к стене Ветрицкий. Нос у него сильно опух, а под глазами темно-синими отеками набухли синяки.

— Лихо ты, — с уважением посмотрел на вывороченную дверь Макс. А вот этот целехонек. То ли на Ветрицком менты все зло сорвали, то ли занятия боксом даром не прошли — закрыться сумел.

— Это все Жан. — Я посмотрел на зажатого дверью надзирателя, который уже начал приходить в себя. — Надо ментов в вашу камеру закрыть.

— А может, их того? — Макс чиркнул пальцем по горлу.

— Хочешь, чтобы за нами не только рейнджеры, но и местные гонялись? — Я с интересом посмотрел на поднявшегося на ноги Жана, который нашарил на стеллаже милицейскую дубинку. И что он с ней делать собрался? Ментов лупить? Широко размахнувшись, колдун влепил дубинкой по висящему на стене прибору, отдаленно напоминавшему электросчетчик. Железную крышку прибора сорвало, на пол полетели обломки микросхем и цветные осколки стекла. Тусклая лампочка под потолком мигнула и засветила чуть ярче, а мешающий сосредоточиться белый шум исчез. Я послунывил палец, потер рассеченную отлетевшим осколком щеку и посмотрел на державшегося за стеллаж Жана. — Предупреждать надо. Коля, вытаскивай этого, пока я дверь держу. Макс, там за столом мент валяется, тащи его сюда. И ботинок мой кинь.

Я сунул ПМ в карман фуфайки и взялся за дверь, Макс, шаркая по полу болтающимися на ногах ботинками, подошел к столу и, перегнувшись, посмотрел вниз. От сильного толчка дверь за его спиной распахнулась, и в комнату заскочил охранник.

— Мужики, че у вас за грохот? — выпалил он, увидел выломанную дверь, перевел взгляд нас и сорвал с плеча автомат. — Су...

Больше он ничего сделать не успел. Макс оттолкнулся от стола, одним прыжком оказался рядом и, всем корпусом подавшись вперед, провел прямой удар правой. Немаленького охранника отшвырнуло назад. Врезавшись в косяк, он, как бильярдный шар, отлетел обратно и наварлся на апперкот левой. Да, правильно поставленный удар — вещь жутко эффективная. Макс перешагнул через рухнувшего на пол мента, осторожно

выглянул в коридор, прислушался и прикрыл дверь.

— Иди, второго притащи, — отпустил я Ветрицкого, подхватил вытащенного из-под двери надзирателя под мышки и отволок в камеру. Так, а ПМ тебе совершенно ни к чему. Вот и вторым пистолетом разжились. Немногим позже парни заволокли сюда двух охранников. Заперев дверь, я сломал ключ в замочной скважине. — Макс, хватай автомат — и на шухер.

— Лови. — Он кинул мне мой ботинок и, подняв с пола АКМ, немного приоткрыл дверь.

— Может, надо было у ментов спросить, куда они наши вещи дели? — взяв протянутый мной ПМ, спросил Ветрицкий.

— Чего раньше молчал? — разозлился я.

Теперь даже если захотим спросить, нам до них не добраться. А без шмоток и оружия из села бежать совсем невесело. Шансов от погони уйти ноль. Да, автомат и пара пистолетов у нас есть, но патронов всего ничего.

— Только что в голову пришло.

— Пришло ему...

— Не ссорьтесь, все здесь. — Оклемавшийся Жан уже распотрошил черный пластиковый пакет, в который обычно складывают мусор, и копался в его содержимом.

Я вытащил с полки еще один такой пакет, вспорол валявшейся на стеллаже отверткой, посмотрел содержимое и кинул Ветрицкому. Мои вещи оказались в следующем пакете. Значит, в последнем имущество Макса. Быстро зашнуровав ботинки и вдев ремень, я нашел свою цепочку и надел на шею. Как и приказал Валера, ничего не пропало. Уже легче.

— Странно, все на месте, — удивился Николай, — даже стрела серебряная и бумажник. Ты смотри, а здесь консервы на полке!

— Кинь себе в мешок. — Я прицепил себе на пояс чехол с метательным ножом.

— Да, ничего не стянули. — Подбросив на ладони, Жан зажал в кулаке половинку небольшого яшмового шарика. — Шансы есть.

— У тебя все усы в крови. — Я взял штуцер и зарядил патрон с картечью.

— Неважно. — Колдун разжал ладонь и провел второй рукой над каменной полусферой.

— Что это? — Ветрицкий краем глаза заметил, как изменился цвет яшмы, и выжидательно посмотрел на колдуна.

— Телепорт.

— И куда он ведет? — Я заподозрил неладное. Слишком уж лихорадочно заблестели у Жана глаза. Сейчас он сожмет кулак и...

— Маяк я недалеко от Форта оставил. В развалинах мельзавода. — Колдун убрал камень в карман.

— Старая мельница, — сообразил я.

— Ну, так чего мы ждем? — заволновался Николай. — Телепортируемся...

— Ага, а в Форте нас расцелуют за то, что мы задание провалили. — Макс присел рядом с дверью и, поглядывая в оставленную щель, вытаскивал из мешка свои вещи.

— Портал рассчитан на одного. — Жан с трудом приподнялся с пола и прижал руки к голове. — На двоих запаса прочности еще хватит, но не на троих и уж тем более не на четверых...

— Все понятно? — Я подошел к выломанной двери. — Помоги мне ее на место поставить.

Совместными усилиями нам удалось поставить дверь на место и кое-как приладить засов. Если не присматриваться, то вывороченные петли в глаза не бросаются.

— Уходим. — Подняв перевернутый стул, я осмотрелся — вроде все на месте — и вытащил нож. — В отделении не должно быть много народу. Попробуем с черного хода выйти.

Так и оказалось. Пробираясь полутемными коридорами к выходу во внутренний дворик, мы не встретили ни одной живой души. Мертвые, впрочем, тоже не попадались. Пост охраны у запертой двери оказался пуст. На столе дежурного дымилась чашка кофе. Вышел куда или это мы его вместе с надзирателями заперли? В любом случае следует поторопиться: утром Валера говорил, что в отделении оставалось трое, и если тех двух специально к нам приставили, то где-то в здании бродят еще два вооруженных мента.

— За мной. — Я посмотрел в глазок, отодвинул засов и выскользнул в приоткрытую дверь.

— Че не открываете? — Рейнджер, стоящий на ступеньках спиной к двери, выкинул в снег «бычок» и начал поворачиваться. Не колеблясь, я ударил его ножом в шею и оттащил труп в сторону. Вслед за мной выскочил Макс и завертелся из стороны в сторону, выискивая цель. Никого.

— Ключи здесь, — заглянул внутрь стоящей посреди двора пассажирской «газели» Ветрицкий.

— Кто водить умеет?

— Я, — отозвался Макс.

— Снимай с трупа камуфляж и ушанку. — Я зачерпнул снег и затер капли крови, заляпавшие крыльцо. Потом открыл дверь и через заднюю

дверь запихнул Жана в машину. Внутри вдоль стенок стояли две металлические скамьи. Жестко, но комфорт сейчас не главное. — На машине поедem.

— Трупы нам ни к чему, — передразнил меня Макс, безглаголиво стягивая с мертвого рейнджера одежду. — А этот так, совсем чуть-чуть мертвый. Типа, не считовo.

— Это не мент, а рейнджеры теперь от нас все равно не отстанут. — Я отволокл тело к стене и постарался засыпать его снегом. Получилось не очень, будем надеяться на наступающую темноту. Закончив с трупом, залез к Жану и принял у Ветрицкого лежащий на переднем сиденье «кедр». Не признаваться же, что растерялся. — Шевелись ты.

— Здесь граната.

— Давай сюда.

Гранату удалось пристроить в вещмешке.

— Эх, давненько я за баранку не держался! — Накинувший камуфляж поверх полушубка Макс устроился на водительском кресле. — Пора-а в путь-дорогу, дорогу дальнюю, дальнюю...

— Поехали уже. К воротам дороге помнишь? — Я надеялся, что в наступивших сумерках сразу разобратъ, кто сидит за рулем, рейнджеры не смогут. Нам бы только из села выехать...

— К воротам? Может, через стену перелезем? — предложил Ветрицкий.

— Сигнальные чары сработают, — не открывая глаз, предупредил Жан.

— А что делать будем, если остановят? — По моей просьбе Николай пересел с переднего сиденья к нам назад. Нечего лишний раз светиться.

— Стрелять. — Я проверил «кедр» и, пригнувшись, посмотрел в боковое окошко. Ни черта не разобратъ. — Жан, ты нас не прикроешь?

— На меня не рассчитывайте, — закашлялся колдун. — Мне б хоть чуть-чуть оклематься.

— Может, морок навести?

— У ворот такие чары наложены, что любой морок как быку красная тряпка.

— Плохо.

— Чего ж хорошего.

Мне пришла в голову неплохая идея:

— Макс, слышь, а ты тот тупик, в который мы забрели, найти сможешь?

— Найду.

— Вот и рули туда.

Как ни странно, тупичок Макс нашел, даже ни разу не заплутав. Он задом направил «газель» в проулок, немного отъехал от дороги и заглушил мотор. Неплохо. Вряд ли кто сюда забредет по своим делам, а с дороги машину не видно — нас прикрывал высокий забор.

— Ждите. — Я выскочил наружу, вышел на дорогу и огляделся. Память не подвела, крыша нужного мне сруба торчала на соседней улице. Еще бы хозяин дома был. Стараясь держаться подальше от заборов и не раздражать цепных псов, я миновал несколько домов и свернул на перекрестке. На улице никого. Надеюсь, в окно никто не палит. Пробираясь по высокой куче мусора и облитого помоями снега, пролез в узкую щель между двумя заборами. Ага, окошко светится. Подняв не шибко запаханный мусором комок смерзшегося снега, я прицелился и метнул в окно. Угодив в раму, он отлетел в сторону. Теперь ждать. Через пару минут на пороге появился хозяин, левой рукой запахнул полу шубы, настороженно огляделся и, пряча за спиной ППШ, направился через огород к забору.

— Кого принесло? — Дуло ППШ уставилось на забор.

— Я это, Слава. — Снятый с предохранителя ПМ был зажат у меня в руке.

— Лед? — Закинув ППШ за спину, Слава быстро зыркнул по сторонам и расстегнул ширинку. Конспиратор хренов.

— Он самый. — А вот я пистолет убирать не спешил.

— Ты какого ... здесь делаешь? Жить надоело?

— Так получилось. — Я переступил с ноги на ногу. — А что?

— Всех, кто с Патрулем работал, какая-то сука сдала. — Слава закончил свои дела и закурил.

— Ты не с Патрулем, ты с нами работаешь, — отрезал я. С нами — это со мной и с Шуриком Ермоловым. Когда мы одно время таскались на север, то обратно тащили много чего интересного, а часто и незаконного. В Форт с такими вещами соваться не стоит, вот и понадобился человек, через которого это самое незаконное, но от этого не менее ценное можно было сбыть. В этом отношении Слава был незаменим. За соответствующие комиссионные он мог сбыть что угодно. И что характерно, ни разу не подвел.

— Когда в трудотряд отправят, мне от этого легче будет? Тебя хоть никто не видел?

— Нет. Нам из села убраться нужно, есть варианты? — Слушать его жалобы не было ни времени, ни желания.

— Какие варианты? Менты с рейнджерами спелись, перекрыто все, — сплюнул Слава. — А после сегодняшнего шухера хоть вообще лавочку закрывай.

— А что случилось?

— А то ты не знаешь. — Слава выкинул «бычок». — Три труп случилось. Еще двое тяжелых в больнице.

— Понятно, — протянул я, скрывая удивление. Что, получается, Ворон выжил? В любом случае из больницы нам его не вытащить, самим бы убратсья. — Так ты поможешь?

— Да не могу я! — сорвался парень. — Не могу! Понимаешь?

— Я все понимаю, но нам из села надо сваливать.

— Сегодня шишку какую-то ждут. На воротах не до досмотров будет. — Слава развернулся и зашагал к дому. — Удачи.

— И на том спасибо. — Я вылез на улицу и зашагал к машине. Если бы не «газель», к воротам нечего было бы и соваться, а так... так хоть какой-то шанс есть. Посмотрим.

— Ну, и как оно? — Ветрицкий отдал «абакан» Максy и залез в «газель». — Удачно?

— Поехали. — Я с грохотом захлопнул дверцу. — Жми к воротам.

Макс вел машину осторожно, скорость увеличивал, только проезжая перекрестки, но болтало на разбитых дорогах просто ужасно. Ему-то там хорошо, а мы на лавках, пожалуй, все себе поотбивали. Перед самым выездом из села дорога улучшилась, но Макс замедлил ход до скорости черепашьего бега. Правильно, еще не хватало в какие-нибудь сани врезаться.

Пост у ворот напоминал растревоженный муравейник. Как и в суете муравьев, в беготне людей особого смысла заметно не было. Что-то куда-то тащили, где-то протягивали кабель, зачем-то вешали новый прожектор. Работали рейнджеры, а собравшиеся в кучку милиционеры все это со смаком комментировали и, видимо, тихо радовались, что их работать не заставляют. Да, с размахом готовятся. Неужели того самого полковника ждут?

Мы объехали припаркованный рядом с БТРом «зилок», в кузове которого торчала закутанная брезентом конструкция — крупнокалиберный пулемет? — и поехали к воротам. Никто на нас не обратил ни малейшего внимания, только стоявший у сторожевой башни рядовой бешено замахал руками. Отъехав немного в сторону, Макс набрался наглости и хотел уже посигналить, но створки ворот начали медленно открываться. Прибавив газу, мы выехали из села. В лобовое стекло ударили лучи фар, проехавшая

мимо нас автоколонна въехала в ворота.

— Макс, выключай габариты, поворачивай на север — и газу!

Он так и сделал. Подпрыгивая на ухабах и рытвинах, «газель» помчалась на север. Каждый рывок болью отдавался в избитом теле, но нас это уже не волновало. Вырвались! Все проблемы, даже неминуемая погоня, отошли на задний план. Прорвались! Были бы силы, запросто от избытка чувств устроили бы дебош, а так просто расслабленно растеклись по скамьям.

— А-а-а-ха-а-а! Мы их сделали! — заорал Ветрицкий, на радостях перебрался вперед и воткнул в магнитоу одну из валявшихся в бардачке магнитофонных кассет.

— Не говори гоп. — Музыка неизвестной мне металлической группы неприятно царапнула по нервам. Так просто рейнджеры нас не отпустят. Теперь бы еще и от погони уйти.

Солнце стало врагом, солнцедохнулоогнем,
Вот уже плавятсякости в этом аду,
Если бы только я знал, кто правит здесь бал,
Я бы держался подальше от проклятых мест.
Вокруг море огня, под ногами пылает земля,
Солнце уходит на запад, мы идем на восток,
Нам бы только дойти, дойти до края земли,
Откуда правит миромогненный маг...

Макс потянулся и выключил магнитоу.

— Чего ты? — развернулся к нему Николай.

— Отвлекает. — Макс напряженно всматривался в вечерние сумерки.

С выключенными фарами дорогу рассмотреть было нелегко.

— А! Тогда ладно. — Ветрицкий развалился на сиденье и задремал.

— Ехать куда?

— Прямо.

— Долго?

— Пока дорога не кончится. Или бензин.

Я и Жан с удовольствием последовали бы примеру Ветрицкого, но узкие и жесткие лавки для сна были приспособлены мало. А бьющаяся о кузов на каждой кочке голова мешала уснуть куда круче чувства долга. Жан все же умудрился прикорнуть. Развернувшись к задней дверце, я смотрел в окно. В стороне от дороги осталась бьющая в небо струя огня. Неужели

сопутствующие газы сжигают? Вышка у них там нефтедобывающая, что ли? Интересные дела. Так, а как там с погоней? Пока никого не видно, но это ненадолго. Ничего, если до леса добраться успеем, замучаются нас искать. Рейнджеры — это не егеря.

Машину повело в сторону, рвануло, резкий удар швырнул меня на заднюю дверцу, и я едва не вышиб головой стекло. Жан скатился на пол, Николай успел выставить руки и удержался от столкновения с лобовым стеклом.

— Приехали. — Макс помассировал ушибленную о руль грудь и уточнил: — Да нет, приплыли.

— Уснул, что ли? — затряс ушибленной рукой Ветрицкий. — Водила хренов. Морду бы набить тому, кто тебе права дал.

Я сдвинул боковую дверь и вывалился из машины. Вот уж действительно приплыли. Вылетевшая с дороги «газель» наглухо засела в сугробе. Вытолкать не получится. Придется до леса пешком топать, благо, вон он уже — темные очертания деревьев четко выделялись на более светлом фоне неба.

— Ну что? — выпрыгнул наружу Ветрицкий.

— Все. Собирайтесь живее. — Я развернулся и внимательно осмотрел дорогу: ни черта не видно. Жан передал мне вещмешок и АКМ. — Может, автомат себе оставите? У меня ружье есть.

— Зачем он мне? — отказался колдун и, кряхтя, выпрыгнул из «газели».

— Я себе возьму? — Ветрицкий поднял упавший на пол «кедр».

— Бери, — разрешил я. — Патронов сколько?

— Один магазин на тридцать штук.

— Макс, у тебя?

— Два рожка.

Плюс еще один у меня. Неплохо. Утром даже меньше было. Можно, конечно, этот АКМ с собой не тащить, но, подумав, я решил все же оставить автомат себе. Не помешает.

— Макс, чего ты там возишься? — Обойдя все четыре колеса, я пропорол их ножом. Глядишь, кого караулить машину оставят — нам будет легче.

— Сейчас я, сейчас. — Макс продолжил увлеченно копать в аптечке.

— Что ты там ищешь? — нервно оглянулся на дорогу я. Показалось или фары мигнули?

— Тарен.

— Солдаты давно все колеса сожрали. Выкинь ее на фиг. — Я пошел

догонять уже идущих к лесу Николая и Жана. — А лучше с собой заberi — пригодится.

Выбросив аптечку, Макс побежал вслед за нами. Лес оказался даже ближе, чем это казалось в темноте. Минут через пять нам пришлось сойти с дороги и начать пробираться через глубокий снег напрямую к деревьям. Разумеется, лучше дойти до новой просеки и уже с нее свернуть на одну из охотничьих троп, но сейчас главное убраться с открытого пространства.

— Быстрее, быстрее, — заторопил всех я. — Оружие приготовьте.

— Здесь тропа, — остановился Николай. — По ней пойдем?

— Да, сворачиваем, — решил я. Так далеко в лес не углубиться, но зато быстрее просеку перейдем. А уж там я пару укромных местечек знаю. Безжалостно топча лыжню, мы побрели вперед.

Идти по тропинке было намного легче, чем прорываться через сугробы, наметенные под деревьями, но меня не оставляло чувство, что мы допустили ошибку, выбрав этот путь. В чаще найти нас было бы куда трудней, а так могут перехватить. К тому же начало казаться, что кто-то за нами следит. Интуиция или паранойя разыгралась?

— Давайте-ка прибавим, — скомандовал я. Тропа вильнула в сторону. Блин, мы уже почти на опушку вышли. Впереди открылась небольшая, окруженная со всех сторон густым ельником полянка. Ее имело смысл миновать как можно быстрее.

Макс уже добежал до первых елок, а Жан выдерживать заданный темп не мог, и Ветрицкому приходилось тащить его за руку. Забежав немного вперед, я прикоснулся к оберегу. Все спокойно.

Мы догнали дождавшегося нас Макса, но в этот момент из ельника со стороны дороги на поляну вывалилось три человека. Заслышав треск веток, я развернулся, упал на одно колено и открыл стрельбу. Макс прыгнул за поваленную сосну и поддержал меня длинной очередью. Не растерявшись, попавшие под обстрел люди залегли в снег и начали отстреливаться. Мгновение спустя засверкали вспышки выстрелов в ельнике. Нарвались! В лесу укрылось никак не меньше пяти-шести человек. Палят вроде из «Калашниковых». Плюс несколько лучников. Огневое преимущество, бесспорно, не на нашей стороне. Я едва успел свалиться за сосну к Максy, когда прилетевшая из темноты стрела расщепила ветку, рядом с которой только что находилась моя голова. Жан оттолкнул Николая, вскинул руки, и нас накрыл мерцающий защитный купол. Я подивился простоте и эффективности заклинания: пули расплавленными свинцовыми комочками молотили о завесу и, вспыхивая белым пламенем, моментально сгорали.

— Уходите! — крикнул я, пристроил автомат на поваленной сосне и

одной очередью расстрелял оставшиеся в магазине патроны. Не думаю, что в кого-нибудь попал: в ельнике включилась магическая защита, не менее мощная, чем у нас. Пули с визгом ушли вверх и посбивали хвою с елок. Значит, это не рейнджеры, те такими штуками не пользуются. Да и одежда странная: короткие куртки, плотно облегающие головы капюшоны, полностью закрывающие лица маски, высокие сапоги. Где-то я что-то подобное уже видел. Вспомнить бы, где.

Ветрицкий обхватил Жана за плечи и потащил в глубь леса. Защитное поле мигнуло и исчезло. Да, колдун явно не в форме. Макс перекатился поближе к тропе и махнул мне рукой:

— Я прикрою!

Бросив разряженный АКМ, я пригнулся и метнулся с поляны. Автоматная очередь прошла рядом, но амулет не сплеховал — меня не зацепило. Откуда-то издалека донесся надсадный гул мощного двигателя, а потом со стороны дороги ударил крупнокалиберный пулемет. Первая очередь прошла высоко и посрубала верхушки елок. А вот это уже явно работа рейнджеров. Визг летящих пуль вызвал желание распластаться на снегу и закрыть уши руками. Второй раз прицел взяли ниже, и тяжелые пули серьезно проредили подлесок. Не завидую тем, кто сейчас там: от крупнокалиберного пулемета никакая защита не поможет. Понимая, что больше в ельнике задерживаться нельзя, несколько человек, стреляя на бегу, выскочили на поляну и залегли около деревьев.

Макс привстал над поваленным стволом и, прицелившись, начал расстреливать распластанные на снегу фигуры. Ответ не заставил себя ждать: ударившись о сосну, напоминающий дождевой гриб кругляш отлетел в сторону и взорвался, выбросив в воздух целое облако светящейся пыли. Облако краем зацепило Макса, и он, скрючившись, принялся тереть лицо руками. Задержав дыхание и закрывшись рукавом, я схватил за шиворот бестолково мотающего головой Макса — автомат где? — и оттащил в лес. Отбежав на десяток шагов, зачерпнул горсть снега и протер ему лицо.

— Не глотай! Плюй! — заорал я Максусу прямо в ухо. — Беги!

Он побежал, я за ним. Вскоре мы догнали Ветрицкого, волочившего за собой еле передвигающего ноги колдуна. Жану было еще хуже, чем Максусу, который непрерывно кашлял, сморкался и никак не мог отдышаться. Какой гадостью его траванули?

— Я вас догоню. — Развернувшись, я спрятался за лиственницей и прислушался. Невдалеке шел бой, но погони не было. Все правильно, им сейчас не до нас. Если успеем, пока они не опомнились, просеку перейти,

совсем замечательно будет.

Успели. Перестрелка уже стихла, когда мы, опасливо озираясь по сторонам, перебежали просеку и, не разбирая дороги, вломились в кусты. А потом еще час бродили по лесу, пока наконец не вышли к оставленной летним пожаром плешу, посреди которой торчал расщепленный молнией ствол лиственницы. Знакомое место. Еще немного поплутав по лесу, я вывел отряд к небольшому занесенному снегом домику. Окна были выломаны, бревна прогнили, но лучшего убежища на ночь сейчас не найти. Точнее, нам до него не дойти.

— Это что за хибара? — просипел Макс.

— Ледяная избушка, — внимательно осмотрелся я. Вроде пусто. Следов на снегу, по крайней мере, вроде не видно.

Взяв ружье наизготовку, я заглянул в окно. Привыкшим к темноте глазам хватило слабого света узкого серпа месяца, чтобы разглядеть обстановку — в единственной комнате никого не было. Открыв немилосердно скрипящую дверь, я пробрался между раскиданным по полу хламом и, поднявшись на несколько ступенек по ветхой лестнице, заглянул на чердак. Порядок. Ерунды какой-то навалено, и все.

— Заходите, — выглянул я в дверь. Потом, пошарив в шкафу, вытащил оттуда закопченный чайник. Где-то здесь и огарок свечи должен быть. Ага, вот он в щели между полкой и задней стенкой. Зажженная свеча осветила комнату. По стенам сразу же забегали таинственные тени.

— Ну и мрак, — закашлялся Макс. — У нас в камере и то чище было.

— Вот и прибрался бы. — Ветрицкий ногой смел мусор за порог и попытался заделать одно из окон оторванной спинкой стула.

— Займитесь огнем.

— Да без проблем. — Макс, зажав нос пальцами, высморкался и начал при помощи мачете расщеплять обломки мебели. — О, а тут дровишки уже заготовлены!

Я вышел на улицу, наполнил чайник снегом и, вернувшись, плотно прикрыл за собой разбухшую дверь.

— Не найдут нас здесь? — Ветрицкий закончил с окном и, положив на колени рюкзак, присел у стены.

— Об этом месте мало кто знает. — Я закрыл второе окно, сдвинув в сторону шкаф. — Да и не суются сюда зимой.

Макс защелкал зажигалкой, щепки занялись было огнем, но тут же задымили и почти сразу потухли. Комната наполнилась дымом.

— Ну кто так разжигает! — потер заслезившиеся глаза Николай. — Дымогон развел только!

— Нормально я разжигаю. — Макс снова щелкнул колесиком зажигалки. — А что дым... Ты повторяй: «Дым, дым, я масла не ем» — и все путем будет.

— Вьюшка открыта?

— Открыта.

— Тогда воздушная пробка в дымоходе, — предположил я.

— Это мы просто. — Жан подошел к очагу, присел на колени и, сосредоточившись, хлопнул в ладоши. Акустический удар ушел вверх, оттуда посыпалась зола. — Ловкость рук и совсем чуть-чуть магии.

На этот раз быстро разгоревшийся огонь осветил комнату. Тяга с легким гулом угоняла дым в трубу. Я убрал потушенную свечу обратно в тайник. Еще пригодится. Не мне, так другим. С огнем хорошо, сразу уютней стало. Плохо только, что очаг прогреет комнату лишь к утру. Будем дежурить? Да ну, на фиг. Плюнув на экономию, я активировал обогревательный амулет. Надо перекусить по-быстрому и спать завалиться.

Очнувшийся Жан внимательно осмотрел опухшее лицо непрерывно сморкающегося Макса, покопался в своей сумке и молча протянул какой-то бумажный пакетик.

— Это что?

— Залей кипятком и выпей. — Колдун закутался в плащ и, вытянувшись на полу, отвернулся к стенке. — Вы спать ложитесь, я охрану поставлю.

— Сил хватит? — Николай начал выкладывать из рюкзака консервы.

— На сигнализацию много не надо.

— Дай сюда. — Я забрал у Макса железную кружку, высыпал туда порошок и залил уже закипевшей в чайнике водой. — Жан, а от чего это?

— Судя по симптомам, произошло легкое отравление каким-то парализующим зельем. Этот абсорбент очистит дыхательные пути.

— Пей. — Я взболтал выпавший осадок и протянул кружку Макс. Парализирующее? Странно, обычно жахают шаровой молнией. Но где-то я про что-то подобное уже слышал.

— Остынет, выпью. — Макс отставил кружку в сторону. — Блин, даже Ворона помянуть нечем.

— Помянуть всегда успеем, — Я вовсе не был уверен в его смерти. — Коля, что у нас из жратвы?

— Бобы кубинские консервированные, ветчина датская консервированная, зеленый горошек болгарский, само собой, консервированный. А это что? — Ветрицкий покрутил в руках запакованный полиэтиленом брикет. — Похоже на курагу с миндалем

прессованную.

— Кидай сюда, — попросил я. — И ветчину открой.

Наскоро перекусив, мы начали устраиваться на ночлег.

Места было не очень много, но на чердаке ночевать слишком холодно. Поколебавшись, я решил караульным никого не оставлять — если что, заклинание Жана сработает, а нам денек завтра предстоит не из легких. Просто так рейнджеры не отстанут, искать будут. А тут еще повезло на каких-то отморозков нарваться. Интересно, кто такие? Те, чьи следы рейнджеры утром видели? Может, зря я стрелять начал? Странно, что оберег о них не предупредил.

Ночью нас здесь не найдут — ночью по лесу шарахаться дураков нет. Да и случайно на избушку не выйти. Сюда и зная дорогу не каждый раз добраться получается. Аномальная зона, блин. Но утром надо постараться как можно раньше через границу перейти. Может, на севере и оторвемся. Там я знаю немало укромных уголков. Не думаю, что за год с ними что-нибудь успело случиться. Решено, прямо к срубам на Лысой горе и двинем. Немного не по пути, но там уж точно скинуть с хвоста можно кого угодно.

— Жан, — тихо позвал я, подождал и позвал снова: — Не притворяйся. Знаю, что не спишь.

— Чего надо?

— Жан, зачем тебя рейнджеры искали?

— Меня? Я думал, это за тобой пришли, — не купился на мой блеф колдун.

— Не прикидывайся, капитан все время на тебя смотрел, — продолжал настаивать я.

— У тебя паранойя. — Жан замолчал, а вскоре и захрапел.

Уснул. Паранойя, значит. Может быть. И сейчас моя паранойя никак не могла решить: врет Жан или это весь мир решил сжить меня со свету? Если врет Жан — понятно, дело житейское. Но если рейнджеры охотились именно за мной, то это вообще ни в какие ворота не лезет! За что? Что я такого сделал, что все встречные-поперечные меня убить пытаются? Всемирный заговор?

Устроившись поудобней в углу рядом с очагом, я вытянул ноги и прислонился к стене. Что-то у меня все кости ломит. Особенно руки. С левой кистью понятно, но правая-то почему никак не проходит? И голова гудит. И глотать больно. Уж не заболел ли я? Как не вовремя! И отлежаться не получится. Надеюсь, завтрашний день будет лучше сегодняшнего. Очень на это надеюсь. Но почему-то совершенно в это не верю...

Глава 10

Иногда сны заводят людей в странные места. Мозг — вообще штука непонятная: никогда не знаешь, в какую игру он предложит тебе сыграть. Стоит потерять контроль, и из подсознания на свет Божий начинают выползать давно забытые обиды, а из обиденных, ничего не значащих фактов складываются полные сюрреализма картины. И никогда наверняка не скажешь, какое событие какую химеру породило. Я был уверен, что знаю свои кошмары, как пять пальцев. Я ошибался...

Вокруг простиралась безжизненная снежная пустыня. Холодным блеском сияло лазурное солнце, его лучи отражались на бесчисленных гранях усеивающих пустыню ледяных шипов. Горизонт терялся в клубящейся у земли туманной дымке, но абсолютно ясное небо замораживало своей чернотой. Любой человек в здравом уме постарался бы убраться отсюда подальше. К сожалению, мои желания сейчас не играли никакой роли: замороженные в лед руки и ноги удерживали меня распростертым навзничь. Кто сказал, что во сне не чувствуют боль? Вывернутые в локтях руки горели огнем, а кисти и ступни кололи нестерпимо длинные иглы стужи.

Мерзкое положение. Я напрягся и попытался вырваться, но стало только хуже. Куда еще-то хуже? Вроде бы некуда, но появившиеся в воздухе пять острых сосулек наглядно показали, что это только начало кошмара. Ледяные лезвия сделали круг и один за другим сорвались вниз. Четыре резких удара пробили ступни и запястья, немного позже пятая сосулька вонзилась мне меж ребер. Мгновение я рассматривал торчащую из груди рукоять собственного ножа, а потом меня скрутила судорога боли.

Дикий спазм сдавил легкие, попытка вздохнуть ни к чему не привела, лишь из горла вырвался сиплый полувсхлип-полустон. Не в силах глотнуть ни капли воздуха, я забился на полу. Ботинок угодил по чайнику и тот со звоном откатился к двери.

— Э, Лед! Подавился, что ли? — проснувшийся Макс с размаху хлопнул меня по спине.

Это ненамного, но помогло. Закашлявшись, я смог несколько раз судорожно вздохнуть и наконец кое-как отдышался. Набрать полные легкие воздуха никак не получалось: при каждом вздохе грудь пронзала острая вспышка боли. И все же стало гораздо легче.

— А че ты такой холодный? — удивился растормошивший меня Макс.

— Дайте-ка я взгляну. — Жан щелкнул пальцами, и вспыхнувший под потолком небольшой огонек разогнал темноту по углам.

— Сколько времени? — прохрипел я. Лицо онемело, как после обезболивающего укола стоматолога, и слова приходилось тщательно выговаривать. На висках выступил пот. Ну и плющит меня. И огонек как-то тускло светит: все немного смазанное и серое.

— Ночь еще. — Жан ухватил меня за голову и уверенным движением оттянул веко.

Точно — ночь, вон и обогреватель сгореть не успел. Я подался назад и уперся в стену. Не понравился мне взгляд Жана, ох, не понравился. Крест так на Харпина смотрел, когда тому в живот пару пуль бандиты вlepили. Харпин тогда и часа не прожил.

— Все так плохо? — Новый приступ кашля чуть не разорвал легкие. Сплюнув, я с облегчением увидел, что плевок чистый — без крови.

— Болит что-нибудь? — Колдун поднял чайник и кинул Ветрицкому. — Снегу набери.

— Ничего не болит, — признался я и, сжав правый кулак, вонзил ногти в ладонь, — холодно только. И руку правую не чувствую.

— Снимай фуфайку, — распорядился Жан, забрал у Николая котелок и пристроил в очаге. — Максим, огонь разведите, пожалуйста.

— Холодно, — вцепился в фуфайку я.

— Да тепло здесь. — Макс оторвал дверцу шкафа и, поставив под углом к стене, расщепил ударом ноги. Собрав обломки, он сложил их шалашиком и зашарил по карманам в поисках зажигалки.

Я нехотя снял фуфайку. Душно. Воздуха не хватает, да еще и не вздохнуть нормально.

— Руку покажи, — распорядился Жан.

Рукав свитера удалось закатать без труда, а рубашка присохла, и ее пришлось отдирать. На предплечье черными полосами выделялись четыре расплывшиеся царапины. Сощутив слезящиеся глаза, я с ужасом рассматривал белую, с синеватым отливом кожу вокруг воспаленных ран. Даже абсолютно ничего не смыслящему в медицине человеку стало бы понятно, что дело плохо. Я кое-что в колюще-резаных ранах понимал и, шумно выдохнув, осторожно прикоснулся к руке. Предплечье было холодным и твердым, как дерево. И этот запах... запах уже даже не гниющего, а разлагающегося мяса.

— Гангрена? — зажав рукой нос, отодвинулся подальше Ветрицкий.

— Если бы, — как-то отстраненно произнес Жан.

— Стылая лихоманка, — враз пересохшим горлом прошептал я.

— Да ну, — теперь отодвинулся и Макс. — Не свисти.

— Это не заразно? — Николай взялся за ручку двери.

— Нет, — категорически заявил колдун. — От человека к человеку заболевание не передается.

— А лечится? — немного успокоился Ветрицкий.

— Нет. — Я устроился поудобней и потер ноющие ребра. Излечить от стылой лихоманки не могли ни лекарства, ни магия. На ранней стадии болезнь себя никак не проявляла, а после перехода лихоманки в активную фазу заболевший засыпал и уже не просыпался — утром находили заледеневшее тело. И никто не мог даже примерно назвать причину заражения. — Я бы не стал так категорично насчет заразности. У проказы вообще инкубационный период до шести лет.

— Шутки у тебя. — Жан сжал пальцами мое запястье и развернул руку внутренней стороной к себе.

— Смертнику можно. — На внутренней-стороне предплечья бугрилась темно-синяя вена. Перед глазами все начало расплываться, меня скрутил новый приступ кашля. Господи, как холодно! Уже и ног не чувствую. — Сколько мне осталось?

— Не знаю. — Старик отпустил руку и задумался. — Ты вообще проснуться не должен был.

— Значит, пока снова не засну, — обессиленно прислонившись к стене, попытался пошутить я.

— Не уверен. — Жан снял с чайника крышку. — Слишком медленно у тебя болезнь развивается. Дай подумаю...

— А чего тут думать, — отмахнулся я. Все, отбегался. Странно, почему это меня совсем не волнует? Только замерз... Блин, ну хоть бы немного потеплело. — Че столбами встали? Идите сюда, инструктаж проводить буду.

— А ты с нами дальше не пойдешь? — присел рядом на корточки Макс.

— Нет. — Не вижу смысла мучиться просто для того, чтобы в каком-нибудь сугробе сдохнуть. В доме хоть какие-никакие удобства есть. Но и здесь холодно, слишком холодно...

— У тебя еще такие остались? — Жан щелчком откатил медный шар в сторону.

— Забирайте, — великодушно разрешил я. Мне они больше ни к чему. Чувствую, уже недолго осталось. Холодный воздух ледяными комками проваливался в легкие, сдерживать кашель удавалось со все большим трудом.

— Не раскисай. — Колдун выудил из моего мешка артефакт и с сожалением вырвал лист из своего журнала. — Давно хотел поэкспериментировать со стылой лихоманкой, да никак не получалось.

— Иди ты, — послал его я. Не лечится она, и точка. Нечего из меня подопытного кролика делать. И тут меня по-настоящему проняло. ВСЕ. Это все! Странная-таки штука человеческая психика. До этого я как-то не до конца осознавал свое положение и близость смерти. Казалось, стоит закрыть глаза, пять минут поспать, и все образуется само собой. Рассосется. А предложение Жана «поэкспериментировать» напрочь выбило меня из колеи. В голове зашумело, перед глазами появилась серая пелена.

— Я серьезно. — Колдун скатал из листа трубочку, провел по ней мизинцем и совсем без усилий воткнул в шар. Бумага легко прошла сквозь покрытую патиной медь.

— Но стылую лихоманку не лечат. — Макс замороженно наблюдал, как через трубочку в кипяток начинает переливаться содержимое обогревательного артефакта. Вода забурлила и стала мутно-красной.

— Лечат все. — Жан поставил кружку на пол, накрыл ее журналом и, приоткрыв дверь, выкинул шар на улицу. Мгновение спустя там бесшумно полыхнуло ослепительное пламя. — К тому же никому еще не попадался пациент в таком состоянии. Знать бы еще, как тебе проснуться удалось.

— Кошмар приснился, — не стал скрывать я.

— Повезло.

— Не то слово.

— А что это за болезнь такая? — Ветрицкий отошел от двери, но устроился в самом дальнем от меня углу. Боится заразы. И правильно делает.

— Интересная болезнь. Никому из исследователей возбудителя найти не удалось. Решили, что причины чисто магические. Рукав не опускай! — остановил меня Жан, развернул вытащенный из сумки сверток и начал внимательно изучать заточку похожих на скальпели блестящих ножей. — Заражаются в основном те, кто долго находится на холоде. Засыпают в тепле и к утру превращаются в кусок льда.

— Почему?

— Есть мнение, что внутренние токи энергии перестраиваются таким образом, что начинают замораживать тело. — Наконец заточка удовлетворила старика, и он сунул лезвие в огонь.

— Вы что это делать собрались? — забеспокоился я. Как-то нехорошо он на мою руку посмотрел.

— Резать. — Колдун убрал журнал и сунул раскаленное лезвие в

кружку. Раздалось шипение, по вытащенному клинку забегали прозрачные язычки пламени.

— Зачем? — Я отполз в угол. Все равно подышать, и даже ради науки резать себя не позволю.

— Если раны не выжечь, болезнь по новой начнется. — Жан с ножом в руке придвинулся ко мне. И язычки пламени на лезвии вовсе и не думали гаснуть.

— А если выжечь? — Разве стылая лихоманка и царапины как-то связаны? Непонятно.

— Тогда, может, и не начнется.

Такой ответ меня вовсе не устроил, но колдун уже схватил руку и полоснул ножом по предплечью. Боли не было, только на коже остался длинный порез, да завоняло палеными волосами. Впав в какое-то непонятное оцепенение, я смотрел, как Жан выводит на моей руке непонятные символы и сплетает их в странную вязь. Клинок глубоко в тело не погружался, и порезы не кровоточили. Макс и Николай, не выдержав тошнотворного запаха паленого мяса, выскочили на холод. Постепенно предплечье начало охватывать легкое жжение, под ногтями закололо.

Когда колдун перешел к внутренней стороне руки, меня замутило, к горлу подкатил комок тошноты. Я выдернул запястье, отвернулся, и меня вырвало. Как ни странно, после этого стало легче. Холод и боль в груди отступили, пропало помутнение в глазах.

— А ты боялся. — Жан кинул к очагу почерневший нож, пламя на котором почти потухло, и взял кружку с разведенным драконьим огнем. — Пей.

— Что?! Я не дракон!

Совсем старый из ума выжил. Это зелье все внутренности сожжет.

— Пей. — Колдун сунул кружку мне под нос. — Сейчас ты продолжаешь медленно замерзать, а это зелье тебя согреет и поможет моим заклинаниям привести в норму внутреннюю энергию тела.

— Подожди, подожди. — Я отодвинул кружку от лица. — Ты же говорил, что насчет внутренних токов энергии — это только мнение есть. А если я сгорю?

— Вот сейчас мы это и проверим. — Жан посмотрел мне прямо в глаза. — Шансы пятьдесят на пятьдесят, но это лучше, чем медленно замерзать. И в любом случае ты не сгоришь, концентрация не та.

— Ну-ну. — Я тяжело вздохнул и одним глотком выхлебал мутную жидкость. Теплый раствор не имел какого-то определенного вкуса, но острой болью опалил горло, пищевод и желудок. Разъедаая внутренности

нестерпимой резью, огонь начал растекаться по всему телу. Я захрипел и вырвавшийся из легких воздух обжег ноздри.

Не помню, как потерял сознание, но, когда очнулся, Макс и Николай держали меня придавленным к полу. Неужели побуянить успел? Жан задумчиво повертел в руках смятую железную кружку и поставил ее в буфет.

— Хватит, — расслабился я.

Парни, дождавшись кивка Жана, встали и отошли.

— Как ты?

— Еще не знаю.

Странные ощущения: громадный кусок льда у меня внутри никак не мог растаять в полыхающем вокруг него пламени. По крайней мере, больше не холодно, почти не холодно. Но стужа просто затаилась и ее осторожные ростки время от времени легкими прикосновениями пытались заморозить мою душу.

— Руку покажи, — присел ко мне колдун.

— Смотри. — Я приподнялся, волна жара ударила в голову, из глаз потекли горячие слезы. — Долго меня еще колбасить будет?

— Уже нет. — Жан провел ладонью над предплечьем и сложил пальцы в странную фигуру.

— А-а-а! — заорал я, когда плоть правой руки начала слезить с костей. Никакого преувеличения — ощущения были именно такие. Сделанные колдуном на предплечье надрезы зажили своей жизнью и начали удлиняться, рассекая кожу. Линии, ромбы и странные символы полыхнули огнем и расползлись по руке, сливаясь в сложный узор. Думаю, даже окажись кисть в топке печи, боль была бы не столь ошеломляющей. К тому же на этот раз сознание потерять мне не удалось.

— Получилось! — ликующе прошептал колдун. Сколько удивления в голосе! Ну и гад!

— Сволочь, — в ответ прохрипел я. — Просто ответить на вопрос не мог?!

— Успокойся, все уже закончилось. — Жан осмотрел мою руку — черные узоры на коже казались выжженными, а еще недавно широкие и воспаленные царапины извивались белыми рубцами. — Конечно, возможны рецидивы, но тут уж ничего не поделаешь — заразу до конца еще не выжгли.

— Я что теперь, ходячая бочка с порохом? — Предположение о возможных рецидивах мне совсем не понравилось.

— Боюсь, что так. Но это не надолго.

— А если драконий огонь не сможет выжечь стылую лихоманку? — подал голос сидевший у двери Ветрицкий.

— У нас еще один шар есть, — беспечно отмахнулся колдун.

— Другой вопрос, — никак не унимался Николай, — а если он очень быстро ее выжжет?

— Придется вносить в лечение коррективы, — пожал плечами Жан и, прислушавшись к чему-то слышному ему одному, погасил светящийся под потолком шарик. — У нас гости!

— Коля, быстро на чердак. Макс к двери, — скомандовал я, в темноте нашаривая фуфайку. Кто это — рейнджеры или вчерашние случайные встречные? И как они нас так быстро нашли? — Сколько их?

— Раз, два... пятеро. Трое с фасада, двое сзади зашли.

— Интересно, что им от нас надо? — вслух подумал я, застегнул фуфайку и, подняв с пола штуцер, устроился у окна. Глаза быстро привыкли к темноте, но слишком уж светлой казалась ночь. Краски смазались, все представало в различных оттенках серого. Месяц давно зашел, но в узкую щель были прекрасно видны деревья, оставленные нами на снегу следы и... и замерший у края поляны силуэт человека. Глаза защипало, выступили слезы, а после того, как я несколько раз моргнул, мир вновь обрел краски и потемнел. Что за шутки? Только что все же прекрасно видел! Побочные эффекты лечения?

И все же, что неизвестным визитерам надо? Ни отвечать на мой вопрос, ни выдвигать свои требования никто не собирался. Из темноты по избушке ударили автоматные очереди. Я едва успел присесть, прежде чем пули сбили с подоконника обмотанную тряпками спинку стула и швырнули ее на пол. Вторая очередь угодила в другое окно и оставила цепочку дырок в дверце шкафа. К счастью, пули прошли высоко и попали в стену где-то под потолком. Макс высунул ствол автомата в приоткрытую дверь и полоснул по сугробам. Выгадав момент, я приподнялся и всадил пару винтовочных пуль и заряд картечи в то место, где до этого мне почудился силуэт человека. Неожиданно пол вздрогнул, меня швырнуло к печке, а за окном взметнулся столб огня. Мир опять стал серым, распахнутая взрывной волной дверь вмазала Максиму по лицу. Стрельба прекратилась.

— Что это было? — вытерев бегущую из разбитого носа кровь, спросил Макс и ногой захлопнул дверь.

— «Малый кувшин саламандры», — как-то неуверенно ответил прижавшийся к другой стенке печи Жан.

— А почему не «Большой»? — Мне показалось, что я все еще различаю медленно затухающие всполохи огненной магии.

— Был бы «Большой», от нас и пепла бы не осталось. Я и «Малый»-то еле блокировал.

— Коля, ты как? — Стоило мне моргнуть, как темнота опять стала непроницаемой. Да что за дела!

— Нормально, только завалило чем-то.

Наверху послышался шорох, а потом из люка свалился деревянный ящик и, ударившись о пол, рассыпался на несколько частей.

— И это все? — прислушиваясь к тишине на улице, удивился Макс. — На неожиданность понадеялись или патроны кончились?

— Как бы чего похуже не придумали. — Я постучал по деревянному полу и три раза сплюнул через левое плечо.

Не помогло. С легким свистом в стене домика начали появляться круглые отверстия диаметром сантиметра по полтора. Древесная труха медленно осыпалась вниз. «Дырокол»! На всю длину комнаты мощности жезла не хватало: явственно различимые мной призрачные лучи едва выдвигались из стен сантиметров на сорок. Дырки возникали в самых неожиданных местах, но пока у неведомого стрелка угадать наше расположение не получалось. Вот такой морской бой. Не могу понять, почему они под таким прикрытием на штурм не идут?!

— Жан, сделай что-нибудь, — взмолился я, когда очередная дыра возникла прямо у меня над головой.

— А что я могу?! И так чуть сканирующее заклинание не пропустил! — с досадой выкрикнул колдун, вынул откуда-то из складок плаща длинную иглу с крупным красным камнем на конце и, размахнувшись, засадил острие в пол. Стены легонько задрожали, а новая дырка перестала расти, не достигнув и сантиметра в диаметре. — Заряда надолго не хватит.

— А по людям чем-нибудь шарахнуть? — Я как замороженный следил за мерцающим в темноте багровым огонечком светящегося камня. Казалось, пульсировало небольшое рубиновое сердце. И в такт этому постоянно меняющемуся пульсированию легонько подрагивала избушка.

— Их ведьма прикрывает. — Жан успокоился и приложил ко лбу последний медный шар. — Она мои любые чары в два счета развеет. Только этот амулет и ей не по зубам.

— Почему?

— Двадцать миллионов частот потому что, — не очень понятно объяснил колдун. — Вообще-то я их защитное поле тоже снять смогу, но максимум на четыре-пять секунд.

— Мало, — прикинул я. Пусть даже мы примерно знаем, где

нападающие залегли, все равно перестрелять их не успеем. И тут до меня дошел смысл сказанного Жаном: ведьма. Словно осколки разбитой чашки в одно целое начали складываться не связанные друг с другом факты. Парализующая граната, небольшие размеры снегоступов, легкая одежда и даже та быстрота, с которой нас здесь отыскивали. — Лига?

— Они самые, — подтвердил мои догадки Жан. — Будь это простые ведьмы, я бы с ними разобрался, но в ихней бабской Лиге слишком хорошо натаскивают с нашим братом воевать.

— Валькирии?! — дернулся Макс. — Какого лешего им от нас надо?!

— Хотел бы я знать. — Отцепив подаренного Катей паучка, я протянул его колдуну. — Посмотри оберег.

— А что тут смотреть? — взял брошку Жан. — Обычное усиливающее интуицию заклинание.

— Без подвохов?

— Какие тут подвохи? — Колдун накрыл паука ладонью и тихонько рассмеялся. — Ага! Хитро придумано. Никакого самостоятельного излучения, тут принцип радара применили.

— С помощью этого за нами следить можно?

— Следить? Нет. А вот засечь месторасположение запросто. И главное, сам паучок ничего не излучает, просто широким лучом посылается импульс силы и берется пеленг. — Колдун кинул оберег обратно. — Я его пока дезактивировал.

— И правильно, — пробурчал я и зажал виски ладонями. Сука! Нас всю дорогу пасли! Из-за этого чертова подарка нас в любой момент могли найти убийцы! По всему телу выступила испарина, а под ногти засунули раскаленные иглы. Э нет, так дело не пойдет. Ну-ка, живо успокойся. Эмоции потом, сейчас более насущные проблемы есть. Выходит, оставить проблемы в Форте не удалось, они нашли меня и здесь. В том, что недавние покушения связаны между собой, сомнений уже не осталось. Никакой паранойей такие совпадения не объяснить. Но валькириям-то что от меня понадобилось?

— Что там у вас? — крикнул сверху Ветрицкий. — Отсюда ни черта не видно.

— Нас валькирии в оборот взяли, — тут же сообщил ему Макс.

— Бабы?!

— Заткнитесь оба! — рявкнул я. — Мне подумать надо.

Успокоить дыхание оказалось нелегко. С минуту я просто сидел и пялился в темноту, чувствуя, как остывают угли под ногтями. И снова пришла мысль о Кате. А если это она там в темноте? Как мне в нее

стрелять?! Или она одна из тех, кто не пережил бой с рейнджерами? Ведь вчера их было не меньше восьми, а теперь только пять. В груди зашевелилась тупая боль, а давно сломанные ребра снова заныли. Да заткнись ты! Она тебя предала! Ладно, Сестрички, сейчас мы вам устроим.

Но ничего устроить мне не дали...

— Эй, Лед! Выйди, поговорим. — Звонкий девичий голос раздался от деревьев, окружавших избушку.

— Ага, разбежался! — Я отпихнул Макса в сторону и, положив на колени ружье, присел у двери.

— Мы тебе ничего не сделаем. — Вышедшая на поляну невысокая девушка стянула маску и капюшон. По плечам заструились длинные светлые волосы. — Помнишь меня? Я Алиса.

— И что мне теперь, от радости плясать? — огрызнулся я, лихорадочно прикидывая, какая причина заставила валькирий пойти на переговоры. Проблемы с боеприпасами? Не то. Полученные в бою с рейнджерами ранения? Мимо. Желание оценить наши силы? Вряд ли. Ловушка? И так нас за горло держат. Отсутствие времени на длительную осаду? Вот это может быть — они ведь не знают, на сколько хватит амулета. А не сели ли им на хвост рейнджеры? Очень на то похоже. Попытались взять нас с наскока — не получилось. Теперь какую-то подлянку задумали.

— Предлагаю разойтись по-хорошему!

— Вот и идите отсюда по-хорошему. — Я отвернулся к колдуну: — Остальные валькирии где?

— Две в ельнике прямо позади этой девки, одна за избой, последняя напротив окна. — Колдун указал на продырявленный шкаф.

— Будут перемещения, сразу говори.

— Отдай нам нож, и мы уйдем, — скрестила на груди руки ведьма.

— Какой нож? — не понял я.

— Твой. Синее с зеленым узором лезвие, рукоять из серого камня.

Ответ Алисы меня ошарашил. Нож? В голове зашумело. Так это из-за ножа? Все покушения, нападения, кровь — все из-за покрытого узорами куска железа?! Да что в нем такого ценного? Лысый, Вышев, Вася Кривой, еще куча народу... в какие игры они играли? И при чем здесь мой тесак? Может, Алиса блефует и дело в чем-то другом? Или нет? Занятно, но все неприятности начались с тех пор, как ко мне попал этот нож. Я погладил холодную рукоять кончиками пальцев. Какую же тайну ты скрываешь?

— Ты согласен? — Впервые в голосе Алисы прозвучало нетерпение.

— А зачем он вам?

— А вот это не твое дело, — прямо заявила валькирия. — И не настаивай — иначе нам придется вас всех уничтожить. А так мы просто заберем нож и уйдем.

— Посмотрите, Жан? — Я вытащил нож из чехла и протянул его колдуну рукоятью вперед.

— Интересно. — Жан нож брать не стал и лишь провел над ним ладонью. — Очень интересно. Сильный остаточный фон магии, но только в непосредственной близости от ножа. Такое впечатление, что его использовали в каком-то сложном ритуале. И думаю, есть второй слой информации, но его полностью забивают помехи. Будет время — можно...

— Лед, время выходит! Решай быстрее!

— ...будет покопаться.

— Чего уж тут решать — согласен! — крикнул я, отмахиваясь от машущего руками Макса. Ну куда он лезет! Будто у меня совсем в голове пусто. Сам понимаю, что Алисе доверия ни на грош. Не может она нас живыми оставить. Свидетели в таком деле никому не нужны. Иначе бы прямо посреди Форта по башке дали и нож забрали. Получается, дело не только в клинке, но и в том, чтобы завладеть им втайне от других. От кого — других? От других игроков? В какую игру я умудрился вляпаться?!

— Тогда не тяни время!

— Жан, ты сможешь снять их защитные чары по моему сигналу? — Прищурившись, я явственно увидел пульсирующее вокруг валькирии силовое поле.

— Очень ненадолго.

— Но по сигналу? — Приняв решение, я успокоился, подтащил к себе вещмешок и нашарил в нем гранату.

— По сигналу, — подтвердил Жан.

— Тогда поехали, — решение принято, и пока есть время, надо собраться с мыслями. А-а-а, что тут думать! Или выгорит, или нет. Теперь вся надежда на «Чешую дракона» и способности Жана. — Коля, на тебе ведьма, которая позади избы. Макс, действуй по обстоятельствам.

— Стой! — дернулся за мной Жан. — Сигнал какой?

— Как руки из-за спины выведу, так и начинай, — недолго думая, решил я. Выдернутая чека полетела на пол. Все, готов — в правой нож, в левой граната. — Эй! Я выхожу!

Приоткрыв дверь, я вздохнул и медленно вышел из избы. Ну и что? А ничего, сразу стрелять не начали, и то хорошо. Три десятка шагов до поджидающей меня Алисы дались нелегко: ноги не желали сгибаться, на спине выступила испарина, а сердце колотилось как бешеное. Пот тонкими

струйками тек со лба. Нестерпимо захотелось смахнуть его с лица, но руки были заняты. Я несколько раз моргнул, и неожиданно мир вновь стал серым и только два заряженных магией амулета Алисы светились желтоватыми огонечками. Защитная мгла вокруг валькирии стала еще гуще, переплетающиеся силовые линии сдвинулись мне навстречу, запульсировал уходящий к деревьям энергетический жгут. Значит, ведьма там. Очень хорошо. Темнота навалилась неожиданно, вместе с ней возникли дикая резь в глазах и обжигающая пульсация в кисти, сжимавшей рукоять ножа. Несколько отдающихся болью в голове шагов пришлось сделать почти вслепую. К счастью, зрение прояснилось, а боль в глазах немного утихла. Уж не реакция ли это на заклинания ведьмы?

— Нож где? — Ладонь Алисы нервно подрагивала у кобуры со «стечкиным».

— Вот, — начал медленно разводить руки я.

Уж это движение Жан не заметить не может. Все, дальше тянуть нельзя — руки рванулись вперед. Алиса в полной мере воспользовалась предоставленной ей форой — нож только вылетел из моей ладони, а она уже вlepила в меня очередь из АПС. Амулет не подвел, пули с гулом разошлись в разные стороны. Пробив начавшее мерцать защитное поле, клинок вонзился в солнечное сплетение валькирии. Откуда-то сзади раздалось несколько одиночных выстрелов, но трассеры прошли высоко над головой. Граната упала в ельнике, я тяжело рухнул на спину. Автоматная очередь взбила снег прямо рядом со мной. Где-то позади дома загрохотал и почти сразу же смолк пулемет. Над ельником начало концентрироваться темно-серое облако, в середине которого заплясали короткие разряды молний. И тут взорвалась граната. А следом в огненно-сиреневой вспышке исчезло облако.

Меня впечатало в снег ударной волной, рухнуло несколько сломанных сосен. Выстрелы со стороны ельника оборвались, но, когда я начал переворачиваться на живот, сильный удар в грудь отшвырнул меня назад.

Макс выскочил на крыльцо и, выпустив несколько длинных очередей по сугробу, откуда только что по мне велся огонь, заскочил обратно внутрь. На несколько минут воцарилась тишина. Все? Тем не менее шевелиться пока не стоит — если какая-нибудь из валькирий выжила, то на любое движение последует немедленный свинцовый ответ. А пока валяюсь и не дергаю конечностями — типа, уже готов.

Лежа на спине, я разглядывал яркие сине-зеленые звезды, пока наконец не заскрипела дверь и на улицу из домика не выбрался Жан. Следом за ним настороженно выглянул Макс, а Николай с «кедром» в руке

выпрыгнул в окно и присел у стены.

— Да не тряситесь вы, — уверенно заявил колдун, не пригибаясь шагая ко мне. — Всех положили. Никого живого рядом.

Я уселся на снегу и первым делом проверил «Чешую дракона». Работает. Заряда, правда, не больше трети осталось, но работает. И как тогда объяснить дырку в фуфайке у меня прямо напротив сердца? Засунув руку за пазуху, я вытащил серебряную фляжку, которую смяла странная золотистая пуля. Комок желтоватого металла казался почти невесомым, на одном оставшемся неповрежденным участке белели тонкие линии колдовских символов. У Сестер появились пули, пробивающие защитные амулеты? Вот сюрприз будет для Братства! Надо же, как мне повезло: мало того, что пуля попала во фляжку, так она еще оказалась слишком легкой, чтобы ее пробить. Что ни говори, фляжка счастливая.

— Нормально все? — Даже не замедлив шага, Жан прошел к елкам и присел на корточки рядом с изувеченным взрывом телом ведьмы. — Максим, осмотрите трупы, Николай на страже.

Ишь ты, раскомандовался! Я проводил взглядом побредшего через снег к деревьям Макса и попытался подняться на ноги. В голову ударила волна жара. Немного помог снег, приложенный к вискам. Талая вода приятно холодила шею. Совсем расклеился. Ну их всех, посижу лучше, передохну. Ударение, само собой, на последний слог, а не на третий.

— Коля, а лук где? — спросил я, глядя на бестолково переминающегося с ноги на ногу Ветрицкого с пистолетом-пулеметом в руке.

— Тетива лопнула, — Николай приложил палец ко лбу, указывая на длинный порез над бровью. — Хорошо, не по глазам.

— Понятно. — Я осторожно покрутил головой. Да, теперь понятно, почему кладовщик Максу этот лук впарил. Интересно, какой косяк с мачете? — Ты не стой столбом, иди в дом спрячься. Мало ли кто припрется.

Ветрицкий убежал в избу, а я потихоньку перебрался к телу Алисы и выдернул у нее из груди нож. Привычно укололо пальцы холодом. Ну и что в нем необычного, кроме того, что рукоять моментально остывает? Вопрос. Нож убрал в чехол на поясе, потом достал обойму из «стечкина» и начал выгребать патроны из карманов Алисы. Отдам Ветрицкому. Саблю и ножи брать незачем, у самих железа навалом. Жалко, у валькирии лука на сей раз с собой не было — сейчас бы он ко двору пришелся. В кожаном с золотыми уголками кошельке оказалось несколько серебряных монет и пять штук пятацотрублевых купюр. Не понял, что это за деньги такие? Один рубль,

«Морская пехота», год чеканки две тысячи пятый. Оперативно до нас добрались, ничего не скажешь. В нагрудном кармане куртки обнаружилась половинка диска костяного солнца с косо приделанными деревянными лучами. Ого! «Закатный муар», не иначе. Амулет был до краев запитан магией. Очень неплохо. Когда с карманами было покончено, я обратил внимание на украшения, но тут улов оказался небогат — только на мизинце блестело никелевое колечко с вырезанной из белой кости головой волка. «Дыхание севера». И тоже полный. Сунув кольцо в карман и отряхнув с колен ненужную мелочовку вроде неработающей газовой зажигалки, шариковой ручки и двух носовых платков, я поднялся на ноги. А! Еще снегоступы.

Жан возился с трупами, а нагруженный трофеями Макс уже возвращался от деревьев. В правой руке у него болтался распухший вещмешок и две пары снегоступов. Помимо висевшего на плече собственного автомата, сзади, рыхля прикладом снег, волочился пулемет Калашникова. Добытчик, блин. Я махнул ему на избу и, пошатываясь, пошел туда. Если Жан желает мерзнуть на улице, это его проблемы. Но в доме стало только хуже — начали слезиться глаза и ныть отбитые при попадании пули ребра. Начался отходняк?

— Коля, бери патроны. — Я вывернул карман фуфайки и высыпал на пол десятка четыре «макаровских» патронов.

— А я ему пулемет прихватил. — Макс поставил мешок в угол.

— Ты че? Эта дура килограммов десять весит! — Ветрицкий перестал набивать патронами карманы и покрутил пальцем у виска.

— Ну, допустим не десять, а на пару кило поменьше...

— Вот сам и таскай, если он такой легкий. А я могу твой автомат себе взять.

— Макс, там должен быть еще один ствол. — Я заглянул внутрь вещмешка. Да, если это можно охарактеризовать одним словом, то больше всего подходит слово «барахло».

— У карабина пуля приклад расщепила.

— А эту ерунду ты на фига насобирали? — Я сунул в мешок разряженный АПС.

— А что? Трофеи же.

— Ну-ну, только учти — сам потащишь.

— Да я не против. — Макс закинул мешок на плечо. — Нормалек. Лед, а что за тема с ножом?

— Мне б кто сказал. — Я сплюнул на пол и задумчиво потер носком ботинка потемневшее в месте попадания слюны дерево. Похоже,

самовозгорание для меня штука не столь уж и фантастическая. Будем надеяться, лечение пройдет именно так, как планировал колдун.

— Вы долго здесь рассиживать собираетесь? — зло прошипел заглянувший с улицы Жан.

— Мы куда-то торопимся? — Мне тон старика категорически не понравился. Что-то он себе много в последнее время позволять стал.

— Тут где-то поблизости взвод рейнджеров рыскает. А они даже разговаривать с нами не будут — пальнут из «шмеля» и пепел просеют!

— И откуда ты про них узнал? — Николай ногой отодвинул пулемет и выкинул вытащенный из рюкзака колчан со стрелами. — Мертвые ведьмы рассказали?

— Некоторые вещи до того очевидны, что о них нет нужды даже спрашивать, — отшил Николая колдун и медленно нас оглядел. — Я уйду прямо сейчас. Вы со мной?

— Да, — принял я решение, чувствуя медленно подступающую слабость. Толку от меня немного, а на Макса с Колей надежды нет. Но колдун-то как заговорил, стервец!

— Тогда пошли.

— Одну минуту. — Не выдержав, я выскочил на улицу и быстро обежал все трупы. К счастью — а к счастью ли? — остальные валькирии были незнакомы. Все, пора бежать, и так уже Жан волком смотрит.

На снегоступах пробираться через лес оказалось проще, но и они всех проблем не решали — очень уж маленькие, да и наст слишком рыхлый. От монотонного движения через сугробы я согрелся, и очень скоро стало казаться, что по жилам у меня бежит жидкий огонь. Рубашка и кофта просто промокли от пота. Но усталости не было. Такое впечатление, что так и пер бы до тех пор, пока не свалился замертво. Жутко хотелось пить. Несколько раз я останавливался и закидывал в рот полпригоршни снега. Нельзя, знаю, но ничего поделать с этим не могу — сердце просто не сможет качать загустевшую как битум кровь.

К границе мы вышли уже на рассвете. Лес, словно скошенный гигантской косой, резко оборвался, и без какого-либо перехода началась заснеженная равнина. Наше внимание приковал к себе открывшийся вид. Казалось, само пространство перекручивается, расслаивается и ежесекундно играет расстояниями, то приближая, то удаляя странный лес с темно-синими деревьями на той стороне.

Воздух над границей мерцал и колебался. Утреннее солнце только начинало подсвечивать алым низкие облака на востоке, но небо светилось и на севере.

— Ну ни фиги себе! — одновременно выдохнули Макс и Николай и, открыв рты, уставились на переливающуюся стену воздуха.

— А вы думали, — вполголоса заметил я, потрясенный только немногим меньше. Сколько раз вижу — а никак привыкнуть не могу. Такое впечатление, что воздух там и воздух здесь имеют разную плотность и никак не могут смешаться друг с другом. И концентрация магической энергии на той стороне сильнее. Несмотря на иллюзию — иллюзию ли? — искривления пространства, я решил, что до леса нам осталось не более двух-трех километров. Это хорошо — чем меньше мы будем светиться на открытом пространстве, тем лучше.

— Блин! — завопил Макс и с силой хлопнул себя по щеке. На варежке осталось синее вязкое пятно с капельками крови. — Это что?!

— Москит, — присмотрелся я.

— Ледяной москит?

— Нет.

— Снежный?

— Нет.

— Да какой, блин, тогда москит! Мы же не в тропиках! — заорал, брызнув слюной, Макс.

— Северный москит, — улыбнулся я.

— Твою мать! Полщеки заморозило!

— Хватит! — не сдержался Жан и, глубоко вздохнув, уже более спокойно продолжил: — Мы теряем время.

— Движемся цепочкой. Я впереди, Жан замыкающий. И что бы вам ни привиделось, не отвлекайтесь — тут ледяных змей полно, — скомандовал я и отошел от деревьев. — Пошли!

Выстроившись цепочкой, мы начали пересекать поле. Чем ближе становилась граница, тем отчетливей светились напоминающие северное сияние переливы и завихрения пространства. Воздух сгустился и стал напоминать прозрачное желе. Лес на той стороне совсем не приближался, и создавалось впечатление, что мы топчемся на одном месте. Неожиданно деревья резким скачком оказались совсем близко. Облака в одно мгновение рассеялись, и на небе замигали ледяные огоньки звезд.

— Ночь?! — не сдержал крик изумления Ветрицкий.

— Ночь завтрашнего дня, — с видом знатока выдал Макс.

— Что? — не понял его Николай.

— Ну, так говорят, — смутился тот.

— Почему?

— Шевелитесь! Не стоит здесь задерживаться. — Окрик Жана помог

Максу избежать дальнейших расспросов.

— Прибавили! — обернулся я и ускорил шаг. Ночь дохнула холодом и проморозила до самых костей. Жар моментально сгинул, и стужа проникла даже в кости и суставы. Меня так и будет с переменным успехом колбасить? Как бы в золотой середине остановиться-то? А то так либо поджарюсь, либо в ледышку обращусь.

Через несколько десятков шагов звезды начали тускнеть, а на соткавшихся из небытия кучевых облаках вновь заиграли лучи восходящего солнца. Но холод не отступил, и пальцы ног напрочь потеряли чувствительность. Обморозил? Потом разберемся. Сейчас главное — убраться подальше от границы. На месте рейнджеров я бы пустил несколько мобильных групп на ее патрулирование — здесь беглецов перехватить проще всего.

— Куда теперь? — спросил Макс.

— Сначала до леса, потом на дорогу выйдем, — опередил меня Жан.

— Не опасно ли по дорогам шататься? — разозлился я. — Через лес не лучше пойти?

— В здешнем лесу нас через дюжину шагов на суповые наборы растащат.

— По сторонам смотрите. Что подозрительное увидите или услышите — сразу с дороги! — Я, подумав, решил не спорить с колдуном. Нет, конечно раньше мы с Ермоловым и лесом ходили, но тогда с нами всегда проводник из местных охотников был.

— А люди здесь живут? — поежился под порывом обжигающего ветра Ветрицкий.

— Есть один хутор, но туда мы точно заходить не будем. — Я опустил на лицо вязаную шапочку. — Двинули.

— А у нас вроде коньков нет. — Николай смотрел на блеснувшую впереди гладь замерзшего озерца. На совершенно прозрачном льду не белело ни одной снежинки. Странно, снег-то куда девался? Не чистят же его здесь.

— Делов-то! Разбежимся и перекатимся, — уже приготовился рвануть вперед Макс, но его остановил Жан.

— Стой ты!

Я взглянул, куда указывал колдун, и обмер: в толще льда неторопливо двигалась тень. На мгновение темное пятно приблизилось к поверхности, и над ледяной гладью плавно выдвинулся матовый плавник. Немного проплыв у поверхности, здоровенная рыбина вновь ушла на глубину, а на льду не осталось даже трещинки. Это что за чудище?

- Я т-туда не пойду! — немного заикаясь, заявил Ветрицкий.
- Может, мираж? — обернулся ко мне Макс.
- Ага, мираж. Оттяпает полноги этот Моби Дик, и что делать?
- Лучше бы обойти, — нейтрально заметил Жан.

Я возражать не стал, и мы двинулись в обход. К счастью, озерцо по размерам не превышало футбольного поля, и крюк вышел совсем небольшой. Но до тех пор пока поле не скрылось за густо разросшимися деревьями с узкими синеватыми листьями, у меня по спине бегали мурашки. Обошлось. А вот вынырнул бы ЗИЛ с чем-нибудь типа ДШК в кузове, и все — кранты. Теперь хоть время спрятаться будет. Да и снегоступы на дороге снять можно.

— А почему небо черное? — вдруг остановился, задрав голову, Ветрицкий.

— Не черное, а темно-синее, — поправил его я. — Черное оно дальше к северу.

Жутковатый пейзаж. Почти черное небо со свинцовыми пятнами облаков. Алый шар солнца. Узкие и острые темно-синие листья на деревьях. И сверкающая под солнечными лучами незапятнанная белизна снега.

— Не вижу разницы, — передернул плечами Николай. — А дорога куда ведет?

— Никуда, — настороженно оглянулся Жан, но, не увидев ничего подозрительного, немного успокоился. — На север она ведет, только нет там ничего.

— А кто тогда по ней ходит?

— Кто только не ходит, — хмыкнул я. — Охотники за дичью, дровосеки за северным кедром и лиственницей, черные копатели в руинах пошарить. Травники — вообще не поймешь, зачем.

Глотнув холодного воздуха, я закашлялся. В легких лопнул пузырь со студеной водой и ледяным крошевом. Надо с болтовней завязывать.

Когда лес остался позади, по обочинам дороги потянулись пучки торчащей из снега травы, а впереди на высоком холме показались развалины башни. Крепость возвышалась всего на три этажа, выше торчали закопченные каменные обломки.

— Здесь люди жили? — засмотрелся на холм Николай, за что и заработал от Макса толчок в спину.

— Не думаю, что люди. — Жан внимательно оглядел вытянутые треугольники бойниц и, сойдя на обочину, сорвал молочного цвета плод.

Ветви куста сгибались под тяжестью еще полусотни крупных ягод. Колдун помял ягоду в руке. — Неспелая.

Зачем лез? Меня бы спросил, я бы и так сказал. На севере снежные ягоды ближе к лету вызревают.

— В башне ничего ценного остаться не могло?

— Давно все выгребли.

— А почему здесь никто не селится? — Макс пнул выкинутую колдуном снежную ягоду и вытер о снег заляпанный белым соком ботинок. — Отличный наблюдательный пункт, между прочим.

— Последний раз с год назад поселиться пытались. — Я поправил соскальзывающие с плеча снегоступы, которые были связаны между собой. — Дня три продержались, на четвертый сгнули. Гиблое место.

— А что так?

— Кто бы знал.

Мы поднялись на пригорок и прошли мимо башни. В лицо повеяло теплым ветром и неуловимым ароматом прогретой солнечными лучами неглубокой воды. Внизу в долине плескалось небольшое озеро. Темные волны с тихим плеском набегали на песок, где доставали-целовали отступивший от берега снег и, шурша, скатывались обратно. Вдоль воды шла трехметровая полоса, на которой поблескивала обледенелая галька. Над озером клубился густой туман, и противоположный берег терялся в молочной пелене.

— Это и есть Стылое море? — скептически осмотрелся Ветрицкий.

— Да. — Я набрал полную грудь теплого воздуха и почувствовал, как отступила боль. Не исчезла без следа, но спряталась куда-то вглубь.

— А почему — море? Оно и на озеро не тянет. Пруд незамерзающий.

— Море — потому что где бы ты ни встал, противоположного берега не увидишь. — Жан даже перестал нас подгонять и глубоко вздохнул.

— Лужа, — не впечатлился Николай, и мы двинулись дальше.

Дорога прошла по берегу Стылого моря и, извиваясь меж крупных валунов, поднялась на склон холма на противоположной стороне долины. На вершине порывы ледяного ветра моментально выдули из складок одежды более теплый воздух долины, и по контрасту мороз показался просто диким. После умиротворяющей ряби волн резкие очертания торчащих из снега скальных обломков и ломаные рывки ветвей наводили на мысли о преддверии ада. Не канонической геенны огненной, а царства холода, льда и смерти. Ничего, человек, как таракан, — ко всему привыкнуть может.

— Эй, что такое? — Когда мы уже спустились с холма, Макс

остановился и задрал голову вверх.

— Где? — Я пригляделся и схватился за ружье.

Из низких облаков вынырнули три сверкающих на солнце крылатых силуэта и неспешно спланировали к нам. Е-мое, я же штуцер не перезарядил! Рывком расстегнув патронташ, нашарил патрон с картечью. И в этот миг гарпии сложили ледяные крылья и камнем рухнули вниз. Быстрее! Замерзшие пальцы никак не могли подцепить патрон. Очнувшийся Макс вскинул автомат и прежде, чем я рванул его дуло вниз, выпустил длинную очередь. Автоматные пули зацепили левую гарпию, и она разлетелась на кучу ледяных обломков. Рухнувшие с бешеной скоростью ледышки буквально вспахали дорогу всего в паре метров от нас. Две гарпии расправили крылья и унеслись за холмы.

— Ты чего? — рванул на себя «абакан» Макс.

— Тебя, debil, не предупреждали, что почти всегда обломки спикировавшей гарпии накрывают стрелка? — Меня трясло.

— Нет, — смутился Макс. — А что делать было?

— Ждать!

— Чего?

— Я слышал, они у земли скорость сбрасывают. — Жан опустил на колено и, обмотав руку полрой плаща, выудил из рыхлого снега бритвенно-острый на изломе обломок гарпии.

— Именно. — Я наконец перезарядил ружье.

— Да ладно, обошлось же, — развел руками Макс.

— Мы теряем время, — напомнил нам колдун и, выкинув ледяной обломок, зашагал по дороге.

Нетерпеливый какой. Куда торопится? Настроение испортилось окончательно. Припомнились собственные же слова Николаю, что вечно везти не может. Ох, как бы не накрыла нас черная полоса. А то все к этому идет.

— Смотри — крапива! — Уже успокоившийся Макс указал на заросли бледно-зеленоватой травы, внешне действительно напоминавшей крапиву. Только некоторые стебли достигали в высоту трех метров, а жгучие волоски больше напоминали шипы роз. Крапива росла метрах в десяти от обочины перед подошедшим к дороге лесом.

— Сам ты крапива, — заявил в ответ Николай.

— Не веришь?! Лед, скажи ему!

— Я что тебе, юный натуралист? — оскалился я. Не видит — плохо мне? Я как тот Кай — тоже будто кусок льда в сердце засадили.

— Да говорю тебе, Коля, крапива это.

— Задрал подкалывать. Никакая не крапива.

— Хорош базарить, сворачиваем, — указал я Ветрицкому на тропинку, уходящую в лес. Нечего по дороге переть, можно и напрямик немного срезать.

Николай сошел с дороги на тропинку.

— Лед, ты чего психуешь? — остановился Макс.

— Давай, двигай. Нормально все. — Я развернулся к колдуну. — Сейчас через лес срежем...

— Стой! — крикнул Жан, но было уже поздно: взмахнув руками, идущий впереди Ветрицкий провалился под землю.

Рядом с нами во все стороны полетели комья снега, из схрона выскочил снежный человек. Его костлявое тело, включая и приплюснутую голову на короткой толстой шее, полностью покрывали длинные спутанные волосы, но пояс с множеством петель и зажатое в руках копье с широким зазубренным наконечником ясно показывали, что это существо, к сожалению, наделено разумом. Прежде чем Макс успел схватиться за автомат, снежный человек оказался рядом и, зашипев, с замахом ткнул его острием костяного копья. Шкура серка выдержала, и копье соскользнуло с полушубка. Макс неловко замахнулся выхваченным из ножен мачете и направил лезвие в косматую голову дикаря. В сторону ударила длинная струя крови. Выронив мачете, парень отпрыгнул от почти обезглавленного тела и перехватил автомат.

Из зарослей крапивы молча выступили скрывавшиеся в засаде снежные люди и метнули дротики. Жан, хлопнув в ладоши, развел руки в стороны, и дротики сгорели в возникшей на их пути серебристой пелене. Из следующего десятка копий двум удалось преодолеть преграду и вонзиться в дорогу рядом с колдуном. Макс все еще возился с автоматом, и я, недолго думая, сжал в кулаке половинку солнца и активировал «Закатный муар». Снежных людей окутало мягкое фиолетовое сияние, потом полыхнула вспышка, как от нескольких килограммов магниевых порошков, и на снегу зашипели остывающие кучки пепла.

— Макс, что там у тебя с автоматом? — Я взял ружье наизготовку и медленно начал приближаться к месту, где исчез Ветрицкий.

— Порядок, — отозвался тот.

— Прикрывай! — Мне удалось подойти почти к самому краю дыры в снегу и осторожно заглянуть внутрь. Яма уходила в глубину метров на шесть. Снизу раздался стон, сменившийся матом. — Коля, ты как?

— Хреново, — ответил Николай и, заворочавшись, взвыл от боли. — С левой ногой что-то, совсем не шевелится.

— Ну и как ты его доставать собрался? — Жан не спеша подошел к провалу.

— Что-нибудь придумаем.

Что значит «ты собрался»? Мы все в одной лодке — подводной. И лучше бы колдуну не оказаться крысой, бегущей с тонущего корабля. Лучше для его же собственного здоровья.

— Хорошо, я еще на зверюгу какую-то дохлую приземлился, а то расшибся бы на фиг, — крикнул нам Ветрицкий. — У вас веревка есть?

— Кто полезет? — опасливо косясь на заросли, остановился рядом Макс.

— Быстро в кусты! — Колдун толкнул нас в крапиву, а сам, немного задержавшись, достал яшмовую полусферу, кинул ее Николаю в яму и пустился следом за нами.

— Эй! Вернитесь! — кричал в яме Николай. — Не бросайте меня здесь! Лед!

— Что случилось?! — развернулся к колдуну Макс, когда мы уже пробежали через совершенно неколючую траву и заскочили под деревья. — Куда бежим?!

Я тоже посмотрел на Жана, ожидая объяснений. Сначала сработал выработанный в Патруле рефлекс — выполни приказ, потом уже думай, — но оставлять в этой норе Ветрицкого — последнее дело.

— Рейнджеры нам на хвост сели, вот что случилось, — просто сказал тот и ткнул рукой в виднеющийся в просветах между стеблями крапивы холм.

В подтверждение его слов на пригорок медленно выехал ЗИЛ, рывкнул мотором и покатился вниз. Следом выползли два «уазика».

— Они ведь нас здесь не найдут? — Макс инстинктивно спрятался за дерево.

— И не надейся, теперь не отцепятся. — Жан вытер ладонью покрывшееся потом лицо и дернул себя за ус. — Выследят.

— Идем к Лысой горе, там оторвемся, — предложил я.

— Думаешь? — засомневался колдун.

— Я эти места знаю — не получится там их с хвоста сбросить, значит, нигде не получится.

— Почему? — потребовал объяснений Жан.

— Там катакомбы под горой. — Я примотал на ноги снегоступы и искоса посмотрел на колдуна. — Жан, вы зачем Ветрицкому телепорт оставили?

— А! Ерунда, нам бы он сейчас не помог, — отмахнулся старик. —

Через границу никакой телепорт не перебросит. Вот если Николай через нее обратно перейдет...

— Все равно он им воспользоваться не сумеет.

— Как от маяка устойчивый сигнал пойдет, так сам сработает.

Дальше шли молча. К чему на болтовню силы тратить? Сначала все было неплохо, но вскоре я выбился из сил и не отставал от Макса и Жана только потому, что указывал путь. А старик-то двуличный, хоть по виду и сущий божий одуванчик. Снова поднялась температура, в висках застучали молоточки боли, и выбирать нужное направление становилось все трудней. Благо, мы в чащобу не углублялись, а шли вдоль дороги.

Но даже плохое запросто может смениться еще худшим. На рейнджеров мы нарвались уже у самой Лысой горы, когда перебежали через дорогу. К нашему счастью, два автоматчика заметили нас слишком поздно, и прежде чем они открыли огонь, нам удалось скрыться в лесу.

— Жан, — на бегу прохрипел я, — ты же колдун! Зачаруй их!

Рейнджеры не отставали. Где-то на лесной дороге заурчал мотор. Скоро загонят.

— У них глушилки, — уставившись куда-то в одну точку, выдохнул Жан. — Где твои катакомбы?

— Уже добрались, почти...

Мы выскочили из леса на узкую тропинку и, посрывав с ног снегоступы, устремились к видневшемуся на склоне горы дому, сложенному из толстенных бревен.

— Бегите! — Добравшись до середины склона, я развернулся, опустился на одно колено и начал стрелять по появившимся из-за деревьев рейнджерам. Закутанные в маскхалаты горожане залегли у деревьев и сразу слились со снегом. Выдавали их расположение только вспышки выстрелов. Но мы оторвались прилично — пусть патроны зря тратят. Тем более мне их пули пока не страшны: «Чешуя дракона» еще работает. Поняв мой замысел, стрелки начали короткими перебежками сокращать дистанцию. Пора рвать когти.

Бежать в гору было совсем не легко. Ноги налились свинцом, а в отхаркивающейся при кашле мокроте начали алеть пятна крови. В голове где-то прямо за глазами нарастала режущая боль. Жана нигде видно не было, а хромающего Макса я догнал уже около сруба.

— Что случилось? Быстрее в дом!

— Еп! Посох Морозко им в зад! — Макс зашатался, едва не упал и запрыгал к двери на левой ноге. — Зацепили!

Я ухватил его за плечо, и в этот момент в стены сруба начали кучно

ложиться пули, а потом, мелко завибрировав, отключилась «Чешуя дракона». Мигом позже бок обожгла острая боль, и мир закрутился колесом. Перекувыркнувшись несколько раз через голову, я растянулся на тропинке и сообразил, что проблемы не с миром, проблемы со мной — под ребра словно засунули раскаленный прут. У подножия горы забуксовал «уазик», из распахнувшихся дверей начали выскакивать рейнджеры. В двери сруба показался Жан, скинул плащ и, кинув в угол сумку, зажал в руке медный шар. Поднявшись на четвереньки, я ухватил за воротник полушубка упавшего Макса и снова покатился по снегу — потерявшая убойную силу пуля на излете угодила во вшитую в фуфайку стальную пластину. Блин, еще второй дырки в животе не хватало! В простреленном боку пульсировала боль, рубаха пропитывалась кровью. Не пытаюсь больше помочь Макс — входное отверстие у него в затылке было совсем незаметным, а вот вместо глаза зияла кровавая дыра, — я схватил «абакан» и ползком проскользнул в дом.

— Суки! — Почти не целясь, я расстрелял патроны в автомате и поднял штуцер. Сволочи! Макса убили!

— Где твои катакомбы?! — рванул меня к себе и уставился совершенно безумными глазами Жан.

— Отвали! — Я снова вскинул ружье.

— Их не остановить! Уходить надо, — проорал мне прямо в ухо колдун.

Туман боли и ярости начал рассеиваться, вернулась способность мыслить более-менее ясно. От рейнджеров здесь не отбиться, пора шевелить мозгами и ногами.

— У меня дыра в боку, можешь помочь? — Я отполз от двери и устроился на куче мусора, в которой преобладали пустые сигаретные пачки, обертки и смятые жестяные банки. Какого только хлама люди с собой не таскают.

— Кровью не истечешь, пока мои чары действуют. — Колдун выглянул в окно с выбитым стеклом и задумчиво подкинул в руке мой последний медный шар. — А выберемся, тебе не я, а хирург нужен будет. Спуск в подземелье где?

— Здесь. — Я осторожно сунул руку под фуфайку. Даже от легкого прикосновения бок пронзила острая боль. Пулевое отверстие уже затянулось, но самочувствие не улучшалось. Наоборот, шевелить руками и ногами становилось все трудней, а нестерпимый жар в груди сменился холодом могильного камня. Мне даже начало казаться, что выступающие на висках капли пота замерзают, не успев скатиться до щек. — Сюрприз бы

этим гадам оставить.

— Оставим. — Жан кинул мне свою сумку и пристально уставился на обогревательный артефакт. — Обязательно оставим.

— Ты что делаешь? У тебя ж до черта должно остаться амулетов от валькирий!

— Да там взрывами все в пыль раскрошило. — Колдун шумно выдохнул и, как-то враз постарев, устало забормотал себе под нос длинное заклинание.

Я отвел взгляд от начавшего раскаляться медного шара — а что, если мне для лечения опять понадобится драконий огонь? — закинул ремень сумки на плечо, пригнулся, чтобы не зацепили залетающие в дверной проем и окна пули, и, опираясь рукой о стену, побрел в другую комнату. Не достанете, сволочи! Окон в небольшой комнатке не было, но в перекрытии зияла здоровенная дыра, поэтому снег проник и сюда. Над закрывающим вход в катакомбы люком уже успели нагадить и навалить кучу всякого хлама. Оно и понятно: кто здесь только не останавливается, а про подвал далеко не все знают. Хорошо еще, что замерзшее дерьмо не воняет.

Я с трудом оттащил в сторону присыпанную желтым снегом мешковину и вогнал лезвие ножа в едва заметную щель в полу. Клинок выгнулся, но выдержал. Мне удалось подцепить пальцами тяжелую крышку люка и прислонить ее к стене. Сумка и вещмешок полетели вниз.

— Долго ты там? — оглянулся я на колдуна. Бормотание его становилось громче, медный шар в пальцах налился ярко-алым сиянием. Я сел на краю люка и свесил ноги вниз, нащупывая лестницу. И тут нас достали! Не знаю, из чего пальнули рейнджеры — похоже, из ручного гранатомета, — но немного промахнулись. Попади заряд точно в проем окна — нас с Жаном пришлось бы отскребать от стен. Но граната угодила чуть ниже, и в дом влетели только обломки подоконника и осколки остававшегося в рамах стекла. Массивная железная ручка перебила запястье колдуна, и переливающийся алым медный шар полетел на пол. Последнее, что я заметил, был зажимающий обрубок руки Жан, а потом шар ударился о доски и меня смела вниз взрывная волна. Плеснувшее во все стороны пламя прошло над люком. Крышка с грохотом захлопнулась. Пролетев несколько метров, я, отбив ноги, приземлился на вещмешок и откатился в глубину вырубленного в горе низкого тоннеля. Второй взрыв по силе даже превзошел первый, земля вздрогнула, прогнившие перекрытия подвала не выдержали, и пол обвалился.

Я отполз подальше от пышущих жаром обломков. Вопрос, что сотворил с «Драконьим яйцом» Жан, меня сейчас волновал меньше всего.

Тем более что колдуну из этого пекла выбраться не под силу. Подняться на ноги удалось с громадным трудом, но, стараясь не обращать внимания на изматывающее жжение в боку и пульсирующую головную боль, я вслепую нашарил вырубленную в стене нишу и запалил вытащенный оттуда факел. В свете чадающего и плюющего каплями смолы факела стали видны почти скрытые изморозью белые метки на камнях. Так, мне сюда.

Ноги подкашивались, в глазах заплясали светящиеся точки, но, врезаясь то в одну стену, то в другую, я спотыкался и брел дальше. Тоннель вел вниз, дышать становилось все труднее. Тлеющий в груди жар начал распространяться по всему телу. Как бы на мне одежда не вспыхнула. Воздуху! И воды! Быстрее наружу, снег жрать буду! Указатели на стенах почти перестали попадаться, из боковых тоннелей потянуло стывшим воздухом. Под ногами несколько раз хрустнули мелкие косточки. Почти дошел.

Шаг, еще шаг. Ну же, выход уже близко. Близко... Близко... Мысли путались и перескакивали с одного на другое. А если выход снегом завалило? Пить... Надо проверить, что с Ветрицким. Не сюда, следующая развилка. Соберись! Факел скоро погаснет. Быстрее!

Незаметно начался бред. Что-то бубнил в ухо про свою сумку Жан. Из темноты злыми волчьими глазами смотрел Дрон. Макс жаловался на надувшего его кладовщика. Гамлет травил обычные байки. Постепенно бормотание слилось в один убаюкивающий голос.

Споткнувшись о выступающий камень, я рухнул на пол. Факел выскочил из руки, отлетел в заполненную водой выемку и, зашипев, погас. Боль от падения и брызги холодной воды немного отрезвили. Подставляя ладони под бегущую с потолка струйку воды, я напился и решил отдышаться. Еще один поворот, двадцать метров тоннеля и — все. Но если меня ждут, то именно там. Ничего, выкручусь. А сейчас немного отдохну. Только глаза прикрою — и сразу дальше. Только глаза прикрою...

Часть третья

Черный полдень

*Кто поддался власти ледящей страсти,
Тот навеки сгинул в мрак холодной льдиной,
В этом море стужи гибнут ваши души,
И никто не в силах им вернуть былой огонь...*

«Fort Royal»

*Немного огня — середина пути,
Немного огня тебя может спасти,
В блеске обмана, обмана...*

«Пикник»

Глава 11

Странный звук на мгновение выбился из мягкой тишины подземелья и слабым эхом зашуршал по тоннелю. Не открывая глаз, я насторожился и попытался понять, что именно меня разбудило. Гулко журчащая при падении с потолка струйка воды? Свист сквозняка? Нет, вот оно! Поблизости раздалось противное поскрипывание, будто по камням скрежетали сотни легоньких коготков. Щелчок колесика зажигалки выбил десяток длинных искр, но газ не вспыхнул. В этом, впрочем, уже не было никакой необходимости — цоканье когтей стремительно унеслось по тоннелю.

Вовремя очнулся, ничего не скажешь. Так бы проснулся утром без носа или ушей, если бы вообще проснулся. А, кстати, ничего отгрызть не успели? Судя по ощущениям, все органы и конечности были на месте. И не только были, но и жутко болели. Особенно этим отличалось предплечье правой руки. Отбитые ребра и простреленный бок отставали ненамного. Я напился и, задрав рукав фуфайки, сунул кисть в ледяную воду. Жжение прошло, от холода заломило запястье. Это ничего, отогреюсь. Жарко мне. Словно в груди полыхает раскаленная топка. Проведя пальцами по ноющей ладони, я нахмурился — неужто на тыльной стороне волдыри от ожогов? Этого еще не хватало. Как бы мне совсем не поджариться.

Интересно, сколько проспал? Не знаю. В любом случае пора отсюда валить. Вслепую пошарив руками вокруг себя и не найдя ничего полезного, я поднялся на ноги и побрел к выходу. Ни черта не видно. Стена, другая стена, поворот, низкий потолок... Я подождал, пока из глаз перестанут сыпаться искры от удара головой о каменный выступ, и продолжил движение. За следующим поворотом стало светлее — тусклый свет пробивался сквозь заваливший проход снег. Остановившись в небольшом предбаннике, я осмотрел свое снаряжение. Да, негусто. Из оружия только метательный нож, ПМ и злосчастный тесак. Выкинуть его, что ли? Нет, торопиться не стоит. Эту ставку можно будет попробовать разыграть. К тому же с ножом меня просто прибьют, а без него еще и пытаться станут...

Да, с вещами полный швах. Штуцер посеял, меховушки потерял, вещмешок обломками завалило, жратвы совсем нет. Фуфайка, мало того что прострелена в трех местах, вдобавок порезана острыми листьями северных деревьев. Хорошо, вчера лицо шапочка прикрывала. Ладно, нечего рассиживаться, идти пора. Идти? Куда? Не к Снежным Пикам, само

собой — без оружия и припасов мне и суток не продержаться. В Форт возвращаться надо, тем более что со снежными людьми мы уже повстречались. Век бы их не видеть. Значит, в Форт. Только сначала придется за Ветрицким завернуть.

А смысл? Даже если рейнджеры его в яме не заметили, одному мне его оттуда не вытащить.

Неважно, надо за ним зайти, и все тут.

Не гони, зачем время терять и рисковать наткнуться на снежных людей?

Считаешь, лучше оставить парня в яме замерзать? Без посторонней помощи он не выберется.

Его проблемы. Мне никто никогда не помогал.

Стоп, а Ермолов, Ян Карлович, Гамлет? Они как?

А у них свой интерес был.

У тебя тоже есть — камень портала в яме валяется, да и возвращаться одному в Форт не очень хорошо. Замучаешься с начальством объясняться, где бойцов растерял. Так хоть один свидетель будет.

Оборвав внутренний диалог, я натянул нитяные перчатки и тихонько проломил заледенелую корку наметенного снега. Солнечные лучи подсвечивали небо нежно-розовым оттенком. Только светает? Я что, почти сутки в пещере провалялся? Быть того не может. Или может? Аккуратно расширив отверстие в обледенелом снеге, я вылез на восточный склон горы и прижался к скальному выступу, прикрывающему выход из подземелья. Вроде никого. Оно и понятно: после такого взрыва выживших никто искать не станет. Зуб даю — рейнджеры свалили еще до того, как пламя опало. Но все равно по дороге идти слишком опасно, надо к лесу двигать.

Скатившись по склону, я постарался как можно быстрее миновать открытое пространство рядом с горой и добежать до деревьев. Фу, совсем запыхался. Хорошо, что сегодня чувствую себя более-менее нормально. Бок, конечно, болит, но если учесть вчерашние события — это просто ерунда. Минут через десять блуждания по лесу мне удалось выбраться на заметенную снегом охотничью тропу. Лучи высоко поднявшегося солнца мелькали сквозь полупрозрачные синеватые листья. Серебристый иней покрывал ставшие белоснежно-ледяными ветки. Лес казался замерзшим и ожидающим прихода весны. А ее и не будет... Подойдя по тропинке почти к самой дороге, я углубился в лес и начал пробираться к тому месту, где вчера мы напали на засаду снежных людей. Из-за деревьев уже показался холм и высокие стебли крапивы. Вот здесь надо поосторожней — одному ни от дикарей, ни от рейнджеров не отбиться. Не

должны они были засаду устроить, но мало ли. Развязал ушанку и прислушался: тишина. Ну что, рискнем? Рискнем, куда деваться.

Я распластался на снегу и, стараясь не шуметь и не качать стебли, заполз в заросли крапивы. Яма где-то здесь. Изменивший направление ветер донес запах мертвечины. Точно почти добрался. Впереди в траве показалось какое-то светло-синее пятно. Коля? Отсюда лица не видно — человек сидит ко мне спиной. От дороги за ним остался след из примятых и поломанных стеблей крапивы. Я подобрался и, осторожно пробираясь по глубокому снегу, начал медленно приближаться к сидящему человеку. А не ловушка ли это на живца? Да нет, ерунда. Меня услышали, когда между нами оставалось не больше двух метров. Коля завалился на спину и выкинул в мою сторону руку с пистолетом-пулеметом. Прыгнув вперед, я перехватил запястье и ткнул «кедр» дулом в снег. Второй рукой сдавил горло. Немного побрыкавшись, Ветрицкий обессиленно обмяк.

— Коля, — прошептал я, настороженно оглядываясь по сторонам, — это я.

— Лед? — изумленно уставился на меня Николай. — Вы вернулись?

— Как видишь. — Мне удалось вынуть рукоять «кедра» из судорожно сжатых пальцев. Блин, даже с предохранителя не снял. — Выбрался как?

— Не помню. — Парня начала бить крупная дрожь. — Вы ушли, машина подъехала. Я под мертвого зверя залез... сверху труп скинули. Меня совсем придавило. Кровь, вонь... Я всю ночь вас ждал, а начал вылезать — не могу... нога не шевелится, трупы заоченели... а я под ними... и холод адский...

— Телепорт где? — Я встряхнул Ветрицкого, прерывая зарождающуюся истерику.

— Камень, который колдун кинул? Я его в карман убрал, — почти успокоился тот, но тут же снова начал всхлипывать: — Знаешь, как страшно... Я уж думал — не выберусь, так и сдохну в этой дыре! А вы убежали... Вы ж меня замерзать оставили!

— Лучше было бы, если нас рейнджеры перестреляли? — Я повесил ремень с «кедром» себе на плечо и, ухватив Николая под руки, оттащил подальше от дороги. Как только выбрался? Альпинист хренов. Только бы мне его на себе тащить не пришлось. — Идти можешь?

— Только ползти, и то с трудом.

— Зашибись.

И что теперь делать? Забрать камень и оставить парня здесь? Шутка. Выбрав крапивный ствол потолще, я несколькими ударами ножа перерубил его. Потом срезал ещё несколько штук. Промерзшие стебли не гнулись, но

совместными усилиями нам удалось сплести что-то отдаленно напоминающее волокушу. Хлипкая конструкция грозила развалиться в любой момент, но нам бы только до границы доползти.

— А Макс с Жаном где? — отвлекся Ветрицкий от перекручивания стеблей.

— Есть два варианта, — буркнул я. Ненавижу отвечать на такие вопросы.

— Какие?

— Нехорошие. — Я перетащил Колю на волокушу и ухватился за стебли. Ответы действительно нехорошие: либо в аду, либо в раю. Почему тогда оба нехорошие? Ну, в раю должно быть неплохо, но что-то мне подсказывает, что при нашем образе жизни лишняя дырка в голове отправит нас скорее вниз, нежели вверх.

— А-а-а... — протянул Ветрицкий, устраивая поудобней негнущуюся ногу.

Вот тебе и «а-а». Поехали, что ли? Ничего не поделаешь, придется на дороге светиться — по лесу пройти с волокушей нечего и пытаться.

Пока дотащил Ветрицкого до дороги — взмок. Дальше дело пошло легче, но начавшаяся от перенапряжения головная боль со временем только усилилась, правое предплечье жутко зачесалось, а рана в боку опаляла внутренности огнем. Ерунда, прорвемся... прорвемся... прорвемся... Словно заволаживающая мантра, это одно-единственное слово, крутившееся в голове, заставляло передвигать ноги и перехватывать выскальзывающие из рук обрубки стеблей. Вверх по холму... вниз с холма... Вверх по холму... вниз с холма... Руки налились свинцом, дыхание сбилось, но сил переставлять ноги пока хватало. А вон уже и граница. Неужели дополз?

Вот тебе и осторожность: прем по полю напрямик, как два верблюда через пустыню. Нарвемся на патруль — хана. Небо постепенно светлело, а стена искрящегося воздуха над границей надвигалась и, казалось, становилась выше и выше. Для продвижения вперед приходилось прилагать все больше усилий. Теперь уже мешал двигаться не только вес волокуш, но и давящее сопротивление пространства. Неожиданно в один момент наступила ночь, на небе засверкали ледышки звезд. Я вздохнул студеной воздух и закашлялся. Как яд или замораживающая анестезия, по телу начал распространяться леденящий холод. Боль в правой руке вспыхнула с новой силой, а от запястья вверх побежало покалывание. Вскоре уже всю руку охватило жжение, мешающее сосредоточиться. Боль сбивала с ритма и прогоняла из сознания придающую сил простенькую

мантру. Я сбился с шага и едва не растянулся на дороге. Ничего, еще немного, еще чуть-чуть, последний бой, он трудный самый...

Вырвавшись из ночи, я через всплывшую перед глазами розоватую пелену несколько мгновений тупо рассматривал открывшийся вид: покачивающиеся на ветру деревья в лесу, дорогу на Лудино, остановившийся на дороге «уазик» — рейнджеры?! — и наконец сделал шаг вперед. Пелена оказалась вовсе не галлюцинацией и, облепив меня черной мокрой тряпкой, сдавила и вывернула наизнанку.

Вывалившись из сработавшего телепорта, я рухнул на бетонный пол в темном подвале. Паршиво-то как! Меня вырвало. Внутри взорвался начиненный напалмом снаряд, и несколько мгновений было непонятно — вспыхну я как факел или отделаюсь ожогами первой степени. Нет, отпустить начало. Колдун, сволочь такая, меня ж поджарит! Или запекусь заживо.

— Коля! — сплюнув кислую слюну, позвал я и потер зудящую кисть. — Коля, ты где?

Там остался? В подвале было темно, но через пролом в кирпичной стене почти у самого потолка проникал тусклый свет. Когда глаза немного привыкли к скудному освещению, я различил лежащего у дальней стены Ветрицкого.

— Коля, чего молчишь? — недовольно прикрикнул я. — Вставай!

А в ответ тишина. Этого еще не хватало. Я поднялся на ноги, кое-как добрал до валяющегося на полу Николая и перевернул его на спину. Зашибись! Во весь лоб у парня расплылся здоровенный кровоподтек. Шишка будет, будь здоров. Но главное — дышит. Обо что это он так приложился? В стену впечатался?

— Коля, запарил. — Я отвесил ему несколько пощечин. Эффекта — ноль. Блин, мне его фиг вытащить отсюда. А придется...

Я добрал до пролома в стене и, стараясь не обращать внимания на боль в правом предплечье, высунулся наружу. А Жан-то большой шутник был — маяк телепорта он разместил вовсе не в подвале, как показалось мне первоначально, а на предпоследнем этаже полуразвалившейся кирпичной башни. Отсюда открывался вид на весь мельзавод. Прямо напротив возвышалось порушенное здание элеватора, немного правее было заводоуправление. И как отсюда спускаться? Я спрыгнул на пол — нет, здесь вылезти не получится. Но колдун же как-то сюда забирался?

Морщась от боли при каждом шаге, я обошел всю комнату по периметру. Ага, вот оно! Не замеченный мной при первом осмотре ржавый лист железа со скрежетом отогнулся в сторону и открыл выход на

покосившуюся лестницу. Нам сюда. Я ухватился за перила и, протаскивая Ветрицкого в отверстие, начал пробираться вниз. Ступени скрипели и, грозя проломиться, ходили из стороны в сторону. Спуститься получилось только на два этажа. Дальше лестница обвалилась и железными обломками ржавела на дне темного колодца. Куда теперь? Высунувшись в небольшое квадратное окно, я разглядел всего в полутора метрах внизу засыпанную снегом крышу примыкающего к башне склада. Спустив на крышу Николая — тот при этом даже не пошевелился, — мне удалось перетащить его к краю и столкнуть в высокий сугроб. А потом и сам прыгнул за ним следом.

Добравшись до частично разобранный, частично порушенной ограды мельзавода, я остановился у дороги и вытер с лица пот. Куда теперь? Лучше, думаю, дойти до хутора — там кого-нибудь заряду до Форта подвезти. Это понятно, а дальше что? Как-то раньше об этом не задумывался, а стоило бы. В первую очередь необходимо переговорить с Яном Карловичем — о чем-то же он хотел меня предупредить! Но через западные ворота возвращаться нельзя — это территория Лиги. У тех ворот меня в два счета прижучат. С восточными ситуация аналогичная — прилегающий район контролировала Гимназия, а что-то мне подсказывало, что в этом деле без них не обошлось. Остаются только юго-восточные. С Дружиной проблем не предвидится, значит, Южный бульвар и центр Форта для меня относительно безопасны. К тому же через эти ворота народ так и прет — затеряться в толпе будет легче. Задумавшись, я не сразу расслышал конское ржание и, бросив Ветрицкого, успел выскочить на дорогу прямо перед тащившей сани парой лошадей.

— С дороги! — Возница — кражистый пожилой мужик в доходящей до колен вышарканной шубейке — замахнулся кнутом, но я ухватил лошадей под уздцы и нацелил на него «кедр».

— Вылазь. — Пистолет-пулемет не дрожал, но рука начала медленно опускаться.

— Не дури — убери волюну. — Возница выскочил из саней, продолжая сжимать кнут в руке.

— Не дергайся. Патруль. — Я кивнул в сторону Ветрицкого: — Раненого в Форт отвезти надо.

— На хутор ближе будет. — Измерив взглядом расстояние между нами, мужик тяжело вздохнул и кинул кнут в сани.

— Ты не умничай. Бери раненого и грузи в сани.

Возница поправил лохматую меховую шапку и решительно зашагал к Николаю. Я подождал, пока он не уложит его на заднюю лавку, и, не убирая

«кедр», уселся рядом с Ветрицким.

— Трогай.

— На хутор?

— В Форт. К южным воротам, — распорядился я. Больше возница не произнес ни слова. Вскоре потянулись унылые пустоши Ляховской топи. Сани время от времени подпрыгивали на кочках, я то и дело стукался о заднюю спинку. С каждым ударом боль в боку разгоралась сильнее и сильнее. Вскоре жжение охватило всю спину, и я не мог думать ни о чем, кроме надвигающегося болевого шока. «Кедр» уже просто валялся на коленях, а сквозь пелену боли прорывались только размазанные пейзажи топи. В голове звенело, усталость навалилась и тяжким грузом давила на плечи. Иногда возница оборачивался, и тогда я хмуро зыркал на него. Видимо, взгляд у меня был достаточно недобрый, потому что мужик моментально отворачивался к лошадям. Оно и к лучшему — реши он выкинуть нас из саней, скорее всего, это не составило бы для него труда.

Когда справа показалась стена Форта, я чуть было не распорядился править к восточным воротам. Нет, нельзя. До южных ворот всего ничего осталось. К этому времени я уже почти ничего не видел и обессиленно развалился на скамье. Думаю, даже несколько раз ненадолго терял сознание. Ничем хорошим это кончиться не могло — так и оказалось: один из кратких мигів забытья закончился падением в снег. От удара лицом о дорогу сознание прояснилось. Я смахнул бегущую из разбитого носа кровь и увидел, что выбросивший нас с Колей на обочину мужик развернул сани и нахлестывает лошадей. Сука! Где автомат? Нигде не видно. Ладно, пусть живет — он довез нас почти до ворот. Сейчас мы валялись на задах торговых палаток на пяточке перед въездом в Форт. Немного проползти, а там продавцы, дружинники, возвращающиеся в Форт торговцы... Кто-нибудь поможет. С чего им нам помогать? Помогут, никуда не денутся — ПМ еще при мне, так что добрый самаритянин тире бескорыстный альтруист найдется обязательно.

Я попытался встать, чтобы поднять Ветрицкого, но с удивлением обнаружил, что земля ушла из-под ног, а небо бешено крутанулось перед глазами. Новая попытка встать тоже ни к чему не привела: ноги обмякли, в голове зашумело, а уши словно залепили восковыми пробками. Приплыли. Ничего, полежу немного — оклемаюсь.

Неожиданно надо мной склонился какой-то человек. Мне он показался смутно знакомым, но надвинутая на лоб меховая шапка, высоко поднятый воротник тулупа и темные солнцезащитные очки мешали разглядеть лицо. К тому же в глазах все плыло и виделось размазанным, как сквозь толстую

полиэтиленовую пленку. Но я этого типа точно раньше где-то встречал. И оказывать мне медицинскую помощь он явно не собирался. Почувствовав, как по карманам начали шарить чужие руки, я попытался сбросить оцепенение и потянулся за пистолетом. Мою руку просто откинули в сторону.

— Ты что там делаешь? — Крик заставил мародера вздрогнуть и метнуться прочь.

Слух начал восстанавливаться, и стал слышен скрип снега под ногами приближающихся людей. Это еще кто? Братья? Точно, вон идет Гриша Комиссаров — приятель Клима.

— Эй! — Из-за палаток выскочили трое дружинников и заорали убегающему парню: — Стоять!

— Боря, за ним! — Грохнуло несколько одиночных выстрелов.

Молодой дружинник помчался за скрывшимся за палатками вором.

— Что здесь происходит? — Дружинники взяли братьев на прицел.

— Не видите, людям плохо? — Гриша склонился над Ветрицким.

— А ну назад! — переводя автомат с одного брата на другого, рявкнул пожилой старшина. — Отошли от них, быстро! Живо, я кому сказал!

— Вы че, мужики, совсем попутали? — Братья выполнять приказы не торопились. Их пятеро, и двое автоматчиков для них не указ. С другой стороны, с Дружиной не повоюешь.

— Молчать, руки за голову! — не унимался дружинник и приказал своему подчиненному: — Беги лейтенанта приведи. Скажи: по последней ориентировке парня задержали.

Задержали? По ориентировке? Это меня-то? Что это за чушь собачья? Я рванулся, чтобы прояснить ситуацию, но мрак в голове сгустился, полыхнул огнем и отправил меня в забытие. Сначала откуда-то издалека еще доносились обрывки слов, но вскоре смолкли и они. Полный аут.

— Живой?

— Пока да.

— Что значит — пока?

— То и значит. Я от стылой лихоманки лекарства не знаю. Надеюсь, ты в моей квалификации не сомневаешься?

— Нет, что ты.

Это обо мне? Где я? Я попытался открыть глаза, но не смог. Такое иногда бывает во сне — понимаешь, что спишь, пытаешься проснуться и не можешь. Или просыпаешься, но всего лишь в другом сне.

— Очнется?

— Вряд ли.

— Нам его допросить надо.

— Попробуйте со вторым. Тот, правда, тоже пока без сознания.

— С тем что?

— Перелом бедра и закрытая черепно-мозговая. Случай тяжелый, но шансов больше, чем у этого.

Допросить? Не очнется? Я напрягся, но ни моргнуть, ни крикнуть хоть что-либо не было сил. Тело мне больше не подчинялось. Казалось, всего укутало толстенное одеяло, не позволяющее ни шелохнуться, ни даже глубоко вздохнуть. Что ж, остается расслабиться и получать удовольствие, то есть информацию. Стоило успокоиться, как я сразу узнал голос одного из беседующих — Перов. Заместитель воеводы собирался допросить меня лично? Дела... Голос его собеседника тоже казался смутно знакомым.

— А если в мозги залезть?

— Телепат лишний есть? У него такая каша в голове, что кого угодно с ума сведет.

— Слушай, Долгоносов, объясни мне, что вообще происходит?

— Что происходит? Это твои люди доставили сюда этого гаврика. И тебе видней должно быть, почему я должен бросить своих пациентов и оперировать вашего доходягу. И ладно бы только бок ему зашить, так нет — он еще и стылую лихоманку где-то подхватил.

Долгоносов? Хирург, значит. Я же говорил: чужой кровью...

— Вот с этого места поподробней.

— В смысле?

— В смысле, почему он еще жив?

— А об этом стоит спросить у того дилетанта, который его драконьим огнем напоил.

— Дилетанта? Но пациент-то скорее жив, чем мертв.

— Именно дилетанта. Заведомо тупиковый путь.

— Почему?

— Да потому, что его тело, — Долгоносов схватил меня за руку и потянул ее на себя, — замерзает равномерно, а концентрация драконьего огня такой однородностью не отличается. Вот и получается, что одни органы замерзают, а другие — кожный покров, в частности, — поджаривают. Ожоги видишь?

— Вижу. А равновесия достичь нельзя?

— Во сне организм имеет больше возможностей для саморегулирования. Но, скорее всего, этого будет недостаточно. С другой стороны, обученный колдун способен...

Хлопнула дверь, по дощатому полу загрохотали железные набойки.

Судя по звукам шагов, в комнату зашли несколько человек. Проскрипел передвигаемый по полу стул.

— Что узнали? — перебил врача Перов.

— До Форта их подвез хуторянин со Старой мельницы. Мы его проверили, он ни при чем.

— Ну, я пойду, — заявил Долгоносков. Еще раз хлопнула дверь.

— Откуда такая уверенность, Семен Петрович? — с вполне заметным скепсисом в голосе спросил Перов. — И потом, нож мог ему просто понравиться.

Семен Петрович? Это который Царько — начальник отдела контрразведки Дружины?

— «Кедр» ему понравился, а не нож. Больше ничего во время обыска обнаружить не удалось. Со слов околоточного подозрительные контакты отсутствуют, — ничуть не смутился Царько. — К тому же у нас есть показания дежуривших у юго-восточных ворот старшины Рябых, а также рядовых Миронова и Васина, согласно которым к находившимся в бессознательном состоянии патрульным приблизилось неустановленное лицо, при появлении пятерых братьев незамедлительно скрывшееся. Организованное преследование и последующие поисковые мероприятия результатов не дали.

— С этого и надо было начинать, — пробурчал заместитель воеводы. — Братьев допросили?

— Они утверждают, что оказались там случайно и опознать неизвестного не смогут, — отрапортовал Царько.

— Маяк в «Чешуе дракона» тоже случайно оказался? Не верю я в такие совпадения. — Перов забарабанил пальцами по подоконнику. — Надо на них надавить.

— Это будет политически неверно, — возразил ему Артем Гельман.

Ого! И он здесь. Кто же последний молчун?

— Почему?

— У Андреевского рудника трех Снежных Лордов видели, мы туда на охрану полсотни братьев подрядили.

— А что, Гимназия совсем ничего уже не может? — Как я понял, заместитель воеводы обратился к человеку, до сих пор сохранявшему молчание. — Может, нам лучше с Лигой сотрудничество налаживать, а, колдун? Что скажешь?

— Я скажу, что мы отклонились от темы нашей встречи, — усмехнулся Петр Линь. — И не мне вам напоминать, что может случиться, попади этот чертов артефакт не в те руки.

— Если бы не ваши игры, до этого бы дело не дошло, — ядовито заметил Царько.

— Сколько раз я должен повторять — это была не позиция Гимназии, это была самостоятельность нескольких молокососов, — устало вздохнул Линь. — Захотели Бергману принести нож на блюдечке с голубой каемочкой и все запороли. Тихушники...

— А вы уверены, что Стрельцов хотел именно выслужиться, а не усесться в кресло директора? — не смог не залезть под шкуру колдуну контрразведчик.

— Уверены.

— На самом деле неважно, кто чего хотел, — ответственность за случившееся целиком и полностью лежит на Гимназии, — безапелляционно высказал свое мнение Перов. — Поставь вы нас в известность об обнаружении этого артефакта, мы бы моментально его изъяли и не стали устраивать эти шпионские игрища.

— Да? Прямо вот так бы взяли и изъяли? — не стушевался колдун. — Это при том, что уже полгорода успело про него что-то пронюхать?

— Да забить, кто чего там пронюхал. Никто бы и пикнуть не посмел!

— Верю, вам забить. — Петр Линь сделал паузу. — А подгонит Город к стенам Форта десяток танков, на кого вы тогда забивать станете?

— При чем здесь Город? — удивился Гельман.

— А они, между прочим, этим артефактом тоже очень живо заинтересовались. Даже специальную группу на его поиски снарядили. Диверсантов мы уничтожили, но, узнай Мехов, что нож попал к нам, он немедленно предъявил бы ультиматум городскому Совету. А вам лучше меня известно, что у их разведки свои люди везде есть.

— Уж вы уничтожили так уничтожили. Трех человек упустили, агента спугнули... Но это еще понятно — руки не из того места растут, ничего не поделаешь, — проворчал Царько, задетый выпадом колдуна. — Я одного понять не могу: как можно было позволить артефакт из Форта вынести?

— Его должны были перехватить еще до Старой мельницы.

— И что же случилось?

— Сначала они решили идти в обход Ляховской топи... — Колдун заметил, что начал оправдываться, и перешел в наступление: — Да что ты мне мозги пудришь, сам же знаешь, как все произошло!

— Я-то знаю, — гоготнул контрразведчик. — Но чтоб десять колдунов одна стая волков порвала...

— Не отсиживал бы зад в кабинетике, знал бы, что такое стая волков, которую ведет оборотень, — зло прошипел Линь. — И не десять наших

было, а всего пятеро.

— Ногами тот шевелит, у кого голова не работает, — не остался в долгу Царько.

— Хватит! — рявкнул Перов. — Сейчас не грызться надо, а решить, что дальше делать будем. И в первую очередь необходимо выяснить, кто завладел ножом.

— Ну, от этого без двух минут жмурика ничего полезного узнать не получится — он в отрубе был. — Судя по звукам, Царько, не останавливаясь, шагал от одной стены к другой. — Петр, вы засечь артефакт сможете?

— Только если он будет находиться в зоне прямой видимости. Слишком сильные локальные помехи. — Колдун вздохнул: — Поэтому и ликвидировать владельца обычными методами не было возможности.

— Никакой от вас пользы. — Контрразведчик дошел до стены, скрипнув подошвой по полу, развернулся и зашагал обратно. — Придется шевелить мозгами. Предлагаю рассуждать от обратного: отсечь тех, кто ножом завладеть никак не мог.

— Это несложно. Мы, Гимназия — теперь, надеюсь, никаких секретов? Нет? — Перов дождался утвердительного мычания колдуна и продолжил: — Братство...

— Почему? — решил уточнить Гельман.

— Не успели бы они нож спрятать, да и все время на виду были.

— Может, просто от своего человека внимание отвлекали?

— Маловероятно. Лига — очевидцы сходятся, что забравший нож был мужчиной, и Торговый Союз.

— Это еще почему? — не согласился Царько. — Гиоргадзе там большую власть набрал, мог рискнуть.

А вот Линь с Перовым был согласен:

— Жоре делюгу не замутить — день напрасно прожить, но в такой гибляк он никогда не полезет.

— Продолжаем. Сестры, торгаши... Цех и сектанты тоже отпадают: они полностью под нашим контролем. Семен Петрович, что насчет Коммуны?

— Мимо, — уверенно заявил Царько. — Оперативная работа никакой подозрительной активности не выявила.

— И кто остается? — Гельман заскрипел стулом. — Город, кондукторы и наши друзья с севера?

— С севера? Мы бы их прибытие почувствовали, — не очень уверенно засомневался Линь.

— Не они сами, так их слуги.

— Город продолжает перебрасывать людей и технику к границе. — Царько щелкнул бензиновой зажигалкой. — Думаю, они тоже остались с носом.

— Логично. — Перов легонько стукнул по задребезжавшему оконному стеклу. — Выходит, кондукторы или слуги Стужи. Перспективы, блин! Я даже не знаю, что меня пугает больше.

— Да, перспективы просто сказочные, — протянул колдун. — И у нас есть сутки, чтобы найти укравшую нож сволочь.

— Почему только сутки? — Гельман встал и отодвинул стул к стене.

— Сегодня первый день взошло лазурное солнце, завтра будет черный полдень. Слишком подходящее время для любого ритуала, чтобы его пропускать.

Скрипнула дверь, кто-то зашел в палату.

— И что вы на меня уставились? — В голосе Долгоносова явственно слышалась насмешка. — Хотите вы с ним поговорить или как?

— Ты ж говорил, никак не получится? — удивился Перов.

— Ну, наука не стоит на месте.

— Не стоит? Тогда валяй.

— У вас будет секунд тридцать максимум. — Долгоносое закатал мне рукав рубашки и воткнул в вену шприц. Укол получился совершенно безболезненным, но через минуту паралич сменился судорогами и зудом по всему телу. Закашлявшись, я вытянулся на кровати.

— Ты нас слышишь? — прижав к кровати, Царько несколько раз хлестнул меня по щекам.

— Слышу, — прошептал я и попытался отвернуть лицо от хлещущих по нему ладоней.

— Нож, который у Эльдара купил, где?

Мозги соображали плохо, и я некоторое время пытался понять, кто такой Эльдар и какой нож он мне продал. Потом пришлось заставить себя вспомнить, что случилось с тесаком. И наконец, когда Царько вновь отвел руку для удара, выдал:

— Украли.

— Кто?

— Не знаю. — Мне показалось, что я почти вспомнил, где раньше встречал вора, но вновь навалилось оцепенение, и бороться с ним уже не было сил.

— Он не врал — я бы почувствовал, — заявил колдун.

— Пустышка, — с досадой сплюнул Перов.

— Мне лечить его или уже нет? — выбросил пустой шприц в корзину Долгоносов.

— Ну что, Тема, с твоим подчиненным делать будем? — спросил заместитель воеводы. — Разрешим эвтаназию или пусть еще помучается?

— У Гильдии к нему претензии есть? — задумался Гельман.

— Нет.

— Тогда пусть живет.

— Счет за лечение кому выставлять? — Врач зашуршал бумажками. — Это сумма, на которую мы его уже пролечили.

— Нехило, — присвистнул Артем. — Что б я так жил! Это оплатим, но дальше кина не будет.

— Значит, все-таки не лечим?

— Ну что ты, Долгоносов, как маленький? Шмотки его здесь — выверни карманы, сколько найдешь — на столько и лечи. — Перов распахнул дверь и вышел в коридор, следом зашагали остальные. — Выходы из Форта перекрывать не будем, но уровень сканирования необходимо усилить...

— Эй, если пациент очнется, что делать? — решил уточнить Долгоносов.

— Пусть заявление о переводе на северную промзону пишет.

— Шансов, что он выживет, прямо скажем, немного.

— Тогда как зомби отработает, — фыркнул Гельман. — Олег Владимирович, снежные люди уже к Стылому морю вышли, можно туда начать перекидывать людей с южного направления и промзоны?

Шутники, блин. Я мысленно плюнул на прижимистого врача — где твоя клятва Гиппократ, сволочь? — но тут под кожу чуть ниже локтя воткнулась иголка, и ватное оцепенение руки сменилось леденящим онемением, которое начало быстро распространяться по всему телу. Через несколько мгновений я провалился в беспокойный и очень холодный сон.

Глава 12

Холод — жара, холод — жара. Проснувшись около полуночи, я скорчился на койке и то закутывался в тонкое больничное одеяло, то скидывал его на пол. Холод — жара, холод — жара. Пик выворачивающей суставы боли, и все по-новой: холод — жара, холод... И так несколько часов подряд. От таких температурных перепадов мог растрескаться и камень, только вот организм человека покрепче. Из некоторых вообще гвозди можно делать. Мне до такого совершенства далеко, поэтому немного забыться сном удалось только ближе к утру. И то сон этот больше походил на бред. И ни суета медперсонала, меняющего пропитанные мазями повязки, ни громогласные распоряжения Долгоносова, ни приложенная ко лбу влажная тряпочка не могли меня окончательно разбудить.

Сон — замечательная вещь, сон без кошмаров хорош вдвойне. У сна есть лишь один недостаток: рано или поздно человек просыпается. Или это его достоинство? Пожалуй, все зависит от обстоятельств пробуждения. Вот и я, проснувшись, не открывал глаз, принюхивался к наполнившим палату ароматам и решал: к лучшему мое пробуждение или совсем даже наоборот. Нет, с самочувствием вроде был полный порядок — ничего особенно не болело, только ощущалась слабость во всем теле. Дело было совсем в другом...

— Ну наконец очнулся, — тихо произнесла Катя. — Чай будешь?

— Не откажусь. — Решив, что больше нет смысла изображать спящего, я открыл глаза. Кроме Кати, сидящей на стуле у кровати, в комнате никого не было. Она свинтила крышку с термоса и налила почти полный стакан чая.

— Только у нашей бумаги такой неповторимый чайный вкус? — принюхался я. Все-таки чай в пакетиках — это такая бурда! Но волновало меня вовсе не качество напитка, а присутствие в комнате Сестры Холода. Как ни крути, в первую очередь Катя являлась именно валькирией и только потом моей бывшей подружкой. Ладно, пока я в клинике, опасаться нечего. А нечего ли? Больница-то находится аккурат посередине контролируемого Лигой района.

— Ты так хорошо разбираешься в чае?

— Нет, просто не нравится бумажный привкус. — Я сделал небольшой глоток и отставил стакан на тумбочку рядом с кроватью. А еще мне в этом чае не понравилась лошадиная доза снотворного. — Остынет, допью.

— Как хочешь. — Девушка подняла с пола пепельницу и достала из кармана висящей на стуле куртки пачку сигарет. — Чувствуешь себя как?

— Нормально себя чувствую, нормально, — слукавил я, пытаюсь не обращать внимания на скребущих на душе кошек. Нормально, как же, как же. Самочувствие не ахти, настроение премерзкое — будто тянет куда-то, а куда, непонятно, — но основной причиной для беспокойства стало изображение серебряной совы на повешенной на спинку стула куртке. Знак Ночных. Будь на ее месте комар с набухшим от крови брюшком или даже растопыривший лапы черный паук, у меня бы еще остались хоть какие-то тени сомнений в причастности Кати к этому делу. Но нет же — сова! А значит, ничего не было случайным — ни наша встреча в «Сан-Тропезе» перед выходом в рейд, ни подарок. «Комариху» или «Черную вдову» еще могли использовать вслепую, но только не одну из Ночных. Все она знала. Все! — Ты как здесь оказалась?

— Слухи быстро разносятся. — Не докурив сигарету и до середины, Катя вдавила ее в дно пепельницы. — К счастью, моих сбережений хватило на оплату твоего лечения.

— Зачем это тебе? — приподнялся я и посмотрел на нее в упор. — Зачем?

— Мне хочется думать, что ты поступил бы так же.

— Это не ответ. — Я отставать не собирался. Красивые слова и только. Сам таких три короба наплету при необходимости. И этими словами не объяснить ни двойное дно в подаренном обереге, ни ночное нападение. Что Сестрам от меня теперь надо? Узнать, где нож? Или что-то еще? В желание заглядить свою вину ни за что не поверю. Выходит, ничего не кончилось? Неужели валькирии знают больше, чем Дружина и Гимназия? Прежде чем делать отсюда ноги, придется выяснить, что все-таки происходит. И что, собственно, такое пропавший нож. И какая игра вокруг него ведется. И как мне проскочить между жерновами, чтобы не оказаться размолотым в пыль. И... В общем, сейчас момент прояснить ситуацию самый подходящий.

— Дурак. — Не знаю, что прочитала в моих глазах Катя, но она вскочила со стула и с пепельницей в руке пошла к двери.

Вот и поговорили. По всему выходит, надо отсюда поскорее убираться, и черт с ней, с информацией. Живым бы выбраться. Я отбросил одеяло в сторону и сел на кровати. Моментально напомнили о себе последствия ранений: от рези в боку перехватило дыхание, правую руку начали разрывать ритмичные судороги боли, а по позвоночнику в голову потекли потоки огня. Тихо, тихо, только без резких движений. Что там Долгоносов говорил? Я приложил к вискам ладони и попытался почувствовать бегущие

внутри меня токи силы. Явных следов присутствия стылой лихоманки обнаружить не удалось, но что-то же не давало мне вспыхнуть от неравномерно расплзшихся по телу остатков драконьего зелья? Сосредоточившись, я начал разгонять энергию огня равномерно по всему организму. Так, концентрируемся на темечке и медленно опускаемся вниз, позволяя просачиваться сквозь созданную волей пелену только каплям чужеродной энергии. Главное, не зацепить еще действующие лечебные заклинания Долгоносова. Под конец процедуры ступни запылали огнем, и пришлось повторить действие в обратном порядке. Результат не впечатлял. Рассеять удалось только наиболее крупные скопления и переплетенные жгуты сжигающей меня силы. Для более тонкой работы не хватило ни знаний, ни, честно говоря, способностей. Какой из меня колдун, так, смех один. Жар отступил, но перед глазами замелькали звезды, а комнату пронзили странные светящиеся линии. Это что за глюки? Видение возникло только на мгновение и тут же пропало. Перенапрягся?

Я прислушался к своим ощущениям. Вроде бы стало лучше. По крайней мере, отступил риск вспыхнуть, словно подпаленная петарда. Ненадолго — запал по-прежнему тлел, — но отступил. Прав был Долгонос: опытный колдун в моей ситуации еще имел весьма скромные шансы на успех, у меня их не было вовсе. Но одну идею проверить стоит. Только бы деньги никто не скоммуниздил, и обрубок никуда не свинтил. Медленно поднявшись с кровати, я первым делом подошел к окну, ладонью прогрел намороженный иней и выглянул на улицу. Городская клиника. Второй этаж. Северное крыло. Утро. На синем с черным отливом небе ни облачка. Холод, наверное, собачий.

Открыв скрипящие дверцы, с надеждой заглянул в шкаф. На полках валялись мои вещи. Надо же, не позарились. Оставив мелочовку на потом, я натянул трико, теплые штаны и носки. Футболку и фланелевую рубашку пришлось выкинуть в мусорное ведро — на них засохла настоящая корка крови — потом подумал, вытащил их из ведра и засунул под матрац. Не дело, конечно, свои вещи с кровавыми пятнами оставлять, но если кто-то так уж нуждался в моих волосах, обрезках ногтей, слюне или крови, времени заполучить их у него было предостаточно. Кофта почти не заляпана, ее натянул прямо на голое тело. Что еще? Ушанка, метательный нож и ремень. А в пластиковом пакете что? Пробитая фляжка, командировочные документы, цепочка, крестик, кольцо с «Дыханием севера». Ого — «Чешуя дракона» на месте! Что-то про нее говорили — а, потом припомню. Мерзко поблескивал закатившийся в угол пакета оберег с пауком. Брат не буду, пусть здесь валяется.

Я шагнул к соседнему шкафу, открыл растрескавшуюся дверцу, снял с крючка фуфайку — столько дыр, что уже и не фуфайка, а самый настоящий дуршлаг — и похлопал по карманам. «Макаров»? Вот так подарок. Кроме заряженного пистолета в кармане валялись вытащенные из распоротого потайного кармана деньги. Ты смотри, не сперли! Вот это дисциплина! Неужели люди Царько так боятся своего начальника? Четыре с копейками тысячи рублей, одна золотая пятирублевка и четыре новеньких серебряных рубля многих могли бы ввести в искушение. И серебряная фляжка весит немало. Да, кстати, сколько серебра в монетах? 7,78 грамма. Неплохо. Рубли отчеканены в технике «пруф», но, давно вытащенные из коробочек, они утратили свой блеск и были заляпаны отпечатками пальцев. Это ничего, мне не коллекцию собирать.

Пистолет я убрал в правый карман, нож — в пришитые на штанину петли, зашнуровал ботинки и, непонятно зачем прихватив паучий оберег, уверенно вышел из палаты. Никого. Ну и темень здесь! Хоть бы пару лампочек вкрутили. И куда теперь? Здание клиники имело форму буквы «П», моя палата находилась примерно посередине одного из боковых крыльев. Бывать здесь раньше доводилось нечасто, а поэтому, решив лишний раз не плутать по темным коридорам, я двинулся по более-менее знакомому маршруту. Если не ошибаюсь, за этой дверью небольшой холл с выходом на лестницу. Так и оказалось. Но лучше бы мне ошибиться.

— Куда собрался? — Резко крутнувшись на месте, Катя развернулась ко мне от высокого — от пола до потолка — окна. Благодаря застекленным оконным проемам, почти полностью занимавшим две стены, угловая комната была хорошо освещена. От контраста с темным коридором заслезились глаза.

— Дела, дела, — пробормотал я и бочком двинулся к выходу. Желание выяснять отношения пропало без следа. Возникшее чувство тревоги и усилившееся дурное предчувствие гнало меня прочь.

— Дела? Ты понимаешь, чем рискуешь? Тебя же не пролечили до конца! — Девушка двигалась незаметно, но путь к лестнице оказался перегорожен.

— Все я понимаю, — разозлился я и пошел прямо на нее. — Только откуда такая забота о моем здоровье?

— Ты что несешь, Скользкий? — приподняв брови, ледяным тоном поинтересовалась Катя.

— Вот что. — Когда-то такого тона с лихвой хватало, чтобы у меня напрочь пропадало желание задавать вопросы, но сейчас я лишь еще больше завелся и вытянул вперед руку с зажатым меж пальцев оберегом.

— Это было для твоего же блага. — Делать вид, что не понимает, о чем речь, валькирия не стала и, пожав плечами, отступила на шаг к окну.

— Да что ты говоришь?! — В глазах потемнело, на пальцах вспухли волдыри ожогов, и оберег расплавленной серебряной капелькой упал на пол. Дорога к лестнице теперь была свободна, но меня уже понесло.

— Да послушай! Это был единственный шанс оставить тебя в живых! — с надрывом крикнула мне в лицо Катя. — Иначе тебя живым из Форта не выпустили бы!

— А просто предупредить нельзя было? — Я ухватил отступающую от меня девушку за плечи и пристально посмотрел в глаза. Жутко хотелось ей поверить, но позволить это себе я не мог. — Я ведь тебе доверял...

— Не могла я ничего сказать. Ты бы не поверил, да и не изменило бы это ничего — слишком ставки высокие. — Катя отшатнулась от меня, но вырваться не смогла. На лестнице застучали чьи-то шаги, распахнулась дверь, и в холл ввалились несколько человек. Катя моментально вновь обрела уверенность в себе. — И сейчас не поздно все исправить. Вернись в свою палату, мы оплатим еще один день лечения, а завтра можешь быть свободен.

Завтра. Заманчивое слово. Завтра все будет хорошо. Завтра все будет. Завтра будет. Завтра. А сегодня потерпи или расслабься и получай удовольствие. Стиснув зубы, я лихорадочно искал выход. Скосив глаза, мне удалось разглядеть вошедших в холл валькирий. У двух в руках автоматы — на своей территории Лига плевать хотела на запрет огнестрельного оружия, — у третьей арбалет. К лестнице не пробиться. Что же делать?

— Здешний главврач потрясающий специалист, если кто-то и может излечить тебя от стылой лихоманки, так это он, — завела старую шарманку Катя.

Девушки остановились у двери и в разговор не лезли.

— Где твои крылья?.. — наконец приняв решение, усмехнулся я. Насчет некоторых людей мы уверены, будто знаем их лучше, чем самих себя. Опасное заблуждение. Моя бывшая подруга очень хорошо меня успела изучить, но людям свойственно меняться. Причем совсем не в лучшую сторону. И меня к исключениям отнести было никак нельзя. Блин, да кто бы мог подумать, что я до такого докачусь? Гадко на душе, но выхода нет...

— Что?! — приоткрыла рот от изумления Катя. К такой моей реакции она явно оказалась не готова.

Воспользовавшись мигом растерянности, я обхватил ее и рванул к

окну. Она успела только взвизгнуть, и мы вышибли оконное стекло. Вниз полетели осколки стекла, вслед за ними вывалились мы. Я приземлился сверху. Клацнули зубы, рот наполнился кровью. Падение со второго этажа смягчил сугроб на газоне, но все же удар оказался слишком жестким. «Как бы Катя ничего себе не сломала», — мелькнула и тут же без следа сгинула подленькая мыслишка. Не сломала... Ага, и из окна она сама по себе выпала. Сама виновата, в общем. Ну ты и сволочь...

Не тратя время на самобичевание, я, взыв от пронзившей спину боли, откатился от валькирии и юркнул под балкон. Вовремя — сверху ударила автоматная очередь. Врешь — не возьмешь. Прыгать со второго этажа никто не рискнет, окна на первом этаже забраны решетками, а значит, у меня есть несколько минут на то, чтобы отсюда убраться. Только бы они какой магической гадостью не шарахнули. С другой стороны, атакующие заклинания никогда не были сильной стороной ведьм Лиги. Одна проблема — соседний дом метрах в ста, да еще через ограду перелезть придется. Пока добегу, свинцом нагрузят по самое не могу, стрелять-то Сестрички выучились неплохо. Что делать? Эх, сейчас бы чуть-чуть магической энергии, четверть карата, не больше — для воплощения подсмотренного у Жана заклинания силового щита и этого хватит. Мне припомнился расплавившийся в пальцах оберег, и я хрипло рассмеялся. А почему бы и нет? Терять-то нечего.

Глубоко вздохнув и мысленно повторяя последовательность действий, я сконцентрировал у солнечного сплетения всю доступную энергию драконьего огня и направил ее в заклинание щита. Обжигающая сила никак не желала подчиняться, так и норовила вырваться на волю и сжечь все вокруг, однако под моим давлением хлынула в окружившую меня пелену. И сразу мир посерел, а его мельчайшие детальки отпечатались на сетчатке глаза: трещины на кирпичной стене, запутавшийся в седых обрывках паутины сухой лист, бьющаяся на шее Кати жилка, ржавые штыри железной ограды. И тут же мной вновь завладел холод, ледяные щупальца которого моментально опутали тело и начали подбираться к сердцу. Научи дурака молиться...

Сбросив жуткое оцепенение, я с грацией заводной куклы выкатился из-под балкона, полоснул «Дыханием севера» по окнам второго этажа — сухо лопнули перемороженные стекла, на стенах зазмеился толстый слой изморози, — и механически переставляя ноги, побежал прочь от больницы. Был в моем положении один большой плюс: замороженное тело совершенно потеряло чувствительность и, несмотря на то, что двигаться удавалось только за счет неимоверного напряжения воли, ограда

приближалась с невероятной быстротой. Прыжок — ржавые штыри царапают ладони и рвут рукава, — и она осталась позади.

Стрелять начали, когда до соседнего дома осталось не больше полутора десятков метров. Автоматные пули с тугими хлопками взрывались в защитном пологе, и их частички остывающей шрапнелью шипели, прожигая фуфайку. С каждым попаданием заклинание истончалось и в любую минуту могло развеяться. Собрав волю в кулак, я рванулся вперед и, почти падая, завернул за угол дома. Успел! Тут же, оставляя за собой дорожку расплавленного снега, почти над самой землей пролетела огненная стрела и, угодив в сугроб, взорвала его изнутри. В стороны брызнули капли густой жижи, горячей даже на снегу.

А дальше снова был изматывающий бег. Видимо решив, что с поставленной задачей уже справилось, сознание незаметно отключилось. Единственное четкое воспоминание — твердое желание убраться куда-нибудь подальше и в то же время стремление забиться в темный угол и переждать облаву там.

Остановиться пришлось на компромиссном варианте: пока оставались силы, бежал, но не по прямой, а несколько раз поворачивая и путая следы. Сознание вернулось в захламленном дворике, огороженном от улицы кирпичной стеной. Я валялся прямо на снегу около наглухо заваренной двери в подъезд. Знакомое место. Точно, когда засветло возвращались из «Весны», сюда частенько с улицы отлить заворачивали. Нехилый маршбросок получился. Но до «Януса» теперь осталось совсем немного.

Вот только мои неприятности и не думали заканчиваться. Сев на снег, я с тревогой прислушался к своим ощущениям. Привычная уже тревога не отпускала, куда-то гнала, заставляла хоть что-нибудь делать, но сейчас к ней примешивалось что-то еще. В голове шумел гул надвигающегося урагана, с сухим треском рассыпались искрами и вспыхивали высушенные зноем деревья. Какой ураган, какие деревья? Бред! Реальностью был только полыхавший внутри огонь. Подуй на костер — пламя припадет и мгновением позже взметнется с куда большей силой. Направив энергию на создание магического щита, я сбил сжигающее тело пламя, но теперь маятник качнулся обратно. Его пылающая гиря набрала скорость и врезалась в меня. И осталось только пламя...

Дуракам везет. Ох, не к добру я на себя поговорки про дурней примерять начал, но по-другому и не скажешь — мне снова повезло. Причем исключительно по собственной дурости. Будь я чуть умней, талантливей или умей немного лучше колдовать, зачерпнул бы побольше энергии драконьего огня, кинул его в заклинание щита и... обратился бы в

пепел в жутком по своей силе откате. И так еле-еле оклемался. А волосы... волосы отрастут. Все, больше никаких экспериментов, пока Обрубка не найду.

Оклемался? Тогда пора идти. Морщась при каждом движении — болело абсолютно все, — я пошел к калитке. И уже на улице обратил внимание на бегущие за мной по земле две тени: одну темную, другую светлую. Поднял голову: точно — на небе светило два солнца. Точнее, светило только одно — желтое. Ядовито-лазурное пятно второго, наоборот, высасывало из пространства свет и краски. Там, куда его лучи не попадали, например, в моей тени, было чуточку светлее. Зажмурившись и помотав головой, я отправился дальше, ежась от падающих с неба холодных лучей чужого солнца. Холодрыга должна быть собачья, а мне хоть бы что. Ничего, это лишь цветочки. Вот в полдень, когда оба солнца встретятся на небосклоне, тогда начнется настоящий кошмар. Через черное пятно, словно в открывшуюся в небе дыру, хлынет космический холод. Жуть. На полчаса стужа воцарится даже в местном филиале преисподней. Одно утешает: из трех дней лазурного солнца черный полдень случается только на вторые сутки.

Никого не встретив — а кто в здравом уме вылезет из дому в такую погоду? — я подошел к «Янусу». Все правильно, валькирии и подумать не могли, что беглец рванет в глубь их территории. Наверняка сейчас на северо-востоке облавы проводят. А ведь этим стервам даже сегодняшний мороз не помеха. Внутри торгового дома два незнакомых темноволосых парня пытались пристроить у стены между полок и стеллажей старый автомат газированной воды. Места катастрофически не хватало.

— Привет, — поздоровался я с отрешенно наблюдающим за грузчиками Вениамином, который попутно расправлялся с содержимым банки сгущенки.

— Е-э-э... — протянул приказчик, обернувшись ко мне, и поправил вконец сдвинувшуюся на затылок шапочку, — ты с какой помойки выполз?

— Иди ты, — отмахнулся я. — Это что за рухлядь?

— А, в подвале Облторга откопали, вот и решили посмотреть, вдруг пригодится. — Вениамин внимательно оглядел мою простреленную и рваную фуфайку. — Ну и вид у тебя. Только из рейда, что ли?

— Ага. — Я не стал ничего объяснять и кивнул на грузчиков: — Новенькие?

— Гиоргадзе попросил родственничков к делу пристроить.

— Ян Карлович не занят?

— Проходи.

Когда я протиснулся между стеллажами к двери, оказалось, что она уже открыта. Меня ждут?

— Здравствуйте. — Я прикрыл за собой дверь и скинул фуфайку прямо у порога. Чародейский шар в этот раз светил необычно тускло. У хозяина осеннее настроение?

— Заходи. — Ян Карлович поставил на стол две пузатые рюмки и налил коньяка. — Угощайся.

— Спасибо. — Я сел, зажал в ладони рюмку и вдруг понял, что совершенно не представляю, как начать разговор. Претензии неуместны, какие вопросы задавать, не знаю, а на дипломатию и долгий разговор ни о чем не осталось сил. Да и мерзкое ощущение, будто мою душу подцепили крючком и теперь тянут неведомо куда, мешало сосредоточиться. — Извините, что отвлекаю, но тут у меня несколько вопросов появилось...

— Выкладывай. — Торговец поморщился, когда я залпом выпил коньяк. — Лучше сразу все, чтобы время зря не терять.

— Договорились. — Я поставил рюмку на стол. Хороший коньяк, но сейчас не для меня. Пьешь и думаешь: а не вспыхнет ли спирт во рту? Лучше б пива. — О чем вы меня хотели предупредить в прошлый раз? Чем так важен мой нож? Кто такие синеглазые? Что...

— Стоп, стоп. Погоди, — выставил вперед руки Ян Карлович. — Давай по порядку.

— По порядку, так по порядку, — вздохнул я и начал рассказывать. Про купленный нож, покушения, валькирий, разговор в больнице. Умолчал только про стылую лихоманку — с без пяти минут трупом и разговор соответствующий — и про убийство Васи Кривенцова. Много времени рассказ не занял, и, замолчав, я выжидательно уставился на торговца.

— Что я могу сказать? — Владелец кабинета снял очки и потер виски. — Вляпался ты.

— Сам знаю.

— А если знаешь, то должен прислушаться к совету подружки — на сегодняшний день тебе надо забиться куда-нибудь поглубже и не мешать большим дядькам отрывать друг другу головы.

— Так и собирался, — легко согласился я. — Но мне нужна информация.

— Во многих знаниях многие горести.

— Знание — сила, — парировал я.

— Тогда начнем с самого начала. — Ян Карлович протер стекла очков кусочком замши. — Как, по-твоему, образовалось Приграничье?

— Природный катаклизм? — выдал я наиболее распространенную

версию.

— Настолько избирательный? Нет, здесь без разумного вмешательства не обошлось. Некто намеренно связал наши пространства.

— Гости с севера? — мне припомнился вчерашний разговор.

— Все может быть. Но нас волнует даже не кто, а как это сделали. — Торговец внимательно посмотрел на меня. — Провести такой ритуал, а тем более пять, не под силу всем колдунам, магам, ведьмам и прочей шушере Приграничья вместе взятым. И управлять столь мощным потоком энергии даже теоретически не сможет никто. Логично предположить, что при проведении ритуала использовали какой-то специальный артефакт.

— Страшный Ужасный Артефакт, Который Готов Уничтожить Мир?

— Я бы сказал: высокоточный специализированный инструмент. — Он пропустил мое ерничество мимо ушей.

— При чем здесь мой нож? — На самом деле мне показалось, что я сообразил, на что намекает Ян Карлович.

— Кто-то из колдунов приметил на нем остатки очень уж специфической и мощной волшбы.

— Вы знали?

— В последнюю нашу встречу нет, — с непроницаемым лицом уверенно заявил торговец. — Так, слухи, ничего конкретного. А потом своих забот навалилось, не до тебя стало.

— Ладно, допустим, это так. — Я был склонен скорее поверить торговцу, чем заподозрить его в обмане. — Но почему из-за использованного инструмента такой шумер поднялся?

— Не понимаешь? — болезненно сморщился хозяин кабинета. — Сил на новое заклинание ни у кого не хватит, но кто сказал, что нельзя подкорректировать уже существующее? Сдвинуть его параметры в ту или иную сторону? Как тебе понравится жить при лазурном солнце круглый год? А если кто-то захочет расширить территорию Форта?

— Или вернуть его в нормальный мир?

— И это тоже. Кто-то хочет сохранить статус-кво, кто-то преследует другие цели.

Я задумался: тогда неудивительно, что за ножом началась такая охота. Слишком большие возможности он давал своему владельцу. Вернуть Форт в нормальный мир... За это готовы заплатить многие. И еще большие силы заинтересованы в сохранении существующего положения вещей — с возвращением они потеряют власть, а те же колдуны и вовсе превратятся в подопытных крыс. Но ведь найдутся и желающие теснее связать нас с другим миром. Например, Лига так одним махом избавится от всех

соперников. Им-то холод нипочем.

— Теперь понимаешь, в какие игры ты влез? — прищурился Ян Карлович.

— Да все я понимаю. Не понимаю только, за каким лешим в эту игру влез Город. У их области же свой «инструмент» должен быть. Или он универсальный?

— А ты представляешь, какие катаклизмы начнутся, исчезни в один момент из Приграничья Форт? Никто не скажет, как среагирует на это пространство. А если кто-то пожелает закрутить гайки? Не утянем ли мы всех за собой?

— Синеглазые — это северяне? — решил уточнить я.

— Нет. Была раньше такая секта. То ли «Дети Льда», то ли «Отроки Стужи». Не знаю, на чем они погорели, но Дружина секту разогнала, и потом долго за ними охотились.

— С такой приметной внешностью и найти не смогли?

— Ты про глаза? Глаза у них синеют на сильном морозе, и то не всегда, а так люди как люди.

— Ян Карлович, сани готовы. — Постучав в дверь, заглянул к нам Вениамин.

— Последние?

— Да. Товар по точкам развезем, а возвращаться уже не будем.

— Тебя до Красного подкинуть? — предложил Ян Карлович.

— Конечно, — не стал скромничать я. Больше здесь узнать ничего не получится, а пешком тащиться через весь район очень рискованно.

— Тогда собирайся, — буркнул Вениамин и закрыл дверь.

— Ян Карлович, вы в курсе, что у валькирий появились пули, пробивающие защитные амулеты чародеев? — решил поделиться информацией я.

— Что-то такое слышал. — Торговец не проявил интереса.

— А что Братство?

— А им-то что? Сплав у пули мягкий, она даже кольчугу не пробивает. Да и останавливающее действие у защитного поля какое-никакое сохраняется.

— Понятно. — Я накинул на плечи фуфайку.

— Я тебе когда-нибудь плохие советы давал? — задал риторический вопрос торговец.

— Нет, Ян Карлович.

— Тогда послушай меня и сейчас: не лезь ты в это дело, я тебя прощу.

— Не буду, — кивнул я и, попрощавшись, выскочил догонять

приказчика. Дурак я, что ли, в эту мясорубку лезть?

До проспекта мы домчались минут за десять — всю дорогу возница опасливо посматривал на небо и нахлестывал лошадей. Уже сойдя с саней, я хлопнул себя по лбу — надо было у Вениамина взять что-нибудь перекусить. Ладно, теперь поздно. Придется заскочить куда-нибудь пообедать, а то меня уже шатает. На одном месте не стоялось — да куда меня тянет все время? — и, уверенно пройдя мимо трех дружинников, я сбежал по ступенькам в бывшее бомбоубежище. На оттопыренный карман фуфайки никто внимания не обратил, сегодня всем не до этого.

В бомбоубежище, а точнее, целой системе подземных укрытий и коммуникаций, располагалась «Кишка». Вечная головная боль Дружины и одновременно самая доходная после магазинов и рынков на Южном бульваре точка Торгового Союза. А по совместительству еще и центр культурной жизни Форта. Странное место: некоторые спустившиеся сюда бесследно растворялись в подземных коридорах, а иногда на свет Божий отсюда поднимались те, кто никак не мог здесь оказаться. Мало кто мог точно сказать, сколько в темных закоулках располагалось лавочек, магазинов и закусочных. А уж перечислить даже половину их ассортимента было не под силу никому. С самого начала «Кишку» облюбовали уличные артисты, попрошайки, карманники, фокусники и жулье всех мастей. Даже ничего особенно не разыскивая, вы могли купить в «Кишке» почти все что угодно. А уж если у вас была определенная цель и достаточно серебра, то ваши возможности не ограничивало никакое «почти». В общем, внизу всегда было весело. Главное, не зевать и придерживать рукой кошелек.

Пройдя по темному проходу, стены которого были изрисованы светящимися граффити — в глаза бросилась перечеркнутая черной краской надпись «Наш Арбат», — я налег на тяжелую дверь и, оказавшись внутри, начал протискиваться меж людей. А многовато сегодня тут народу. От лазурного солнца попрятались? Под высоким потолком светились огненные шары, к боковым стенам лепились хлипкие на вид лавчонки. «Шубы», «Истинное гадание», «Луки и арбалеты», «Тату-салон „Сильвер“», «Провиант от Антипа», «Наследие Предтеч», «Талисман судьбы», «Magic Home», «Ножи», «ЧебурекЪ», «ХулиGun». Некоторые вывески были намалеваны светящейся краской, другие создавали настоящие мастера своего дела: они мерцали и меняли формы, а буквы складывались в новые слова.

Не останавливаясь, я прошел вход в «Западный полюс», на вывеске

которого извивалось нечто совсем уж невообразимое, перепрыгнул через лежащего на тлеющих углях йога и прибавил ходу. У дающего представление иллюзиониста собралась небольшая толпа. В воздухе кружились конструкции из переплетенных светящихся лучей. По мановению руки возник замок, вспыхнул заполнивший ров огонь, затрепетали флажки и знамена. Детские игрушки, иду мимо. За спиной полыхнула вспышка света, раздались жидкие аплодисменты. В «Кишке» я ничего покупать не собирался, но по подземелью можно пройти к площади Павших, а оттуда и до морга рукой подать. Нет, сегодня возвращаться домой нельзя, но переночевать и у Гамлета или Дениса можно. И уж лучше проталкиваться здесь, чем бежать на ледяном ветру наверху. К тому же улицы сейчас опустели, и любой путник будет бросаться в глаза дружинникам.

— Что же ты ищешь, мальчик-«бродяга» в этой забытой Богом стране? — Сидевший прямо на бетонном полу парень тоскливо оглядел банку из-под кофе — а кидал ли кто-нибудь вообще туда деньги? — подул на озябшие пальцы и принялся наигрывать мелодию «Босоного мальчика» Агутина.

Да, с таким репертуаром на хлеб не заработаешь. А играл бы блатняк, глядишь, и на масло мелочи накидали. Я нырнул в узкий проход, на стенах которого тускло светились рекламные надписи, и оказался в новом подземном зале. Здесь было еще веселее: пьяная компания отплясывала под музыку небольшого оркестрика, а снующие по толпе официанты таскали им выпивку из ближайшей закусочной. Неплохо устроились. Интересно, здесь всегда так многолюдно или сегодня люди со всего Форта понабежали? Подошли двое охранников Торгового Союза, внимательно оглядели веселящийся народ и молча пошли дальше. Выставленные вдоль стены игровые автоматы завлекали прохожих миганием разноцветных огонечков. Жонглировавший у входа в свой закуток парикмахер закрыл глаза и добавил к трем ножницам раскрытую опасную бритву.

Где же выход? Лестница наверх обнаружилась между лавкой менялы и защищенной мерцающим силовым щитом витриной с ювелирными украшениями.

Я поднялся по лестнице и вышел наверх у постамента с двумя бетонными фигурами: плечом к плечу стояли бородатый мужик с автоматом и сжимающий в руках толстенную книгу старик. От третьей фигуры остались только торчащие из постамента штыри арматуры. У подножия памятника сидел закутанный в тряпье калека. На расстеленной перед ним клеенке были разложены ножи самых разнообразных форм и

размеров. А для тех, кто решил привести в порядок собственный клинок, имелись наборы точильных брусков.

— Привет, — подошел я к калеке. — Как дела?

— Издеваешься? А, понял. Было тебе откровение, что случилось чудовищное и у меня отросли ноги? Нет? И правильно, меня по-прежнему зовут Обрубок. — Внимательно смотрящие из-под намотанного на голову шарфа глаза быстро обежали площадь и остановились на мне. — Купи нож!

— Со своими бы разобраться, — фыркнул я и присел на корточки.

— Чего тогда приперся? Не поболтать же.

— Почему доза «Магистра»?

— А с чего ты решил, что я тебе ее продам?

— А почему бы и нет? — Я поднял с клеенки нож с изогнутым узким лезвием и, покрутив в руке, бросил обратно. Не стал отрицать, что «Магистр» есть, значит, продаст.

— Зачем тебе?

— Надо.

— Надо?! Ты хоть понимаешь, что каждый третий подсаживается с первой же дозы? — завелся Обрубок. — Хочешь стать пускающим слюни идиотом? Лед, убогих никто не любит!

— Шестидесят шесть процентов — для меня очень хорошие шансы. — Я огляделся по сторонам. «Магистр» давал любому возможность почувствовать себя настоящим колдуном. На несколько минут возможности человека к колдовству усиливались многократно. Другое дело, что не прошедшим обучение это ничего не давало, но меня-то кое-чему в Гимназии научить успели. Думаю, возросших способностей хватит, чтобы привести себя в порядок. — Мне край надо.

— Что случилось-то? — все еще колебался калека.

— Долгая история, потом расскажу, — вздохнул я. — И ножи все твои куплю.

— Придешь за второй дозой — прямо тут зарежу. — Покопавшись в тряпье, Обрубок кинул мне запаянный в целлофан желатиновый шарик. — Рубль десять серебром с тебя. Деньги-то есть?

— Есть. — Спрятав целлофанку в потайной карман, я кинул три серебряные монеты и ткнул пальцем в приглянувшийся нож. — Возьму на сдачу?

— Засапозный? Бери. — Обрубок смахнул деньги с клеенки в руку. — И не вздумай принимать «Магистр» натошак. Да, если дружинники придут, посылай их подальше. Запретить «Магистр» еще не успели.

— Учту, — кивнул я. Насчет еды — это он хорошо предупредил. А что

«Магистр» не запретили, и сам знаю. Слишком уж это зелье специфическое, чтобы широкое распространение получить. И дорогое к тому же. Только фанаты-экстремалы им и балуются.

— Смотри, урод!

— Здесь?! Офигеть можно!

— Вали в гетто, тварь!

Незаметно подошедшие парни начали медленно подступать к калеке. Судя по многочисленным изображениям кельтского креста на одежде — члены банды Крестоносцев. Ну и рожи! Специально друг друга мутузят, что ли?

— Сами уроды! — Калека поднял руку, и на короткой цепочке заболталась медная пластина с выдавленным изображением Меркурия — символом Торгового Союза.

— Эй, шантрапа! А ну валите отсюда! — небрежно поигрывая дубинками, к парням неторопливо направились два охранника.

Плюнув вслед поспешно уходящим бандитам, Обрубок зло усмехнулся:

— Калеку от урода отличить не могут, др-р-раконы! Да, облажались крестоносцы, ничего не скажешь.

Тронь кто Обрубка, и охранникам Торгового Союза или просто нанятым головорезам не понадобилось бы много времени, чтобы найти виновных и выбить из них дурь, деньги и, скорее всего, мозги. Если уж торгоши тратят деньги на охрану, то и спрашивают они с нее по полной программе. Хотя Чистых бы это не остановило.

Попрощавшись с Обрубком, я вышел с площади и нерешительно направился в сторону морга. Надо бы перекусить. Только где? Тут во дворах лавка должна быть, загляну туда для начала. К моему глубочайшему сожалению, продуктовая лавка оказалась закрытой. На двери рядом с намертво закрытым окошком выдачи продуктов болтался плохо приклеенный листок с выведенной зеленым маркером лаконичной надписью «Закрыто». Я немного потоптался на месте, разглядывая железную дверь с глубокими вмятинами, оставшимися после последнего голодного бунта, плюнул и зашагал к ближайшей закусочной. Светиться в общественных местах неразумно, но больше нигде разжиться харчем не получится. А к себе заходить слишком опасно.

Идти было всего ничего — нужная мне девятиэтажка возвышалась над соседними зданиями совсем недалеко. Свернув во двор, я спустился в подвал. У здешнего клоповника не было даже названия, и обедать тут безбоязненно мог только человек с очень крепким желудком. А вот паленой

водкой хозяин старался не злоупотреблять — местные завсегдатаи очень ревностно следили за качеством этого продукта первой необходимости. Пригибая голову, чтобы не впечататься лбом в подвешенную под потолком водопроводную трубу, я зашел в темное помещение, заставленное столами. Ну и духан здесь! Жуткая смесь табачного дыма, перегара и подгоревшей еды. Чадающие на стенах факелы даже и не пытались разогнать темноту. Дымили себе потихоньку и дымили. Посетителей было немного, но такова уж моя удача, что не успел я и шага ступить за порог, как мне уже замахали руками:

— Лед, давай к нам!

Приглядевшись, я покопался в памяти и с трудом смог припомнить расположившихся в совсем уж темном углу парней. Приятели то ли Дениса, то ли Ворона. Пили вместе пару раз. А вот с Маньяком — беловолосым альбиносом лет тридцати — даже грузчиками в одной бригаде подрабатывали. Он хоть и невысокий, но здоровый, как два меня.

— Привет, — поздоровался я и уселся на свободный стул. — Пьете?

— Обедаем, — покачал бритой головой верховодивший в этой компании Кузьма и побренчал монетами в кармане пуховика. Ростом он был немного пониже Маньяка, но шириной плеч ему не уступал, да и поупитанней был.

— Чем обедаете? — Я выудил из кармана смятые купюры и начал их расправлять на столешнице. Действительно обедают: всего одна бутылка вина, что для этих ребят просто несерьезно.

— «Кьянти Ренцо Мази», урожай две тысячи третьего года, — развернув бутылку этикеткой к себе, прочитал закутанный в рваное кашемировое пальто Жук — единственный, кто не мог похвастаться богатырским сложением. Высокий и худой в своих обносках, он напоминал огородное пугало, а надвинутая на лицо лохматая шапка, пошитая из собачьей шкуры, только добавляла сходства. — Будешь?

— Наливай, — согласился я и, пригубив вино из непонятно откуда появившегося четвертого стакана, пробормотал: — Яблочное вино, урожай этого года.

— Дегустатор, блин, — усмехнулся Жук.

— Хозяин! — допив вино, заорал я.

— Да не ори ты, — поморщился Кузьма. — Он ногу подвернул, так что теперь здесь самообслуживание.

— Пойду пожрать закажу, — начал вставать я, но Кузьма ухватил меня за рукав.

— Разговор есть. Мэн, сходи притарань закинуться чем-нибудь.

— Деньги возьми, — насторожившись, кинул я на стол пару пятачков. — Что за разговор?

— Может, нахрена с пивом взять? — поднялся со стула Маньяк.

— Сверху на вино? В толчке давно не зависал? Иди уже. — Кузьма вытащил из кармана пуховика серебряную монету и катнул по столу ко мне. — Что скажешь?

Я поймал серебряную трехрублевку с сободем на реверсе и, поднеся к глазам, попытался рассмотреть ее в тусклом свете факелов. Монета как монета, очень часто встречается. В чем подвох? Я еще раз внимательно осмотрел изображения соболя и двуглавого орла. Нет, точно серебро, не мельхиор и тем более не олово. И это явно чеканка, после литья очертания рисунков более размытые. Что еще? Следов надпилов, соскобов или надкусов не видно. А что с гуртом? Ага! Мое внимание привлекло неровное в двух местах рифление. И цвет металла был несколько иной. Запрессовка? Да, думаю, здесь монету высверлили, а потом запрессовали. Если учесть вес — около тридцати одного грамма, на ее реальную стоимость это повлияло весьма существенно.

— Это как раз тот случай, когда за рубль будут давать в зубы. — Я вернул монету владельцу.

— Заметил? — Кузьма кинул ее в карман.

— Сами сверлили?

— Если бы. — Вернувшийся Маньяк выставил на стол бутылку вина и тарелку с подгоревшей перловой кашей и двумя кусками хлеба.

— Связались тут с одним колдуном, — сплюнул на пол Жук и достал из своих обносков опасную бритву, — только оказалось, что ни хрена он не умеет — типа, запятая в его объявлении «Снимаю порчу» пропущена. Отступные взяли.

— Теперь думаем, кому их впарить. Есть идеи? — Кузьма разлил по стаканам вино и прикрикнул на раскрывающего и закрывающего бритву Жука: — Да убери ты ее!

— Попробуйте Вене в «Янусе» сдать, он комиссионные не задирает, — предложил я и приступил к еде. Гадость редкостная.

— Если как вариант... — задумался Кузьма и толкнул Жука в плечо. — Ну, чего ты с ней таскаешься?

— Люди сразу сговорчивей становятся, — объяснил Жук, но бритву убрал. — Пугаются они.

— У каждого второго на кармане ножей килограмм, а люди пугаются обычной бритвы. — Кузьма снова забренчал монетами. — Да профессионал простым садовым секатором такое натворить может...

— Мы не профессионалы, мы любители, — засмеялся Маньяк. — Кузьма, может, на одну монету вина возьмем? Всю неделю на умах...

— Не, лучше сдадим монеты и к Тимуру завалимся, — решил Кузьма. — Переждем здесь полдень и пойдем.

— Тогда в картишки? — достал Маньяк засаленную колоду карт. — Лед, ты как?

— Я — пас. — Не до карт мне сейчас. С каждой минутой непонятное давление усиливалось и приходилось прилагать усилие, чтобы не вскочить и не побежать неведомо куда. Что ж такое творится? Рука машинально опустилась на пояс, но привычной рукояти там не оказалось. И тут окончательно оформилась с утра не дающая мне покоя мысль: «Надо найти нож». Надо найти нож, и проблемы будут решены сами собой. Стало понятно, что просто так спрыгнуть с поезда не получится — поезд оказался подводной лодкой. Нет, я не собирался спасти мир — пусть этим Дружина на пару с Гимназией занимается, — но что-то не давало мне просто забиться куда-нибудь подальше и переждать этот день. Наваждение какое-то. Страшно. Будто душа — это бурдюк с водой, а кто-то проколол в нем дырку и потихоньку высасывает из меня силы. Так мне и до вечера не дотянуть. И если усну, то уж точно не проснусь. Да и не факт, что завтра валькирии от меня отстанут. Перед глазами замелькали искры, а труба канализации в углу стала прозрачной, и по ней потек густой серебристый дым. Через мгновение галлюцинации прекратились. Стылая лихоманка о себе напомнила? Но теперь я твердо уверился, что единственный для меня выход — это найти пропавший нож. Все остальные мысли терялись в наполнившем голову тумане. Найти...

— «Я на белом листе нарисую цветок...» — замурлыкал себе под нос Маньяк, тасуя колоду.

Как только было принято решение найти нож, туман в голове рассеялся, и снова вернулась способность нормально соображать. Но вспомнить лицо вора не получилось. Вместо него белело мутное пятно. Помню, что раньше его где-то видел и — только.

— «Черной краской раскрашу его лепесток...»

С тихими шлепками карты падали на стол: раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три...

Придется действовать методом перебора. Бывает, забудешь чье-то имя и начинаешь пробовать одну букву за другой, а не мелькнет ли обрывок воспоминания? Где я мог видеть вора? Патруль? Точно нет...

«Пьяный мастер наколёт на левом плече мой цветок...»

И снова: раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три...

Дружина? Никаких ассоциаций. Гимназия? Опять не то. Кто-нибудь из собутельников? Что-то ворохнулось на глубине души. Кто? Нет, похоже, мимо. Попробуем по-другому. Пил я с ним? Или он как-то на выпивку завязан? Кабаки? Есть контакт! «Весна», «Пельменная», «Западный полюс», «Серебряная подкова», «Берлога», «Цапля»... «Берлога»! Кто?!

«Только ты не увидишь, ты так далеко...» — Парень перевернул нижнюю карту и сунул ее под колоду. — Крести козыри. «Магадан — заброшенный край. Магадан — запорошенный рай».

Крис? Нет. Артур! Точно, он! Гнида такая, я ж тебя на куски порву! До «Берлоги» отсюда не так уж и далеко, всяко успею до полудня добраться. А уж там я устрою всем кузькину мать.

— Мэн, смени пластинку, — не выдержал Кузьма. — Давай что-нибудь позитивное. Шестерка у кого?

— У меня, — предъявил карту Жук. — Ага, как там: «В городе Сочи темные ночи, я люблю тебя, девочка, очень».

— Ну, все. Побегу. — Допив вино, я встал из-за стола.

— Давай, свидимся, — кивнул Кузьма. — Топорами ходи!

— Мне танки выкинуть надо...

Я выскочил на улицу и поежился. Здорово похолодало, а лазурное солнце сильно приблизилось к нашему желтому карлику. Часа два до полудня осталось. Надо поторопиться. На стенах домов кривлялись и плясали жуткие уродцы-тени. Пока шел до «Берлоги», холодный воздух привел меня в чувство и заставил задуматься, что делать дальше. Нельзя же просто завалиться в кабак с одним пистолетом и парой ножей. Прибьют на фиг. Ладно, на месте разберемся.

Свернув во дворы, я забрался в соседние с «Берлогой» развалины и, пристроившись у выломанного окна, начал наблюдать за входом. По всему выходило, что кабак был закрыт. Подходившие туда люди читали объявление на двери, матерились, плевали, но рано или поздно шли по своим делам. И что делать — ждать, пока они откроются? Нет, так я не играю. Минуты ожидания текли одна за другой, а ничего путного в голову не приходило. Зуд меж лопаток становился все сильнее.

С соседней улицы свернули сани и остановились у входа. Два грузчика начали сгружать тяжеленные свертки, а возница-экспедитор забарабанил в дверь. Ну-ну, стучите-стучите. Но, к моему удивлению, минут через пять дверь распахнулась, а вышедший на улицу Артур расписался в блокноте экспедитора. Грузчики полезли в сани, но возница, приняв от помощника Криса несколько монет, распорядился затащить груз внутрь «Берлоги». Нет там больше никого? Я отполз от окна, вылез во двор и подбежал к углу

дома. Подождав, пока грузчики затащат свертки внутрь, Артур закрыл дверь. Как только сани скрылись из виду, я перебежал дорогу и заколотил в дверь рукоятью ножа. Откроет, нет? Почти сразу же дверь распахнулась, и на меня уставился удивленный Артур, который и не подумал возиться с задвижкой, закрывающей смотровую щель. Решил, что сани вернулись? Или еще кого ждал? Лови!

Получивший рукоятью ножа в лоб Артур залетел внутрь, и прежде чем успел замахнуться дубинкой, я пнул ему в пах и ребром ладони вплепил в горло. Захрипевший парень упал на колени и подставил висок под удар коленом. Для надежности добавив несколько пинков по голове, я сорвал с одного из свертков веревку, затянул руки и, закинув конец шнура на держатель для факела, натянул. Еще? Да нет, хватит уже. Теперь на пару узлов завязать и ногами можно заняться. А с дверью что? Сама захлопнулась. Вот и замечательно. Засов задвинуть — и порядок.

Очнувшийся Артур попытался достать меня связанными ногами, но промахнулся.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил я, врезав ему в солнечное сплетение.

— Пошел ты, — огрызнулся парень и дернулся, всем телом повиснув на веревке. Веревка выдержала.

Придя в себя через несколько минут, Артур уже не делал попыток вырваться и, шмыгая разбитым носом, злобно смотрел на меня одним глазом. Второй опух и полностью заплыл.

— Есть. Здесь. Кто-нибудь. Еще? — медленно выговаривая слова, снова спросил я.

— Нету никого, — роняя кровавые капли из носа, помотал головой помощник Криса и сплюнул на пол сгусток крови.

— Нож мой где?

— Крису отдал, — от неожиданности вырвалось у Артура, и он резко замолчал.

— Он где?

— Не знаю, — соврал Артур.

— Меня почему не убили? — Я до поры не стал обращать внимания на явную ложь.

— Руки марать не хотел, — ответил Артур и тут же, зашипев, дернулся от пропоровшего ногу лезвия.

— Давай договоримся: ты отвечаешь на мои вопросы, я тебя оставляю живым. И резать тебя на куски не придется. Идет? — Я стряхнул с ножа капли крови.

— Идет.

— Почему меня оставили в живых? — повторил вопрос я.

— Ты как-то связан с этим ножом.

— И что из этого?

— Пока эта связь действует, ножом проще управлять, вот и решили оставить все как есть. — Артур шмыгнул разбитым носом и тихо пробормотал: — Да не вникал я в эту оккультную муть!

— Зачем вы это затеяли?

— Ты попроще чего спроси, а? — Парень облизнул разбитую губу и снова сплюнул кровь. — Мне Крис не докладывает.

— С кем работаете? — наугад поинтересовался я.

— Ты о чем? — Артур сделал вид, что не понял.

— Братство, Коммуна, Город?

Парень замотал головой. Я легонько кольнул его в бок ножом, и натягивающая веревку рука обмякла. Не балуй.

— Как валькирии с вами связаны? — Я уже в открытую решил проверить свою догадку.

— Не знаю. Крис напрямую с кем-то договаривался, — замотал головой парень и, посмотрев на дернувшееся в моей руке лезвие ножа, быстро добавил: — Да не знаю я! Я ж по хозяйству. Меня даже сегодня здесь оставили.

— Да верю, верю, — закивал я, но нож убирать не стал. — Так, говоришь, где все?

— Где-то за городом. Точно не скажу.

— Как говорил один известный режиссер: «Не верю». — Я распорол его штанину и начал примериваться к ноге. Он что, совсем меня за идиота держит? Ведь так ничего важного и не сказал, сволочь. Выкрутиться надеется?

— Я же говорю: не знаю. — На лбу Артура выступили капли пота. — Всех по домам распустили, только Крис и несколько человек куда-то уехали ритуал готовить.

— Сколько их?

— Вдесятером собирались.

— Ты почему не с ними?

— Только колдунов взяли. Да я и не рвался.

— С чего бы это? — У меня начало складываться впечатление, что мне просто заговаривают зубы.

— Не уверен, что все вернутся.

— Куда уехали? — повторил я самый важный для меня вопрос.

— Не знаю!

— На куски порежу! — Чтобы не выглядеть голословным, я осторожно ткнул в икру острием ножа. Попал куда надо. Артура аж перекорежило всего. — Мы договорились или нет?

— Я точно не знаю, но вроде они... — Артур не договорил и, захрипев, выгнулся дугой. Из рта хлынула кровь, не выдержавший рывка держатель факела выскочил из стены и упал вниз. — Убери!..

Прижав к полу бьющееся тело, я попытался понять, о чем Артур меня просил, но было уже поздно — он неподвижно замер на полу. Сработало наложенное заклинание? Странно, что-то быстро он закоченел. Надо проверить, что в карманах, и убираться отсюда. В кошельке деньги и ключи, на поясе кинжал. А это что? Моя пирамидка? Так вот кто ее спер. Я ухватился за новую цепочку, поднес амулет к глазам и от неожиданности выронил на пол — похожий на хрусталь прозрачный камень несколько раз мигнул синим огнем. Лужица крови, в которую он угодил, моментально подернулась ледком. Дела... Выходит Артур из-за него так не вовремя загнулся? А ведь Хромой сразу сказал, что амулет с кем-то связан. Получается, не с тем голубоглазым парнем, которого я зарезал. Но если это так, то не получится ли хозяина найти?

Очень осторожно нагнав в правую кисть энергию, я поднял пирамидку — в ладонь сразу попытались вгрызться ледяные червяки — и окутал ее магическим огнем. Амулет задергался, связывающие его с хозяином струны энергии начали лопаться, но мне удалось заблокировать одну из последних нитей и переключить ее на себя. Пирамидка неожиданно резко уколола ладонь ледяной иглой, но дело уже было сделано: руку повело в сторону — именно там должен был находиться владелец амулета. Шагая из стороны в сторону, я попытался оценить разделяющее нас расстояние и зарычал от злости: как и сказал Артур, хозяин амулета находился за стеной Форты. Но вряд ли очень от него далеко. Километров пять, не больше. Что ж, надеюсь, пирамидка завязана на Крису.

Здесь мне делать было больше нечего, и, сжимая амулет в ладони, я вышел на улицу. От напряжения потоки силы снова пришли в движение, но пока жжение распространилось только на правую руку. Фигня война — прорвемся. Уколы холода тянули на запад, но я, изредка поглядывая на небо, выскочил на Красный проспект и побежал на юг — через западные ворота нечего и думать выйти за стену, к тому же опасно соваться на территорию валькирий. Время пока есть. Хотя его и остается в обрез: час-полтора, не больше: два солнца уже сблизилась почти вплотную.

На пропускном пункте была запарка — перед воротами выстроилась

длиннящая очередь желающих попасть в Форт. Солдатам гарнизона удавалось с большим трудом поддерживать порядок, и на меня никто особого внимания не обратил. Разве что колдун слишком внимательно уставился в свою хрустальную сферу, но так ничего и не сказал. Сержант, мельком просмотрев документы, приказал солдатам пропустить меня наружу.

Покалывание зажатой в кулак пирамидки становилось все сильнее, и вскоре я уже ни на что другое не обращал внимания. Искры боли проскальзывали от кисти к локтю, но именно благодаря им выбирать направление получалось все проще и проще. Большая часть пути совершенно не отложилась в памяти и терялась в туманном полузабытье.

Очнулся я, только когда уколы энергии, бьющей от пирамидки, стали совершенно невыносимы. Идущие от кисти волны боли доходили до шеи и с каждым разом ближе подбирались к затылку. Накачанная энергией рука разрывалась от боли, и сопротивляться чужеродному воздействию становилось все трудней. Едва сдерживая проклятия, я оттянул левой рукой карман фуфайки и разжал над ним ладонь с пирамидкой. Резко полегчало, но теперь, как неизбежная плата за использованную энергию огня, появилось сконцентрированное жжение у солнечного сплетения. Либо сгорю, либо замерзну. Если пристрелить не успеют...

Так, куда меня занесло? Развалины гаражного кооператива остались позади, значит, где-то вон там западный проход в Форт. А шел я туда. И что у нас прямо по курсу? Школа? Думаю, мне туда. Надо поторопиться — до полудня осталось совсем не так уж много времени. Два солнца уже соприкоснулись краями, и между ними начинала расширяться черная полоска. Да и потемнело заметно.

Людей у бывшей школы видно не было, но какая-то частичка моей души уверенно рвалась внутрь. Туда! Быстрее! Туда! Беги! Туда! Не медли! Прямо наваждение какое-то. Легко сказать «туда» — а с окутывающим здание туманным облаком что делать? Несколько минут я изучал структуру охранного заклинания, которое и вызвало появление тумана, а потом усмехнулся, глубоко вздохнул и шагнул вперед. Температура с «очень холодно», в одно мгновение перескочив отметку «невыносимо холодно», рухнула куда-то к абсолютному нулю. Неподготовленного человека насквозь проморозило бы, прежде чем он успел сделать второй шаг, но пламя внутри меня лишь моргнуло, сжалось и начало медленно гаснуть под порывами разлившегося вокруг моря стужи. Быстрее! Понесшиеся по заклинанию колебания наверняка дали знать колдунам о появлении чужака. Не теряя времени, я помчался к центральному входу и на бегу выхватил

пистолет. В окнах спортивного зала мелькали синие вспышки, а плещущейся там энергии было достаточно, чтобы отправить прямым рейсом в преисподнюю не только саму школу, но и прилегающую в радиусе двух-трех километров территорию. Теперь не зевать. Выскочивший на крыльцо человек получил пулю в живот и упал на пол. Его напарник высунулся из двери и швырнул в меня ледяную иглу, но она прошла мимо и вышибла десяток кирпичей из пустого постаменты памятника, стоящего посреди школьного двора. Дурак, я ж ее холоднее! К счастью, синеглазый заклинатель не озаботился защитой от огнестрельного оружия, и мой выстрел угодил ему точно между глаз.

Перескочив через тела, я забежал внутрь и помчался к спортзалу. И после первого же поворота нарвался на парня с карабином. Будь сектант чуть менее удивлен и чуть более проворен, он бы меня достал, а так пуля лишь выбила из стены бетонное крошево. Второй раз спустить курок он уже не успел — две попавшие в грудь пули сбили его на пол. Осталось четыре патрона и семь сектантов. Ни фига дебет с кредитом не идет.

Не желая давать времени оставшимся в живых людям Криса, чтобы понять, что происходит, и воспользоваться численным преимуществом, я рванул к входу в спортзал. И вырывающий клочья из моей души безмолвный зов только придал мне прыти. Дверь — пробежка. Дверь — толчок плечом. Поворот, пробежка. Дверь — пинок. Все хорошее когда-нибудь заканчивается. Моя удача закончилась, когда я влетел в спортивный зал и завяз в пронизанном бурлящей энергией пространстве. Воздух был настолько заморожен, что, казалось, мог лопнуть и осыпаться ледяными обломками в любой момент. Вмиг покрывшийся изморозью пистолет брякнулся на пол. Здесь было холодно даже для меня. Когти мороза начали рвать тело на части, но мне хватило сил сделать несколько шагов вперед. Остатков здравого смысла хватило пожелать оказаться отсюда как можно дальше.

Даже в самой безысходной ситуации всегда можно найти какой-нибудь положительный момент. Типа ложка меда в бочке дегтя. Сейчас этот положительный лежал прямо передо мной. Точнее, положительных моментов лежало целых шесть штук: пять мертвых сектантов замерли на полу в углах пятиконечной звезды, воздух над линиями которой переливался ярко-голубым сиянием, шестой с торчащей из груди знакомой серо-зеленой рукоятью был распят в центре пентаграммы. Обнаженные тела людей покрывал серый иней, только выколотые глаза чернели пятнами засохшей крови. Хотя об этих беспокоиться не придется. Но, как водится, имелся и большой жирный минус: с противоположной стороны спортзала

мне мрачно ухмылялся Крис. Этот себя одеждой тоже обременять не стал, но опущенные уголки губ придавали его лицу столь надменное выражение, будто это я стоял перед ним совершенно голый, а не наоборот. Так смотрят даже не на врага, а на попавшую в стакан муху. И основания к этому были: брошенный мной в колдуна метательный нож просто рассыпался в железную труху.

Разведенные в стороны руки сектанта начали медленно, преодолевая сопротивление искрящихся потоков энергии, сходиться. Силуэт Криса замерцал и смазлся, напряжение удерживаемых им сил стало так велико, что доски пола начали бугриться, а по потолку побежали трещины. Вид обледенелых тел напрочь отбивал желание дожидаться конца этого магического действия, но вместо того, чтобы выскочить из зала, я прыгнул вперед. Над линией пентаграммы меня словно развеяло в пыль — переполненные энергией амулеты разорвало на куски, серебряные крест с цепочкой раскалились докрасна — но миг бестелесности закончился, когда я приземлился внутри намалеванной кровью звезды. Крис уже сцепил руки, меж ладоней у него вспухло черное солнце, и ко мне устремилась волна такой стужи, по сравнению с которой обычный снег казался горячим. От столь мощных чар не спас бы и драконий огонь, даже выпей я его в чистом виде прямо сейчас.

Моя ладонь легла на рукоять ножа и рванула ее вверх.

Холод. Дергаясь в рвущих сухожилия судорогах на полу рядом с мертвецом, сознание я не потерял, но от пронзающих тело молний в глазах засверкали всполохи черного пламени. Посланное сектантом заклинание сотней ледяных лезвий врезалось в меня, но не смогло преодолеть намного большего уровня энергии, бьющую из ножа, и взорвалось. Крис к этому оказался не готов: его швырнуло на стену и силой отката вдавило в бетон. В доли секунды его тело оказалось заморожено насквозь, и застывшие глаза слепо уставились в потолок. Растекшаяся кровь черными потоками намерзла на стене.

Со смертью заклинателя воздух над линиями пентаграммы померк, а в зале резко потеплело. От искореженных досок пола повалил густой пар. Я встал на четвереньки и, не вполне осознавая, что делаю, стал пробираться к выходу. Мелькнула мысль подобрать вылетевший из руки нож, но гнавшее меня сюда давление сгинуло, а вслепую искать клинок в сгустившемся тумане было выше моих сил.

Школьные коридоры тянулись бесконечно. Бетонные потолки давили столь ощутимо, что создавалось впечатление, будто они уже лежат на моем горбу. Ноги никак не желали слушаться, и выбираться на крыльцо

пришлось ползком. Тут мои силы и закончились. Я сел, прислонившись спиной к стене. Живой? Живой. Но это уже ненадолго. Ничего не болело. Совсем ничего. Только чувствовалось легкое жжение в простреленном позавчера боку. Я поднес к лицу обледеневшую правую кисть — пальцы скрючились и не шевелились. Даже не прилагая никаких колдовских усилий, ощутил, как распространяется от руки по всему телу холод и лопаются застывающие сосуды. Дракони́й огонь тоже никуда не делся, потихоньку набирал реванш, и в боку жгло сильнее и сильнее. Протекая́щая сквозь меня энергия ритуала значительно ускорила разрушительные процессы.

Будь у меня выбор, можно было бы посидеть, подумать, какую смерть выбрать. Сгореть или замерзнуть? Но выбора не было, и я, разорвав обертку, кинул в рот желатиновый шарик. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем подействовал «Магистр», но не думаю, что много, — застыть успело только плечо. Диапазон доступных мне сил несколькими скачками достиг своего максимума, и я приступил к приведению в порядок внутренних токов энергии. Стылая хворь, дракони́й огонь, шок от прерванного ритуала. Проблем было много. А что можно сделать за пять минут действия наркотика? На самом деле, немало. Знать бы только, правильный ли выбран путь? Но шаг за шагом движение внутренней энергии упорядочивалось, и так же шаг за шагом я терял связь с реальностью, полностью погружаясь в управление собственным телом. Вероятно, под конец я заснул. Скорее всего, это так. По крайней мере, в аду климат должен быть более жарким. Очень на это надеюсь...

